

Ан Ци

Коллекция
королевы

Ан Ци

Коллекция королевы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68902653

SelfPub; 2023

Аннотация

Приключенческий роман с детективным сюжетом, где бывшие одноклассники попадают в разные переделки и колесят по свету. Внезапно один из них – бывший физик, джазовый музыкант и певец Андрей Сеница гибнет при странных обстоятельствах, и его прежние друзья втягиваются в расследование, связанное с династией баварских ювелиров, которые изготавливали драгоценности для великой княжны Ольги Николаевны Романовой, дочери Николая Первого, в замужестве Королевы Вюртембергской. Что будет их ждать и чем все кончится?

Содержание

Ан Ци

Коллекция королевы

Глава 1

Ночь была безлунной и тёплой, хотя стоявшая на Искии глубокая осень могла уже хорошенько остудить море, нагнав промозглого тумана, частого в это время года. В доме все спали, только в окне мансарды теплился огонёк.

– Он что, ручной фонарик зажёл? – спросил негромко коротышка.

Его товарищ, высокий и ловкий мулат, гневно сверкнул глазами:

– Заткнись, Ден. Не на прогулке. Приспичило – говори по-английски.

– Ну, мой английский...

– Тихо! Молчи и слушай.

В темноте чиркнула зажигалка и на мгновение осветила говоривших. Оба были в тёмных спортивных костюмах с рюкзаками за плечами, так что руки оставались свободны. Плотные вязаные шапочки покрывали их головы. На ногах у парней были надеты ботинки на манер горных. У мулата в нагрудном кармане виднелся небольшой компактный свёрток.

– Алекс, ты не курил бы, – прошептал Ден.

– Что я, debil? Зажигалка лучше, чем фонарь, если с дороги кто увидит. А мне надо тут... Вот достал!

Он вынул две мелкоячеистые сетки, собранные по краям. За ними последовали перчатки:

– Так, надевай. Делай окно. Говорить буду я. Если... будет о чём говорить.

Две тени быстро заскользили по склону к дому, ярусами расположенному на горе, почти бесшумно пробираясь между скальными выступами и участками мягкой породы, тут и там поросшими густыми зарослями кустарника. Подобравшись к самому окну мансарды по балкону второго этажа, высокий повёл себя странно. Он пригнулся, изловчился как кошка и швырнул камушек в окно. Потом другой. Ничего!

– Порядок, Ден. Я тебе сказал. Он свечку ночами жжёт – темноты боится. А сам спит как сурок. Я че боялся – баба на ночь уходит к себе, но чем черт не шутит? Я и проверил. Хорош. Давай!

Коренастый Ден умело беззвучно высадил стекло, и оба впрыгнули в комнату. Свеча стояла в углу на небольшой резной табуретке. Это была круглая раскрашенная рождественская поделка, каких уже много продавалось на набережных и в магазинчиках у отелей. Фитиль, опустившийся в глубь её пёстро́го шара, только мерцал оранжевым угольком, почти ничего не освещая. Стол, шкафчик на стенке, низкая широкая кровать, вот и всё, что увидели пришельцы, всматриваясь в темноту небольшой и почти пустой мансарды. На кро-

вати, впрочем, спал человек. Его тяжёлое дыхание со свистом вырывалось через полуоткрытый рот.

– Добро, – шепнул Алекс, – теперь я.

Он подошёл к свету луны, что он болен, не вызывало никаких сомнений. Бледное, даже голубоватое его лицо, искажённое гримасой боли и страха, обрамляли светло-русые вьющиеся волосы, в которых лёгкая седина почти не была видна. Наклонившись над ним, совершенно неслышно, наклонился над ним, приподнял сетку с лица и сделал два-три быстрых движения. Мужчина на кровати открыл глаза, но не издал ни звука.

– Пан, – внятно сказал Алекс, – ты понял, кто я? Мужчина молчал. Если понял – закрой два раза глаза! Мужчина продолжал смотреть на него не мигая.

– Ах так! Ну, нет, ты скажешь! Ты мне напишешь. Ты сам отдашь или сдохнешь как ящерица. Я те щас, гад, хвост обломаю! Утёк, зараза, а я теперь отвечай? Плохо тебя стерёг!

– Не надо, – вдруг прохрипел больной, – я сейчас. Наклонись.

Было часа два ночи. Ветер, подувший с моря, разогнал облака, круглая слегка ущербная луна медленно выплыла из-за разодранных туч. Комната осветилась, и стало видно коротышку, истуканом стоящего в углу, фигуру мулата, склонившегося над кроватью, и слегка приподнявшегося больного. При свете луны, что он болен, не вызывало никаких сомнений. Бледное, даже голубоватое его лицо, искажённое гримасой боли и страха, обрамляли светло-русые вьющиеся во-

лосы, в которых лёгкая седина почти не была видна. Он носил бороду, пожелтевшую около губ от неизменной трубки. И сейчас эта трубка тоже лежала недалеко, рядом с пепельницей из осколка мрамора, выдолбленного в середине.

– Алекс, я там написал. Я тебе отдам. Не хочу больше смертей. Я уж и сам совсем собрался, мне всё одно пора... Наклонись ближе!

Он ещё что-то прошептал, затем с трудом повернулся и указал на маленький застеклённый шкаф.

– Возьми, – начал больной, но внезапно голос его, и без того невнятный, прервался всхлипами, стоном и, наконец, совершенно смолк. Он перевесился набок, вздрогнул, уронил голову на подушку, изо рта на неё хлынула тёмная кровь.

– Алекс, – вскинул голову с ужасом Ден, – это что, конец? А мы? Что мы-то теперь делать будем?

– Нет ещё. Ден, замолкни!

– Да я...

– Замолкни, сказал! Рви когти. Быстро! Давай! Я тут закончу, а ты... В Форио в траттории «У шести ключей». В семь часов будь там.

Ден вздрогнул, хотел что-то возразить, но передумал. Он подошел к низкому подоконнику, вспрыгнул на него, перебрался на склон и исчез в темноте.

Мулат напряженно вслушивался в ночь. Прошелестела листва кустарника. Несколько мелких камешков осыпались на проходящую внизу дорогу.

Ушёл!

Алекс для верности осторожно выглянул в окно – никого! Он наклонился над больным и прикоснулся к его виску. Затем быстро подошел к шкафу, вынул что-то оттуда и поднёс к теплящейся свече. В руках у мулата оказалась плоская коробочка хорошей формы из потемневшего дерева без украшений. Он нажал с двух сторон на заднюю стенку – крышка с мелодичным звоном раскрылась. Алекс вздрогнул от неожиданности и тихо выругался – коробка доверху была набита длинноволокнистым душистым табаком, сразу распространившим свой сильный медовый, и вместе пряный запах по всей мансарде.

– Постой-постой! Этого он не сказал. Про табак, то есть... Он сказал – сигареты? – пробормотал пришелец.

Но и «сигареты», вернее, три плотные трубочки тоже лежали сбоку. Алекс удовлетворенно кивнул, бережно убрал табакерку во внутренний карман и застегнул на нём молнию. А затем вытащил из-под левой руки какой-то тёмный предмет.

Пистолет был короткоствольный с глушителем. И потому выстрел, сделанный в мёртвого, никто бы не услышал дальше нескольких шагов. Но человек, что четверть часа назад был жив, снова, словно живой, дёрнулся и сполз на пол, толкнув локтем свою небольшую старую трубку. Она откатилась в сторону и осталась лежать.

Глава 2

– Снег, – фыркнула Лиза. – Пап, ты в окошко погляди! Тоже мне – март. Каждый День мороз или снегопад, да ещё с ветром! Па-ап, ты меня не слушаешь?

– Я слушаю, слушаю. Вполне прозрачный намек. У тебя каникулы скоро, а тут. Я ж тебе обещал – поедем! Слава богу, ты у меня горные лыжи не любишь. И потому: на неделю обязательно поедем. В твой южный Тироль. Будем гулять, писАть помаленьку...

– Пап, я не возражаю на нормальных лыжах, но только вместе.

– Ну да, тоже можно. Но я пару раз...

– Да, но только с тренером.

– Ах, перестань, пожалуйста!

– А что перестань? А кто это у нас два ребра сломал? Кто в прошлом году руку левую и ...

– И что особенного! Всего лишь закрытый перелом, даже без смещения.

– Ну вот, ты мне будешь ещё про переломы объяснять!

– И буду. Мы тоже не лыком шиты. Я ведь не возражал, когда мама из тебя лет с трёх врача начала воспитывать. Ну я и наслушался! Хоть я тоже мог...

– Запросто! Я, кстати, всегда физикой с удовольствием занималась. Правда, твои ракетные двигатели – это вряд ли. Вот теперешние анализаторы – другое дело. Ты знаешь, пап,

я тоже думаю, всё здорово сложится. Смотри, я уже договори-
лась в больнице насчёт практики. Могу начать и кончить,
когда надо мне самой.

– Как это так?

– Да просто – работа сменная. Я буду выходить вместе с
дежурной сестрой. Меня пока одну всё равно не оставят. И
в лаборатории идут стандартные анализы. Не важно – когда
начать, когда кончить. Ну, вот. Я на месяц там уже заявле-
ние написала и «добро» получила. А в отеле могу обзор для
курсовой дописать, а ты – статью.

– Отлично, ребёнок. Мне немного осталось.

– Дашь мне потом почитать?

– С удовольствием. Знаешь, Лизок, я на работе как-то
упомянул, что ты мои статьи читаешь. Ох, они удивились!

– И как – поверили?

– Ну, пришлось!

– Признайся, твои подумали про меня, что я синий чулок?

– Ты у меня – когда как. То чёрный чулочек, то красный
в клеточку. Ты не тушуйся! Я всё помаленьку рассказываю.
Что ты собак любишь, например. А также тряпочки с ту-
фельками.

– Ну, пап, разве я должна?

– Ничего ты не должна. Слушай, я совсем не рад был бы...
Есть такие мужики, что им обязательно из девочки мальчика
сделать надо. Нет уж, увольте!

С улицы раздался негромкий шум велосипедных шин, и

снег мягко упал с металлической ограды небольшого сада перед двухэтажным домом в глубине двора.

– Почтальон. Сегодня суббота. Я как раз подумала, что завтра точно из университета ничего не будет. А сейчас... Я пойду – сбегаю.

– Только оденься, ради бога.

– Да тут два шага.

Особнячок, если глянуть на него с улицы, казался небольшим, но это впечатление было обманчиво. Сад уходил внутрь квартала, и дом, обсаженный высокими деревьями, просто утекал вслед за ним. Почтальон в фирменной жёлтой с чёрным куртке на огромном велосипеде лихо остановился перед аккуратной калиткой и быстренько нашпиговал почтовый ящик. «Suddeutsche Zeitung», два больших конверта из светло-коричневой бумаги со штампом университета, три длинных деловых письма с «окнами» и ещё одно небольшое толстенькое с пёстрым кантом по всему периметру.

Девушка выскочила за дверь и побежала к садовой дверце. Ветер, как по команде, стих. Солнце светило уже вовсю. По обеим сторонам дорожки лежал глубокий снег, слегка подтаявший по краям несмотря на державшиеся морозы. В самом деле, без ветра было не холодно. Странно, как здесь в Баварии, в Мюнхене не различишь иногда: то ли зима, то ли лето. В феврале сажают анютины глазки, травка видна. Снега нет, или немного, чуть-чуть. Только не в этом году!

– Ну, вот мои долгожданные. Одно из клиники, другое

– от профессора. Действительно, можно ехать. А это тебе. Потом расскажешь, ладно?

– Ох, ты у меня любопытная девица! – улыбаясь, ответил отец. Он повернулся к девушке, отложил книгу и ласково посмотрел на неё. Небольшого роста, крепенькая сероглазая золотистая шатенка Лиза выглядела моложе своих двадцати трёх лет. Круглая её мордашка не отличалась неотразимой красотой. Небольшой слегка вздёрнутый носик украшали несколько веснушек. Густые волосы цвета жареных каштанов заплетены в толстую косу чуть ниже плеч, серые большие глаза смотрят на мир серьёзно и бесхитростно.

Одета она была тоже без причуд. Ни яркой косметики, ни маечки, открывающей все, что можно и нельзя. Да, вот ещё. Она была в юбке! Тёмно-синяя эта юбка из джинсовой ткани плотно и удобно упаковывала студентку Лизу.

– Да, – думал Кирилл, – вот и вырос мой «Золотой горошек». Вырос -без матери! Я, как Саши не стало, жить дальше не хотел. Лежал ночами – не спал, обдумывал. Вопрос стоял просто. Как? И тут. Вспомнил, как эта крохотка пиццала: «Папищкааа, поцеюй Лизочек!» Нет, это предательство! Она останется совсем сиротой. Ну, а в кого у неё глаза, не поймешь. Что я, что Саша – на солнце глаза голубые, в непогоду – серые. Какое небо – такие и они. А волосы... Наши – кто помнит, знают. Я был тёмный. Это сейчас бел словно полярная сова. После Сашиной гибели сразу в один День. Но локоны? Ни я, ни она! А девочка – поди ж ты, кудрявая

вышла как ангелочек Рафаэля, и цвет...

Почему-то вспомнилось жизнеописание Есенина, Айседора Дункан, вообще не знавшая по-русски. «Золотая голова!» – будто бы внятно произнесла она, в первый раз увидев знаменитого скандалиста. Или это легенда?

Что ж, надо поработать часа два, потом скомандовать на счёт отпуска... Нет, лучше закажу-ка я сам: выберу место, отель и прочее. Побалую себя. Решил же – отдохнём не спеша. Ведь можно и час отдыхать и, именно, не спеша. А можно на месяц нервотрёпку устроить и назвать это отпуском.

– Да, почта! – Кирилл взял нож из слоновой кости с резной ручкой и с удовольствием покрутил его, погладил желтоватое лезвие с зазубринами. Это была память о дедушке, и сколько бы лет ни прошло, сердце сжималось от совершенно свежего чувства утраты. Если и был он благодарен за что-то судьбе, вспоминая своё адово детство, то только за это: дед, незабвенный, лучший из людей! Потом долго – никого и ничего на этом уровне. Ну, а теперь она, Лизочек. Плод его этой вечной, бесконечной, встречной, поперечной любви.

– Так, что ж нам пишут? – Он вскрыл сначала «деловые», одно за другим, любовно и ловко действуя костяным лезвием.

– Слышь, Бетик, англичане зовут на «совет старейшин». Это не скоро. Ты помысли, если на каникулы выпадет, можем вместе съездить. Ни я, ни ты в Лондоне не были до сих пор. Съезд в пригороде. Но мы с тобой город обязательно

посмотрим. У нас будет своя культурная программа.

– В Лондон? С удовольствием. Пап, а как с продажами?

– Нормально. Два остальных письма как раз от клиентов.

– А что это они тебе домой пишут?

– Так потому, что это тоже от шефов. Они на фирму «засланцев» посылают и бумаги всякие. А мне такой личный реверанс, например в виде приглашения в «Dallmayr».

– Слушай, это где рыба была вкусная?

– Ну, да. Постой, я тебе оду сочиняю:

Лиза, Элизабет, Бетти и Бетик, Самая рыжая кошка на свете...

-А дальше не получается.

–Да я уже и не рыжая!

–Твоя правда. И это чертовски жаль.

–Я тебе сейчас помогу, – Лиза высунула язык и продекларировала:

Кошка, которая мышек не мучит,

А целый День анатомию учит.

– Нет, брат, это глагольная рифма. Не пойдёт. Лучше я:

Кошка, которая станет врачом,

Ну, и естественно, мышь не причём

– Опять не годится! Мышь, как лабораторный объект как раз...

– Ох, ты мне так совсем шутку засушишь, – защищался отец, глядя на голубую шкурку последнего письма

– Посмотри, как красиво, словно мозаика, – заметила Лиза, увидев, как солнце, струящееся сквозь абажур настольной лампы «Тиффани», сквозь его цветные стёкла, разделённые причудливыми металлическими ободками, расцветило бумагу яркими пятнами тёмнокрасных, фиолетовых, зелёных и жёлтых неправильных овалов.

– И еще жучок!

Действительно, откуда ни возьмись, выползшая в этот мартовский День божья коровка двигалась по письму наискосок снизу вверх. Вот она проползла ещё немного, попытавшись раскрыть свои плотные оранжевые надкрылья, и замерла.

Синенькое это с кантом письмо Кирилл оставил себе напоследок. Так, от кого бы? Адреса отправителя на конверте не было. Почерк незнакомый. Да Бисер в последнее время со своими больше по телефону общался, а если по делу, то электронной почтой или факс посылал. Это, впрочем, со знакомыми. А нет – секретарша отправляла письма прямо на фирму.

Ладно, чего я жду? Всё равно придётся открыть. С неожиданным раздражением подумал Кирилл. Он ещё минуту по-

медлил, затем, сам себе удивляясь, положил бережно в футляр заветный ножик и вынул из кармана другой – складной швейцарский с белым крестиком на красной блестящей ручке.

Из разрезанного конверта сначала выпал пустой листок, разлинованный словно в средней школе. Божья коровка недовольно расправила оранжевые надкрылья и улетела. Бисер перевернул страничку. На обратной стороне он увидел одно единственное слово. Крупными буквами латинским шрифтом на ней было выведено «REMEMBER».

Кирилл сделал судорожный глоток и вытащил на свет божий всё содержимое конверта.

ПИСЬМО

«Итак, я пишу тебе, старичина Ирбис, а когда ты это читаешь, меня уже нет. Ох и охота мне сейчас взглянуть на твою усатую рожу! Сложное ощущение, браток? С одной стороны, клёво, что я, наконец, провалился в тартарары. Давно пора – заслужил, и сам старался, гнобил себя и других, как мог. С другой же – нехорошо как-то, неспортивно радоваться, если кто-то в ящик сыграл.

И у меня сложное чувство. Некому больше писать. Некому поручить. А за тобой, ты знаешь, должок.

Ну вот, с интродукцией покончено. Перехожу к делу. Только скажу тебе напоследок, что чёртовы эскулапы обна-

ружили у меня некую хреновину с сердцем. Они твёрдо сказали, что мои ходики будут тикать ещё месяцев восемь. Если без сюрпризов. Я, когда всю историю задумал, об этом знал. Да, забыл. Ещё ведь и пить-курить запретили. Ну, а уж это – дудки! Ладно, я отвлёкся. Теперь ты слушай внимательно, потому что я тебе завещаю! Да. И впрямь – завещаю, а как иначе?

Сына моего Петьку – найди! Найдешь в дерьме, так вытащи из дерьма! Куда скажу – отвези и то, что я ему оставил, отдай!

Сделай, как я сказал. Иначе жди нас «оттуда» вместе. Я у бесов отпрошусь. И её возьму. Мы с тобой оба точно знаем – она за мной куда угодно уйдёт. Из рая или из пекла? Что мы все заслужили?

Ох, прости балбеса! Я не хотел. Я болен, желчен и страшно одинок. Я, знаешь, тебе другое письмо написал и оставил у ребят. Запомни: я передал «по цепочке». Понял меня? Передал по цепочке. Начал, где раньше. Прощай. Поставь за меня свечку за упокой, что ли.

Пан, который пропал.»

– Папа, – услышал Кирилл словно издалека. – Папка, ты что? Ох пап, скажи что-нибудь – мне страшно! Господи, да

ты... У тебя руки дрожат, ну пожалуйста, ну не молчи только! Да что же там в этом проклятом письме? С бабушкой что-нибудь?

Девушка теребила отца, от волнения никак не попадавшего в карман куртки, чтобы сунуть туда листочки. А он всё не мог собраться с силами.

– погоди, Лиз. Ничего. Вернее... Это ко мне. То есть... Словом, знаешь, девочка, есть же вещи... Здесь говорят: «Das ist ganz persönlich. Privatsphäre...»¹

Добавил он машинально по-немецки и вдруг почувствовал невыносимую фальшь ситуации. Словно ножом по стеклу. Н-е-е-т, это он должен по-русски! Что же, он и скажет. Скажет, конечно... Но не сейчас. Надо её всё-таки успокоить, а то она...

– А – Лиза? Что?

– Паап! У нас же с тобой всё не как у людей. У нас лучше! Мы с тобой всегда вместе, правда? Ведь правда? Ты, если не хочешь, потом расскажешь...

Она, покрасневшая от волнения так, что уж и веснушек стало не видно, ласково угнездилась рядом с Кириллом и щеколтала своими ресницами его щёку, дёргала тихонько его за правый ус, ну разве что не мурлыкала, не забывая, впрочем, время от времени тревожно заглядывать в глаза отца, и даже щупая ему для порядка пульс.

Кирилл Игнатьевич Бисер закрыл глаза, потом вздохнул

¹ Это очень личное. «Приватная сфера».

и Лиза, не веря своим ушам, услышала:

Мы себя не выбирали.
Я – себя не выбирал!
Пели, ссорились, играли,
Ты любила – я страдал.
Ты – меня не выбирала!
Я пропал...

Нет, это позже. А сначала вот что:

Съели вместе суп с котом.
Он и ты, второй и третий.
Нас полно на этом свете:
Я сначала – ты потом...

– Суп с котом? – улыбаясь, спросила Лиза. Ну, значит пронесло.

– Бетик, а Бетик? – уже совершенно взяв себя в руки, сказал отец. – Делаем так. Срочно! Немедленно! Едем в Тироль. Можно прямо сейчас. Нет, лучше завтра. И там... Там я расскажу тебе историю. Сядем с тобой у огня, чтобы снег за окном, глубокий снег! Чтоб горы вокруг и ущелья.

Он запнулся, нахмурился, но затем коротко вздохнул и закончил, медленно и отдельно произнося каждое слово – Я тебе... расскажу.

Глава 3

Бурый бок старого вулкана, круто поднимавшийся из моря, огибало шоссе-серпантин. По нему тарахтели время от времени набитые до отказа небольшие местные автобусы, двигались легковые машины, часто слегка потрёпанные на невозможных здешних поворотах. Большинство отелей уже было закрыто – осень! Но слева от группы высаженных на крутом склоне пальм, рядом с бассейнами из горячих источников, бивших прямо из самого сердца горы, ещё теплилась жизнь. Живописно разбросанные среди цветущих кустарников и лимонов строения, впрочем, назывались: не «У источников», а «Под пальмами», ибо источников тут хватало – не отличишь.

Двое туристов – мужчина и женщина вышли из ворот отеля, спустились к шоссе и двинулись вниз. Лёгкий мостик уходил вправо в гущу лимонных садов. Они завернули, и скоро их стало уже не видно с проезжей дороги.

Вулкан там и здесь курился белым дымком, но небо оставалось не по-ноябрьски синим. Пар поднимался прямо вверх, так что казалось, будто это рыбаки жгут костерки, чтоб жарить макрель или есть мидии, запивая их белым вином.

– Хороший рестораник – «Лючия», – сказала женщина, – и недалеко. Мы можем всю неделю хоть каждый День там

обедать. Я только удивляюсь, почему они здесь на Искии по-немецки так плохо говорят. В конце концов, по сравнению с Турцией, с какой-нибудь Анталией, где все работники сервиса.

– Да не только сервиса, – поддержал муж.

– Верно. В любом прибрежном магазинчике, кофейне с тобой могут объясниться. Но Италия живёт туризмом куда дольше Турции! Кстати, портье или ювелиры в Анталии говорят лучше меня.

– Не скромничай! – улыбнулся он. – Слушай Рита, ты мне хотела что-то о болгарине рассказать.

– Да, это я вчера. Помнишь, ты спать пошёл, а я сидела на террасе. Море было спокойное такое, луна, дорожка на воде светилась... И вдруг! Слышу снизу с воды сперва гитару, а следом кто-то запел, да как! Изумительный голос!

– Так. Ты уж не спустилась ли к морю?

– Спустилась – не спустилась. Но я эту мелодию лет с шестнадцати знаю. И вот сама даже не замечаю – сижу, подпеваю ему и плачу.

– Что-что?

– Ну да! Слёзы катятся.

– И кто же там пел?

– Потом. Не спеши!

Резкий вой серены хлестнул их по барабанным перепонкам, и две машины карабинеров одна за другой пронеслись

мимо, обдавая прохожих песком и мелкими камушками.

– Куда это они?

– Да бог их знает, Франц.

– Где мы остановились? Ты утром, сказала, что наш Марио...

– Нет-нет! Марио, он в бассейне. Это как раз Мария. Помнишь, официантка? Девчоночка лет так двадцати. Стриженная?

– Эта самая. Она-то, кстати, отлично говорит. И понятно. Она студентка. Учится в Вене. А здесь на лето только. Так у нас же ноябрь.

– У неё снова каникулы. Подожди, давай я тебе по порядку. История длинная.

– То-то она с тобой вечно болтает – после обеда не дождёшься!

– Ты будешь слушать?

Аппетитная блондинка, вся в ямочках и перевязочках, словно пухлый младенец, звонко хлопнула своего высокого спортивного мужа по отсутствующему животу:

– Вот смотрю я на тебя: лопаешь ты – любо дорого. И свиные отбивные, и спагетти. Пиво пьёшь!

– Умеренно, умеренно!

– А я и не спору. Но! Полнею-то я!

– Ты не отвлекайся.

– Ну, словом, Мария наша. Она сюда к родным приезжает. Тут у неё дядя, тётя, сестра двоюродная и т. д. Вот она и

работает: когда в отеле, а когда в ресторане помогает.

– Постой, так значит эти из «Лючии»?

– Это они и есть. А дочка их – кузина Марии, Анджела, работает в местной больнице в Forlo медсестрой. И вот эта-то дочка однажды вечером после дежурства привезла на своём Смарте странного болгарина домой и оставила его жить в мансарде!

– Так, подожди. Ничего не понимаю.

– Как это ты не понимаешь? Гитара и кот, греческий паспорт, помнишь? Молчит и поёт, поёт и молчит! Наши соседи миланцы читали газету, их мальчик нам тогда статью перевёл. Он ещё с тобой то по-английски, то по-немецки?

– Ах да, – пробормотал Франц Линде. И лёгкая тень напряжения едва заметно прошла по его загорелому лицу.

Линде ездили сюда уже третий год подряд. Это случилось дня через три после их появления. Франц привёз жену на лечение, побыл недолго и уехал в Мюнхен на работу. Теперь он снова вернулся к Рите. А тогда местная пёстрая газетка, где было больше фотографий, чем текста, захлёбываясь, сообщила, что на берегу в лодке со сломанным мотором рыбаки подобрали парня. По-итальянски парень не говорил. Впрочем, парень, это не точно.

Мужчина был по виду лет сорока пяти и, что странно, без вещей совершенно. Но документы оказались при нём – греческий паспорт в полном порядке. Рядом на облезлой гитаре восседал тощий серый в яблоках бархатный кот.

Рыбаки, вызвавшие, само-собой, «скорую» и полицию, рассказали, что «находка» был словно в трансе. На вопросы, в том числе, на греческом, не отвечал, но, святая Мария, вдруг время от времени запевал густым басом, и тогда кот, до сих пор невозмутимый и сонный, начинал выть как на мартовской крыше, а потом вообще вспрыгнул хозяину на плечо!

Новостей в это время на Искии было мало. Бедные газетчики, как голодные чайки радостно накинулись на «приплывца». Они сообщали каждый день что-нибудь о нём, не забывая кота, о лодке, оказавшейся, впрочем, вполне исправным катером, приписанным на Капри, и о двух-трёх найденных всё же при нём мелочах, кроме упомянутой гитары. Но «найдёнец» молчал. С фотографии глядело заросшее светлой бородой лицо, обрамлённое выющимися пепельными волосами. Тёмно-серые глаза выделялись на обветренной коже. Имя его Andrey Siniza греческим не казалось, но кто знает, кто знает?

Да, осень. В том то и дело. И потому Frankfurter Allgemeine тоже не поленилась. Какие там в не слишком уже солнечной Италии романтические песни? На каком языке? На болгарском? Нет, Анджей – это, верно, поляк. А что, собственно, пишут нам с Крита, откуда паспорт? Что всё-таки было у него с собой? Так, трубка из вишнёвого корня с чашечкой чёрного янтаря. Старая немецкая трубка. Еще старая табакерка...

Вы подумайте, кто теперь слово такое помнит: «табакерка»? Или кiset? Нет, всё-таки табакерка для нюхательного табаку! Именно табаку, а не табака, что носили некогда даже дамы, украшали своими вензелями. Дарили в знак расположения владетельные особы, и в знак любви и приязни – возлюбленные своим любимым.

На табакерку и трубку никто не польстился. Журналист – практикант, раскопавший эту историю, долго думал, чем ещё порадовать читателей:

Кот с гитарой – вовсе не плохо, но мало. Трубка и табакерка? Старые, но простые. Нет, я, конечно, не специалист, но... стой! Вот разве что...

В уголке табакерки он заметил маленькое клеймо – две буквы «G» одна в другой, вписанные в медный овал.

– Извини, Рита, задумался. Мне кое-что вспомнилось, я подумал... Но чувствую, тут любовная история. Да неужели этот немой? Кому он сдался?

Подначил жену Франц Линде.

– Почему немой? Он же дня три по морю болтался без еды и воды и в шоке был. Подожди, ты меня сбил. Конечно, любовь, что же ещё? Только подумай, он поначалу в больницу «по скорой» попал, а потом к Анджеле в палату. Вот она за ним ухаживала – ухаживала, а он очень плох был. Что-то там по-итальянски ворковала, кормила и причёсывала – и всё это время он молчал и только пел иногда. И вдруг на третий День так внятно и говорит: телефон! Она принесла,

представляешь? Он кипрский номер набрал, послушал, сам ничего не сказал, и снова молчок. И вот когда ему время выписываться пришло, как и куда неизвестно. Ты не забудь, ведь ни страховки, ни денег, долго держать не стали! А он ещё слабый был да к тому же сердце плохое... Тут Анджела его забрала с собой!

– Анджела, значит, – думая, о своём, сказал Франц. – Ладно. Анджела куда ни шло. Я, знаешь, не могу привыкнуть, что кого-нибудь Афродитой зовут или Аполлоном. Да ещё как на этого Аполлона взглянешь...

– Слушай, Аполлоны с Афродитами в Греции, а мы в Италии. Ну а Венера, лучше, что ли? Фунтов так на пятьсот?

– Вообще ты мог бы при мне про фунты...

– Не буду-не буду, – засмеялся муж и добавил. – Я понимаю так – мы сейчас их всех увидим? Смотри! Вот она уж – «Лючия».

До ресторана оставалось шагов двести. Весь он, увитый виноградом, с террасой, уставленной фикусами и цветущими олеандрами, был залит ласковым солнечным светом. Выше террасы лепился к склону сам двухэтажный, крытый черепицей дом, где находился зал ресторана, кухня и служебные помещения. Выше этажом в левом крыле жили хозяева. В правом у них были комнаты для приезжих. Сооружение венчала маленькая мансарда с треугольной крышей и таким же большим окном.

– Правда, красиво? Здесь и в ноябре всё цветёт, я тебе

сейчас такие лианы покажу, прямо по скалам вьются. А рядом ящерики зеленые бегают.

Двое шли не спеша, занятые разговором друг с другом. Они не видели, как карабинеры числом так человек пять высыпали на совершенно пустую почему-то террасу, как Энцо и Франческа спустились по внешней лестнице вниз и молча обернулись назад, глядя на длинный серый с чёрной полосой ящик, что медленно выплывал на плечах мужчин, тяжело ступавших по ступеням, ведущим уже на улицу. Зато они услышали крик. Кричала женщина.

– Diabolo! – плача, кричала бледная худенькая, как подросток женщина, с распущенными по плечам матовыми чёрными волосами.

Франц Линде вечером уединился, придумав невинную отговорку. Ему нужно было позвонить на работу. Он набрал номер и негромко заговорил:

– Привет, это Линде. Здравствуй Херберт, дружище! Как дела? Я-то? Я в отпуске. Как почему звоню? Соскучился! А ты как думал? Ну, ясно, жить без вас не могу. Погода? Ничего особенного, но моей жене нужны термальные ванны, вот и ездим. Слушай, я бы хотел Бергеру сказать пару слов, пока не забыл. Скажи, он по-прежнему занимается «Завещанием кузнеца»? Ага, я так и думал. Что? Мы с ним в одном конно-

спортивном клубе. Да брось, не издевайся, просто случайно информация одна подвернулась.

– Хайнц? Здорово, это Франц. Хорошо, что я тебя застал. Как это, ожидал моего звонка? Ах, кобылки. Да нет, я в тебе вполне уверен.

– Нет, не дразнюсь. Да чем особенно? Стой, ты мне лучше скажи, у твоего «кузнеца» клеймо – две буквы «G», одна вложенная в другую, обведённые неправильным овалом?

– Ах, скорее в форме опрокинутого щита. Ну, мы оставим формулировку на совести журналистов. Вот что, с тебя ужин на две персоны в ресторане у нашего несравненного Шубека. Садись и слушай...

Глава 4

Карп Валерианович Кубанский был непростительно богат. Он понимал это сам и ужасно стеснялся. Будучи застенчив и замкнут от природы, он всё глубже, словно рак-отшельник, забирался в свою раковину и настороженно изучал оттуда близорукими глазами окружающих, что иными трактовалось как высокомерие задравшего нос нувориша. Бывшая жена Женька Безрук, с которой они вместе когда-то кончали Плешку и поженились после диплома, поглядывала на Карпа из-за своего аккуратного письменного стола в офисе и еле слышно декламировала: «И усами шевелит!» Карп незаметно подмигивал Женьке, поглаживая небольшие уси-

ки. Его круглые кошачьи глаза теплели. Они остались друзьями.

Жестковатая, самостоятельная и стройная Женька рассудила быстро и трезво. «Вместе у них не вытанцовывается» – решила она. Дальше может быть только хуже. Однажды они поговорили и совершенно мирно расстались. Женька продолжала работать у своего неуклонно преуспевающего сдержанного и настойчивого как бульдог бывшего мужа. А он постепенно начал полнеть и откровенно сторониться женщин. Стеснялся.

Карп толстосумом, и правда, был и был в состоянии вызывать время от времени девушку для встреч. Его устраивали разовые встречи, тем, что не возникали обязательства, никто не грабил, не шантажировал. Обычные в этой среде болезни тоже миновали «крупную рыбу», как называли порой подчинённые своего шефа. Женька, встревожившаяся было и регулярно заставлявшая Карпа бегать к врачу, несколько успокоилась. А когда у Кубанского появилась помощница – молодой архитектор Серафима Неделько, жизнь приобрела характер стабильный и, пожалуй, несколько монотонный. О Серафиме речь впереди, а сейчас надо заметить только, что новых впечатлений по этой части наш герой не искал. Все дела его шли успешно. Он со сборки компьютеров постепенно переключился на сталь, заключил пару крупных контрактов в Липецке, преуспел обалденно и заскучал.

Вот если бы маме рассказать, думал нередко он. С мамой

бы я поехал. Маме бы я купил... Карп Кубанский нежно любил свою мать.

Рано овдовевшая Ольга Николаевна родом была из остзейских дворян по фамилии фон Бэр. Она вышла замуж за ветеринарного врача Валериана Кубанского, очень дельного и работающего человека, и ни разу в жизни не пожалела об этом. Из троих их детей младшим был Карп. Ольга Николаевна окончила консерваторию по классу рояля, всю жизнь преподавала музыку и умерла пятидесяти пяти лет от роду, оплакиваемая ими всеми. Но младший был совершенно безутешен. Он тяжело и долго болел. А поправившись, наконец, заказал мамину фотографию в полный рост, мастерски выполненную по образцу студийного оригинала, и повесил её около своего любимого письменного стола из тёмного дуба, обтянутого зелёным сукном.

На отличном плотном картоне в этих восхитительных коричневатых тонах была изображена стройная молодая женщина в довоенном шёлковом платье. Её изящные руки в сетчатых перчатках до запястий свободно лежали вдоль тела. На голове, причёсанной на прямой пробор, сидела крошечная шляпка с вуалеткой. Нежное лицо с прямым, слегка удлинённым носом, обрамлённое каштановыми шелковистыми волосами, уложенными косой на затылке, освещали большие глаза. Карп садился за стол, смотрел на портрет, и тоска фиолетовой дымкой забиралась в его одинокую душу.

Однажды старший брат Карпа Глеб, человек совсем в другом роде, пошедший по стопам отца, заклеил конверт письма в Питер, подкинул монетку и предложил:

– Карпуша, ты бы пособирал что-нибудь.

– Так это ты у нас в школе марками увлекался. Разве что и меня научишь? – без энтузиазма отозвался Карп.

– Марки? Можно и марки.

– Нет, я про второй этаж подумал.

Они сидели внизу на выложенной розовыми плитами террасе перед только что отстроенным загородным домом и ожидали, когда жена управляющего Палыча Клава позовёт всех обедать.

– Объясни, я не понял что-то.

– Да ты можешь его со смыслом обставить. Ты же у нас мальчик со вкусом. Выбери себе эпоху, идею.

– Например? – всё ещё лениво осведомился младший Кубанский.

– Ну, скажем, Всеволод – Большое гнездо! – подмигнул старший.

– Ох, ты и хватил. А Веспасиана не хочешь? Или уж Рамзеса Второго?

– Ладно, я пошутил. А как на счет маминых предков?

– Правда, Пуша, – поддержала Глеба сестра Тамара, ставившая в вазу свежесрезанные Палычем махровые нарцис-

сы. – Мы всё-таки кое-что знаем. Не слишком глубоко, но до прадедов точно. Давайте сначала родословное дерево вместе нарисуем.

– До прадедов, Томик, – оживился Карп и тепло взглянул на сестричку – до чего на маму похожа! – Это какой же царь тогда был?

– Сначала, думаю, Павел. Но он прожил очень недолго, – пожал плечами Глеб, – а потом? Николай Первый, если мне не изменяет память, Николай Палкин!

– Изменяет-изменяет! А куда у тебя Александр подевался? Война двенадцатого года?

– Александр-освободитель?

– Александров было два. Или нет, три!

– И Николаев было два!

– Последнего спутать трудно. Там уже семнадцатый год и Октябрьский переворот.

– А вообще, Тома, кто у нас гуманитарий в семье? Тебя чему в университете учили?

– Ну вот, братишки, приехали! Меня учили классической филологии, старославянскому, исторической грамматике. Дальше продолжать? Но, однако, в моей не обременённой особо систематическими знаниями по истории голове, всё же всплывают в этот период дела и люди. Декабристы, Жуковский, Плетнёв, Пушкин и его Натали, Карамзин и Даль, даже Герцен.

– Не рано для Герцена? – удивился Глеб.

– Нет, я точно помню, что когда Наполеон стоял под Москвой, Герцен уже родился.

– Глеб, я чем больше думаю, тем больше мне нравится твоя идея! – проговорил Карп и хлопнул брата по плечу. – Царствования мы уточним. Завтра же всем этим займусь и подходящих людей найду. Медведи мы или не медведи?

С тех самых пор Карп Валерианыч стал понемногу приобретать вещи эпохи первых известных ему фон Бэр и постепенно вошёл во вкус. У него появились знакомые собиратели и галеристы. Он стал бывать на распродажах сперва один, потом в сопровождении опытного искусствоведа, рекомендованного новыми сотоварищами. И Карп неторопливо со вкусом делал покупки, с живым интересом обставлял второй этаж и увлечённо вступал в бесконечные дискуссии по поводу находок со старым музейщиком Оскаром Бруком, к которому обращался за экспертизой. Кубанский, скорей флегматик по натуре, определённо повеселел, жизнь приобретала новые краски, хоть это ещё не превратилось в страсть.

Но однажды он увидел портрет. Это случилось на аукционе для знатоков, куда одни билеты за вход стоили долларов пятьдесят. Карп пришёл туда вместе с Оскар Исаевичем больше посмотреть, потолкаться, подышать этим «воздухом кулис», к которому начал уже незаметно привыкать, как курильщики к своему сорту табака.

Они поднялись по мраморным ступеням, миновали охрану и жужжащие группы посетителей, ежеминутно привет-

ствовавших друг друга, и неспеша, двинулись вдоль выставленных картин. Карп, не слишком большой знаток живописи, приглядел ломберный столик чёрного дерева, инкрустированный перламутром, хотел к нему подойти, как вдруг странное чувство заставило его поднять глаза. Из тёмной тяжелой рамы с золотым ободком на него смотрели прекрасные светло-зелёные глаза молодой женщины в утреннем нарядном платье, писанной маслом на фоне итальянского пейзажа. Её покатые плечи и нежная шея без украшений, тонкая талия, схваченная шелковой лентой, гладко причёсанная головка с валиком каштановых волос на затылке, крупные жемчужные серьги в ушах. «Наваждение!» – подумал Карп. Когда он захотел спросить своего спутника о портрете, голос поначалу просто не повиновался всегда невозмутимому Карпу Валерианычу.

– Кто это, Оскар Исаевич?

– Это герой войны двенадцатого года кисти Александра Роу генерал Сабанеев Иван Васильевич.

– Да нет, правее в тёмной раме в полный рост.

– А, это Карл Брюллов. Изумительная работа. У вас отличный вкус, мой друг! Королева Вюртембергская. Ей здесь лет двадцать. Брук с интересом взглянул на соседа, стряхнул со своего твидового пиджака невидимую пылинку и слегка ослабил узел галстука.

– Оскар Исаевич, слушайте внимательно! – голос Кубанского звучал хрипло, но он уже овладел собой. – Во-первых,

вы мне это тотчас купите. Немедленно! Непременно! Обязательно! Не торгуйтесь. Самое худшее, что может произойти, это портрет уйдёт, – потребовал обычно не любивший бросать деньги на ветер Карп. – И ещё. Узнайте мне про неё всё, что можно: биография, предки, потомки... Словом, вы меня поняли. Да, зовут-то её как?

– Что-то Вы раскомандовались, голубчик. Я в денщиках не служил, не пришлось. Если вам надо.

Карп изменился в лице и схватил старика за руку:

– Ради бога, простите. Я не хотел. Это от волнения. Я вам потом объясню, ну пожалуйста! Произошла невероятная история. Только бы портрет не упустить! Так как.?

– Ну, хорошо, хорошо, – смягчился старый искусствовед. – С кем не бывает. Её зовут Олли.

– Звучит как-то странно. Постоите, Вюртемберг – это Австрия?

– Германия. Тогда, впрочем, Вюртембергское королевство. Но Олли с ударением на втором слоге – в нашем случае просто Ольга. Ольга Николаевна. Это её папа так называл – Олли. Государь император Николай Первый.

– Боже мой, Ольга Николаевна! – повторил бедный толстый Кубанский и сел на обтянутую атласом банкетку с надписью «руками не трогать!».

После этого он пропал. Это был «Знак». Портрет, купленный за сумасшедшие Деньги, Карп повесил в библиотеке. А потом принялся собирать принадлежащие великой княжне

вещи по всей Европе, не жалея затрат.

Однажды он сидел перед портретом и любовался на последние приобретения. У него уже имелся бокал из зелёной эмали и такая же чаша – подарок Императора Александра, который бездетный государь сделал дочке своего брата на крестины. Затем удалось раздобыть четырёхрядный жемчуг, унаследованной Олли от матери, жены Николая Первого. И, наконец, изумрудный крест, появившейся в его коллекции последним, – подарок самого Николая.

– Что же это, почему она так похожа на маму? – в который раз задавал себе вопрос Карп Валерианович.

Королева Вюртембергская – историческое лицо. И автор – Карл Брюллов, «Карлуша», знаменитейший портретист. Я с детства его княгиню Юсупову в Третьяковке помню. Семейное сходство, даже такое, ещё можно себе представить. Предположим, портрет прабабки. Пусть и Брюллова, почему нет? Фон Бэр были богатые люди. Они вполне могли из своей Курляндии выезжать в Петербург, зимний сезон проводить там, танцевать на придворных балах. И заказать портрет хоть бы и самому Брюллову! Нет, так не пойдёт. Я должен знать о ней всё, привести эти знания в систему. Мать Ольги Николаевы, императрица Александра Фёдоровна

Он достал справку, подготовленную Оскар Исаевичем и отпечатанную на рисовой бумаге с водяными знаками.

– Тут ясно сказано – она из Пруссии. Дочь Фридриха – Вильгельма Третьего и королевы Луизы Прусских. Восточ-

ная Пруссия с Курляндией рядом. И чем чёрт не шутит!

Карп засмеялся, подошел к телефону – красивому старому аппарату с диском и «рожками», на которых лежала большая «старорежимная» трубка, и набрал знакомый номер. Оскар Исаевич подошёл сразу.

– Здравствуйте, уважаемый учитель. Не могу долго без вас обойтись!

– Здравствуйте, Карп Валерианович. Я повесил мои уши на гвоздь внимания и весь к вашим услугам.

– У меня появилась идея. В исполнители я назначу моего Серафима, а научное руководство, если не возражаете, охотно препоручил бы вам. Мне бы хотелось получить не просто справку, которую вы отлично составили, не спорю, но полное жизнеописание интересующей нас особы. Понимаете, для коллекции было бы важно знать, кто и что ей вообще дарил. Я решил сконцентрировать усилия на драгоценностях, живописи, может быть, кабинетной мебели вдобавок.

– Подумаем!

– Кроме того, мне не даёт покоя одна мысль...

– И я думаю, что догадался, какая! – помог своему собеседнику Брук. – вас мучает это сходство. Отлично, теперь требуется выработать диспозицию, а там, глядишь, раздобудем доказательства, и Вы присоединитесь к претендентам на трон! – весело закончил Оскар Исаевич.

Глава 5

– Симка! Симка Неделько – одеваться! – гаркнула воспитательница интерната. Приближались ноябрьские праздники, и на генеральную репетицию ожидали в два часа десант из РОНО.²

Восьмилетняя девочка со светлыми вьющимися волосами, худенькая, грациозная, словно эльф, выбежала на сцену и остановилась за занавесом, робко глядя сквозь щёлку на сидящее в партере начальство.

– Иннокентий Саввич, не просите. Где это видано, милый Вы мой? Люсю – и никаких гвоздей! – громким склочным голосом требовала директриса, обращаясь к сидящему рядом седому человеку в чёрной бархатной кофте с бантом и отложным воротником.

– Побойтесь бога, Анна – Ванна, она Снегу-у-у-рочка, душа моя! Снегу-у-у-рочка, а Ваша Л-ю-ю-ся? Ваша Люся – снежная баба! Вы подумайте, что мы ставим. Островского, но не того! Не того, позвольте вам сказать, что «сталь закалял»! Вот тут бы и Люся...

– Это чем же вам Николай Островский не угодил, товарищ Оболенский? И школа большевизма – «Как закалялась сталь»? Вы хоть из балета, но поосторожней, знаете ли!

Битый опытный Оболенский гневно глянул на противную бабу, но сдержался:

– Анна Ивановна, «Снегурочка» Александра Островского

² РОНО – районный отдел народного образования.

– сказка-фантазия. Мы ставим детский балет, не так ли? Мы будем выступать на смотре. Дети – сироты артистов Большого театра принимают участие в спектакле. Это решение Райкома. Вы согласны с решением Райкома, да или нет? – сухо и официально произнёс он.

– Я согласна с решением Райкома. Берите Вику Лопато. И Вика тоже сирота.

Два года назад случилась страшное несчастье. Самолёт, с летевшими на гастроли артистами московских театров и эстрады, заблудился в тумане в горах и разбился. Несколько человек детей погибших, у которых не нашлось родственников, воспитывались с тех пор в привилегированном интернате, организованном когда-то для детей, прибывших к нам из Испании во время полыхавшей там гражданской войны и интервенции.

– А впрочем, знаете что? – неожиданно согласилась начальница, – я умываю руки. Сима Неделько – сирота? Сирота! Решение было? Было! Под вашу ответственность. Пусть поёт!

Лицо Иннокентия Савича пошло пятнами. Он собрался было хорошо поставленным голосом сказать небольшую речь о выразительных средствах танца, пантомимы, классического балета. Может быть, даже о Нижинском и Петипа и... Да мало ли ещё! Он бы сказал этой невежде с партийным билетом, он бы сказал ей!

В это время из соседней комнаты прозвучало фортепиан-

ное вступление и приятный тенор запел романс Рубинштейна на слова Пушкина:

Слыхали ль вы за рощей глас ночной,
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой?
Слыхали ль вы?

– Вот, слышали? Это наш физкультурник поёт. В армии служил, у нас комсоргом. Про львов поёт... Заслушаешься. Да не какую-нибудь чепуховину, а Лермонтова. Клад, а не парень!

– Поручик Лермонт, – задумчиво повторил Оболенский, глядя на директрису с пышной причёской «хала», на её толстые пальцы с крупными перстнями и пёструю, вязанную крючком, кофту. Пыл его остыл, и он после небольшой паузы негромко спросил:

– Анна Ивановна, Вы тут только директор или ещё предмет какой ведёте?

– Веду, а то, как же. Чистописание раньше вела – теперь не хочу, даже прописи отменили совсем. Так я уж русский и литературу ещё на ставку.

Оболенский открыл рот, закрыл его, глубоко вздохнул и, не говоря ни слова, отошёл. Репетиция, впрочем, прошла превосходно. Дети выходили на аплодисменты, кланя-

лись и снова убегали за кулисы. Члены комиссии, растроганно переговариваясь, обсуждали предстоящий несомненный успех, хвалили всех от души, и в первую голову директора Анну Ивановна Парасюк за мудрое руководство. Не забыли и Оболенского. Зам по культуре Денисенко, окончивший всё-таки дневное отделение педагогического института имени Крупской, не в пример прочей публике, образование которой нередко было «заушное» – так говорили о заочниках, которых за уши тянули на трояк, человек доброжелательный и неглупый, почтительно потряс ему руку:

– Рад познакомиться с вами, Иннокентий Савич. Я ведь Вас прекрасно в «Жизели» помню.

И обращаясь к своим коллегам, добавил:

– Замечательный балерун был товарищ Оболенский!

Польщённый старик с достоинством произнёс в ответ:

– Спасибо на добром слове. А следом, покосившись на стоящую достаточно далеко начальницу, посетовал:

– Уж Вы бы поддержали меня немного. Прямо беда, да и только.

– А что такое? – удивился Денисенко.

– Да вот, видите ли, начальство наше. Не только слова такого не знает: «балерун», или того краше «балетмейстер». Она и артистов моих не жалует. Снегурочку утверждать не хотела.

– Не может быть, за что же? Чудесная девочка. Я и имя запомнил. Сейчас-сейчас: Сима Неделько! Я знаю, она сиро-

та. Танцует отлично!

Оболенский немного помедлил, но затем решительно взглянул в глаза Денисенко и согласно кивнул

Серафима проучилась ещё несколько лет в интернате, когда её отыскала чета бездетных Залесских – дальняя родня папы. Они, испытав, как водится, на этом пути множество трудностей и унижений от чиновников, забрали девочку к себе и сердечно привязались к ребёнку. Сима – кроткая, нежная, разносторонне одарённая, никому забот не доставляла. Она хорошо училась, продолжала танцевать и начала ещё рисовать на радость «тёте и дяде», как она называла приёмных родителей, и своим педагогам. Дядька – работник райисполкома, немного погодя устроила её в хорошую художественную школу, по окончании которой она без особого напряжения поступила в МАРХИ.³ Девушка всерьёз интересовалась искусством, делала успехи в учёбе, в институте её заметили и, начиная с третьего курса, она приняла участие в нескольких проектах, делавшихся для отечественных набобов, и серьёзной работе одного архитектора из Роттердама, искавшего по всему миру талантливых молодых ребят чтоб их нещадно эксплуатировать и почти не платить.

Сначала заболела тётя Инночка. Она жаловалась на одыш-

³ МАРХИ: Московский архитектурный институт.

ку и усталость, на боли под левой лопаткой. Потом слегла. Однажды дядя, самоотверженно ухаживавший за женой – оба очень не хотели больницы – проснулся по будильнику, чтобы дать ей по расписанию лекарство. Он спустил ноги с кровати, в темноте нащупал фонарик и обошёл широкую двуспальную семейную кровать. Затем он склонился над больной, чтобы осторожно разбудить её, и дотронулся до руки жены. Она была совершенно холодна.

Инночка умерла ночью во сне смертью, «о которой можно только мечтать», как говорили на похоронах не слишком многочисленные близкие покойной. А овдовевший Залесский, старавшийся бодриться и всё время искавший Симу взглядом, сразу сильно сдал.

– Учись, Симочка, – вечерами говаривал он прилежной девушке, которая и так не особенно стремилась из дома, а теперь старалась вообще не оставлять дядю одного, – хочу твой диплом увидеть, если до внуков не доживу.

Как-то раз соученик Неделько по МАРХИ, студент тремя годами старше, уехавший к семье в Израиль и не прижившийся там, позвонил Симе по телефону.

– Салют, Сими́ч. Как поживает родная конюшня?

– Здорово, Витёк! Конюшня в порядке, а ты откуда?

– Вопрос правильный. Я из Роттердама. Работаю в мастерской того самого кровопийцы, для которого я на дипломе пахал, а ты курсовой делал. Помнишь? Сейчас как раз оттуда звоню.

– Конечно, помню. Мы тогда с тобой и познакомились. Но у тебя же совсем поздно должно быть, часа на два позже, чем здесь?

– Вот именно. У нас полдесятого. Я же говорю – кровопийца. Сима, слушай, есть дело. Один наш московский магнат моему боссу дом заказал. Босс вообще ваяет всё сам – такой уговор. Но ему требуется связной. Условия такие: МАР-ХИ, свободный английский, надёжность, классная подготовка и кое-что ещё. Надо в Загорянку ездить – там дом. Надо моему на вопросы отвечать. Он заплатит – но не мильон. Ты как, не очень занята?

– У меня как раз скоро диплом. Но дядя мой не здоров – Деньги были бы очень кстати. Я только не знаю, как это всё увязать. Работы много будет, как думаешь?

– Не волнуйся. Мой кровосос с нашим ректором лично знаком. Я уже почти придумал. Можно будет, если ты не против, твоё участие как раз дипломом сделать. Да помозгуем, не дрейфь!

– Хорошо, Витя, а «кое-что ещё»? Что там боссу такое нужно?

– Да так. Он все гениев ищет. Ты подойдёшь!

Так в жизни Симы появился Карп. Неделько работала, не покладая рук, и тот был очень доволен. В надлежащий срок Серафима защитила диплом с великолепными отзывами, а дядька прослезился на защите. Карп устроил банкет и вско-

ре помог отправить старого Залесского в Баден-Баден в почечный госпиталь, а затем на курорт, но, к сожалению, было поздно. Через месяц после приезда Матвей Дмитриевич скончался дома на руках у сиделки.

Снова немолодые люди стояли у вишнёвого гроба. Снова звучал, разрывая сердце, траурный марш. Очки Серафимы запотели от слёз, а тёмно-серый костюм и белая блузка спереди совсем промокли. Шёл дождь. Нежные белые хризантемы и тяжёлые алые гладиолусы легли на свежий холмик. Карп, срочно выевший в Липецк на Комбинат, на похоронах быть не сумел. Он распорядился, чтобы Палыч помог. И Палыч, энергичный отставник, стал незаменим. Казалось, Палычей было много. Это он пригласил агента, договорился с моргом, заказал цветы и послал жену Клаву к свояченице Инночки сделать стол для поминок. На кладбище он всё время тактично держался сзади, а теперь хотел отвезти девушку на машине домой и на этом считал свою миссию выполненной. Но вышло иначе.

Две похожие друг на друга сослуживицы тёти Инночки в одинаковых синих беретиках, с белыми платочками и с неподдельным, не на показ, горем на лицах подошли к Серафиме. Тётя называла их: девочки... Первой заговорила Рачка.

– Симочка

– Наша дорогая покойная Инночка называла Серафимой! – мягко возразила Мусенька.

– Ах, всё равно Раечка. Деточка! Инночка и Матвей Дмитриевич оба тут, – они вместе всхлипнули и, Серафима впервые полностью осознала, что стариков больше нет. Она представила себе пустую, чисто прибранную квартиру с запахом валерьянки, тапочки дяди Матвея в коридоре. Своё полное одиночество. Чувство невосполнимой потери охватило её. «Девочки» что-то говорили о будущем, о «вся жизнь впереди». Она думала: «Жить не хочу, не буду. Только не знаю, как...» Последнее, что услышала, было:

– Замуж выйдешь, заведёшь детей!

Когда Серафима стала падать на мокрую кладбищенскую траву рядом с соседней, выкрашенной серебрянкой оградой, Палыч успел её подхватить. Сытые сороки снялись с гранитных обелисков и испуганно загалдели. А Палыч, поднявший на руки почти невесомую Неделько, впервые подумал о ней с сочувствием:

– Ах чёрт, вот бедолага!

Женственная, красивая и хрупкая девушка вызывала жалость бывшего морпеху, что отжимался по утрам до ста двадцати, играл с гантелями как с погремушкой, разжигал костёр под дождём с одной спички и попадал, словно траппер, из карабина белке в глаз. Николай Павлович отнёс Симу Неделько на скамейку, попросил «девочек» подежурить около неё, и Раечка положила голову бедняжки к себе на колени. После этого он вызвал личного врача Карпа, который приехал четверть часа спустя со всем необходимым на тойо-

те, и, быстро обследовав, увёз девушку в больницу. Затем он доложил обстановку по мобильному шефу. Карп, помолчав, спросил:

– Соображения и предложения будут?

– У нее гипертонический криз. Она как мимоза, – пояснил отставник.

– Слушай, майор! Она архитектор милостью божьей. И работающая как вол.

– Какой там вол. Лучше, как пчёлка. Хрупкая девочка.

– Я и не спорю, Палыч.

– Мне самому жалко. Круглая же сирота! И так? – повторил Карп.

– У нас на третьем этаже две комнаты свободны: кабинет и спальня. Кабинет для мастерской в самый раз. А ей сказать – секретарь-референт нам нужен. И потом. Мы же ещё парк будем делать, так? И спорт-корпус для племянников. А Глеб хотел бы лошадок, так мы и для лошадок, а шеф?

Николай Палыч Дедко всегда говорил – «мы». Карп, редко смеявшийся, весело пробасил в трубку:

– Палыч, ты у меня орёл! Одним ударом – семерых! В общем, к делу. Твои действия будут такие. Скажешь, нам нужен ландшафтный архитектор для начала. Будем планировать регулярный парк. А следом, что ж, построим и конюшню для нашего ветеринара, а также в память о папе. Лошадок? А как же! И собачек! Знаю я вас с Глебом, каналий. Спорт-корпус для поросят? Тоже неплохо. Да, вот ещё что.

Ты на её имя в банке счёт открой и со следующего месяца положим ей для начала тысячу.

– Долларов? – уточнил Палыч.

– Лучше «евро».

– Это на полном довольствии? Не жирно будет? Как бы с пути не сбилась.

– А мы сделаем так. Триста «на книжку» пойдут, семьсот – на карманные расходы. Квартиру её запри. Если захочет – сдадим. Возражений не слушай.

– Будет сделано, шеф!

– Пока, до связи! – прогудел на прощание Карп.

Николай Палыч навещал Симу каждый День. Он входил в палату и обследовал помещение. Всё ли в порядке? Он обязательно приносил разумное количество домашней еды и свежие газеты, и, посидев минут десять, уходил.

К выписке он приготовился выдержать маленький бой в соответствии с распоряжением шефа – возражений не слушать. Однако, их не последовало – возражений. Тихая подавленная Сима безропотно последовала за Николаем Павловичем в машину и дала себя увезти в Загорянку, где их с обедом уже поджидала радушная и приветливая Клава. Неделько поселилась, где велели, снова начала работать, не поднимая головы, а на Карпа смотрела красивыми тёмными глазами с печальной преданностью ирландского сеттера. Помогла им неизменная Женька. Однажды, когда Серафима, пришла в офис на Грузинской, чтобы согласовать смету на свою

часть проекта, она сказала:

– Привет, красавица! Тебе наши девчонки очередной парфюм купили. Говорят, не смогли устоять. Последняя новинка.

Серафима благодарно засветилась. Она была дружелюбной, общалась с людьми легко и очень интересовалась одеждой, выбирая аксессуары с неизменно прекрасным вкусом. А Женя, посмотрев на неё в упор, добавила:

– Слушай, у тебя со временем как? Поговорить надо. Я ещё часок-другой поработаю, а потом двинем с тобой в «Кемпински». Я приглашаю, о'кей?

– Евгения Семёновна, у меня время, конечно, есть, но...

– Никаких «но»! У тебя ещё дела в конторе?

– Нет, но мне надо в библиотеку ненадолго и в банк.

– Тогда вот тебе ключи от машины. Жди меня перед входом ровно в пять.

В ресторане, подождав, пока девушка поест, она сразу приступила к делу.

– Сима, тебе уже двадцать три, не так ли? У тебя молодой человек есть? Или был? – загадочно проговорила Женя.

Против ожидания, Неделько не удивилась. Она покраснела, вздохнула и грустно кивнула:

– Вы не ошиблись, Евгения Семёновна. Нет.

Женька сразу изменила тон. Она взяла девушку за руку и сердечно сказала:

– Ты, пожалуйста, не считай, что я бестактная дура. Я тебе

сейчас объясню. Я всё думала, как начать, и скажу тебе вот что. Мы с Карпом раньше были женаты – ты знаешь. А теперь я у него вроде старшей сестры. Ох, сестра Тамарка уже тоже есть. Ну, значит – кузина, а он для меня кузнечик! – заулыбалась она и отбросила пёструю чёлку со лба. Словом, Сима. У тебя папы и мамы нет – так получилось. Ты ещё очень молода, да к тому одинока. Ты зависишь от Карпа. Карп тоже, хоть и взрослый, и супермен, но застенчивый как ребёнок, что касается личных дел. Я хотела бы тебя уберечь, если что не так. Я хотела бы и его уберечь. Он мой большой самый близкий друг. И очень раним. Я задам тебе один вопрос. Ответь честно. Ничего не бойся. Я тебе во всём помогу. Ты мне веришь?

Серафима посмотрела на сидящую перед ним элегантную, уверенную в себе женщину, второе лицо в фирме по части финансов. Полюбовалась на её прекрасный костюм цвета тёмного аквамарина. На нитку крупных полированных кораллов в серебре и такой же браслет. И без тени сомнения подтвердила:

– Да, Евгения Семёновна, я вам верю.

Тогда она собралась с духом и отчеканила:

– Сима, Карп Валерианович влюблён в тебя как безумный.

Если ты это не приемлешь, лучше тебе уйти!

– Нет! – вскрикнула вдруг Серафима и её прекрасные глаза наполнились слезами. Только не прогоняйте меня! Я бы никогда не решилась. Но я тоже! Я давно уже! Ну, честное

слово, Евгения Семёновна!

Ей не хватало слов. Она умоляюще сложила руки и посмотрела с надеждой на Женьку.

– Ну вот и хорошо! – с огромным облегчением выдохнула она. – Вот и отлично!

После этого разговора Карп с Серафимом на две недели уехали в Испанию на острова, а после приезда спальня у них стала общая.

Глава 6

Лиза доехала до «Odeonsplatz» на метро, вышла из последнего вагона и побежала по эскалатору вверх. До кафе «Luitpold» пешком было минут пять. Она немного опаздывала и раздумывала на бегу, не позвонить ли по мобильному телефону подруге, которая, отличаясь завидной пунктуальностью, конечно, уже ждала её за столиком под стеклянным куполом у журчащего фонтана.

Девушки познакомились в библиотеке университета, где Лиза, по обыкновению, искала очередную монографию по внутренним болезням. Анна-Мари, кончившая уже в то время учёбу, отошла в зале заказов в сторонку, достала свой серебристый «Самсунг» и негромко заговорила. «По-русски болтает, или мне показалось?» – Лиза, занятая своими делами, не вслушивалась, как вдруг голос за её спиной сделался громче. «Кто это у тебя там мяучет? – услышала она,

– Вот, кстати, ты у нас любитель поэзии, ну и скажи мне, чьё это:

Дочурка под кроватью ставит кошке клизму,
В порыве счастья полу открывши рот,
Но кошка, мрачному поддавшись пессимизму,
Истошным голосом взволнованно орёт!

Саша Чёрный, – совершенно неожиданно для себя констатировала Лиза, и тут же смутилась, боясь показаться нескромной. Но красивая высокая зеленоглазая брюнетка, быстро закончив разговор, сама подошла к ней:

– Привет, – сказала она, – Меня зовут Анна-Мари. Я биохимик – фармаколог. А ты, наверно, учишься на факультете славистики?

– Нет, я на медицинском. Извини, я не подслушивала, просто я эти стихи с детства люблю. Вот и не удержалась. – покраснела Лиза.

– Наоборот, отлично вышло, – продолжала брюнетка. – Я рассудила, Сашу Чёрного мало кто знает. Разве что литературоведы. А мы с тобой и тут сродни. Выучишься, и я для тебя таблетки изобрету. Она говорила по-русски совершенно свободно и почти без ошибок, однако, с заметным акцентом.

С тех пор прошло года полтора. Анна-Мари постепенно и уверенно завоёвывала в жизни Лизы место старшей сестры. Ведь бывает такое место, да? И ещё бывает младшая сестра,

братья, мама. У Лизы, кроме папы, не было никого. Не с кем было сравнить.

– Скорей, скорей! Дождь начинается, – приветствовала Лизу знакомая официантка. – Твоя подруга уже тут.

– Машка, здравствуй. До чего же я рада тебя видеть! – Лиза влетела в кафе, плюхнулась на стул, встряхнулась как котёнок и попыталась отдышаться.

– Лизочек, ты почему такая встрёпанная? И что-то ты не очень радостная – собеседница посмотрела на бледное серьёзное личико Лизы. – Ты не промокла? Я нам заказала по бокалу бордо. Скажи, ты есть хочешь? Здесь супчик такой потрясающий готовят: протёртый тыквенный азиатский острый с креветками. Или тебе лучше «Kaffee und Kuchen»?⁴ Я приглашаю.

– Ты у меня, известное дело, акула капитализма. Ох, нет, это из моего коммунистического детства. Наши немецкие политики говорят: «капиталистическая саранча», – пожалала плечами Лиза. Её глаза, несмотря на шутливые слова, остались печальными, она явно думала о другом.

– Лизка, я тебя убью. Мы с тобой, как получившие естественно-научное образование, такие вещи ляпать не можем. Я, конечно, не систематик. Но знаешь, хордовых с прямокрылыми перепутать? Акулу и саранчу? Легче акулу со львом! – Анна-Мари явно старалась растормошить подругу, чтобы отвлечь от невесёлых мыслей.

⁴ Кофе и сладкий пирог.

Однако Лиза вяло улыбнулась, и только. Тогда Анна-Мари сделала ещё одну попытку:

– Вот кстати, о львах⁵. Ты посмотри, какой у нас в Мюнхене за последнее время львятник развёлся. Я пока ехала, пока парковалась, всё время на этих львов смотрела. А от подземного гаража до кафе стала считать.

– От угла «Briennerstraße»? От самого салона «Mercedes»? – наконец включилась Лиза.

– Ну да. Здесь идти-то две минуты. Так вот, пять львов: весь красный, весь золотой, зелёный снизу со светлой спинкой. Спиницей! Лев всё-таки.

– Ну хорошо. Потом «шахматный лев» в шашечку.

– Который на задних лапах сидит? С ящиком рядом?

– Точно. И ещё весь цветной. А-ля «Hundertwasser». Анна-Мари с удовольствием заметила, что подруга понемногу приходит в себя.

– А я вообще смотрю, много нового в городе появилось. Пледы в кафе, чтобы сидеть на улице, когда прохладно. Свечка перед тобой горит, сама в плед укутаешься. Уютно! Экипажи и велорикши. Ну и эти скульптуры львов, конечно. Мы с папой...

Она осеклась, и её серые глаза наполнились слезами.

– Лизочка, – ласково сказала Анна-Мари, – давай с самого начала. Что случилось? Что тебя мучает? Ты по телефону не

⁵ Фигура льва – центральная фигура герба города Мюнхена. Речь идёт о городских скульптурах.

хотела. Давай сейчас.

– Маш, я тебе говорила, мама у меня рано умерла.

Она замолчала, но вскоре с усилием продолжила

– Это был несчастный случай. Сначала на скользкой дороге, какой-то Опель пошёл впереди юзом. Папа резко затормозил. Мама ударилась. Ну ничего особенного! Ударилась и всё! Ремни удержали, врача не вызывали даже. Но вечером дома ей стало плохо. Левая рука перестала действовать. Отнялась речь. Это был первый инсульт. Затем в больнице мама вроде начала поправляться, но вскоре последовал и второй инсульт, а потом третий последний.

Анна-Мари, до сих пор сидевшая молча, тихо спросила:

– И папа твой больше не женился?

– Какое там, женился! Я вообще не понимаю, как он после этого выжил. Может, для меня только... – Губы у Лизы снова предательски задрожали. – Маш, ты понимаешь, я до сих пор... Что я, собственно, знала про них? Что это папа и мама мои. Что папа очень маму любил. Что и сейчас, наверно, любит её! И вот однажды...

Анна-Мари внимательно слушала Лизу, больше не перебивая. Когда дело дошло до содержания письма, она уточнила:

– «Remember»? Я тебя правильно поняла?

– Да-да, на одной стороне листка было только это страшное слово. Но почему? Это же просто значит «помни»? Ты Дюма читала «Двадцать лет спустя»?

– Нет, я мой французский язык с Гюго начинала, а потом на Мопассана перешла.

– Тогда я тебе потом объясню. Только на папу, когда он это письмо получил, больно было смотреть.

– Подожди, папа тебе его потом сам прочитал уже в Тироле. Это было что-то вроде завещания, правильно? Завещание – приказ, с намёком на долг.

– А потом он мне про них всех рассказал. И вот тут-то... Анна-Мари взяла Лизу за руку и очень серьёзно предложила:

– Знаешь что? Ты начни лучше с самого трудного. А дальше мы уже вместе попробуем.

– Моя мама, – медленно горько произнесла Лиза, – вовсе не любила моего папу. Она любила другого. Его звали Андрей Синица. Он написал это проклятое письмо. Он как-то раз в походе в горах спас папе жизнь. Он говорит, что долг платежом красен, и считает, что час настал!

Глава 7

Это была чистая правда. Она его не любила. Саша пришла к ним в школу в девятом классе. Неприметная светленькая девочка в коричневой форме, сидевшая на второй парте в левом ряду, училась неважно. Она не нравилась ребятам. Среди девчонок у неё тоже не было подруг. Она не принадлежала к «Компании». Серая птичка. Так продолжалось весь год – так, верно бы оно, и осталось.

Почему Катька Сарьян позвала Постникову с собой? Тайна, покрытая мраком. Случайно попалась ей на глаза? Каникулы уже начались, и прочий народ на лето утёк? Их было трое девиц на виду: Лида, Соня и Катя. Они-то к «Компании» принадлежали. Они дружили, больше по двое, но в то же время вместе. Слегка соперничали, но только между своими. Все трое были всерьёз влюблены, но, слава богу, в разных ребят.

А дело было так...

– Катька, пойдёшь со мной в поход? – сказал Андрей, – возьмём ещё нескольких парней и двинем. Палатки есть.

Катя, у которой сердце ушло в пятки от радости и страха, не верила своим ушам. Отказаться невыносимо. Она была влюблена в него по уши с седьмого класса. С седьмого класса и ещё семь лет! Все знают, как это бывает. Ну да, в таком возрасте, Вы понимаете?

Ничего подобного. У всех по-разному это бывает! Потом могли многие нравиться сразу, вызывать интерес, волновать, привлекать внимание. Тогда же – он, он один. Так, словно в мире не было больше людей. Всё только из-за него и для него. Кате и так всегда – читать, что дышать. Но стоило Андрею упомянуть книгу, автора, направление в науке, стоило ей уловить его оценку или насмешку, как это становилось важным до слёз, до звона в ушах. Скорее! Найти и прочесть. Поглубже вникнуть. Понять, впитать! Он стал ходить в походы, и значит...

– Пан, а каких ребят? – «ой, он заметит. Я вся горю.»

– Во-первых, Генку и Гришку, ну и еще. А тебя дома отпустят?

«Господи, что же получается, для него главная – я?»

– Я сегодня спрошу у мамы.

Саша Постникова появилась из-за угла с портфелем и почти прошла уже мимо.

«Только бы мы набрали народ. А вдруг мальчишки не захотят, или родители запретят? Если сорвётся, я утоплюсь. А, вот эта новенькая идёт.»

– Саша, – услышала Катя свой чужой и фальшивый голос, – мы собрались в «единичку».⁶ Хочешь с нами?

– Постникова! – обернулся Андрей. – Дуй сюда. По рукам? Соглашайся!

А потом безжалостно и наивно добавил:

– Нам ещё одна девчонка нужна, а то Катька одна не пойдёт!

Они, занятые друг другом, вовсе не смотрели на Сашу. Через неделю четверо парней и две девчонки с большими «охотничьими» рюкзаками сели в поезд на Ленинградском и отправились навстречу судьбе.

Теперь, если подумать, странно. Как это могло получиться? И куда смотрел Сашин папа? Это ещё вовсе не было так обычно: две девицы, остальные ребята. Катя годом раньше уж была в серьёзном походе. Только Катя и полдюжины

⁶ Единичкой тогда называли поход первой, самой низшей категории сложности.

огольцов. Они шли мимо глухих деревень, и аборигены высыпали на неё поглазеть:

– Эвона, девка! В штанах!

А ребяташки, так те просто бросали в нее камни.

Да, и так про папу. Потом стало известно, что он работал в милиции. Возглавлял тогдашнюю полицию нравов. После похода девочки подружились. Однажды Саша осталась у Кати. А наутро позвонил товарищ Постников, специалист по букве «Б». Он осведомился, тут ли его дочь ночевала. И, услышав от подошедшего отчима подтверждение, ничтоже сумняшеся, спросил: «Они там с мальчиками?»

Времена были не нынешние. Фраза прозвучала применительно к десятиклассницам совершенно скандально. И тогда отчим, мужик солидный и противный, совершенно на другой лад, его отбрил. Он это умел, когда надо – профессор математик, привыкший к чтению лекций в больших вузовских аудиториях. Возвысить свой бас, профундо и отхлестать. Милиционер проглотил.

Итак, Катя и Саша сошлись поближе, хотя Катя особой общительностью не отличалась. Она была зажата, застенчива и от этого иногда колюча как ёжик, но вот поди ж ты, у них с Сашей получилось. Однако, остальные ее по-прежнему не замечали. А Постникова? Что она была тогда за человек? В ней была милая женственность и чутьё. Вряд ли она много читала, но, у неё был, несомненно, неплохой вкус, музыкальный слух, тихое прилежание и терпеливая готовность

помочь.

Ну, кого она там любила, мало занимало «Компанию». Понемногу к ней привыкали, но она считалась «при Катьке».

Когда бывшие одноклассники после первого курса решили отправиться в горы, как-то так оказалось, что идут опять только две девчонки. Неизменная Катерина и подружка Сашка в придачу.

Глава 8

Катя Сарьян по-прежнему жила на Смоленской. После работы надо было что-то поесть, и она с привычной болью подумала, что вот купить сейчас по дороге в бесчисленных палатках по-быстрому провизию так просто. А готовить для себя одной неохота. И почему бы сыну Петьке к ней не зайти вечерком? Если уж он, прохиндеище, жить вместе с мамой не хочет, то хоть поужинать-то можно? Э, да что говорить.

В подземном переходе было сыро и пахло соседней чебуречной. «Устала до смерти. На душе нехорошо. Что-то сегодня ещё было противное, а что не помню. Одну внematочную, непроходимость труб и невынашиваемость, осложнённую миомотозом, помню. А про себя?» – маялась Катя, распахнув серебристый с чёрным плащик, чтобы достать кошелек и заплатить за цыплёнка и фрукты. «Так. Вот оно. Этот новый хирург Апраксин».

Приятно было, что он всегда ласково здоровался и помо-

гал ей снять пальто. Спрашивал, хочет ли и «дорогая коллега» кофе и спешил ей налить, не забывая выбрать среди других именно её шоколадную с ободком чашечку с надписью «кафе «Катрин»», привезённую Петькой из Марселя. Но когда сегодня, вежливо постучавшись, в комнату впорхнула операционная сестра смуглянка Нина, с румянцем на щеках, в открытой алой кофточке под распахнутым халатиком... Да, тут все стало на свои места.

«Прекрати, Катерина, – скомандовала она себе, – этой девице максимум двадцать пять. А тебе, моя радость? Вот про Льва Гумилёва потрепаться, про экологию с этнологией, про Лоренца с Лейбницем... Нам с тобой что товарищ Райкин сказал? Если тебя в тёплом месте прислонить к тёплой стенке – о! С тобой ещё очень можно! Ну да, это самое – поговорить. Очень, очень даже можно. Но господин Апраксин Роман Самсонович не прочь бы... Кстати, вот интересное у него отчество: Самсоныч. Стой, я, собственно, пришла», – осадил вороных Катя и медленно начала подниматься на второй этаж по стёртым обшарпанным ступеням.

Окно на её площадке выходило прямо на Садовое кольцо. Нескончаемый поток машин гудел внизу. На лестнице, слава богу, было почти что чисто. Сегодня бомжи не пожаловали на этот широкий, удобный подоконник, и можно было спокойно открывать дверь, не оглядываясь на очередную испитую физиономию с подбитым глазом и мучаясь от страха и жалости. Длиннющий широкий коридор этой старой неле-

пой квартиры начинался от Катиной комнатки, куда затем переселился недоросль Петька. Потом мимо бывших соседей он вёл в огромную, метров двадцати, кухню и сделав поворот под прямым углом, оканчивался у совсем уж необычной, длинной словно кишка гостиной. Это, однако, было ещё не всё. Гостиная, тёмная и неудобная, окнами выходила во двор. Около окон в левом торце, где посветлее, располагался письменный стол отчима. Бывший полированный, с треснувшим посередине толстым стеклом, разбитым ещё Катиной младшей сестрой, и бесчисленные книжные полки. Правый противоположный конец гостиной оканчивался дверью. Она вела в квадратную, наверно, лучшую комнату. Ее в семье называли «кабинет». В незапамятные времена здесь принимала больных мать отчима, известный всей Москве стоматолог. Катя её не застала. Но в кладовке, где между огромных медных тазов для варенья и пальто с горжетками можно было наткнуться даже на потрёпанный веер из страусовых перьев, она с благоговейным трепетом находила скальпели и пинцеты, кронцанги и зеркальца в эмалированных кюветах. Другая нормальная девочка пришла бы в ужас.

– Ну, это нормальная – прервала поток своих воспоминаний Катя. – Ты вот, что, Катерина! Я тебе сказала – прекрати, но... Ты не горюй давай.

– Сейчас разберёмся, – продолжала она вслух разговор сама с собой. – Ну, не везёт в последнее время. Да. Работа у тебя трудная. Получаешь мало. Не продаешься. Живёшь

одна. Сын с тобой знаться не хочет. Это пассив. Но у баланса в двойной итальянской бухгалтерии всегда имеются две половины. Значит есть и актив. Ты у меня хотела стать врачом-хирургом и стала! Хотела иметь настоящую любовь и имела. А сына? Именно сына, чтоб на Андрея был похож? А он не похож совсем. Ну, он, конечно, коктейль. Да еще рыжий. Однако, вспомни. Всегда самый способный и в классе, и в колледже. Вечно с книжкой хоть за столом, хоть в туалете. Конфликтный и ранимый. С первого класса, вечно в кого-то влюблённый и обязательно, всерьёз. И гитара, и глаза эти его серо-голубые... Потом готовился – готовился на мехмат, щёлкал зубодробительные задачи по Сканави, по Гельфанду и Болтянскому занимался, а поступил на юрфак!!! Просто так! Это в наше-то время! Нонсенс – кто понимает. Значит, на свой лад, похож?

Он тогда сказал:

– Мама, не волнуйся. Университет я окончу обязательно.

Я засомневалась. Подумала: «Ох, не знаю. Ты ж у меня разгильдяй... Давай, однако, дерзай! Мехмат, ребята говорят, самый лучший на белом свете для математиков факультет. Наш университет для меня, он всегда останется Университетом с большой буквы. Он один такой, и марку держит, тут спора нет». А вслух сказала:

– Знаешь Петь, я считаю, всё можно потерять: Деньги, здоровье, любовь, если раньше имел. Но образование всегда с тобой, если получил. И ещё: когда тебя спросят, кому нуж-

на эта твоя математика? То есть отличный ответ.

– Мам, ты сегодня говоришь как оракул. Нет, мне правда нравится, – заулыбался Петька. – Какой такой ответ? Очень просто. Математика нужна для мышления. Я тебя раньше не спрашивал, а теперь вырос наверно, вот и пришло в голову. Ты по математике всегда как-то в курсе была того, чему в школе точно не учат. А теперь понимаю, и в твоём первом Меде тоже.

– Так я параллельно с обычной ещё физико-математическую школу при МИФИ кончала. Наша школа в этом направлении тоже не промах была. Мы тогда вместе с мехматовской группой в институт готовились, хотя собиралась я, собственно, в МИФИ как...

– Как отец? – быстро переспросил тогда Петя.

Он стоял, повернувшись к окну, правой рукой опираясь на стол. Катя посмотрела на эту его уже большую мужскую руку, покрывшуюся тёмно-золотистым загаром.

А я ему скорей:

– Петенька, ты что сегодня на обед хочешь? Есть пирог с капустой и бульон. А ещё можно отбивную с луком или котлеты индюшачьи, а к ним спагетти с сыром и итальянским соусом. И та-та-та.

«Катерина, слушай меня внимательно! Ты сейчас пойдёшь в душ. А то можно даже и ванну принять. А потом мы пожрём! Вот именно цыплёнка через «ы» сделаем. «Табакка»! По-настоящему: с луком, с лимоном, с винным уксусом.

И я его этим самым гладким булыжником придавлю, что ещё от мамы остался. Цыплёнок пошипит. Прожарится. И я! После ванны! Съем половину. Выпью к нему бокал красного вина, а потом устрою себе десерт. Вот сейчас».

Она достала красивое мейсенское блюдо и выложила на него два кусочка очищенной дыни, несколько клубничин и нарезанную грушу. Кстати, теперь на вопрос, когда у Вас бывает клубника, можно ответить, как в старом анекдоте: с восьми утра до двенадцати ночи.

– Отлично получилась! – Катя полюбовалась на свою работу.

«А потом, – старалась она поднять себе настроение, – я сварю себе кофе, тоже как следует – в песке. И даже выкурю одну сигарету».

Она уже выполнила почти всю свою программу. Блюдо с фруктами красовалось на столе. Рядом лежала толстая книга любимого Джеймса Херриота. Катя, достав из особой баночки кофе в зёрнах, собиралась приступить к священнодействию, когда раздался вдруг звонок в дверь.

– Извините, пожалуйста, Екатерина Александровна Сарьян здесь живёт? Перед Катей на пороге стояла маленькая очень полная женщина неопределённого возраста, одетая в жёлто-зелёную кричащую блузку с короткой юбкой, обтягивающей её увесистую филейную часть. Из сумки, болтавшейся у ней плече, торчал длинный батон. Пластмассовые бусы на монументальной груди отливали золотом с пер-

ламутром. Короткие, когда-то светлые волосы, измученные бесконечными ухищрениями парикмахеров, стояли дыбом. Морковная помада, фиолетовые тени для век.

– Простите, а Вы? – настороженно спросила недовольная Катя.

«Господи, наверно, очередная пациентка. Почему домой? Кто адрес дал?» – меж тем думала она.

– А я Валя. Валя Попова. Мы с Катей вместе в школе учились. Мне с ней очень надо поговорить. Тут, понимаете, такая беда, я...

– Валька? – перебила её опешившая Катя, – Валька, стой. Да остановись. Какая беда? Да я это. Ну, погляди хорошенько. Ты прости, я тебя тоже не сразу узнала. Двадцать пять лет всё-таки. И пошли в дом, что мы стоим. Будем сейчас с тобой кофе пить. Валюш, Валечка, ты что?

Валя Попова, на лице которой попеременно сменялись выражения растерянности, удивления, недоверия и робкого узнавания, вдруг поставила свою расхристанную сумку на пол, лицо её исказилось, а изо рта вырвался судорожный не то вздох, не то всхлип:

– Катюша-а-а-а, – застонала она. Горе-то какое! Вот к тебе пришла. Ой, да к кому же я с этим пойду? Кто поймёт? Ты я и Саша ещё. Я не знаю, где Саша, вот я и к тебе-е-е-е!

Она уже рыдала не на шутку, полные плечи её тряслись, и безвкусная штукатурка совершенно не скрывала гримасы настоящего горя и боли в её глазах. Катя, побледневшая и

встревоженная, моментально поняла, что надо вмешаться. Она закрыла входную дверь, обняла Валю за плечи и повела на кухню.

– Ты мне сейчас всё расскажешь, слышишь, Плюша? Ну не реви, ну не надо, моя хорошая. Вот ты водички выпей и подыши... И ещё подыши... Отлично. Ты что, закурить хочешь? У меня раковина вместо пепельницы. Смотри, какая красивая! Это с Тихого океана. Ну вот и хорошо!

Валентина вытатила зажигалку и, всё ещё всхлипывая, сказала невпопад:

– Какая у тебя пепельница чистая! Прямо блестит. Таких не бывает.

– Всё, Валечка, ты уже за горой. Рассказывай.

– За какой за горой?

– Э, да не обращай внимания. Это жаргон. Реаниматологи так говорят, если пациент выкарабкался. Постой, да ты у нас вроде медсестра. Не слышала, что ли?

– Не слышала, Катюша. В амбулатории я, – всхлипнула Валя, – да и ты, вижу, не слышала. Ты сядь.

Они разговаривали уже часа два. Валя курила, вскакивала, садилась и то возбуждённо, то горестно повторяла:

– Застрелили. Застрелили его! Не будет уже никогда. И где-то у чёрта на куличиках. Кать? Ты хоть была на Искии этой? Это хоть что? Египет? Это арабы его? Ох, а почему Сонька только мне позвонила? Вы же подруги были? Это мы вот с тобой...

– Слушай, Валюша, – Катя посмотрела на одноклассницу сухими блестящими глазами, – ты и я ни в школе, ни после школы, правда, не дружили. Но это наша с тобой жизнь. Наша большая любовь. Давай мы вместе, знаешь... ну может, не сейчас, позже... всё что сумеем, вспомним. Друг другу расскажем. Может, запишем, даже? Ты говоришь, где Постникова, не знаешь. Нет уже больше Саши! И вот теперь Андрей. В сорок шесть лет... Я Петьке почти ничего не рассказывала. А он знать хотел. Очень. Он имеет право знать про своего папу. Просто мне это всё так тяжело было! Ну что объяснишь ребёнку? Да и подростку тоже... А теперь я должна. Он хочет самого себя понять. Он ведь не только из меня, но и из него тоже сделан...

Она, покрасневшись от волнения и ломая пальцами случайно подвернувшуюся под руку сигарету, не смотрела на собеседницу, которая безуспешно пыталась что-то сказать. Наконец, Плюша-Валюша открыла рот, зажмурила глаза, и её пронзительный высокий голос тут же перекрыл взволнованный монолог хозяйки дома.

– Катерина, мать твою!!! Какой Петька? Какой папа? Дак ты что ж?

– Валь, – изумлённо вскинула глаза Катя, – мы, конечно, с тобой четверть века уж не встречались. Только... Неужели не знаешь? Так-таки никто не сказал?

Но Валентина молчала, полу открыв рот, и смотрела через плечо Кати выше на стенку. Катя, не оборачиваясь, тут же

поняла, куда.

– Ну да, – вдруг улыбнулась она, сняла большую фотографию двадцатилетней давности и поглядела на две смеющиеся мордашки молоденькой аспирантки, недавно окончившей ординатуру, Катюши Сарьян и её кудрявого рыжего малыша, – а это он. Петр Андреевич Сеница. Наш сын!

Глава 9

«Люблю этот аэропорт – думал Кирилл, – с тех самых пор люблю.»

Он вспомнил, как летели они втроём впервые из Москвы в Мюнхен. Совершенно легально, но почти без Денег. Как Саша растерянно оглядывалась, крепко держа за руку двенадцатилетнюю Лизку, и стеснялась говорить по-немецки. Как стояли на бесконечной движущейся ленте эскалатора со своим, одним на всех, чемоданом и тяжелыми коробками с компьютером.

Аэропорт сиял. Панели, отделанные красным и серым пластиком, светильники, кафе, ресторанчики и витрины дорогих международных магазинов проплывали мимо. Надо было как-то найти дорогу на Нюрнберг. Саша, сама уже вполне прилично говорившая, с трудом преодолевала застенчивость. Она правильно задавала вопрос и не понимала ответа. Что толку, что она, грамотно составляла фразу и пристойно произносила? Её собеседники, не ограниченные

запасом слов родимых учебников, отвечали, как бог на душу положит. И Саша решилась:

– Лизочек, – сказала она, – делать нечего. Ты говоришь по-английски точно лучше папы. Давай попробуем, малыш.

Да, он всё хорошо помнил. Это было вот здесь. Два больших лифта с дверцами, открывающимися на обе стороны, бесшумно опускали пассажиров и грузы на платформу «S-Bahn»⁷ и уносили их вверх к выходам на лётное поле. Рядом стоял служащий в форме. Лиза помолчала, распушилась как воробушек на морозе и чётко произнесла по-английски:

– Скажите пожалуйста, как нам лучше доехать до Нюрнберга?

После этого уже объяснялась только она.

– С тех прошло десять лет, – вздохнул Бисер, доставая билет. Я гражданин Германии, вдовец, Саши нет, Лиза совсем большая. Она, кстати, хотела, чтобы я на «Lufthansa» летел. Но уж очень рейс неудобный. Английская компания «Germania» – вообще тоже неплохо, но опять же, в пять вставать не хотелось.

– Спасибо, Вальтер, – обратился Кирилл к своему сотруднику, который доставил его к самолёту на служебной, красной как грудка снегиря, «Ауди», и сейчас провожал до «границы».

– Это уже «Аэрофлот». Да, ты побудь только, пока меня здесь обыскивать будут. Я, если что, отдам тебе пару дуэль-

⁷ Пригородные электрички.

ных пистолетов. Нет, серьёзно! Взлёта не жди.

Они крепко пожали друг другу руку, и Вальтер сердечно сказал:

– Желаю удачи, шеф. Я Вам буду позванивать насчёт «Форума», если что не так. Не возражаете?

– Только не очень часто. Занят буду. Слушайтесь там Метцгера. Он же начинающий заместитель.

– Есть, шеф! Счастливого пути.

Кирилл махнул рукой, подошёл к окошку контроля и выложил оба паспорта: красный российский с красивым золотым орлом и скромный небольшой Personalausweis,⁸ запаянный в прозрачный «пуленепробиваемый» пластик. Ещё несколько шагов – и он пересёк границу Федеративной республики Германии.

Глава 10

«Противный городишко, – думал Ден, – облупленный какой-то. Как там сказал Алекс, ФОрио или ФорИо?»

Он шёл, не торопясь, между виноградниками мимо стен, сложенных из зеленоватого туфа. Остров со всеми его красотами: гроты, пещеры и живописные равнины, его совсем не интересовали.

До встречи осталось полчаса. Ден поднялся по склону,

⁸ Паспорт немецкого гражданина – читается: «персональаусвайс».

нырнул в терракотовую арку, увитую лианами, и, миновав несколько стоящих на отшибе домов, углубился в переулки. Ему попадались на пути небольшие церковки, магазинчики и кафешки. Из-за высоких стен, правду, довольно обшарпанных домишек звучали иногда смех и детские голоса. Один раз он услышал довольно стройное пение, и сразу пахнуло раздражающим обоняние запахом запечённых с сыром и чесноком моллюсков и паприки. Тем временем серовато-белая мозаика средиземноморских особнячков с арабскими завитушками, садов, кактусов, агав и душистых пиний наконец закончилась.

«Вот она, площадь. Короче. Лучше бы Алекса снаружи подождать» – сомневался Ден, переминаясь с ноги на ногу и глядя на заманчиво освещенную огнями тратторию.

«А вдруг не придёт? Ни фига, Деньги у меня есть, паспорт в порядке. Просто позвоню Мерину и рвану в Москву. Да что, в самом деле? One ticket to Moscow please! Это я тоже сумею. Это все понимают. Ну да, сначала на пароме до Неаполя. А это как будет? Napoli? Вот Алекс, собака, всюду как рыба в воде. Итальянского он не знает, но по-английски любо-дорого чешет, и вроде, по-французски... Я, конечно, как всякий гонщик, раз карту увижу, и порядок. Вот и островок этот тоже. Неделю здесь прожили, только по ночам выходили, а я с завязанными глазами здесь теперь каждую хибару найду. Но названия Бухта Молино! Пляж Сан Пьетро! Или вот ещё – виа Рома!

Эти почему-то запомнил и баста. И ведь не понимаю ни бельмеса. По-итальянски ни в зуб ногой и по-буржуйски такой же хрен. Тут, правда, английский народ тоже не очень рубит, если не на вокзале или в банке. В ресторане даже, и то не всегда.»

От нечего делать он обошёл трагторию вокруг и остановился у открытого окна. Высокий олеандр в кадке скрывал его небольшую крепко сбитую фигуру спортсмена от нескромных взглядов прохожих. Из задумчивости его вывел знакомый голос:

– Quanto costa? Questo e' troppo caro!⁹ Гад буду, если это не... Нет, видно, просто похоже. Чёрт, померещилось. Точно.

Ден посмотрел на часы. Было без четверти семь. В это время вслед за женскими и мужскими темпераментными тирадами после очередного «Prego, prego signore!»¹⁰ тот же голос продолжил: Questo mi piace, grazie.¹¹ Маленький крепыш в красной майке и защитного цвета брюках проскользнул между стеной и пирамидальной «вазой» с олеандром и, стараясь держаться за цветущими ветвями, осторожно заглянул в окно. Перед ним наискосок виднелась зала, наполовину заполненная гостями. В глубине помещения на стойку бара опиралась немолодая полная женщина. Рядом орудовал

⁹ Сколько это стоит? Это слишком дорого.

¹⁰ Пожалуйста, пожалуйста, синьор.

¹¹ Это мне нравится, спасибо.

худенький паренёк лет восемнадцати. Перед ними вполоборота к окну в тени колонны стоял высокий стройный молодой мужчина в белой рубашке с короткими рукавами, оттенявшей его светло-шоколадную кожу. Все трое болтали живо по-итальянски. Мужчина повернулся, и последние сомнения Дена рассеялись. Это был Алекс.

Из открытых окон трагтории зазвучала музыка, и Ден очнулся. Он подался назад, оглянулся, вышел из-за своего душистого укрытия и спокойным шагом направился к открытым дверям. Алекс уже успел устроиться за столиком на двоих у левой стенки. Увидев товарища, он встал, заулыбался и помахал рукой. Ден подошёл, кивнул и сел, не говоря ни слова. Мулат встретил его напряжённый вопросительный взгляд, едва заметно поднял брови, однако не подал виду:

– Что заказывать будем? – довольно громко осведомился он.

– Ты, я смотрю, на русский перешёл, – с иронией прищурился Ден.

– А то! Теперь только по-русски! – не заметив подвоха, снова оскалил в сверкающей улыбке зубы собеседник.

В зале стоял полумрак, но и в неверном свете свечей было видно, что мулат много моложе своего напарника. Он был оживлён, вернее, взвинчен. Ему не сиделось на месте. Молчать он во всяком случае не мог.

– Давай, кореш, сейчас хоть пожрём, как люди! Он развернул меню, напечатанное, как это принято в курортных ме-

стах, на нескольких языках.

– Если ты пиццу хочешь, тут есть. Вот, например, эта поинтересней: «маринара» – матросская, или «куатростаджионе» – четырёх времен года.

11

Ну «кальцоне» нас не удивишь, ага – «кон ла скаролла», то есть с диким салатом, а?

– Да неохота пиццу. Дома надоела.

– О, ну тогда смотри. На закуску можно анчоусы взять или такие маленькие маринованные рыбки – алюцце. Их на побережье ловят. И к ним салат Капрезе. Или нет, баклажаны с грибами и пармезаном. А как ты насчёт супа?

– Не много ли? – сдержанно и недружелюбно отозвался Ден.

– А чё? Мы не спешим, и я приглашаю. Гляди тут какая штука есть – акуа пацца – безумная вода. Этот бульон с чесноком, оливковым маслом и жареными помидорами, – увлечённо повествовал Алекс.

– А сам ты что будешь?

– Я? Обязательно суп, вернее уху. У тебя сверху на пятой странице стоит «дзуппа ди пеше», уха по-итальянски из рыбы и моллюсков! – Алекс зацокал языком.

– А какая здесь рыба?

– Чаще всего морской петух и окунь. Слушай, давай всяких морских зверей закажем: мидий, кальмаров, осьминогов, креветок!

– Постой-ка, – прервал Ден эту кулинарную арию, – а мясо есть у них?

– А как же. Кролик по-охотничьи – конильо алла каччатора.

– Идёт. А то пицца, пицца... Вот эту ушастую пиццу хочу. И красного вина мне возьми.

Ден откинулся на спинку стула и осмотрелся. Зал понемногу заполнялся народом. Люди приходили семьями, компаниями, рассаживались, с экспрессией галдели о чём-то своём и никто, казалось, не замечал и не слушал двух иностранцев у самой стенки рядом с большой агавой в глиняном горшке.

– Вот и ладно, – обрадовался Алекс, – тебе красное Монтекорво возьмём. Или лучше даже Симментто. А мне... Фрасителли у них есть? Он поднял руку и щёлкнул пальцами, подзывая официанта. Смуглое лицо его с большими блестящими, как чернослив, глазами дышало добродушием.

– Денчик, я тебя всё спросить хотел. Ты после гонок за штангу взялся или и раньше железо таскал?

– Парень, ты закажи сначала. Я тебя тоже спросить хочу, – уже не скрывая угрозы, проворчал маленький крепыш.

К ним подошла молоденькая белобрысая девица, совсем не похожая на итальянку. Она зажгла свечку на столике и что-то сказала, вежливо улыбаясь. Алекс складно затараторил на английском, время от времени вставляя итальянские названия блюд, которые звучали в его исполнении совершенно

но естественно, как если бы он никогда ничего другого и не заказывал. Казалось, он непритворно рад встрече с Деном, предвкушает хороший ужин, испытывает, может, облегчение, что грязная работа позади...

Облегчение? – скрипнул зубами при этой мысли тот. – Нет, надо. наконец, объясниться, иначе я просто взорвусь от злости и неизвестности.

Они познакомились три года назад на маленьком аэродроме в далёкой африканской стране, куда нелётная погода и гастрольная судьба занесла ударника и вокалиста Александра Риццоне. Механик Володька Денисов обслуживал там наши самолёты, заслуженные гробы, купленные африканцами подешёвке в сумасшедшие годы больших перемен. Оба сидели в пабе, который открыл в этой богом забытой дыре невесть как попавший туда и осевший ирландец, и пили пиво.

– Бродяга, – размякший Володька чуть не плакал от радости, – я думал, ты местный! Как не думать? Ты такой шоколадный. Со мной тут два поляка и венгр. Они немного порусски могут, и всё. А ты москвич! Да я так рад, что...

Пулемётная очередь протрещала, и посыпались стёкла. Хозяин привычно присел. За окном сначала наступила тишина, а потом послышались крики. Снова раздался оружейный залп и взрыв. Очередной военный переворот разворачивался по всем правилам искусства и набирал обороты. Саша и Володька укрылись на складе при ангаре Денисова и месяц спина к спине продержались, изнывая от жажды, про-

падая от несусветной жары и питаясь собачьими галетами и консервированными бобами из запасов местного механика, случайно не вывезенных вовремя. Они выбрались

на последнем самолёте, увозившем консула Испании, представлявшем здесь интересы России. Раненый в плечо и голень Денисов держал голову Сашки на коленях и в голос причитал:

– Шурик, ну потерпи маленько. Мы быстро. Мы до Марселя. А там врачи! Ты же десантник! Шурик, а Шурик?

Сашка метался и бредил. Простреленная грудь при каждом вздохе издавала надсадный всхлип. Самолёт гудел и вибрировал, прорываясь сквозь плотную облачность, и падал в воздушные ямы. И тогда Сашка... Он не стонал. Он как раненая птица. У-и-и-и.

Это стоило десятков лет ни к чему не обязывающих встреч и знакомства «вообще». Когда быстро выяснилось, что в Москве их никто не ждёт особенно, если болен и беден как церковная мышь...

– Вовка, – опередил Алекса мулат, когда белобрысая убежала, сделав ветер длиннющей чёрной кружевной юбкой с красным фартуком, – что ты сидишь как неродной? Тебе рассказать или ты спрашивать будешь? Нет, лучше я сам начну, а ты потом. Послушай, Вовка! Мы теперь с тобой в порядке! На все сто! И Мерину твоему хватит. Я сейчас показывать не буду. Вот как отсюда выйдем, до хаты доберёмся – тогда!

– Так ты нашел? – буркнул Володька Денисов в узких кругах больше известный как Ден – гоняла.

– Кое-что я уже нашёл. А завтра проспимся, и вместе рыть будем. Там полазить нужно. Может, снаряжение потребует-ся. Да ты чего всё... злишься что ли? Или ты думал, я цацки найду и дёру? Я тебе, вроде, повода не давал. А может, мне помстилось? – Алекс постепенно стал заводиться.

– Саша... Слушай хорошенько, раз так! Не помстилось. Ты мне раньше, правда, повода не давал. Я и теперь тебя не готов вот так из друзей – и прямо в подонки. Ты знаешь, я одинокий шакал. У меня Мерин, да ты, да может, Люська, и то не уверен. Третьяк не умею и не люблю. Я был гонщик, а стал домушник. Не мне и мораль тебе читать.

– Вов, какой ты, на хрен, домушник?

– погоди, не перебивай. За последнее время, Саша, поводов этих, что ты раньше не давал... Поводов этих, говорю, набралось больно много.

– Ты это о чём?

– Я тебе сейчас скажу. Мне терять нечего – я ночью точно понял. Ну да ладно, это после. Так вот. Я на яхте тебя с этим Андреем видел. Как ты с ним говорил. И с чужими так не гутарят. Вы с ним знакомы были. Так или нет? Или врать будешь?

Ден в упор посмотрел на молодого человека, всё радостное оживление которого как рукой сняло. Кожа на его лице от волнения приобрела сероватый оттенок, а глаза лихора-

дочно заблестели.

– Врать я не буду, Вова. Я объясню. Но может, это ещё не всё?

– Знамо дело не всё! Когда шторм начался, все эти козлы – команда вшивая уже перепились. Урки в море не бельмеса не смыслят. В общем, ты его отпустил? Сначала развязал. Ты ведь сказал – он нам живой, а не мёртвый нужен. Поесть ему принёс, чайку, там... Это пока ураган не разыгрался.

– Ну а потом... И как ты думаешь, что потом?

– А я думаю, Саша, что, когда ясно стало, что нас на камни несёт, ты у пьяного в дымину боцмана ключ достал. Тогда уж такой кромешный ад стоял! Вряд ли ты много сумел. Но дверь ты открыл ему. Так или нет?

– Теперь уж я вижу, что и это не всё. Сейчас про Мерина спрашивать будешь.

– А как же? Ведь мы с тобой на этой надувнушке спасательной выбрались, слава богу. Да какому там богу? Что за бог нам помогать будет? Разве чёрт только. Словом, документы и пара грошей только у нас и были. А когда мы Мерину доложились, он что, скажи, начал жлобиться?

– Он сразу Денег нам перевёл. Велел филиальчик «Уни-Кредит» найти как можно дальше от берлоги. Все Деньги разом снять и не светиться. Залечь на дно. Тихо в отеле сидеть. А мне английские газеты найти и новости там читать, – спокойно ответил Алекс.

– Верно. Узнать, кто уцелел, а кто нет. Про Синицу это-

го непременно тоже. Теперь самое главное. Я тогда смолчал. Смолчал, заметь! Я своих не сдаю и не знал, как быть. А вы мне оба свои! И тут, ядрён корень... Даже если ты отпустил Синицу! Глупо, конечно, но в глубине души я нас с тобой с этой шоблой всё равно не мешаю. Ну, пожалел человека... Теперь, с другой стороны, Виталька Меринов, соседки по коммуналке тёти Груши-поварихи сын. Вечно в драных штанах и с синяком под глазом. Мы с ним пацанами рыбу на Клязьме удили, когда нам лет по десять было. Пусть он теперь в авторитетах ходит. Только когда после Африки оба мы на мели были, кто нам помог, разве не Мерин? И ведь он нам условий не ставил. Я, мол, вас – кормлю – лечу – за всё плачу, а вы, голуби, уж уважьте, скоммуниздите пару лимонов и грохните пару лбов! А не нравится, я вас на счётчик поставлю. Мы с тобой сами к нему работать потом пошли. А не пошли бы, я ж его знаю, он бы и слова не сказал! Можешь мне поверить, Сань!

– А я тебе, Володь, вообще верю. Верил, верю, и верить буду – внятно, отчётливо произнёс мулат.

Напряженное лицо Денисова несколько смягчилось, однако, он решительно продолжил:

– Ну а теперь? Как только здесь слегка улеглось, Мерин, кому надо, команду дал, чтобы его ребят чин-чинарём в эти их Люберцы доставили и похоронили. И семьям тоже помог. Там у него, кроме нас, ещё трое было. Хотя, ты знаешь, шторм-штормом, а пьянка на яхте была – дым коромыслом.

Мог бы он так рассудить – не сделали дела, квасили как мальчишки, яхту сгубили – теперь ваши проблемы.

– И вот, Саша, с тех пор я ушки на макушке держал. Синицу среди покойников не нашли? Не нашли. Что ж, Мерин опять выждать велел. И как звон пошёл – на Искии певец с гитарой и котом объявился, Мерин велел тебе Синицу найти. Ты у нас десантура и спицаешь тоже ты. Скажи, ты мог отказаться? Ну мог сплести что-нибудь: по дому скучаю, все Деньги продул в казино, триппер подцепил. Не знаю, что! Но ты согласился, собака!

Всё это время Алекс сидел, не говоря ни слова. При последних словах Володи он сжал кулаки и выругался.

– Хочешь поспорить? – усмехнулся Денисов в ответ.

– Нет пока. Надо терпеть. Есть будем? Смотри, нам несут. На столе появилось большое фаянсовое блюдо, на котором отливала золотом рыба, клешнястые красные крабы соседствовали с крупными раковинами, перламутровое нутро которых оттеняли розовые овалы мидий. Тигровые креветки и кальмары дополняли картину. На керамической глянцевой тарелке звездой расположились анчоусы, украшенные зеленью. Девушка налила им вино в бокалы и упорхнула. Собеседники замолчали, насторожённо глядя друг на друга.

– Ну давай, Денчик, дуй дальше, – подняв бокал с вином, наконец усмехнулся мулат, а я всё равно за нашу дружбу выпью.

– Добро. Уже недолго. Мы приезжаем сюда, снимаем ха-

лупу, выходим только ночами. Ты говоришь, он здесь, Синица то есть. Он здесь и болен. И мы достанем его. А я молчу! Я думаю – нет! Мой дружбан Сашка так не играет. Подождём ещё, поглядим.

– Теперь смотри, Саня. Мне этот Синица – никто и звать его никак. А ты его, видно, знаешь, он тебе доверяет. Ты ж ведь его отпустил и опять достать, значит, хочешь? Ну и под занавес, что же... Я слышал сам, что он с тобой как со своим говорил. А под окном я тоже сам... Сам два выстрела слышал. Такие дела... Потом ты до вечера пропадаешь. И бац – нашёл, говоришь. Всем хватит!

– Алекс, видно, ты из другой команды! Цацки эти себе оставь. Смотреть даже не хочу. С Мерином, конечно, придётся тебе делиться. Но это потом. А пока что скажешь?

– Сейчас. Итак, ты решил, что я скурвился, да? С Синицей ещё на яхте шептался. Потом его сознательно отпустил, сиречь Мерина с потрохами продал. Мало того, это для Андрея просто ловушка была. Его я догнал, убил и ограбил. А вдогонку тебя ограбить хотел, поскольку где-то шлялся всю ночь. Так может я тебя тоже шлёпнуть хочу, чтобы свидетелей не было? А Вовка?

Алекс слегка отодвинулся от стола, отправил в рот огромную креветку, запил белым вином и вытер губы белоснежной салфеткой. Краски снова вернулись на его щёки. Он посмотрел в упор на Денисова, которому отчего-то стало неловко.

– Леший и водяные, я же сказал чистую правду! – выдох-

нул он.

Алекс опустил голову на скрещенные руки, так что лица не стало видно, и Володя услышал спустя минуту. «Что-то такое? Хрип или стон? Плачет он что ли? Или, может, умом тронулся?» Тем временем мулат отнял руки от лица и выпрямился. Он... Хохотал! Он хохотал долго, со вкусом, демонстрируя все свои великолепные тридцать два зуба и шмыгая носом.

Вечер разгорался, словно сложенный умелыми руками костёр. Вот в центре небольшой ямки стоят тоненькие сухие веточки. Паутинка. Шалашиком. Они загораются от одной спички, весело трещат и горят без дыма. Затем – снова шалашиком. Ставят по второму кругу щепки потолще, заботливо наколотые остро отточенным топором. Пламя поднимается вверх, вьётся дымок и можно уже вокруг положить круглые поленья колодцем. Огонь гудит и дым от влажной коры густой, белый, полный водяного пара, остро пахнет прелой листвой и хвоей сырого осеннего леса.

Народу за столиками всё прибывало. Людской говор сливался в невнятный гул. Иногда, словно яркая искра, озаряемый смехом. Огоньки сигарет зажигались и гасли. За окном стало непроглядно темно, а в зале душновато. Голоса сделались громче, глаза заблестели сильнее, и гости чаще спрашивали вина и Лимончелло. Разбитной официант прошелся вдоль стенки и отворил ещё одно окно наружу.

– Послушай, Денчик, – вытирая слёзы от смеха, заговорил

мулат, – я передумал. Хотел, понимаешь, без спешки и без. В общем, так. Я сейчас тебе сначала под столом свой пугач передам, чтоб ты дурацкие мысли бросил. Теперь ты у нас «при оружье», а я гол как сокол. С этими словами ловкий молодой парень плавным неприметным движением опустил руку под стол и положил на колени Дена плоский кожаный чехол.

– Он у тебя просто как дамское портмоне. Даже на ощупь приятный, – несколько смягчился Денисов и улыбнулся одними глазами.

– Ага. Так-то лучше. А теперь вот что. Ствол из-под стола ты прибери аккуратно. Я тебе и на столе маленький сюрприз приготовил.

Алекс достал из стоящей на полу рядом со столиком чёрной спортивной сумки с фирменным знаком «Nike» керамический цилиндр и поставил его рядом с бокалом Дена.

– Я пойду в клозет прогуляюсь, а ты посмотри на досуге. Бояться особо нечего. Они не взрываются. Но ты, конечно, «эврика» не кричи – не поймут. Нам с тобой не к чему светиться.

Он встал и направился было к лестнице, ведущей вниз к туалетной комнате, как вдруг остановился.

– Да, забыл сказать. Я для тебя несколько штук открыл. Так ты свечку возьми, чтобы увидеть. Поднеси к коробчонке, как поднимешь прокладку.

Алекс махнул рукой и спокойно, не оборачиваясь, двинул-

ся прочь. Его товарищ подождал немного, инстинктивно следя глазами за уходящим. Ему снова стало неловко. Как только он услышал этот искренний смех, нижним чутьём ухватил тон разговора – тут же поверил и перестал сомневаться сразу и навсегда.

«И что мне в голову взбрело? Надо было его спросить! А то носил в себе дерьмо, чекист паршивый, – с облегчением ругал себя Денисов. – Вот придёт и объяснит. Мне даже про итальянский хренов спрашивать неохота. Только лучше

выяснить всё же, чтобы снова бес не попутал. Стоп, а про чудную эту его «коробчонку» я позабыл. Ну-ка, что это он там накопал, этот Сашка?»

Ден пододвинул к себе обливную глиняную безделку и попробовал отвинтить крышку. Она не поддавалась.

«Для чего такие штуки служат? Может быть, для иголок? Или для различных пахучих травок?» – Володя постучал по столу. Слово «пряности» прямо вертелось на языке, но не хотело вставать на место. Денисов, понемногу раззадорившись от любопытства, снова попытал счастья. Он ухватил верхнюю часть коричневого цилиндра салфеткой и с усилием, наконец, повернул по часовой стрелке. Крышка открылась. Тогда Ден поднял пористую прокладку и увидел, что внутренность «игрушки», как Володя мысленно окрестил посудинку, наполнена бурыми шариками. Денисов удивлённо заглянул внутрь, тронул мизинцем две-три кругляшки и спохва-

тился.

«Сказано – не светиться. А я, верно, пока эту... Этот футлярчик распотрошить пытаюсь, всех озадачил. Чем занят? Что сейчас вытащит? Интересно же!»

Он осторожно огляделся – ничего подобного! Посетители, заполнившие уже все столики до отказа, и не думали наблюдать за его занятием. Они оживлённо болтали, веселились, сердились, флиртовали, муштровали или ласкали детишек, словом, полностью были заняты собой и собственными делами. Ну и ладно, полный порядок! Денисов, предусмотрительно загородившись меню, поворошил шершавые, глиняные, видно, шарики и высыпал несколько на ладонь.

Ничего примечательного. Бусины как бусины. Глина это или крашенный алебастр? Постой, да может они и не бусины вовсе, а, скажем, таблетки? Но для чего?

Он снова заглянул вглубь «игрушки», стоявшей прямо около свечи, и едва удержался, чтобы не ахнуть.

«Мать честная! Светляки или... Пламя свечи, заколебавшись от человеческого дыхания, взметнулось выше, и оранжевый язычок осветил всё содержимое загадочной «коробочки», из которой брызнули вдруг зелёные искры.

Только спокойно, парень. Мерин говорил про коллекцию. Нет, как-то иначе. Собрание? Да, может, Мерин и сам толком не знал? Старик какой-то... то ли помер, то ли нет, а Синице этому фамильную коллекцию завещал. Надо было узнать, где она и добыть. Вот я почему-то и думал, что это

монеты. Золотые монеты старых времён, «николаевки», там, или как... Ну не «керенки» же... Да и не наше это дело! Мы с Сашкой для чего нужны были? Инструменты, охрана...»

Володя пододвинул к себе чистую фарфоровую пепельницу, уложил на её дно салфетку, чтобы шарики не гремели, и высыпал в неё их все. Среди неприметных бурых горошинок несколько штук напоминали фисташки, наполовину очищенные от скорлупок.

– Ядра – чистый изумруд. Слуги белку стерегут! – вслух продекламировал потрясённый Денисов, на минуту позабыв о возможных последствиях.

Музыка в зале зазвучала громче. Быстроглазый официант, ловко пробираясь между столиками, двинулся по направлению к Дену с дымящейся лазаньей в руках. Тем временем Володя опомнился. Он аккуратно ссыпал шарики в футляр, завинтил крышку и спрятал его в левый нагрудный карман.

– Если бы не дед – часовщик, что меня с малолетства в таких вещах разбираться научил, не все эти диковинные часы – луковицы, которые носили на цепочке, и сами цепочки с брелоками... Такой ещё карманчик специальный жилетный для них имелся. А на крышках часов монограммы бывали. И ещё часы – медальоны. Золотые, разные и с камнями. Дед всё это знал и ценил. Иногда бесплатно чинил. Приводил любовно в порядок. Если бы не дед, говорю, – бормотал еле слышно Денисов, – да разве бы я понял, что это та-

кое есть? Изумруды! Ох, да какой огранки! Это тебе не кабошон паршивый, не бриллиантишки плёвые! Редкость-то, редкость-то, батюшки! Вот тебе и коллекция!

В это время официант, освободившийся от лазаньи и бутылки Кьянти, вытащил из кармана телефон, распеваящий «Хабанеру», послушал недолго, глянул по сторонам и сказал на островном греческом диалекте:

– Да. Оба дома. Только младший отплыл на минутку. А я и смотрю! Чао, Луиджи, чао, мой дорогой.

Алекс вышел из туалета, сполоснул руки и обернулся. Самым лучшим местом в крошечном полуподвальном помещении был широкий низкий удобный подоконник выходящего на улицу длинного распахнутого настежь окна. Молодой человек немного помедлил, а потом забрался на него с ногами и вытянулся.

«Надо передохнуть. Даже курить неохота. Пусть пока Денчик на камень наглядится. Он, может, и не поймёт, что это? Мы ведь только помогать должны были, если б не шторм. Этот гад Генка! Вот уж мерзавец! Он главный был «по Синице». Он Чёрного спьяну изрешетил. Сам тоже спьяну ко дну пошёл. Вот мы и...» – Мулат прикрыл глаза и постарался отключиться на несколько минут. Спиной он опирался на свод окна, руки закинул за голову, влажные завитки волос

прилипли ко лбу, в ушах слегка шумело и всё вокруг покачивалось от сумасшедшей усталости.

А я и не заметил, что устал, не замечал, как долго не спал, пал, пан, панч...

– Панчито!

– Да, комиссаро?

– Нет, впрочем, не ты. Луиджи! Вывел его из тяжёлой дрёмы начальственный настырный голос. Говорили по-итальянски.

– Оба выхода на контроле. Также все окна слева. Ты держишь одно только правое окно, понял?

– Понял. Чего же тут не понять? – на этот раз отозвался высокий мальчишеский голос.

– И не забудьте, ребята, они вооружены. По крайней мере, один из них. На улице разговаривали несколько человек. Звук шагов отчётливо приближался.

– Так постреляем. Я уж не промахнусь! – радостно засмеялся мальчишка.

– Только этого не хватало! Перестрелку ты мне устроишь. В ресторане полно народу – дети, женщины, ты что спятил? Ох, ты ещё зелёный, Луиджи!

– Полно народу, шеф, да. Это ж наши после сиесты, белые люди, туристов мало. Спорим, по африканцу я не промажу! – захихикал

– Луиджи, – Ваш Алессандро, он там один такой черномазый. В Африке...

– Тише, осёл! Сам ты из Африки. Баста. Замолкни. Вперёд!

Эти слова окончательно прояснили затуманенное сознание мулата. Он вздрогнул. Его рубашка разом взмокла.

– Как – Алессандро? Кто черномазый? Да это же они обо мне!

А его тренированное тело независимо от запаздывающих приказов делало своё дело, и Алекс, соскочив с подоконника, уже нёсся по ступенькам вверх к портьеру у двери. В мозгу у него стучало: «Скорей к Володке! Он там один, всё при нём. Ах ты, подлость какая! Подумает, правда, подставил».

Он затормозил на полном ходу перед ячеистой деревянной перегородкой с зеленоватым стеклом, прижался к стене и напряжённо всмотрелся. Прямо напротив него находился выход наружу. Эти как раз входили – кряжистый средних лет мужчина в бейсболке

– Комиссарио? – седоватый высокий усач постарше.

– Верно, Панчито, – машинально отметил Алекс, – а вот и Луиджи.

Третий, чуть по отстав, встал у окна и, как было велено, занял позицию. Он, и правда, был молодой, весь какой-то вихляющийся, в модной джинсовой куртке и драных штанах с бахромой. Двое старших не спеша, и, казалось, ни на кого не глядя, занятые разговором друг с другом, направились прямо к Дену. В этом не могло быть никакого сомнения. Володя сидел вполоборота. Он не видел ошалевшего от ужаса

друга. Не заметил и карабинеров в цивильном. Денисов собирался, видно, выпить вина, как вдруг передумал. Пистолет в кожаном футляре и изумруды в глиняной шкурке не давали ему покоя. Перепрятать? К Алексу сбегать? Где он запропастился, чудила? Топать скорей отсюда, всё обсудить и...

Ден положил на колени рюкзак, нервно засуетился, сунул руку в карман, потом вытащил чехол, привстал и увидел спешащих к нему мужчин. Давешний кельнер с решительным видом перекрыл ему отступление с тыла. Всё дальнейшее произошло в течение нескольких секунд.

– Сидеть, вы арестованы! В руках седого оказались наручники. Но увидев кожаный чехол и уловив движение Володи к карману, он инстинктивно отпрянул. В следующее мгновение шеф заорал:

– Не стрелять! Не стрелять, идиот!

Но было поздно. Луиджи полоснул от окна очередь с каким-то безумным, испуганным и вместе счастливым лицом, и Алексу сперва показалось – «в молоко». Синяя ваза в стенной нише разлетелась на тысячу кусков, а Ден изумлённо поднял голову, не отнимая руки от левой стороны груди. Он слегка повернулся, сел и затих. Очередь прошла тело насквозь и пули частью засели в стене. Гром выстрелов, взрыв ругани, звон стекла и дробный стук разлетевшихся бусин раздалась одновременно.

– Где второй? – кричал старший, – бросаясь к Дену. «Скорую» скорей! Полный свет! Остаться всем на местах!

Притушенный в зале свет вспыхнул в полную силу, за окном завывали сирены. Первой из оцепеневших от страха гостей опомнилась полная живая синьора, сидевшая за столиком слева со всем своим многочисленным семейством. Она кричала, прижимая своего младшего к себе и глядя на неподвижного Володю, но рукой указывала вниз:

– Венерин камень! О святая мадонна!

Главный полицейский сделал невольный шаг вперёд и опустил глаза вслед за её указующим жестом. На полу из чёрной мраморной крошки в ярком свете многочисленных ламп, вылупившись из своей скорлупы, засияли крупные изумруды.

Глава 11

Красивый современный новый аэропорт в Москве ничем не отличался бы от таких же в Европе, но почему-то во всех его длинных, недавно отделанных переходах нестерпимо несло туалетом.

Толпа другая, – отметил Кирилл, – и я другой. Да ещё первый раз никто не встречает. Следовало, наверно, заранее договориться, где жить стану. Впрочем, ладно. Как решил, так и будет.

У выхода клубился народ, наперебой предлагающий пассажирам отвезти их немедленно хоть к чёрту на рога. Бисер отошел в сторонку и осмотрелся. Вокруг было шумно, люди

окликали друг друга, звучала разно племенная речь, плакали дети и голосили встречающие.

– Господин Бисер? – услышал он вдруг женский грудной голос, Кирилл Игнатьевич, это Вы или я ошибаюсь? Вы меня, верно, не помните. Я Нина Белая из «Икара».

Кирилл обернулся и увидел невдалеке маленькую женщину лет сорока в деловом костюме, быстро пробирающуюся к нему. «Икар» была партнёрская фирма из Москвы, с которой у него года два назад завязались отличные деловые отношения. Эта Нина, как сказали бы раньше, зам по кадрам и...

– Здравствуйте, Ниночка, конечно, я Вас помню. Просто задумался о маршруте. Как и куда.

– А мы тут бельгийцев провожали. Они только что улетели. Иду я и вижу: Вы или не вы? – Нина приветливо пожала Кириллу руку.

Какими судьбами, Кирилл Игнатьевич?

– Это долгая история. Вот теперь надо решить, где поселиться, на чём доехать.

– А вас не встречают? – удивилась Белая.

– На этот раз я один как перст.

– Если хотите, я вас подвезу. Я с водителем. Знаете, самой за рулём сидеть, по Москве ездить, в пробках стоять – никаких нервов не хватит. А мне они для работы нужны.

Нина, наперекор своей фамилии чёрная как галчонок, с блестящими как маслины глазами улыбнулась, показав ряд отличных ровных мелких зубов.

– Выходит, мне вас просто ангел-хранитель послал. Неловко, правда, вас затруднять, – засомневался Бисер.

– Ерунда, что вы, право! Вы по делам?

– Что по делам, то по делам. Только не по работе. Мне нужно тут кое-что уладить. Я вылетел из Мюнхена пулей. Вот думаю сейчас, в какую бы гостиницу двинуть. Я хотел так: всё равно надо пообедать. Значит можно добраться до центра, сесть где-нибудь поесть, скажем, у «Петровича», ну и обзвонить пару отелей, где раньше был. Или в случае чего, если уж совсем не повезёт, я к тётке своей старенькой поеду на Каляевскую.

– Кирилл Игнатьевич, знаете что? Если Вам сейчас люкс не нужен... или нужен всё-таки? – спросила Нина.

Он засмеялся. Налоговый инспектор-консультант – важнейшая фигура для предпринимателя, давно объяснил Бисеру, что он может позволить себе по служебным делам останавливаться в очень хороших отелях и для встречи с деловыми партнёрами тратить в ресторанах солидные суммы. Эти расходы всё равно спишут ему с облагаемой налогом прибыли. И поэтому москвичи, посещавшие его по работе и знавшие его уже, как разумного и сдержанного человека, совершенно не склонного пускать пыль в глаза, удивлялись порой тихонько тому, что он, не пугаясь безумных московских цен, приглашал их к себе в «Шератон» или «Версаль».

– Ох, извините. Потом доскажу. Лёша, мы тут! – Нина, уверенно и быстро лавировавшая в гуще пассажиров и со-

провожающих, вывела своего спутника к тротуару и зашагала к молодому человеку, стоявшему и курившему около синей «Ауди».

– Знакомьтесь, Кирилл Игнатьевич, это наш сотрудник – мастер на все руки. Водитель, связист, программист – всё что хотите!

– Да что Вы, Нина Юрьевна, какой там программист. Обычный пользователь, – отшутился молодой человек, забирая багаж. – Садитесь, пожалуйста. Такси свободен!

Кирилл, не обративший сначала на него особого внимания, взгляделся теперь пристальнее и заметил:

– Программист – не программист – бог с ним. Этих теперь навалом. А вот что Ильфа и Петрова читали – хвалю! Мы можем, кстати, запросто без отчества общаться. Я ведь уже и отвык.

Они ехали по направлению к городу на хорошей машине со скоростью километров в сто. На неровностях не особенно ухоженной дороги заметно потряхивало. От этого скорость, совсем не ощущавшаяся бы в Германии, казалась большой и опасной.

Отставить! Я при исполнении. Что за ерунда лезет в голову. Да и Нина что-то говорит.

– ...без отчества мне неловко, – действительно закончила Нина фразу, начала которой он не расслышал. В общем, у нас сейчас затишье. Я вас могу в «Служебную» отвезти. Помните, где мы координационное совещание проводили с

поставщиками? Там чисто, тихо, душ, туалет и телефон в номере. Но без фокусов. Никаких тебе баров, ковров и мраморов.

– Вы ещё скажите: будуаров и альковов, – включился Кирилл. – Я просто не знаю, как вас благодарить. Эта ваша «Служебная» прямо у МИДа. Лучше придумать нельзя. Метро рядом. Я, впрочем, машину непременно возьму напрокат. Вы понимаете, когда я по службе приезжал, меня всегда возили. А сейчас я сам с усам. Так может, вы мне посоветуете, куда обратиться?

– Сразу навскидку не скажу. Никогда с этим не сталкивалась. Пожала плечами Нина. – Гостей мы сами возим. Давайте до завтра. Я справки наведу.

Водитель Лёша, не принимавший участия в разговоре, обернулся:

– Нин Юрьевн... ?

– Конечно, Лёша. Займись, а как же. «Разобраться и доложить!» А у Кирилла Игнатьевича, как приедем, телефон номера запиши. Вы надолго, Кирилл Игнатьевич? – обратилась она к Бисеру.

– Больше двух недель я тут остаться никак не смогу. Мне, видите ли, нужно просто определённое дело сделать. Сколько для этого потребуется в целом – один Аллах ведаёт. Понадобится – ещё вернусь.

– Понятно. Это я для гостиницы. Мы для вас это «пребывание» без всяких вопросов организуем и, если надо, про-

длим. Я думаю, вам телефон обязательно потребуется.

– Так вы же сказали – в номере есть?

– Нет, этот... ну как его? Я имею в виду «мобильный».

– У меня есть.

– Не сомневаюсь. Только зачем же в Москву через Германию звонить? Просто покупаете сим-карту здесь и можете его вставить в свой аппарат или другой новый использовать – как хотите. Но чтобы его тут иметь, нужна московская прописка. Лёша, ты себе запиши.

Кирилл снова поблагодарил и подумал, что всё в этой необычной, спонтанной поездке словно в специальном ностальгическом путешествии «по памятным местам». Надо же, его везут именно туда, в этот район, где прошло всё – не детство, нет – но отрочество. Вот! Так будет правильно. Слово для современных ушей уже чужое. И в его время так не говорили. Ясно! Какие там отроки. Но и «тинейджеров» он тоже не любил. И как, собственно, образовать от них существительное среднего рода? Тинейджерство? Моё тинейджерство, стало быть, здесь протекало. Муть голубая.

В гостинице всё прошло как по маслу, и часа через полтора Бисер, сердечно простившись со своими спутниками, остался один. Он распаковал чемодан, выложил ноутбук с полагающимся к нему портфелем и, немного подумав, вышел сквозь прохладный и безлюдный вестибюль на улицу. Улица эта, зажатая спереди со стороны Садового кольца огромным сталинским небоскрёбом министерства ино-

странных дел, вся была запружена машинами.

Отсюда, прикинул Кирилл, – мне, даже если не спеша идти, надо всё равно только четверть часа. Господи, сколько же я не видел ребят? Старого тут, что по ту, что по эту сторону Арбата, немного осталось, однако дом, куда он сейчас шёл, стоял, как ни в чём не бывало. В целости и сохранности, старый, ничем не примечательный, слегка неряшливо подштукатуренный и подмалёванный, он выделялся разве только решётками с висячими замками, закрывающими со всех сторон входы и выходы в окружающие его проходные дворы. Кирилл, войдя в один такой двор, миновал вагончик с надписью: «Ремонт обуви. Быстро и дёшево» и подошёл к с детства знакомой двери, косясь на окна первого этажа, тоже, как и всюду теперь в Москве, забранные решётками.

Ох, ёксель-моксель, здесь же теперь, несомненно, код! Когда он, понятно, не знал. Телефона, наверняка нового, тоже. Так. Надо было как-то выходить из положения.

Почему мне не пришло в голову, что они уже вообще здесь не живут? – спросил себя с досадой Бисер, оглядывая дверь, и тихо выругался.

– Взял да явился, ничего не узнав, – бурчал он себе под нос, когда старческий чуть надтреснутый голос прервал эти невесёлые размышления:

– Вот я и говорю, Дусь, пенсию Витька за хозяйку получил аль нет? Померла-то она когда? Осьмого, да! А пенсия, чай, десятого. Дусь, а Дусь?

Старушки вполне деревенского вида, сидевшие на скамейке рядом с подъездом, громко гутарили о своём, как это нередко бывает у глуховатых людей.

Ну я осёл. Ищу, как в Мюнхене, таблички с фамилиями жильцов. Совсем одурел, москвич хренов. Вот они, таблички-то! Хотя... Может бабушки эти из новых? И пусть не лимитчики – таких теперь нет, так беженцы. Это верней. А, попытка – не пытка.

– Здравствуйте, извините пожалуйста, – обратился он к ближайшей к нему толстенькой в чёрном платке и очках пожилой женщине, которую её подруга называла Дусей. – Мне надо тут к доктору с первого этажа сразу направо в этом подъезде, а я код забыл. Такая незадача!

– Это к Марии Семёновне что ли?

– Точно, к Марии Семёновне Осиповой. У неё ещё дочка Соня и сын Коля помладше. А Вы её знаете?

– Как не знать, милай, – откликнулась соседка Дуси. Вся наша жизнь, поди, здесь просвистала. Мария Семёновна, как же. Всегда тут всем помогала. И муж ейный доктор был, Матвей-то Ильич. Давно-о преставился, давненько. Ну, тот больше заразу всяку лечил. И строгий же был дядька, прямо беда!

– Ох, ты и скажешь, Клавдия Петровна. Вот деревенщина, прости господи. Восьмой десяток в Москве живёшь, а всё: «заразу». Он, Матвей-то Ильич, знаешь сынок, на Соколинке главный был. Там на Соколинке гошпиталь раньше стояла. Как сейчас – я не знаю. А раньше, кто – хоть малой, хоть

и взрослый – корь там, али ветренницу, али свинку, али, бо-
рони боже, оспу каку подхватит – сейчас туда, -охотно при-
ветливо затараторила Дуся.

Моисей Эльевич, про себя улыбнулся Кирилл. Когда-то
он случайно узнал, что Сонины родители, оба подполковни-
ки медицинской службы, взяли фамилию жены. Имя с отче-
ством доктор Франк, несмотря на людоедские времена, не
менял, просто так пациентам было проще. Из Моисея он стал
Матвеем, а непроизносимого Элиевича переделать в ленин-
ского Ильича просто сам бог велел.

– Про Матвей Ильича я знал, а Мария Семёновна?

– Жива, сыночек, жива, – успокоила его Клавдия. – И, до-
ма, чай.

– Я её седни с кошёлкой видала, она из маГАзина шла. Ко-
шёлка така на колёзьях, знаш? Она с ней и на Кружок ходит,
и в этот наш «СимОй импотент»!

– Куда, Клавдия Петровна? – переспросил её с надеждой
Кирилл, вдруг почувствовавший, что тягостные воспомина-
ния и напряжение, владевшие им с момента получения пись-
ма, начали отступать.

– Эвон, в «Симой импотент», на угле на Арбате! – повто-
рила бабушка внятно, и он понял, что не ошибся.

Кирилл охнул, плюхнул на скамейку портфель и опустил-
ся на валявшееся рядом ведро. Он хохотал долго, до слёз, с
облегчением хлопал себя по коленям, порывался что-то объ-

яснить бабушкам и не мог. Старушки тоже потихоньку начали хихикать.

– Их-ха-ха, что ты, милоч? – слышалось их клохтанье на весь двор. Их – хи – хи – хи, господь с тобой!

Кирилл только отмахивался. Он был дома.

Глава 12

В подъезде было темно и пахло кошками. Лифт справа от квартиры остался тот же. Тяжёлый, с металлической решётчатой дверью, лязгающий на остановках и дребезжащий при движении всем своим дряхлым нутром. Сонька жила на первом этаже. Лифт был им не нужен, но ребята иногда катались на нём от нечего делать, когда выходили покурить в подъезд.

Мария Семёновна открыла дверь сама, и стоя спиной к свету, неуверенно сказала:

–Здравствуйте, Вы, наверное, к Соне с Костей? А их нет, они только

послезавтра будут.

– Мария Семёновна, это я, Кирилл Бисер, Кир Бис, Кирка Стеклярус, помните?

– Господи, Кирочка, это правда ты? Да проходи, проходи скорей! Вот Соня то огорчится. Она, видишь, как раз на два дня на дачу укатила. И Костя тоже прямо с работы туда ездит. Ой, ты что это белый стал, как я? Ты же ещё совсем

молодой?

– Мария Семёновна, дорогая, дайте на вас хорошенько посмотреть! Сто лет я вас не видел. Я белый или серый – разница невелика. А вы молодцом! Разве что подстриглись. А так, вовсе не изменились. Вы не верите, а я, ей-богу, не вру!

Он обошёл вокруг пожилой женщины, улыбающейся ему такой знакомой материнской улыбкой, радостно чмокнул её в щёчку, ощутив лёгкий аромат «Красной Москвы», и снова подумал, почти не веря себе.

– Отпустило. Ещё немного отпустило меня!

Они сели за стол на большой кухне, выходящей окном во двор, пить чай. И Бисер, с уплетавший за обе щеки пышки и печенье с «витамином», рассказывал, спрашивал, смеялся и огорчался, чувствуя себя если не мальчишкой, то студентом. Вот он прискакал из Долгопрудного, из общаги Физтеха, и скорей отметиться сюда. Благо от его коммуналки до этого дома рукой подать. Вот так: две-три минуты до Кружка, до школы подольше – минут восемь, до Соньки -пятнадцать. Целую жизнь назад.

Он уже расспросил о Соне, о её втором муже Косте, о дочке Наде, вышедшей замуж за испанца и жившей теперь где-то рядом с Барселоной. Давно пора было перейти к делу, а он всё не решался. И вдруг Мария Семёновна вздохнула и негромко сказала.

– Кирочка, а ты про Андрюшу знаешь или нет? Соня тебя должна была найти, я понимаю. Я, старая, обрадовалась, да

на радостях о плохом позабыла. Ты, наверно, потому и приехал?

– Соня? Нет, это я сам... Даже не знаю, как начать. Вы, конечно, обо всех наших запутанных отношениях слышали. Я сейчас, действительно, из-за Андрея примчался. Так сказать – долг чести отдать. Срочно и не раздумывая. Но я толком ничего не знаю. Я, видите ли, от него письмо получил с указанием. А как мне дальше быть, всё это – у Соньки... Мы так ещё в десятом классе решили. Ох, я вам совсем голову заморочил, да?

Но Мария Семёновна сделала движение, и Бисер по её напряжённому печальному лицу понял, что она его просто не слышит.

– Ты не знаешь. Так вот как вышло. Значит мне и сказать придётся. Сколько я на войне смертей видела, скольких извещать приходилось, и писать, и так, и иначе... Но к такому нельзя привыкнуть...

Старая женщина сделала паузу. Кирилл, готовый к тому, что должен услышать, замер и весь обратился в слух.

– Нет больше Андрюши. Убили его, – выдохнула Мария Семёновна.

– Господи, кто? – ахнул он. – Почему? Где? Как так?

Бисер, ожидавший рассказа о больнице, инфаркте, может, пьянке с девчонкой лет на тридцать моложе фигуранта, потрясённо замолк.

– А Соня откуда узнала? Андрей, что и Вам письмо при-

слал? – наконец снова спросил он, пытаясь собраться с мыслями.

– Да как же это он напишет, что ты, голубчик? – растерялась Мария Семёновна, и Кирилл понял, что сморозил глупость. Однако она продолжала свой печальный рассказ.

– Соню, ты же знаешь Кирочка, вечной старостой называли. Да и адрес прежний остался. Может, мы одни живем, как и раньше, на старом месте. Так если что случится – школьная встреча, свадьба ли, дети ль нам и сейчас как раньше

звонят. Реже теперь, правда. Что и говорить. Сам Андрюша с полгода назад тоже был. С гитарой пришел. Не понравился он мне! Постарел, бледный, выглядит плохо. Я ему: «Дай, послушаю тебя!» Не дался. Смеялся всё. «Я, говорит, доктор, теперь с сигарет на трубку перешёл, что твой капитан. А капитаны – народ здоровый. И если уж помирать-то лучше на корабле!» Ну, выпил он тут за столом рюмки две коньяку. Косте с Кавказа настоящий армянский как-то прислали. И вот он, Андрюша, белый сделался, потом покрылся! Полежал, правда, пять минут, а потом давай песни петь под гитару. И что ты думаешь? У нас как раз внучка моя гостила, Надя, а с ней подружка. Так эта Инес из Барселоны ей, верно, года двадцать два, не больше. Глазищи свои кофейные как вытаращит, ресницами как захлопает, и давай с ним по-английски лопотать! Соня моя насчёт языков не очень, да и в школе вы немецкий учили. Но вот Костя, и, конечно, Надюша – те понимают. Они мне потом по секрету сказали, что

Инес ему свой адрес вручила, его телефон у Сони просила и очень, ты знаешь, очень.

Она подняла глаза на Кирилла, осеклась и добавила без всякой видимой связи с предыдущим.

– Соня, как с дачи приедет. Да что это я? Ты прости меня, голубчик. Давай мы ей сейчас позвоним. Я, стыдно просто иногда, забываю про эти новые телефоны. Для меня, как и раньше, на даче так на даче. Связи нету! Погоди, я книжку записную найду. Она поправила очки, встала и направилась к дверям.

– Вы это про «мобильный»? Можно и по нему, но у них там и простой есть.

– Марь Семёновна, а можно я пока по квартире поброжу? Может, что ещё и осталось?

– Конечно, Кирочка, а как же! Книжки все наши, как были при Матвей Ильиче, так и стоят.

– А крокодил?

– Иди-иди. И крокодил тоже есть.

Бисер вышел в коридор, толкнул дальнюю правую дверь... Крокодил был на месте. Метровый деревянный, покрытый чешуйками, некоторые из которых отвалились ещё лет тридцать назад, он невозмутимо лежал на кушетке у окна, полуоткрыв зубастую пасть.

Знатная это была квартира по тем временам! Три большие отдельные комнаты выходили на разные стороны дома в разные же дворы. Кухня метров в двенадцать, ванная, ко-

ридор. Всё тут было солидным, просторным и добротным.

«Наши тогда почти все жили в коммуналках,» – думал Кирилл. Он перебрал в уме нескольких школьных ребят и задним числом удивился: не видел, не замечал.

А ведь Валька не просто в коммуналке – в подвале жила. Ваня и Лина, близнецы Силины, тоже. Женя, Димка, Вася Терской, Катя Сарьян получше, но все с соседями. А Лида, пусть не в подвале, так в «вороньей слободке» барачного типа. Какая там ванная! Да, так прилично у одной Соньки было.

Кирилл вошёл в столовую и посмотрел на стену. Часы тоже висели на старом месте. Тяжёлый тёмно-золотой маятник беззвучно качался в большом деревянном коричневом футляре со стеклянной дверцей, и бабочки светят. На часах, на макушке, сидел крупный пушистый кот с большими белыми усами.

– Чучело! – ахнул Кирилл, – коты столько не живут. Но полосатый, с такой же белой грудкой и лапами!

– Мать честная... Васенька? Ва-а-а... или всё-таки?

В часах что-то заскрипело, затрещало, застрекотало, раздался глуховатый, но сильный бой. Старый футляр и хрустальная люстра в мелких подвесках тоненько зазвенели в такт. В следующую секунду «чучело», с хриплым «мя-у-у-у-в» прыснуло мимо гостя и исчезло за шкафом.

Мария Семёновна подошла к новому телефонному аппарату в столовой и вздохнула. Сделанный в виде большой трубки, висевшей на стенке, он состоял из клавиатуры и микрофона, тёмно-красного на белом фоне.

Этих она тоже боялась. Эх, куда бы лучше старый добрый круглый циферблат, медленно вращавшейся вокруг своей оси и позволявший опомниться впрямь до соседней цифры. Раньше-то ещё и с буквами были. Вот у них на Арбате – «Г-1». Все телефоны так начинались. А теперь эти бесконечные номера цифр по десять, коды! Разве упомнишь? Но, с другой стороны, все же хорошо. Всегда позвонить можно. Длинные гудки прервались, и Сонин голос издали откликнулся.

– Мама? Мамочка, это ты? Что случилось?

– Ничего, Сонюшка, всё в порядке. Доченька, к нам Кирилл приехал! Помнишь? Покойной Саши муж Кирилл Бисер.

– Кирка приехал? Ох мам, ну ты уж скажешь – покойной Саши муж!

– Да не Стеклярусом же мне его называть!

– Давай его сюда скорей. Молодец, что позвонила. Целую, мамочка. Мы с тобой потом поговорим.

Кирилл быстро подошёл к телефону, пару секунд помолчал, а затем внешне спокойным, но слегка осипшим голосом отрапортовал:

– Здорово, мать. Это правда я. Прибыл в распоряжение главного командования.

– Слушай Кирка, – после приветствий, ахов, охов и обычных вопросов, сказала Соня, – ты ко мне просто так зашёл?

– Н-нет, – помедлив, ответил Кирилл.

– Я тебе только вчера факс отправила, и ещё, на всякий случай, E-mail. Вот я и думаю, то ли ты на метле прилетел, то ли совпадение.

– Сонь, мы с тобой это лучше не по телефону. Надо бы встретиться. Я-я избранник. Ты когда снова в Москве будешь?

– Значит, это точно ты. Избранник! Я так и думала. Кир, дело дрянь. Реагировать надо быстро. Всё, что знаю, я тебе при встрече расскажу. Ну а теперь, хочешь, смейся, хочешь нет, ты мне сначала стишок скажи. Видишь, после того как Синицу убили, у меня с чувством юмора плохо стало.

Съели вместе суп с котом,

Он сначала, я потом.

Новый супчик варитмышь.

Я болтаю, ты молчишь.

Каждый раз подчёркивая голосом первую букву первого слова новой строки, продекламировал Кирилл.

– Правильно. Что ж, теперь всё в порядке. Я сейчас маме скажу, она тебе письмо отдаст. Мой стишок ты в старых часах найдёшь. Он с тех самых пор там лежит. Футляр откроешь – внизу кошелёк такой замшевый. В одном отделении запасной ключ от часов, а он в другом. Теперь о встрече. Как письмо прочтёшь, сразу позвони. Я послезавтра приеду. Вот и обсудим, или ко мне или... Нет, я думаю, в кабаке лучше это не обсуждать. Ты учти, я понятия не имею, что он тебе написал. Я вообще знаю мало. Я запасной.

– Есть, товарищ командир. Разрешите выполнять?

– Выполняйте! И давай там поосторожней. Чёрт знает, что за дела. Ну всё, до связи!

– Стой, погоди, Сонька! Я тебя всё спросить хотел. Кот, что, тот самый Васька? Похож, собака, просто жуть как похож...

– Не собака, а кот. Васька-то Васька, да не тот. Внук это его, понял? Пока!

Глава 13

Бисер вышел на улицу и вместо того, чтобы проходным двором пройти напрямиком на Арбат, отправился налево по переулку, упирающемуся в небольшой круглый скверик. Его так и называли старожилы – «Кружок». Слева наискосок

высилось американское консульство с куполообразной крышей ротонды. Справа от него возле скучного здания средней школы расположился прелестный ампирный особняк, раньше беспорядочно заселённый коммунальной голытьбой, сшившей в палисаднике пелёнки и бельишко. Заново отrestaврированный, он превратился тоже в обиталище чьих-то дипломатов и гордился теперь перед богатым соседом оградой и охраной.

Было тепло. Апрель часто лучше мая в Москве. Когда на майские выпадало два-три свободных дня, они с ребятами, обычно, отправлялись в поход. С погодой везло редко. Куда чаще их ожидали черемуховые холода с ветром, дождём, а то и снегом.

Рядом со сквериком лепились, один рядом с другим, маленькие магазинчики на колёсах. Тут продавалось всё на свете: от молока и хлеба, до дорогих разносолов и свежей выпечки. Он подошёл и приценился:

«Тут дешевле, чем в «Импотенте». Вот они – эти вагончики, куда Мария Семёновна с сумкой на «колёзьях» ходит. А ты, браток? Куда ты сейчас?»

Кирилл и сам не мог объяснить, почему не открыл у Осиповых «второе письмо». Он получил его от Сониной мамы, а потом подошёл к часам. Внизу на дне футляра лежало маленькое портмоне. Бисер отстегнул кнопку и извлёк на свет божий пожелтевший листок клетчатой бумаги. На нём были только четыре строчки, выведенные старательным крупным

почерком:

Мыши ходят за котом,

Ищут пёстрого с хвостом,

Шарит первая в норе,

А вторая в конуре.

Выцветшим от времени красным карандашом кто-то выделил первые буквы каждой строки. Бисер аккуратно вложил бумаги во внутренний карман пиджака, распрощался и вышел.

Скверик с чудесной старой церковкой, послуживший когда-то моделью для знаменитого Поленовского «Московского дворика», давно облюбовали мамыши с детьми. Солнце осветило её и ласково засияло на золочёных крестах.

– Благолепие! – умилилась, глядя на эту церковь мрачная богомольная домработница Фаина, как обычно недолго продержавшаяся в доме матери Кирилла. Блестящая, талантливая, но инфантильная, она не любила хозяйство и дом. Прислуга немедленно садилась ей на шею, чувствуя слабинку. И, в свою очередь, не любила её. Ни доброта, ни щедрость не помогали вовсе. Времена менялись. Уже можно стало беглым колхозникам где-нибудь приткнуться дворником или

истопником, и все эти Оли, Нюры и Фаи со склоками, мелкой сварливой злобой и слезами, быстро покидали свою мо-

лодую красивую, по их понятиям, богатую хозяйку.

Кирилл вздохнул, последний раз взглянул на «Кружок» и свернул направо.

Высокий парень в яркой красно-белой куртке, шагах в тридцати следовавший за ним от гостиницы до арбатского дома и переждавший его «гостевание» в проходном, не спеша подошёл к колокольне и скрылся за углом. В это же время от соседнего дома отделился плечистый, лысый мужичок в синих джинсах и кожанке и, закурив на ходу, потрусил за Бисером.

* * *

– Давай, докладывай! Как дела?

– Да в общем... Они о важном либо в глубине, где-то говорили, или вообще пока не доехали. Но! Чудная одна штукавина.

– Говори-говори. Никогда не знаешь, где найдёшь – где потеряешь.

– Ты понимаешь, датчик на кухне стоял, и там он с бабушкой этой и ля-ля-ля и ля-ля-ля! И о детях, и о внуках, и «ох, печенье у Вас, Марь Семёновна, как всегда лучше всех», а ещё о крокодиле каком-то!

– Чего-чего?

– Да крокодил там у них. Я не понял, в аквариуме что ли? Сейчас всякий на свой манер с ума сходит. Ты можешь

запись потом послушать. Само собой. Но я тебя послушать тоже хочу.

– Угу, так вот. А потом бабушка своей дочке, помнишь, этой «рыжей и ражей», что в ориентировке командиршей зовут, по мобильнику позвонила. Затем наш подошёл. Ну, сначала опять трали-вали, да ой-ой-ой, давно не видались, да как я рад. А дальше коротко так, не называя имён. Потом она его о чём-то спросила, и он ей, представляешь, стишок прочёл. Детский такой.

– Стишок говоришь? И впрямь, чушь какая-то. Снова, верно, в воспоминания ударились. Может, это у них отрядная песня была такая.

– Тебе шеф про них толком объяснил? Я, веришь, вообще не в курсе что за люди. Задание получил, и вперёд.

– Я тоже сначала думал – меньше знаешь, лучше спишь. А сегодня шеф сказал, что это дело по классу «very important person» пойдёт. И важняк из органов подключился. И вообще – «аллюр три креста!»

– А это что за петрушка?

– Да ерунда. Одним словом, срочно. Вот он нас завтра в «Мурзилке» собирает и обещал просветить.

Кирилл вышел на Арбат, повернул налево, и не торопясь, пошёл по направлению к Арбатской площади.

– Как я любил когда-то эти места, и вот... Я так давно тут не был, и не тянет, честное слово, – огорчился он. – Всюду кич, беспросветная пошлость и утомительное многолюдство. Именно не весёлое оживление красивого туристического центра, которое, как шампанское в бокале, шипит и выплёскивается, поднимая настроение и случайным прохожим, и спешащим по неотложным делам горожанам. Нет, такое вот бестолковое, как бы это сказать? Толпление, что ли. И странно, даже здесь на удивление мало иностранцев, несмотря на бесчисленные лотки с матрёшками, «русскими» ушанками, аляповатыми подделками под Палех, Гжель и Хохлому. Не сравнить с чудесным Замоскворечьем, или скажем, с чистопрудными переулками. Жалко ужасно.

Надо было где-то поесть. Задумавшись, он миновал сам Арбат, а вместе с ним и Прагу, куда собрался зайти. Возвращаться назад стало лень. Кирилл глянул по сторонам. Слева от себя он заметил широкую мраморную лестницу, украшенную ажурным бронзовым литьём в виде виноградной лозы, уставленную терракотовыми вазами с цветами. Вывеска многообещающе приглашала в новый грузинский ресторан, а из окон лилась нежная мелодия «Сулико». Бисер, почувствовавший голодные спазмы в желудке, больше не раздумывал. Он поднялся по лестнице, миновал усатого кавказца в черкеске с газырями, исполнявшего роль швейцара, вошёл в высокие двустворчатые двери и оторопел. Огромный трёхсветный зал был стилизован под горное ущелье. Далеко

внизу струились ручьи, по настоящим гранитным глыбам вились ползучие растения, а официанты бегали по деревянным мосткам, тут и там перекинутым через «пропасти». Кирилл двинулся наискосок и стал искать глазами удобное место. Он выбрал небольшой столик, укрытый между двух «горных уступов», увенчанных турьими рогами, сел и только тут почувствовал, что страшно устал.

– Я бы заказал Мукузани или Киндзмараули к мясу. Только что за вино у этих теперешних! Как известно, если на клетке с тигром написано: «верблюд», не верь глазам своим, – пожал плечами Бисер и развернул меню. Он выбрал лобио, сациви и, конечно, шашлык, подивившись, что уже целую вечность сразу так много не ел. Цены были парижские, а еда... Да разве сравнишь с настоящим тбилисским застольем? Вина он вообще взял, а, запивая лобио холодным нарзаном, озяб. Шашлык принесли тоже не особенно горячий, и Бисер попросил быстроглазую длинноногую официантку.

– Будьте добры, я поел, сейчас поработаю немного. Вы мне принесите погода капучино, только очень горячий, пожалуйста.

Официантка Милочка, подхватив поднос, завернула за ширму и быстро побежала по служебному коридору. Услышав позади себя шаги, она обернулась и увидела лысого солидного широкоплечего дядьку со скуластым лицом.

– Красавица, на два слова! – ласково зажурчал он, одновременно обнимая девушку за плечи правой рукой, а левой

опуская в карман её фирменного фартучка зелёную банкноту. – Вас как зовут?

– Меня зовут Мила, – на ходу ответила она, – чего надо-то?

– Милочка, моя дорогая! Там у вас за столиком один такой седой сидит. С чемоданчиком плоским.

– Это с ноутбуком что ли? – проявила осведомлённость Мила.

– Ну да, ну да. Он важный гусь. Мне с ним поговорить надо, не то начальник в порошок сотрёт. А он, Бисер вот этот клятый...

– Какой такой бисер?

– Фамилие его такое! – негромко заржал лысый, – Он, понимаете, не желает! Времени у него нет. К телефону не подходит. Не подписывает заказ. Хоть плачь! Мы у них кофеварки и чайники покупаем, а они...

– Да погоди ты, кот Матроскин! – перебила его скороговорку Мила. – Мне тоже работать надо, а то шеф в порошок сотрёт. Говори толком, что ты хочешь?

– Слушай, этот седой уже поел?

– Ага. Он только – кофе под занавес заказал, и я сейчас...

– Нет, вот как раз и не ты, а я! Я ему кофе отнесу, лады? Ты мне только ещё твой фартучек дай. Глядишь, и подобрет. Глядишь, и рассмешу! Слышь, Милочек, я сразу назад. Поговорю вот только коротенько. Ты меня тут дождись. А я тебя, как вернусь, снова не забуду.

Глаза лысого, тараторившего всю эту чепуху, вдруг глянули на неё вовсе без улыбки. Девушке на минуту стало не по себе, но она быстро отогнала неприятное ощущение.

«Подумаешь, кофе отнести! Он, вроде, ещё добавит. Через два дня надо снова к маме в Тулу съездить. Вот Мила им с папой и отвезёт. И себе ещё на бельишко останется. Девочки из «Денизы» такое красивое продают.»

– Ну чёрт с тобой. Только быстро. Метрдотель узнает – выкинет моментально.

Кирилл читал. Как только официантка упорхнула, убрав со стола, он выложил на белую крахмальную скатерть конверт, вскрыл его и углубился в пухлую ученическую тетрадь, исписанную небрежным почерком.

Глава 14

Как меня привезли в больницу – не помню. Сначала был ресторан, «грильяж», потом поехали с Гришкой «на пленэр». Я пел, его девчонки смеялись. А Ленка всё просила: «Вальсок». Спой, говорит, Андрюха, «Вальсок». Возьмём шампанского, я люблю. Тебе, если хочешь – «Метаха», и поедем ко мне!» Гришка передал мне гитару. Да, гитару ещё я помню. Потом только боль, чёрная огромная воронка с золотыми искорками, да сирена: громко-громко. Врачи сказали – обширнейший инфаркт. И запретили! Если сейчас спросить меня, что... Легче перечесть, что они разреши-

ли. Ну, я плюнул, конечно. Э, братцы, кукиш. Пан я или поганка? Врёшь, буду жить как жил, пить как пил, дружить с кем дружил. Да я! Да мы!!! И вдруг чувствую – нет... Нет, стоп. Что нет-то? Вот и решил разобраться. Попробовать написать. Поговорить сам с собой. И уж как выйдет тогда.

В больнице я месяц провалялся. Потом две недели у Гришки на ВДНХ в его квартире прожил, благо он со своей президентской командой в Китай утёпал. И что же теперь в сухом остатке? Желаний нет! Вот написал я: пить там да спать, жить да дружить. «Не боюсь никого кроме Бога одного». Но надо ж хотеть по крайней мере хоть что-нибудь. А ты? А я от всего устаю, как собака. Сплю паршиво. Кислый как уксус. Брррррр! Это болезнь, наверно. А если себе правду попробовать сказать, хоть и неохота? Правду – себе – говорить – неохота... Да нет, я, хоть и свинья, но это сам понимал. Себе обычно не врал, и людям... ммм... лень было врать.

Послезавтра.

Я хотел что-то вроде дневника. Но замечаю: прежде чем тут две строчки написать, сам с собой их просто часами и обсуждаю, и обсуждаю! Ёлки-палки, что же такое? По-моему, я понял. Всё-таки, видно не для себя пишу. Вот и стараюсь перед «читателем». Что за читатель? Кому? Кто у меня есть? Хорошо. Я однажды эту самую правду скажу – и хва-

тит. Итак. Никого у меня нет, ни к кому не привязан, никого не люблю. Любил, правда, раньше. Часто. Очень сильно. Очень недолго. Что было, то было.

Неделя прошла.

Видно, я для Петьки пишу. И для Катьки. И, может, ещё для Кирилла. Тоже чудно, черт возьми. Если я откину коньки... Лучше сказать, когда я откину коньки, он, Кирилл Бисер, по определению, рад должен быть. Я-то ему прицельно зла не желал. Бяку не делал. Но! Соревновались, конечно. В разных командах играли. Можно сказать, я пел, он играл. А я самолюбив был чертовски. И тут я ещё раз эту самую правду скажу. Грело, что он Сашку любил, а она – только меня. И это Я В СЕБЕ НЕ ЛЮБЛЮ. Э, да ты, братец, правда помирать собрался? Совсем разделся. Так сказать, раны обнажил. А то! Окей, я еду дальше.

Мы тогда в горах по случайности вместе все втроем оказались. И для меня он, Кирилл, по страшному важным стал. Ну как же! Он альпинист, разрядник, а я... Просто так, слабак. Никто не должен был видеть. Никто понимать. Никто? Верно. Никто. Но, главное, Катька. Их в нашей группе всего только две девчонки было. Катя Сарьян и её подружка. Катька смотрела, а я выпендривался. Катька восхищалась Бисером командиром. Я страдал. Катька варила кашу, ставила палатку, тащила рюкзак. Я придирился и ревновал. А вот эту

её подружку, Постникову, просто не замечал. Саша Постникова тоже тащила рюкзак, но плелась обычно в хвосте. Тоже кашу варила – деток кормила. Да не замечал я её! А то, что Бисер всё чаще ей помогал? Нет, я тогда... Вот если бы он Катьке руки грел или там лямки подтягивал, я бы помер от злости. Просто взорвался наверно.

Ещё вспомнилось, как наш Бисер Ирбисом стал. Бисер – это просто фамилия. Мы её по-всякому изменяли. Он для нас был чаще Стеклярус. Я, к примеру, был Пан. Володька Дедулин – граф. Это самое «Пан», к слову сказать, ко мне крепко пристало. А ещё тогда модно было на английский манер имена сокращать: из Петьки Пита сделать, из Кольки Ника ну и т. д. Но с Киркой мы выкомаривали иначе. Его звали обычно Кир Бис. От фамилии с именем по кусочку. И вот когда мы в горы попали, кто-то снежного барса вспомнил. Они, правда, водятся в Азии, но не важно. Вот и стал наш командир тогда – Ирбис. Звучит похоже и интересно, и даже грозно. Нам годилось. А я боялся, что Катьке тоже годиться будет. Кирка и Катька с детства дружили, только... Знаем мы эту дружбу!

Я тогда уже целых четыре недели был влюблён, как всегда, думал, что насовсем, но, если серьёзно. Катю как раз не любил. Нравилась она мне давно, конечно. Я бы так сказал – задевала. Вечно мы цапались, спорили с ней. «Влюблён»-то я был, тогда в горах, но это другое.

И ещё странно. В Катю был влюблён. Потом её из-за Саши

бросил. От Саши тоже скоро ушёл. Но вечно к ним ко всем возвращался. И какого лешего он (то есть я!) вечно ко всем возвращался? Не объяснить. Ни себе, ни другим не объяснить.

Петя, если ты это прочтешь, тут мы с мамой твоей, Катей, согласны. Мы себя не выбираем. Я никогда себе особенно не нравился. Пытался, бывало, с собой бороться. И он победил! Этот, с которым боролся. Но главный вопрос остался – с кем? С кем боремся, а? Ну, ладно. «Шизофрения, как и было сказано». Это я нашу с твоей мамой главную в жизни книгу цитирую. Осторожно надеюсь, что ты читал. В общем, как говорили актёры во времена моей юности, «по большому счёту»

Катю я не любил, хоть никогда и не забывал. Когда ты родился, никакого отцовского долга сроду не исполнял. Дурацкие деньги этим самым долгом я не считаю. Деньги я попросил её принять, имя тебе выбрал сам и на двадцать пять лет это было всё. Я даже не знаю, сколько у меня вообще детей. Но ты первый, Петь. Надо, наверно, тебе ещё вот что сказать. Катя меня никогда ни о чём не просила. Она хотела тебе дать свою фамилию – мы не были женаты. И «на отцовство» бы подавать не стала, и алименты оформлять не хотела. «Это, конечно, не много сделано. Но это сделал я».

Через неделю.

Гришку тут Зубры из университета искали. Деньги нужны. В экспедицию захотели «на Севера». А не двинуть ли и мне, братцы, тоже? Так сказать, прощальный концерт. Встречайте, приветствуйте! Надо бы точнее – провожайте... Во, придумал. Гришке скажу, дай денег, старый хрен! У своего босса попроси. Но пускай они меня с собой возьмут. А что, я поваром могу. Или из себя одного агитбригаду сбацию. Жаль только, выборы не близко. Ведь тогда, если «наш придёт первым», бедалагам-биологам снова денег бы дали. И пускай, мол, эти блаженные своих птичек да рыбок дальше ловят и ищут.

На следующий день.

Подфартило! Уладилось! Но по порядку. Гришка вчера позвонил из Нанкина. Как, говорит, поживаешь? Квартиру не спалил ещё? А «пламенный мотор» как, фурычет? Ты, говорит, только с бензином не очень. Я отвечаю, с керосином, брат, с керосином. Эти моторы – они у пилотов были. А самолёты на керосине ходят. Ох, он обрадовался, скотина! «Не керосинь, Пан, хохочет, не то помрёшь! А «ходят» парни к девкам, да катера». И тут я ему осторожно:

– Гриш, ты приедешь скоро?

– Дней через десять, басит, и не один.

– Вот бабник. Чужало моё сердце, старая образаина. Ну и зачем тебе здесь третий лишний?

– Это я, значит, бабник. Чья бы корова мычала. Ты воду-то не мути. Говори толком, что придумал! – ободряет меня этот тип из Китая.

– А очень просто. Нечитайло со мной тут общался. Из МГУ с Биофака. Большой «позвоночник».

– Академик?

– Он самый. Он хочет на Север. Ему Деньги нужны до зарезу. Слушай, Гриш, сделай ему, будь ласка, а меня в придачу отправь, как бесплатное приложение.

Как он орал! Я, мол, мальчишка и щенок. Он, мол, с профессором говорил, когда меня из больницы забирал. Я, если ещё пожить хочу, должен эту Землю Франца вместе с Иосифом засунуть в и дальше прямо по Далю.

Я это всё переждал, и тихонько говорю:

– Там есть такие места! Как тебе например «Остров уединения»?

– Закурить, может? – откинулся на спинку стула Бисер. Его почему-то трясло. – Надо передохнуть. Больше не могу.

Из-за ширмы вынырнул официант, и он боковым зрением отметил синий дорогой клубный пиджак и тёмно-бордовый галстук, с которыми плохо вязался фартук с эмблемой фирмы.

– Ваш капучино, пожалуйста, – проворковал официант.

– Ишь ты, «ваш», – восхитился Кирилл, – Помнит, что кофе мужского рода. Попросить его, что ли, принести сигареты? Но он бросил курить, когда подумал, что дочка одна-

жды тоже может начать, и сейчас не хотел бы снова втянуться, а поэтому только поблагодарил.

Официант испарился. Бисер попытался расслабиться и согреться и быстро сразу как воду опустошил всю свою чашку. Напиток был отвратный. Пышная молочная пена ровно ничего не спасала.

«Двину-ка я сейчас в туалет, расплачусь и к себе. Там дочитаю. Вот, кстати, и давешняя девица. Ага, тогда сделаем наоборот» – решил Кирилл.

– Счёт, будьте добры, – попросил он, и расплатился. – А где у вас тут заведение?

– Вниз по лесенке и сразу налево, – прощепетала довольная Мила, получивши щедрые чаевые.

Кирилл поднялся, с недоумением ощутив, что во рту у него совершенно пересохло, да ещё кружится голова.

«Вот поди ж ты, и не пил совсем. Возраст или? Может и возраст. А скорее вся эта передряга, что сразу швырнула в прошедшую жизнь, самое её тяжелое время и это, видно, только начало.»

Ватерклозет в псевдогрузинском дворце был роскошный. Мраморный зеленоватый пол сиял чистотой. Мягкий свет струился из тяжелых светильников, имитирующих бронзовые подсвечники. Вдоль узорных кафельных стен стояли высокие обливные вазы с цветами, а посередине журчал фонтан. Кирилл сделал несколько шагов. Страшно хотелось пить. Он повернулся к шоколадным с золотыми кранами ра-

ковинам и опёрся было о стену. Однако ноги его уже не держали. Бисер без кровинки в лице медленно сполз на пол. Последнее, что он увидел, был латунный дельфин, из которого в чашу стекала вода.

Через две-три минуты в дверь быстро вошёл приземистый скуластый мужичок в синем рабочем халате с ярлыком «электросети». Он оглянулся, туалет был пуст. Тогда «электрик» наклонился над лежащим, осторожно освободил кейс из его рук, немного поколдовал над ним, а затем снова положил на прежнее место. Теперь движения скуластого сделались размеренны. Он, не спеша, вышел в коридор и едва не столкнулся с шумной парой студентов навеселе, бодро вышагивающей к туалету.

– А я тебе говорю, это Рэй Чарльз. Не спорь, если не знаешь, – услышал скуластый.

– Да ла-а-но, Коль. Ты, главное, диск береги, понял? Ты, понял – нет?

Они уже отворили дверь, как вдруг их перегнала крупная тётка в белом с синим фартуке с вышитым по синему полю словом «сервис» и стопкой бумажных салфеток.

– Ребятки, погодьте немного, – бормотала она, протискиваясь мимо студентов и старательно улыбаясь, – я шас тут для рук. Она сделала несколько шагов внутрь и чуть не споткнулась о лежащего на спине Кирилла.

– Ой, ты лишенько! Вся напускная елейность мигом слетела с монументальной уборщицы. – Уже набрался один. Зен-

ки налил, паразит, а я за ним тут убирай!

Тонкую масляную пленку учтивости, а то выгонят, тут же сдуло, словно с украинского борща пенку, и тётка немедленно налилась свекольной яростью. Её голос сделался визглив, отборная колхозная ругань уже готова была политься из перекошенного рта доблестной работницы сервиса. Но в это время снова распахнулась дверь и появился...

– Нет, верно говорит своячница – неча! Если уж так карта легла, если виновая дама, да еще туз вместе вышли! Сидела бы, ты, Зойка, дома. Как-как? На бюлетне, вот как! Да она бы и сидела. Так не советское ж время. Хорошо своячнице. У ней сын-соколик, пивом торгует. Заводик уж у него. К самим этим германцам, туды их в качель, дальнобойщиков гонит. А я одна, почитай. Генка-пьянчуга не в счёт»

– Что тут происходит, Зоя Петровна? – ледяным голосом осведомился посреди этого внутреннего монолога высокий гнедой с сединой красавец, словно тать в ночи, материализовавшийся у неё за спиной.

– Вы можете оставить салфетки и вообще больше не «убирать тут». Пришлите ко мне Никиту. Вы меня поняли? – директор, оглядевший сверкающий мраморно-кафельный Room, низко наклонился над Кириллом, мгновенно оценил ситуацию и, одной рукой прикоснувшись к его сонной артерии на шее, другой выхватил телефон.

– Аркадий, это я. Давай малый аврал, – скомандовал он. – Да, клиент. Жив, слава богу. Никакого запаха алкоголя. Что

ты говоришь? Нет, сначала ко мне в кабинет и туда же врача. Вещи не забудь опечатать, у него рядом кейс.

– Гражданин Германии, – открыв бумажник и проглядев документы Бисера, пробурчал он. – Этого ещё не хватало!

Кирилл очнулся примерно через час. Он лежал на диване в небольшой, очень комфортабельной обставленной, скорее, даже «оборудованной» комнате. Такие «комнаты отдыха» появились уже во времена «позднего советского рококо» у разнокалиберного начальства с коврами, хрусталём, удобной мебелью и ванной. У здешнего шефа всё было устроено рациональнее, хоть тоже, конечно, не бедно. Сине-белые соцветия мелких розеток светильников, разбросанных по потолку, освещали удобные лёгкие кресла цвета кофе со сливками. Стол, стулья, шкафы и полки подобраны в тон. Всё здесь выдвигалось и откидывалось. Плоский суперсовременный телевизор с причиндалами укрывался за деревянной панелью. Столешница в случае нужды быстро складывалась и убиралась внутрь стойки. Красивую, вернее сказать, модную посуду дизайна «поп-модерн» за стеклянной створкой, видневшуюся на стене напротив далеко наверху, можно было нажатием кнопки доставить вниз. Полка просто с лёгким шипением опускалась.

Понемногу приходя в себя, Бисер осознал, что лежит на

боку, укрытый мягким пушистым пледом, в комнате звучит негромкий блюз, а около него почти у самого лица. Ну да, это была чёрная большая собака! Она лежала, свернувшись, на полу, на ворсистом ковре у его изголовья, а сейчас, будто что-то почувствовав, подняла голову и посмотрела на вытянувшегося рядом человека. Из соседней комнаты слышались голоса. Кирилл постепенно начал различать отдельные слова.

– Хорошо, Никита. Ты можешь идти. Я сам дождусь, пока наш клиент очнётся. – Донесся до него уверенный баритон.

– Добро, Руслан Леонидыч. Да Вы не волнуйтесь. Доктор сказал, он в порядке. Анализ, правда, с собой забрал. -Отвечил чей-то дискант.

– Постой, он же утверждает... Анализ был сделан тотчас же! Экспресс-анализ, да. Он, видите ли, меня спросил, надо нам – то есть вам – чтобы всё в полном ажуре было? Это-де подороже станет.

– Ну а ты?

– А я, Руслан Леонидыч, я – как отрубил: только в ажуре, и никаких гвоздей. Фирма веников не вяжет! Наш шеф, это вы то есть, берёт всё одним первым сортом!

– Ладно-ладно. Правильно. Иди уж. Что бы я без тебя делал, Никита! Нет, кроме шуток, грамотно всё решил. Спасибо.

– Да, шеф, забыл сказать. После врача тут электрик зашёл. Стабилизаторов напряжения, говорит, ещё не купил. А

удлинители есть уже. Один для кабинета, другой для задней комнаты. Вот только длину кабеля померить нужно, чтобы под ногами не болтался. Ну, померил там и смотался.

– Какой электрик? Ничего не понимаю. Я не вызывал.

– Да лысый такой, скуластый, в синем халате.

– Не знаю. Может Семёныч что заказывал? Ты сам-то тут был? Не стащил он чего?

Кирилл, не особенно вникая, слушал весь этот диалог, как вдруг собака, крупный ризеншнауцер со свежим первоклассно сделанным триммингом встала, потянулась и совершенно явственно, как-то по-человечески требовательно произнесла: «гаав, гаавс». Дверь сразу отворилась, и вошёл высокий красивый мужчина.

– Здравствуйте, господин Бисер! Как Вы себя чувствуете? По-немецки я не говорю, но язык «владычицы морей» кой-как освоил, – обратился он к своему невольному гостю на вполне приличном английском.

– Так со мной можно и по-русски. Я, собственно говоря, бывший москвич, – слабым голосом тоже по-английски парировал Кирилл, с некоторым даже уже удовольствием наблюдая за изумлённой миной собеседника.

Глава 15

Я не был тут целую вечность. Десять лет? Нет, больше, пожалуй. Сам после смерти отца не приезжал, но помню всё

как сейчас. А особенно голос. Его низкий и хриплый, немного надтреснутый голос:

– Венера любила острова. Она была весела и проказлива, мой мальчик, и даже в бедах и войнах искала радости. Никто не мог ей противостоять, если она чего-то хотела – ни бог войны Арес, ни даже сам Юпитер Громовержец. И вот когда Юпитер преследовал Тифея в борьбе против гигантов и бросил вдогонку этому чудовищу огромную гору, Венера на быстрой колеснице Ареса проследила его. Это было в самом прекрасном заливе мира, сыночек. И все они стали островами! Опустились с небес в огне и дыму! Поднялись из волн как спины китов! – Голос отца становился глуше, Алекс уже едва различал отдельные слова, ему было интересно и страшно. Отец смотрел поверх головы ребёнка куда-то вдаль.

– Папа, ну папа же! Как это – все? И Венера, и Юпитер, и Арес? И где острова – здесь?

– Что ты меня путаешь, кто тебе это сказал? Да разве могут превратиться в камень сразу гроза, война и любовь? Но сам тысячеглавый Тифей, стал, верно, камнем. Он опустился в море словно гора базальта. А из своих бесчисленных огненных зевов рассыпал множество скал вокруг главной горы. И тут Венера совсем укротила Тифея. Ее нельзя было не любить! Она велела своим служанкам соткать серебряное покрывало и укрыла им чудовище, превратив его спину в зелёный сад. Слезы Тифея сделались ручьями, струящимися по острову. Слава Аполлону, они стали целебны. Он наделил

их свойством излечивать болезни. С тех пор Тифей лежит островом в море и только порой вздрагивает, вздыхает. Тогда сыпятся огромные камни, и его горячее дыхание белым облаком вырывается на поверхность. Огромные чёрные обезьяны Чиркопы.

– Ой, папочка, я боюсь обезьян! – жалобно проговорил мальчик и взрослый человек очнулся.

– Не бойся, маленький. Обезьяны были, и правда, злые. Они поселились на острове и грабили мореплавателей. Но Юпитер с помощью Немезиды – богини мщения, наказал их и вот... Да что это я забиваю тебе голову на ночь глядя! Давай, я лучше расскажу тебе про тёплую, даже горячую воду зимой, в которой можно купаться в январе. А ещё мы можем тут испечь бабушкины яички прямо в земле!

– Хватит, – Алессандро Риццоне потрянул головой и поднялся, – я пришёл сюда подумать, принять решение. Отца не вернёшь и прошлое не изменишь, но может, моё время ещё не вышло!

Непроглядная тьма стояла на острове. Луна скрылась в тучах. Он был один на самой вершине. Земля предков лежала под ногами у Алекса. Нельзя выбрать лучшего места, чтобы подумать, как дальше жить. Этот пик Эпомео из зелёного туфа с пещерой, где солдаты стояли дозором, охраняя остров от пиратских судов! А с тех пор гору стали называть «Гора стражи». С шестнадцатого века начали здесь селиться отшельники. В небольшом скиту церкви Святого Николая,

выстроенной ещё лет на сто раньше. Вот поэтому Эпомео называли также и «Сан-Никола.»»

– Уж не податься ли и мне в монахи и поселиться в этом уединённом месте, щедро пожертвовав на церковь? А что, фра Валентино Моретти Аморрейский, фра Георгий Баварский, брат Никола Рами и пожалуйста, брат или лучше отец Алессандро Риццоне. Начну народ лечить. Грязи, источники, море, песок целебный. «Тут всё волшебное и так целебно.»»

Алессандро Риццоне, Алекс, он же Вовкин друг Шурка – десантник. горько хмыкнув, опустился на камни. Он прислонился спиной к скале, и его фигура совершенно слилась с губчатой поверхностью камня, обращённого прямо к морю. Луна снова выплыла из-за туч и осветила древнюю любимую игрушку Венеры.

Питекуза, Энария, Иския этот остров менял имена, как менял и хозяев, оставаясь, впрочем, самим собой. Вот он – тогда и сейчас – со своими вулканами, фумаролами, гротами и пещерами, бесчисленными виноградниками и поросшими пиниями холмами. Кто первым поселился на этих берегах? Холкедонцы, мастера амфор из терракотовой глины, или может быть, финикийцы? Куман, разбивших этрусков, сменил тиран Сиракуз Герон. Но всех сильнее оказались всё же вулканы, которые выгнали сиракузцев назад успешней любых завоевателей.

На этом, однако, дело не кончилось. Последовало герман-

ское нашествие, затем вторжение подданных Арагонской и Анжуйской династий. Остров переходил из рук в руки. Он был то во владении Рима, то Неаполя. Но самое удивительное не это. Его дарили! Дарили прекрасным женщинам – как дарят брошь, ожерелье, перстень в знак благодарности и любви. Мало того, что до рождества Христова в 82 г.д.н.э. его обменяли в угоду дочери Октавиана Юлии на другой остров – Капри. Но Альфонс Арагонский сделал его залогом любви к Лукреции Д'Аланьо, а в Фердинанд Католический презентовал его храброй Констанции Д'Авалос за её помощь против деспотичных французов..

Так не сделать и мне тут подарок прекрасной даме? Если и не весь остров, то хоть кусочек? Холм, где могилы предков, «осла и вола», «виноградник и дом». Что же, дело за малым. Даме так даме. Надо только её найти. Всё правильно. Я чувствую, что всё теперь снова должно быть «тип-топ». Сейчас я спущусь с вершины и дальше двину уже на тачке.

Они сняли квартиру и взяли напрокат машину. Когда надо было предъявлять паспорт, Алекс попытался развеять тревогу Дена.

Мы не сделали плохого этой стране. Нас не должны искать. Да и в бывшей Совдепии тоже не наследили.

Теперь он похвалил себя за предусмотрительность и сел за руль. Небольшой оливковый Фиат мягко тронулся с места и быстро набрал скорость на пустынной ночной дороге.

Три места. Я должен найти клятые камни, и мы с Деном

будем свободны. И я обязательно Мерину этому... Нет, это мы – обязательно! Вместе с Володькой и отдадим. В парк я поеду, когда откроют. Не для чего лезть на рожон. В замок пойду, как рассветёт. Ну а под воду... Нет, как бедный больной Синица умудрился попасть под воду? Не пойму я, нырял он что ли? И еще... эти его чудные слова – найди ключ для «Януса»!

Стоило набежать облаку, как становилось темно, хоть глаз выколи.

Остановлюсь где-нибудь рядом с перешейком, что соединяет замок и остров, и там подожду рассвета, – думал молодой мулат, напряжённо глядя на шоссе, освещённое только светом фар. Так прошло ещё около часа.

Ну вот, тут уже недалеко, – с облегчением пробормотал он после очередного крутого витка. Действительно, дорога выводила на набережную, где стало немного светлей от воды, отражающей невидимые глазу лучи. Алекс услышал мерный шум прибоя и остановился под естественной аркой из бурого камня. Слева от шоссе лепились домишки без единого огонька. Справа дышало море. Прямо перед ним вставала из воды тёмная громада Арагонского замка, выстроенного на конусе вулканической лавы. Серый и при свете белого дня, он стал грозно антрацитовым сейчас на фоне неба, начавшего светлеть. Зубчатая стена первой террасы отвесно спускалась к воде. Она оканчиваясь дикими валунами, кое-где сверху поросшими лишайником, а снизу скользкими от

морских водорослей.

Ах если бы у меня было время! Посмотреть планы замка, побродить тут при дневном свете. Можно же смешаться с бесчисленными экскурсантами и шляться, пока не надоест. А потом найти место и прийти ночью, вот как теперь. Зрение у меня как у кошки, память как у почтового голубя. Э, да что себе душу травить! Надо скорей стекляшки найти и смотреться домой отсюда. Домой. Где он у меня? Нет, это позже. Надо собраться. Слишком жарко с обеих сторон.

Он вышел из машины. Стало ещё немного светлей.

Так неохота идти к замку по этому мосту. Каждый просто как на ладони. Если у кого бессонница, непременно запомнит. Но в воду лезть тоже не с руки.

Молодой человек быстрым шагом преодолел небольшое расстояние по перешейку от острова до замка. Ворота были закрыты решётками, но между их створок, соединённых толстой металлической цепью, можно было протиснуться.

– Мне нужно в центральную башню Маскино, значит придётся идти через туннель, – бормотал Алекс себе под нос. – Сначала Порта маре, где раньше была батарея, потом галерея ведёт направо, а оттуда уж можно видеть старинный вход в Фортини. Там и начнется настоящий туннель!

Алекс двигался ловко и почти бесшумно.

Тут можно запросто шею сломать, на этой старой галерее. Проломы в полу, амбразуры в потолке... Андрей не знал, что меня ему здесь не задержать. Я ж и с закрытыми глаза-

ми помню! Сначала часовенка для принесения обетов, потом старинная капелла святого Леонарда, после «Врат сарацинов» направо «Казарма караульного отряда», налево лесенка к Оружейной площади.

Друг детства отца был смотрителем замка. Алекс мог беспрепятственно сколько угодно играть в пиратов в его таинственных закоулках. Строго воспрещалось только бродить одному без старших мальчишек. Доктор Маскино был отменный рассказчик. Он умел увлечь ребят историей замка, устроив им при свете факелов экскурсию после закрытия музеев в один из бесчисленных его храмов и мавзолеев. Мальчики называли его – дядя Франко, катались у него на плечах – кто помладше, ныряли с ним вместе со скал. Он покупал им мороженое и кормил виноградом из своего сада. Его жена Изабелла пекла для ребят вкуснейшие слоёные пирожки – сфольятелло. И Алессандро, как звали его на Искии, и его бесчисленные двоюродные братья и сёстры знали о замке всё. Они могли без запинки ответить, что он назывался сначала замком Герона из Сиракуз, чьи подданные жили здесь ещё до рождества Христова. Рассказать, что в 1036 году здесь проживал граф Искии Марино Меллузо. Они знали, например, что затем в нём устроили свой аванпост норманны, и тогда доступ в замок был только снаружи. Но потом король Арагонский соединил замок с островом с помощью моста, соорудив для этого проход в самой скале.

Имена, даты, завоевания, Джованни Бокаччио, поместив-

ший сюда своих героев «шестой новеллы пятого дня», любовные истории, предательство и преданность – всё оживало для загорелых ребят, когда среди дикого камня и замшелых стен где-нибудь среди развалин кафедрального собора на закате, или на тёплых, нагретых солнцем ступенях у фортификационных укреплений их дядя Франко, блестя глазами и волнуясь, рассказывал о бурном прошлом, словно это было только вчера.

Шершавые камни туннеля, вырубленного вручную в цельной скале, понемногу выступили из темноты с рассветом. Утренние лучи из квадратных амбразур, служивших когда-то защитникам замка, чтобы лить кипящее масло на головы нападавших, упали на огромные плоские ступени, уходящие вперёд в сумрак.

Скоро туннель кончится, теперь совсем близко, Алекс пошёл быстрее, внимательно глядя вперёд. Стало ещё светлей и дохнуло холодом, как бывает перед рассветом. Он завернул за угол, песок скрипнул под подошвами его ботинок, громким эхо отозвавшись под серым сводом.

Перед глазами мулата открылась площадка. Он поколебался немного и решительно свернул к постаменту.

Вот и он. Точно, как на рисунке. Полуразрушенный, терракотового цвета. А где надпись? – мулат всмотрелся.

Нижний цоколь каменной стелы снизу опоясывала полустёртая надпись на латыни, только три слова еще можно бы-

ло прочесть. Ага, порядок – «Non plus ultra».¹² Это здесь. Пока никаких помех! – обрадовался он и бросился прямо к цели.

Между постаментом и дальней стенкой оставалось пустое пространство, в котором было почти совсем темно. Алекс опёрся рукой о камень и пошарил наощупь. В ответ раздался испуганное фырканье и топот крошечных лапок.

«Ах ты пропасть! Кто это, крыса? Нет, просто ёжик! Как напугал паршивец! Ёжик – это не штука. Штука в том, что, похоже, пусто... Быть этого не может. Андрей не мог обмануть. Надо посветить. Дай-ка ещё посмотрю.» – Он вытащил крошечную карманную лампу с мощным светодиодом, её тонкий луч прорезал темную щель у стены. И точно! С тыльной стороны постамента оказался выступ. Алекс снова нагнулся и провёл рукой по выступу.

«Опять пусто! Попробовать с другой стороны? Тут выпуклость. А справа?» – Он обошёл сооружение справа, опять посветил и увидел круглое углубление. Ещё минута, и он с замирающим сердцем нащупал в нём маленький гладкий предмет и осторожно извлёк его на свет. На ладони мулата лежал керамический цилиндрок с крышечкой, плотно прилегающей к верхней части.

«Перечница или солонка? Да не всё ли равно!» – Алекс покрутил в руках находку. – «Разбить что ли? Да может это вовсе не то!» Молодой человек с рассеянным видом перевернул безделушку вверх ногами и тут увидел процарапан-

¹² Non plus ultra – дальше нельзя

ные буквы. «СИНИЦА» – отчётливой кириллицей было написано на доньшке находки.

Это было несколько часов назад. Несколько веков, тысячелетий назад. Ну вот и всё – ни возвращения в Москву, ни лучшего друга, одна боль и позор... Алекс последний раз взглянул на мёртвого Володьку. Снизу уже слышались быстрые шаги. На раздумья времени не осталось.

Лестница вниз шла к туалету с мальцом на горшке, вверх на чердак. В середине на следующей площадке виднелась другая дверь. На медной табличке красовалась девчонка с косичками.

Взлетев по лестнице, мулат осторожно нажал на ручку двери и вошел внутрь. Из дальней кабинки спиной к нему мамаша не спеша выводила за ручку девочку. Слева от неё окошечко вело на узкую галерею, опоясывающую дом снаружи. Алекс в два прыжка оказался у окна, и протиснувшись сквозь него, повис на руках.

– Мама, дядя из цирка! А где твоя обезьянка? – радостно воскликнул ребёнок.

Не дожидаясь ответа возмущенной испуганной и мамы, Алекс ловко как кошка приземлился, скользнул по галерее, мягко спрыгнул на землю и был таков.

– Машину нашли. Он её бросил! – сердито кричал в труб-

ку высокий седой полицейский, – Джино, вы что свихнулись? Он же такой приметный! Да, нет! Нет, говорю! Что ты чушь порешь! Как может знать остров как свою задницу этот проклятый русский? Да, я и не отпираюсь! Я сказал, что он негр, но он русский! Как не бывает? Вот ведь бестолочь! – он бросил трубку и устремился к выходу, на ходу надевая фуражку.

Глава 16

Алекс ушёл. Он домчал в темноте по проулкам до порта и оставил машину. Потом пешком добрался до гавани и присмотрел небольшую яхту. Рядом курили двое в меру обросших загорелых мариманов. Мулат вытащил сигареты и попросил огоньку. Они негромко поговорили. Под занавес раздалось:

– Isola Vivara?

– No, Signore, isola di Procida.¹³

– Si Signore, – старший из двух кивнул головой.

Пару хрустящих бумажек перешли из рук в руки, и минут через пять яхта без лишнего шума отчалила от берега. Вскоре они миновали крошечный островок Вивара, а когда пришвартовались у Просида, стояла уже глухая ночь.

Ещё один короткий обмен репликами, сопровождавшийся жестикующей, вполне достойной небольшой активной

¹³ Вивара и Просида – острова около Искии в Неаполитанском заливе

зарядки, урчание мотора – и яхта исчезла в сгущавшемся всё больше тумане. Мулат остался один. Дальше он повёл себя так же уверенно. Быстрым шагом, почти бегом одолев склон у моря, он углубился в сплетение слабо освещённых узких улиц и переулков. Ещё поворот и вот она – La Tavernetta del Piratta! Грозное название на вывеске с бородатым корсаром и чёрным флагом венчало развалюшку – домишко с виноградником и крольчатником. Тёмные окна Тавернетты, казалось, не оставляли надежды на приют. Но Алекс, не сомневаясь ни минуты, постучал по стеклу. Сначала было тихо, потом где-то в глубине дома зажегся свет, шаркающие шаги приблизились к окну и раздался неожиданно громкий женский голос:

– Кого носят злые духи в такую темень?

– Синьора Анжелика, меня к Вам послал Сальваторе. Он просил передать Вам записку.

– Откуда я знаю, что ты за птица? Не стану я ночью открывать дверь кому попало!

– И правильно сделаете, синьора! Но Сальваторе сказал, пусть мама откроет кошачий лаз у входа.

– Тогда ступай туда и не торчи у окна! – задорно откликнулся голос. Алекс сделал, как велено. Нагнувшись к порогу, он нащупал дверцу из жести, в самом деле, величиной с крупную кошку. Она со скрипом отворилась, и он просунул в отверстие сложенный вчетверо листок. Очередная надёжная европейская хрустящая бумажка сделала свое дело – спустя

несколько минут открылась большая дверь. Крупная полная зрелая женщина в цветастом халате впустила пришельца и снова загремела замками, закрывая на ночь запоры.

Мулат проснулся через несколько часов под шум дождя. Погода безнадежно испортилась. Порывы ветра трясли крышу домишка. В трубе гудело. Но его узкая спальня сияла побелкой, рядом с кроватью лежала выстиранная и выглаженная одежда, а на тумбочке дымился стакан с горячим какао.

Синьора Анжелика, уперев руки в бока, молча смотрела на него.

– Доброе утро сеньора, Вы очень добры, и Дева Мария Вас не оставит! – улыбнулся приветливо Алекс.

– Дева Мария? Разве она помогает паршивцам, что наставляют добрым христианам рога? Сальваторе пишет – ты утёк от ревнивого мужа. Впрочем, что удивляться. Уж очень ты красивый парень. Как было устоять бедняжке? Вставай, умывайся, я принесу тебе сюда завтрак. У нас мужчины не любят шутить. И если кто увидит тебя, то недалеко до беды.

Она засмеялась. Её лоснящаяся светло-оливковая кожа и блестящие большие глаза, ровные белые зубы и правильный большой рот, всё смеялось вместе с ней и её крупным и полным телом.

– Давай, торопись, парень. Мои младшие скоро проснутся. А сестрёнка мне кое-что рассказала. Я тебе нашепчу, как ты соберёшься. Алекс сел на кровати и молча без улыбки

кивнул. Тогда хозяйка повернулась и ушла, притворив за собой дверь.

Хорошо, что дождь. Хорошо, что рюкзак со мной. И из машины я сумел захватить пару шмоток. Сейчас шесть утра. Я надеюсь. Нет, верю, что они не очень проворны.

Алекс быстро собрался и с удовольствием съел сытный горячий завтрак. Затем он щедро расплатился. Хозяйка вывела его через тёмный коридор на задний двор, наклонилась, еле слышно проговорила несколько фраз.

Судно на воздушной подушке, подвалившее к гавани через полчаса после описываемых событий, едва можно было разглядеть сквозь сплошную пелену дождя. Матросы спустили сходни, и с хохотом, писком и визгом на берег посыпалась молодежь, парни и девушки с полсотни ребят в одинаковых оранжевых с белым куртках. Они мигом заполнили узкую пристань и устремились в ресторанчик, сувенирные лавки, в морскую кассу. Словом, туда, где сухо и тепло.

Шумная ватага рассредоточилась. Они распрямились, отряхнулись, сложили зонты, сняли капюшоны и сбросили куртки в кучу. Вот тут и стало видно, что цвет кожи у них от халвы до молочного шоколада. Попадались изредка белые или совсем чёрные ребята, но большинство принадлежало к промежуточным частям спектра. Они болтали, вернее, трещали между собой на английском и французском. И скоро из оживлённых диалогов не осталось, к сожалению, сомнений, что:

– Ни одна мокрая курица не рубит на итальянском! – верещала по-английски хорошенькая кудрявая девчонка в каске. – Я замёрзла, мне есть охота. Я хочу купить зонт и карту. И что? Как я объясню? Я не хочу крысу вместо кролика! Эй, есть кто не бессловесный?

Высокий красивый парень в красной майке с надписью «Профи» протиснулся к ней через толпу.

– Есть! А что мне за это будет? – он состроил многозначительную мину, девчонка стала с готовностью кокетничать, позабыв про капризы, как вдруг стоящий рядом с ней малый энергично запротестовал:

– Стой, полегче, это моя подружка!

Но конфликта не вышло. Первый, широко улыбнувшись, протянул ему руку.

– Привет, ребята, будем знакомы. Я – Рикардо.

– А я Бернадетт. Мы с Даниэлем оба студенты из Камеруна. А ты? – девчонка уже была не против дружить втроём.

– Я предлагаю выпить кофе и потрепаться. Пошли, тут рядом в двух шагах «La Veranda». Есть возражения? – предложил им Рикардо.

По отсутствию возражений троица проследовала мимо расписания и окошек кассиров к выходу, снова облачилась в свои оранжевые куртки, нахлобучила капюшоны и вынырнула в промозглый сумрак. Рикардо заказывал студентам еду и кофе, помогал выбрать сувениры. Они купили бейсболки и очки с белым кантом. Они болтали, он больше слушал. На-

конец пришла пора прощаться. Договорились созвониться и непременно встретиться.

За окном прояснилось, но дул холодный ветер. Ребята пожали друг-другу руки и разошлись в разные стороны. Бернадетт побежала в парикмахерскую. Даниель отправился прямо в отель, а Рикардо...

Старый рыбак, чинивший сети напротив, смотрел на улицу из своей мастерской. При первых лучах солнца он приоткрыл окно.

– Чёрт его знает, не поймёшь этих нынешних. Во, разбежались. Кто из них девка, кто парень? Все в штанах, как солдаты, честное слово. Очки на всех, фуражки на всех, то ли дело в пятидесятых, – махнул он рукой и занялся снова работой.

– Комиссарио? Лейтенант Пиранделло, к Вашим услугам. Не нашли, но найдём, я уверен. Мы всех оповестили на островах, но... Что Вы, ну какой он приметный! Не забудьте, что у нас игры «Рома». Начинают как раз сегодня. Да, спортсмены, и болельщики тоже.хлопотно будет, кстати. У одного уже куртку стащили. Ну конечно, студенческие. Только это же «ЕА Рома». Что это за свинские буквы? Есть не повторять за Вами каждое слово! Есть объяснить, но не повторять! «ЕА» – это европейско-африканские игры, значит здесь полно африканцев! Есть в следующий раз не быть балбесом и докладывать сразу толком!

Глава 17

– Екатерина Александровна, а Екатерина Александровна? – окликнула Катю немолодая акушерка, когда она, придя с «пятиминутки» спешно рассовывала по карманам обычные мелочи. – К Вам тут один настырный такой! Уж я ему говорила, чтобы попозже. А он талдычет: знаю, что обход, знаю, что времени нет. Мне бы, говорит, представиться только, а потом, говорит, и подожду сколько надо, и тут пока в холле посижу.

– Если хамит, гоните в шею, Марь Афанасьевна, – пробурчала занятая своими мыслями Катя. – У меня неправильное положение плода, эндомитриоз, очередная четырнадцатилетняя мамаша.

– Да нет, так он вежливый, но.

– Но что? – Катя первый раз внимательно посмотрела на пожилую женщину. Верно, молодой отец из этих новых. Что-нибудь, ясно, сунул уже, вот она и мнётся. Зарплаты грошовые, что удивляться. Ох, да всегда так было и будет. Только со мной этот номер не выйдет, и я.

– Катерина Александровна, он передать просил. – Акушерка опять заколебалась, и Катя, тихо свирепея, резко спросила:

– Ну?

– Вы, говорит, доктору Сарьян только скажите: «Котик,

это Барсик» – и всё. – Несчастливым голосом пролепетала Мария Афанасьевна, с ужасом ожидая расплаты от строгой зав-отделением.

– Ирбис, батюшки, Ирбис! – вместо этого засияла Катя, и, не глядя на ошеломлённую Афанасьевну, вылетела за дверь. Она бросилась ему на шею, сразу и не колеблясь узнав в седом модном господине с молодым загорелым лицом школьного друга Кирку, выскочившего как чёрт из табакерки в самый нужный момент из своей заграницы.

Когда через несколько часов они встретились у метро, была уже половина шестого.

– Нет ты мне скажи, как же ты это вспомнил? – тараторила Катя, уцепившись обеими руками за рукав Кириллы и счастливо улыбаясь.

Сейчас трудно было бы, пожалуй, узнать в этой, порозовевшей от радости оживлённой стрекотухе строгую «патологиню», «шефу» в белом или зелёном халате, шествующую по коридорам больницы в сопровождении ординаторов и студентов.

– Ты бы хоть позвонил сначала, у меня дома хоть шаром покати, я же с дежурства. Надо ведь нам спокойно потрепаться, так куда бы. Ну ничего, сообразим. Да, а Афанасьевна-то моя, акушерка! Котик и Барсик. Это ко мне-то! Умереть и не встать! Скажи, ты меня сразу узнал? А то у меня тут Валька Попова была. Я открываю дверь, а она: доктор Сарьян, говорит, здесь живёт?

– Объясняю по пунктам. Не спеши. Я тебе уже двадцать лет твержу, – начал Кирилл.

– «Свадьба в Малиновке». В ней мой папа когда-то одну партию пел. Но мы с тобой и «Свадьбу в Малиновке» переплюнули. Двадцать пять.

– Не перебивай старших. Я тебя на целый год, между прочим, опередил. Так или нет? И что это твоя акушерка Котику удивилась? Вас, Катек, отродясь этими Котиками звали.

– Ну, не колхозники же из Загорья. Кстати, а про то, что ты Барсик? Кто ещё это знает?

– Да никто, Кать, конечно. Стеклярус – это давно. Снежный барс Ирбис – после Кавказа. Барсик – наше с тобой. Я тогда ведь к тебе во время сессии один притопал. На окно посмотрел от Проточки, лампу твою зелёную увидел и рискнул, хоть уж часов двенадцать было. Помню, звонить не стал. Постучал просто в стенку. И надо же было маме твоей услышать!

– Ох, не могу, – подхватила Катя, – я сидела латынь учила. Входит мама и говорит: «Зубришь, доченька? Ах ты, бедняжка. Ой, кто-то стучит, я посмотрю».

А потом тётя Лера меня впустила, сама вперёд прошла и эдак громко: «Котик, это Барсик!» – пропели они одновременно и залились хохотом. Они не теряли друг друга из вида – Кирилл и Катя. Перезванивались иногда, поначалу встречались, когда он приезжал. Но прошлого оба старались не касаться, старых больных мест не задевать.

– Слушай, Катюша, я предлагаю поужинать. Вот хотя бы в этих «Ёлках-палках». А потом пригласи меня лучше в гости, ладно? Нам, правда, надо поговорить.

Кирилл положил ей руку на плечо и заглянул в глаза.

– И договорить до конца, верно? – вздохнула Катя.

– И договорить.

Они уселись в красный Фольксваген, со вчерашнего дня раздобытый заботливой Ниной Белой, и тронулись по проспекту в путь.

– Тачка пошла. Объект в тачке, – доложил по мобильному «кожаный», принял дежурство, сел в свою неприметную машину и пристроился Бисеру в хвост.

Весенняя Москва шумела за окнами. Звуки разухабистой музыкалки из ларьков то и дело перекрывали шум шин. Запах разогретого масла, шипящих чебуреков, кебаба и бастурмы смешивался с ароматом апельсиновых корок, раздавленных каблуками прохожих, дымом бесчисленных сигарет, дорогого трубочного табака, дешевого пива и бензиновой гари. Автомобильные гудки, брань, смех, скрежет металла об асфальт, щебет детишек – огромный город гудел, набирая обороты перед последним броском в ночные огни, когда цветные фонтаны повиснут в сумраке ночи, когда зажгутся гирлянды над заблестевшей рекой, а у бессонных таксистов и официантов придёт пора урожая.

Пока они добрались до Смоленской, совсем стемнело.

– Значит, тебе Валька всё рассказала, – сказал Кирилл, рассеянно глядя на глянцевый пакетик в Катиных руках.

– Точно. Я сидела дома в отвратном настроении. Вот и решила за собой поухаживать – как следует сварить кофе. Тогда до этого так и не дошло. Зато я тебя сейчас побалую. Ты как, ещё мой кофе не разлюбил?

– Что ты, конечно нет! Я теперь, не поверишь, кофе очень редко пью. Потому, что чаще всего не вкусно. И если да, то уж это должен быть high class.

– Вот и отлично. Я покупаю кофе в зёрнах только в «Tchibo». Потом... Она высыпала зёрна на толстую чугунную сковородку, поставила на небольшой огонь и начала их помешивать.

– Ты жарить зёрна? – удивился Кирилл.

– Скорее подсушиваю. Жарить или сушить? У меня однажды не получилось. Я пыталась зеленые кофейные бобы в духовке до ума довести. А эти зёрнышки сейчас сильнее пахнуть начнут, даже капельки масла покажутся, и тогда готово.

Из зажужжавшей затем кофемолки полился уже совершенно восхитительный аромат. Катя бросила в неё две горошинки чёрного перца и продолжала:

– Смотри Кирка. Они совсем в пыль должны смолотся. Вот, словно пудра. А теперь начнётся самое главное.

Она извлекла новую сковородку, засыпанную ровным слоем мелкого белого речного песка. Затем, подогрев слегка серебряную с черную турку, положила туда кофе, щедро отме-

рив порошок ложечкой.

– Так. Заливаем холодной водой и добавляем две щепотки сахара.

– Даже если ты несладкий пьёшь? – уточнил Кирилл.

– А в присутствии сахара экстракция идёт интенсивней. – Она поставила турку в песок и прибавила огонь. – Видишь, пока варится будет, я эту турку. Её, кстати, в Турции как раз «джезве» называют, поворачиваю вокруг своей оси раза два или три. Как пена поднимется, надо сразу снять, немного подождать и опять поставить. И так три раза.

– А говорят, кофе закипел, значит готов?

– О, это только невежды. Да отсохнет у них их поганый язык! погоди, не перебивай. Я под конец добавляю кристаллик соли. Можно ещё немного корицы положить. Это будет по-армянски.

– Аргорос¹⁴ по-армянски. Давно хотел тебя спросить. Художник Сарьян тебе не родня?

– По папиной линии – да. Когда-нибудь расскажу, если интересно. Кстати, о родне...

– Это я так. С духом собраться хотел. Я сейчас начну.

Они помолчали. Катя налила кофе в две прозрачные чашечки и положила сверху отдельно душистую пенку. Кирилл поблагодарил кивком головы, взял свою чашку, затем достал из нагрудного кармана конверт и протянул его ей. Пока Катя читала, Кирилл с откровенным удовольствием маленькими

¹⁴ Между прочим, кстати

глотками пил кофе, стараясь на неё не смотреть. Наконец, он не выдержал:

– Вот видишь, я получил письмо. Оно для меня, в общем, из трёх частей состоит. Во-первых, это, конечно, «Весть».

– Да что там, извещение о смерти, – зябко пожала плечами Катя.

– Если хочешь. Но он пишет, что тяжело болен, а мы теперь знаем, что он убит.

– Мы пока ничего толком не знаем.

– Ты, наверно, права. Но подожди. Он пишет, что хочет сыну Пете что-то отдать. Это вторая часть. Я должен пойти по цепочке. И я пошёл, и дальше пойду. Только сначала ты мне скажи, а что тебе известно? Кирилл, наконец, взглянул на Катю и подивился выражению её лица. Она встала, прошла по комнате, вздохнула и горько сказала.

– Ты мой старый друг. Я тебе сейчас расскажу, а потом мы постараемся больше к этому не возвращаться. Знаешь ты или нет... Может, знаешь... В общем, Андрей, он со своими особенностями был. Всех нас когда-то, долго ли, коротко ли любил. Всех нас бросал: Вальку, меня и Сашку, многих других. И вот как к другим – я не знаю, но к нам – «школьным» без конца возвращался. Он меня тогда после гор ради Саши оставил. Сашу тоже быстро оставил после пылкой любви. Но примерно так через год у меня опять появился, и появлялся, и появлялся. Когда я поняла, что у меня ребёнок будет, ничего такого книжного в моей голове не мелькало. Никаких

таких идей, что я де только и мечтала от любимого человека ребёнка иметь, что я вообще ребёнка хочу, что это ценность и драгоценность. Мучилась: сказать или не сказать ему, это да. Паника ещё была, потому что... Ну например, сумею ли одна воспитать? Ребёнку нужен отец! Или совсем простая деталь. Мысли о том, как я приду в институт. Как стану всё круглей и круглей, и месяца через три все поймут! А тогда неизбежные вопросы! Ох, как вспомнишь... Ну, одним словом, однажды я ему всё сказала. И тут он, надо ему отдать должное... – Она запнулась, бессознательно терзая лежащую около прибора салфетку, а Кирилл вспомнил фразу: «Это, конечно, не много сделано, но это сделал я». Между тем, Катя продолжила. – Андрей тогда... Если трезво подумать, он поступил как взрослый. Хоть взрослым не был. Какое там, в двадцать лет! Да он и ещё через двадцать... Он взрослым так и не стал!

Кирилл снова налил себе кофе и в который раз подавил желание задать вопрос, боясь вспугнуть этот нелёгкий рассказ. Катя, тем временем, принуждённо рассмеялась.

– Ну ты себе представляешь, да? Двадцатилетний Синица. Такой с бородой и гитарой. Только что из похода и через час на премьеру на Таганке! А тут он мне просто отрубил. «Катька, про аборт думай, не смей!» Подумай, Кир! Это удивительно. Он, мальчишка так сразу, сходу сказал. Я тут же послушалась. Могла же я сказать нет! А дальше... Мы

сняли дачку-халупу в Кусково. Лучше ничего не нашлось. Денег было в обрез. И до рождения Пети жили вдвоём. Что тебе сказать, Кира... Сняли в сентябре – золотая осень была. Но скоро наступила зима! А у нас керосинка, печка типа буржуйки. Вода в умывальнике промерзала до дна. Мы ложились в постель в пальто и раздевались под одеялом. Петя у меня к новому году родился, как подарок под ёлкой. И вот наш папа, Сеница, меня в роддом, как положено доставил. Имя мальчику выбрал. Обратно нас уже сюда вот привёз. Не оставаться же с малышом в шалаше в январе. Потом пошёл по конторам – отцовство оформил. Ты не забудь, тогда ещё этот незабвенный прочерк в метрике был, когда ребёнок не в браке родился. Но если отец добровольно отцовство признает, разрешалось Пете в свидетельство о рождении его и полюдски записать. Как это прочерк? Очень просто. Была бумажка. Метрикой называлась, не помнишь? А там, к примеру, стоит: мать – Екатерина Александровна Сарьян. Отец... А напротив слова «отец» пустое место и в-о-о-о-т такое тире!

– Я понял, – вздохнул Кирилл, – извини.

– Ладно. Уже недолго. Ещё Андрей настоял, чтоб я на алименты подала. Я, говорит, охламон. Про деньги могу забыть, могу загулять... ну, ты знаешь. Пусть лучше идёт автоматом. Я опять послушалась, чёрт знает почему. Да ну, он тогда месяца два с нами вместе кое-как пожил, потом съехал и... Кира, – прошелестела Катя Сарьян, – с тех пор моя первая любовь, такая вот «любовь с большой буквы», отец моего ре-

бёнка Андрей Синица нашего сына больше ни разу не видел, видеть не пытался и никаких контактов с ним никогда не имел!

Кирилл вскочил с места, подошёл к Кате, по лицу которой, наконец, побежали слёзы, и повинувшись душевному порыву, обнял её и стал гладить по дрожащим плечам.

– Катенька, не надо, родная. Нет, ты поплачь, это даже лучше, – сбивчиво начал он. – Чёрт побери, ты же никогда... Я ничего не знал! Ох, ничего, Кать, ты у меня молодец! Я вот, жалко, не могу плакать. Верись, хотел бы, да не могу. Давай мы с тобой сейчас... Вообще, я тебя хочу со своей дочкой Лизой познакомить!

Он что-то ещё ей несвязно говорил, пытаясь отвлечь, она только всхлипывала. Наконец, Катя нашла платочек, и светлея, грустно улыбнулась сквозь слёзы.

– Стой, Барсытина! Мы где с тобой остановились? Ты думаешь это всё?

– *Wo waren wir stehengeblieben?*¹⁵ – машинально пробормотал Бисер.

– *Du hast mich gefragt, ob mir überhaupt was bekannt ware,*¹⁶ –непринуждённо отозвалась Катя.

– Ты где это так наострилась? – изумился Кирилл.

– Да не всё ж только вам – арийцам. Я с фирмой «Байер»

¹⁵ Где мы остановились?

¹⁶ Ты меня спросил, известно ли мне что-нибудь вообще

постоянно работаю, они лекарства производят. О, ты знаешь, что я ариец?

– Нет, я шуткую просто. Как так – ариец? Я ничего не понимаю.

– Окей, к бесу арийцев пока. Нам слишком много надо друг другу сказать, лучше делать это по порядку. Катя вздохнула и нахмурилась.

– Кира, я ведь понятия не имею, что Синица хотел Пете оставить. Тут ещё такое дело. Строго говоря, алименты по закону платят до восемнадцати лет. Петя давно старше. Но нам Деньги всё равно приходили. Совершенно разные суммы. Иногда два гроша. Иногда просто много. Это были переводы по почте. Наконец, мне стало неловко. Я решила при первой возможности его известить. Сказать, чтоб больше денег не посылал. И значит, надо его найти. Понимаешь, после Петиного рождения Андрей тоже «появляться» пытался. К примеру, со мной на нейтральной территории пересечься с продолжением. Я это однажды прекратила раз навсегда. И с тех пор тысячу лет его не видела. У меня не было его адреса, ну ничего. Поэтому я принялась его искать по старым каналам через ребят. Гришка Симаков тогда уже большим человеком стал, в президентской команде «играл». Он мне и разузнал. Синица, де, ни мало ни много, создал коммуну на Кипре, где сам и живёт. Они там пашут, сеют и ведут натуральное хозяйство.

– Что-то такое я слышал краем уха, – пожал плечами Би-

сер.

– А я не хотела долгое время ничего задевать. Забыть старалась и знать поменьше. Поэтому с Петей, возможно, ошибка наделала. Словом, Гришка сказал, чтобы я в голову не брала. Уж по крайней мере пока Петя университет не окончит.

– А он на каком факультете?

– Ох, это отдельная песня. Он на юрфак поступил, проучился до конца, очень прилично проучился, а перед дипломом в раскрутку пошёл. Я тебе сейчас совсем коротко, в двух словах. Просто нет сил уже. Петька целый год со мной не живёт. Он снял квартиру и беса празднует. В университете академку взял. Глаз не кажет. Дурацкую музыку слушает без конца. С какими-то прохиндеями дружбу водит.

– Попивает?

– Да, не без этого. Хотя душа и не принимает, как у отца. Но фирма не останавливается перед затратами. Ещё что-нибудь?

– Насколько я знаю, мухоморы и анаша. Но больше для понта. Так, а тогда почему? Или...

– Нет, я думаю, вернее, надеюсь, именно «почему», а не «или».

– По-моему, во-первых, возраст такой. А во-вторых, он очень хочет знать про отца. Затем богоискательство с боготорчеством пополам, сомнения в собственной гениальности...

– А ты ему что вообще рассказала?

– В том то и дело. Предыдущее поколение отправляла таких папаш на Северный полюс. Мол, папа – полярник, придет, но позже. Или ещё лучше: герой был, на войне воевал. Полковник! Нет, генерал! Смотри, я даже в рифму заговорила. То есть примерно так: твой папа героически погиб при исполнении, а я согласно заветам.

– Партии и правительства?

– Видишь, как мы с тобой с тобой друг друга понимаем. А этим желторотым что объяснишь? Трудно, больно, стыдно. Но теперь я должна. Время пришло. Надеюсь, что не ушло ещё.

Кирилл подошёл к окну, посмотрел на знакомый с детства «дом Жолтовского», с одной стороны которого располагалось «старое метро», как называли Смоленскую по Филёвской линии раньше, и попытался представить себя там напротив на Садовом кольце.

– А что, все на месте! Вон почта как была, так и есть, большая арка, где он часто курил, чтоб кто-нибудь не застал.

– Катя, давай сделаем так. Я Петю сам найду без посредников. И поговорим, как мужчина с женщиной.

Они немного поболтали, стараясь отвлечься. Получалось это не очень.

– Кира, ты мне не сказал, а кто «второй»? – спросила Катя после короткого молчания. Бисер вовсе не удивился вопросу.

– Сейчас скажу. А собственно... Ведь ты всех знать должна? Ты же писала эти ключи?

– Да, писала. Но мы решили, что и я знать не буду, кого выберет он. Всерьёз играли, – пожала плечами Катя.

– Кто – он? Как это так?

– Ну, ты помнишь, что всё возглавил Андрей. Мы так сделали: я выбрала своих, а он своих. Доверенных лиц?

– Вот именно. Потом мы все эти имена на листочках нарикали и бросили в шапку-ушанку. Помнишь его ушанку?

– Ну как же, из белого кролика. Я тоже такую хотел.

– Так вот, я из неё четыре скрученных бумажки вытащила, а Синица в конверт положил, запечатал и двинул домой.

– Стоп. Пока я не запутался, получается так. Синица всю эту нашу «четвёрку лошадей» выбрал один, а также ключи? Но...

– Не удивляйся, и ключи тоже он. Просто я ему несколько вариантов настрочила в запас. Оставался ещё «избранник». Я, конечно, не знала точно. Но я тебе скажу Кирка, ты во всех четырёх предложениях был.

– В каких предложениях?

– Ну я ж тебе говорю, среди ребят, что больше всех голосов набрали и...

– А понял, и среди ваших. Знаешь, странно. Ведь Синица как раз меня выбрать бы и не должен.

– Нет, а я и не сомневалась. Я считаю, он что с тобой, что со мной соперничал на свой лад. Но! Должное отдавал. Хотя,

знаешь, вот он Сашу очень недолго любил, но искренно, до печёнок. А меня – нет!

– Да с чего ты взяла?

– Ах, перестань. Ты мне лучше скажи, кто там дальше после Соньки в цепочке? Мишка-Кореец. Ты знаешь, где он?

– Ким? Здорово, это просто удача! Мы с ним видимся регулярно. У него трое детей, и все у меня родились. Чудно, он мне бы, точно сказал. Впрочем, увидим. Тебе адрес дать? Или лучше мне позвонить?

– Кать, позвони, сделай милость. Давай так: я отправлюсь Петю искать, а ты узнай, что там Ким скажет. Кстати, Сонька, пока я ей пароль не назвал, ни о чём не хотела слышать. И правильно сделала.

– А что она сказала?

– Сказала, что дело пахнет керосином, и сочла нужным по крайней мере выполнить всё, как было велено, чтобы потом не казниться.

– Хорошо. Так я пароль назову, если ты мне, гражданин начальник, доверишь.

– Значит, договорились.

– Ладно, Кира. Я тебе только вот что ещё хочу рассказать. Примерно так с полгода назад раздаётся у меня звонок. Недоросля моего тогда не было уже. Как полагается, мне к шести на работу. Операционный день. Я, слава богу, легла пораньше, а тут трезвон аккурат в полпервого ночи. По привычке ещё думаю: Петьку, небось. Потом начинаю сооб-

ражать и пугаюсь – верно, наоборот, у сыночка что-нибудьстряслось. Затем здравая мысль, шеф меня к «кесаревичу» вызывает. Что ж, у нас обычное дело. Ну, чертыхаюсь мысленно, трубку снимаю и на всякий случай «доктор Сарьян, я Вас слушаю» говорю. Кира, а это он! Как ни в чём небывало, словно только вчера расстались. Нет, ты подумай только! И такой текст примерно. Сейчас тебе воспроизведу: «Привет, Катрина, это Андрей. Я недавно прибыл в столицу. Мы тут с ребятами в «Пушкине» сидим. Бери такси и приезжай. Я сейчас «Дон Периньён» закажу в твою честь. У них тут бокалы красивые – тебе понравятся. Выпьем за встречу, а то соскучился ужасно!» Веришь, я просто онемела. Послать бы его, да не могу! Что, неужели ругаться так и не научилась?

– Ты же знаешь, я человек постоянный. Нет, хоть я и хирург, но ни одного этого гнусного слова за всю свою жизнь не сказала. Пива, кстати, тоже не пью, как и раньше не пила.

Кирилл беззвучно рассмеялся и погладил её по крепкой смуглой руке с коротко остриженными «докторскими» ногтями.

– Давай дальше Катя ты моя без мата и маникюра. Так ты ему...?

– Дурак, говорю, отстань и номер забудь. Ну, это со сна. Она поднялась и подошла к книжным полкам, занимавшим всю стену необычно длинной гостиной. Потолки в этом дряхлом доме были тоже высокие, три и три четверти, и толстые семейные альбомы стояли на самом верху, выше дово-

енного издания Броккгауза и Эфрона, выше трепетно берегаемых бесценных томов Граната и любимого Катей, тёмно-зелёного трёхтомника Брэма «Жизнь животных». Она встала на табуретку и вытянула самый тонкий альбомчик. На первой его странице Бисер увидел круглолицего рыжего парня с густыми вьющимися волосами, спускавшимися на широкие плечи. Нос у молодца был откровенно курносый. Пухлые губы прикрывали усы. И Кириллу стало не по себе совершенно синицынские глаза улыбались ему в лицо.

– Вот. Это Петрусь. Понимаешь, соскучился он, собака такая! Сына на улице встретит и не узнает, а тут... Ах, знаю я, так ставить вопрос – полная чепуха. Марсианский язык для него, для Андрея. Он головой-то всё-ё-ё понимает, сердца же у него для этих вещей просто нет. Ну нету, и всё тут! Абзац! Таракан слышит ногами!

– Чего-чего?

– Да ерунда, не вникай. Старый анекдот. Ты дальше слушай. Он мою тираду мимо ушей пропустил и говорит: «Хорошо, понял. Дон Периньён не пройдёт. Завтра куплю «Новосветское». Жди, с визитом приеду».

– И что, приехал?

– Прибыл, как обещал. Третью башку только надел. Ты шварцевского «Дракона» помнишь?

– Обижаешь, мать. Я эти вещи мог почти наизусть шпарить. Чудно, но для меня почему-то всё это вместе. Сначала «Три мушкетёра», потом Щварц, и первым «Дракон», а

следом...

– «Мастер и Маргарита», конечно. Это если в хронологическом порядке по мере нашего взросления. Но подожди, а то я собьюсь. Я что хотела сказать? Дракон, он когда надо, с чешуёй и хвостом выступал. Пламя, там, рёв. Ну а порой, «попросту без чинов».

Кирилл оживился:

– Да, да! В комнату вошёл сдержанный седой господин в цивильном костюме. Архивариус Шарлемань представил его: «А это наш господин Дракон!» И тогда кот Машенька прошипел: «Не удивляйтесь. Это его третья башка.»

– Садись, отлично, – похвалила Катя Кирилла.

– Извини, увлёкся. Ты хочешь сказать, Андрей был другой?

– До изумления. Он пришёл трезвый и без гитары. Грустный. Больной. Несчастный. Он смущался и запинаясь. Он сказал, что думал о Пете, думает о Пете, и надо полагать, будет думать о Пете до скончания дней. А потом добавил, что этого «скончания» особенно долго ждать не придётся.

– Катька! Да какой он к бесу Дракон! Мне и то его давно уже жалко. Да и ты, небось, себя упрекаешь и казнишь, что мало жалела. Что я тебя не знаю?

Катя помялась и пожала плечами:

– Ну я врач всё-таки. Стала я его спрашивать. Предлагать в нашу клинику отвести. Куда там! Хохоchet. Я, говорит, конечно, уже – нет, не орёл. Пообтрепались пёрышки на шля-

пе. Но чтобы мне прямо так сразу в гинекологическое кресло угодить? Это, говорит, старуха, перебор. Не согласен.

– Признавайся уж, что ты его «напоила, накормила и спать уложила».

– Вроде того.

Бисер состроил лукавую многозначительную мину.

– Да нет, охальник! Не в этом смысле. Просто мы ещё потрепались, и тогда я осторожно спросила: «Может, всё же встречу устроить?»

– С Петей?

– Ясное дело, с Петей!

– А Синица?

– Он сказал: «Нет, поздно, Катюша. Это только неловкость выйдет. Я хочу помочь, но иначе. Ты узнаешь как, но попозже». Он меня, Кира, целую вечность Катюшей не называл. И вот ещё что. Достает он из нагрудного кармана синий листочек. Я его сохранила и тебе покажу, и говорит так странно настойчиво: «У меня к тебе просьба. Не удивляйся, ради бога. Это важно для нас всех. Обещай, что выполнишь!» Я отвечаю: «Андрей, как я могу обещать вслепую? Я человек старомодный. Если пообещаю, значит сделать должна». А он: «Ты не бойся и только не спрашивай меня ни о чём. Всё потом сама поймёшь».

– Вдруг ему стало нехорошо. Почти предынфарктное снова. Я его уложила, укол сделала, а он, как только немного полегчало, снова просит: «Катя, сделаешь? Скажи!» Тут уж

я ему чёрта лысого в ступе обещала. Тогда он мне листочек опять даёт и шепчет: «Напиши, пожалуйста, песню. К тебе однажды Кирилл Бисер придёт. Ты ему песню отдай, только ещё два слова добавь». Кир, ты уже что-нибудь понимаешь?

– Пока почти ничего. Песню... О чём?

– На листочке стояли слова, их надо было обязательно использовать. Сказал, напишешь, положишь в конверт. А что добавить?

– Он сказал внизу поставишь: карта и ключ. Бисер озадаченно слушал. Он хотел было пошутить, что за детские игры? Но, вспомнив, что «ребёнок» погиб, сдержался и промолчал. Катя тоже помолчала. Потом тряхнула головой и горько добавила.

– Андрей после антигистаминного и барбитуратов быстро уснул, а я полночи сидела с этим листком. Утром просыпаюсь. Нет моего Синицы. Словно не прилетал. Нет его, и уж теперь навсегда.

– Ты мне песню покажешь? – быстро спросил Кирилл, чтобы отвлечь Катю.

– Конечно, сейчас.

Она подошла к лакированному тёмному секретеру, открыла ключом откидывающуюся переднюю крышку и из небольшого ящичка достала конверт. На нём стояла дата, и было аккуратно выведено: Кириллу Игнатьевичу Бисеру. Екатерина Сарьян.

– Кира, у меня песни не получилось. Я взяла все слова.

Ну, ты сам суди. Это какой-то чёртов реквием. Хочешь, я тебе прочитаю?

Кирилл кивнул. Катя тихо начала. Он слушал, не отводя о неё глаз. Голос Катюши дрожал от слёз, но она всё-таки дочитала.

Глава 18

– Послушайте, Стасик, голубчик, что Вы упрямитесь? По-езжайте! Это просто уму непостижимо – я ж Вас не на Колыму посылаю. Город сам по себе чудесный, и не просто старый, а древний! С богатейшей историей! Вот Вы даже имени его не знаете, а ещё историк искусств! Что, нечего сказать, а?

Старик лукаво захихикал, с удовольствием отправил в рот кусок шашлыка из осетрины и снова настойчиво заговорил:

А Вы слышали, например про Аугсбургское Исповедание? Или о том, что там в этом самом городе, вероятно, впервые в мире состоялся «договор о ненападении» религиозных фанатиков – католиков и евангелистов? Город Моцарта – отца, Гольбайнов – папы и сына, Бертольда Брехта, в конце концов, а я его уговариваю, мальчишку! За хорошие Деньги, да «по Саксонии туманной, по Баварии хмельной...»!

– А что бы Вам самому не поехать, Оскар Исаевич? – недовольно пробасил в ответ высокий парень с отлично развитой мускулатурой. Блондин с очень светлыми, коротко стриженными волосами сидел против старого Брука и лени-

во потягивал молочный коктейль.

– Да я бы не просто поехал – полетел! Только кто у нас специалист по старо и верхненемецкому? Кто будет читать готический шрифт? Вы же там по архивам полазить должны, в университетской библиотеке посидеть. И потом, Вы подумайте, заказчик, он же источник...

– Презренного металла?

– Можно и так сказать. Он нам – то есть вам – готов всё предоставить. Вы вообще в Германии были, Стасик? Сейчас ведь не то, что мы, болезные. Молодёжь к тридцати годам уже по всему миру проскакала, – продолжал наступление Оскар Исаевич.

– Вы не поверите, но я со своим, действительно, пристойным немецким после диплома сначала «краснофигурными»¹⁷ и «чернофигурными» в Афинах занимался, и там больше на паршивом английском объяснялся, ну а затем целый год в Италии сидел и тоже «на посуде». Причём не в Тироле, где по-немецки можно, а в Падуе, – улыбнулся в ответ его собеседник.

– В Падуе «на посуде» может означать и Челлини..?

– Нет, не удостоился. «Мастерские», но тоже, знаете, не шутка. Там лет триста назад у падуанского купца дом сгорел. А богатый был купчина, и посему столовое серебро имел на двести персон! Нет, вы представляете, Наставник? В городе

¹⁷ «Краснофигурные, чернофигурные» – греческие керамические вазы античных времен

чума. Все, кто мог, бежали. Ужас, смрад, разложение. Этот ирод, Теренцио, сам тоже с семьёй утёк, но слуг сторожить добро оставил. Потому что мародёры – они и в Африке, то есть в Падуе, мародёры. Им не то. что чума не страшна, но и... А в самом деле, почему их зараза не берёт?

Добродушный Брук только покряхтел в ответ.

– Да, так о чём я? – блеснул глазами Стас.

– Так вот слуги, они против «чёрной смерти» душистые травы и птичьи перья жгли. Ну и спалили дом. Сам купец тогда в Падую больше не вернулся. У него и без того достаточно всего было. И о доме забыли.

Оскар Исаевич внимательно слушал и удовлетворённо улыбался. Наконец-то с молодого коллеги соскочила противная ленца.

– На месте пепелища построили сперва арсенал, потом красильню, потом доходный дом, – продолжал между тем, коллега. – Участок переходил из рук в руки. И вот лет пять назад под домом просела земля, а там...

– Подвалы?

– Угадали. Но какие! «Не то, что в нынешнее время, богатыри, не Вы!» Ну, это редкая удача для музейщика.

– А как вы-то сподобились? Там и своих желающих хватает.

– Очень просто. У моего тогдашнего шефа в Русском музее жена итальянка была.

– Красавица, конечно? – на щеках Брука от улыбки по-

явились забавные складочки и ямочки.

– Вовсе нет. Она, знаете, такая чёрно-седая полная дама, громкая, как литавры. Специалистка по Кватроченто. Так вот, оказалось, что этот участок земли по наследству принадлежит ей. Что тут началось! Наследники купца...

– Отыскались?

– Как не отыскаться. Затем закон о национальном достоянии Италии, семья нашей матроны Ринальдини, тяжбы, разные склоки... Неохота даже продолжать. Но! Мы – шеф и я – во всех идентификациях и описаниях право принять получили.

– Вот как, молодой человек. Я этой Вашей истории не знал.

– А это в мой питерский период было. Я тогда ещё глупостями не занимался и...

– А сейчас, значит, что, занимаетесь? И отказываетесь от хорошего дела.

– А то, как же! Вот, например, у меня лекции на журфаке.

– Это почасовка?

– Ну и что, ведь я обещал. А ещё на телевидении про букеты Екатерины второй рассказать захотели. Тоже я – консультантом. И, наконец, собака у меня. А мама с папой на байдарках отбыли в кругосветку. Значит, не с кем будет оставить.

– Подождите, что за букеты?

– Да из алмазного фонда. Камни огромные, работа для

современного глаза невыигрышная. Но интересно, конечно. Скорее, занятно. Драгоценные камни чистейшей воды величиной с перепелиное яйцо: сапфиры, рубины!

– П-ф-ф-ф тоже мне бином Ньютона! – небрежно замахал руками Брук.

– Да уж не Ваши квадратные изумруды.

– Ладно, давайте спокойно поедим. Изумруды не изумруды... Однако, какой-то Вы, право слово, нетипичный, Станислав.

– Это ещё почему?

– А потому, что наш советский, виноват, российский гуманитарий должен быть хлюпиком, размазнёй или толстяком с «диоптриями» в пол-лица. Вот, скажем, вроде меня. А вы таким чёртом – атлет, герой-любовник и вдруг в музее. Там вам копейки платят, хоть вы и кандидат. Так вы и деньгами не интересуетесь.

– Понимаете, Оскар Исаевич, – Стас мягко улыбнулся, и, подумав, продолжил. – Я ничего из себя корчить не хочу. Бессеребренник, там. Нет, я, наверно, просто гурман и ещё... как его... ох ты, господи, термин потерял. Этот... титестер?

– Да-да, не Иванов а Дизайнер. – Брук захихикал и его глаза утонули в лучиках морщин.

– Не смейтесь – ну забыл, бывает! А, вот: дегустатор! У меня натура такая. Всегда рад попробовать, но ничего не хочу слишком много. Или слишком долго. И ещё, знаете, лю-

бой ценой!

Оскар Исаевич поёрзал на стуле, аккуратно вытер губы салфеткой и поставил бокал с белым вином на скатерть.

– Вы мне голову-то не морочьте. Слушайте старого Брука. Говорите прямо: едете в Аугсбург?

– Ох, увольте, Оскар Исаевич. Простите великодушно. Не могу я! Нет, не поеду.

Глава 19

Перед больницей был разбит большой, хорошо ухоженный цветник. Пёстрая мозаика клумб и дорожек рассыпалась перед зданием на добрых четверть гектара столичный угодий. Так рано здесь не было ни души. На влажной траве лежал туман. С проясняющегося неба струился ясный холодный свет.

Седой спортивный мужчина быстрым шагом прошёл к главному входу и открыл тяжёлую дверь. Он сказал несколько слов охраннику у проходной и тот кивнул. Потом поднялся на лифте до третьего этажа и толкнул первую дверь налево. За большим письменным столом у компьютера сидела женщина. Она ловко, хоть и не слишком быстро, стучала по клавишам всеми десятью пальцами и не сразу оторвалась от своей работы.

– Доброе утро, Кира.

– Садись, пожалуйста. Извини, я скоро. Ты понимаешь,

только сейчас несколько спокойных минут после дежурства. Мне надо непременно кое-что записать. Я хочу доложить на «обществе» интересный случай. Для пренатальной хирургии это... , -тут она подняла глаза на Кирилла и в то же мгновение зазвонил телефон. Катя Сарьян сняла трубку, поздоровалась и отдала несколько распоряжений.

– О, порядок! Это мой заместитель. Сейчас он ляжет на амбразуру, и у нас с тобой будет время. Новостей просто куча.

Бисер приготовился слушать, и она начала:

– Я вчера с Кимом проговорила бесперечь часа три. Он мне порассказал! Я обалдела. Тут такое дело. Однажды, когда дома был только Мишкин старенький папа и младшая дочь, позвонили по домофону.

– А они живут на старом месте? Я совершенно Кима из виду упустил, -вмешался Кирилл.

– Ничего про него не знаешь? Ким в порядке. Ты помнишь, что он кончал геофак?

– В том-то и штука, Катюш. Я про него всё забыл. «Гео» – геологический, либо географический. А если геологический, так он вместе с Димкой учился?

– Геологический – да. Но Димка, тот МГРИ кончал. Он в Университет и не пытался. А Ким только туда и хотел, но долго всё выбирал – химфак, как мама, или же геофак. Ведь мы все были слегка чокнуты на романтике дальних странствий.

– И что?

– А то, что Лидка документы на химфак подала. Ну? Ты хоть это помнишь? Ким в неё всю дорогу безнадёжно влюблён был. Вот и двинул на «гео», чтоб встречаться пореже. И – как часто бывает – Лидка не поступила, а Михай сдал отлично и учился блестяще. После диплома он работал во ВНИИ Геофизика на Чистых прудах, занимался сейсморазведкой нефти. И когда нефтяники в гору пошли, он оказался на вершине волны.

– Погоди, он что, из этих нефтяных боссов? Наш Мишка? – поднял брови Кирилл.

– Слава богу, нет. Их отстреливают время от времени. А Ким просто грамотный классный специалист, который стал одним из совладельцев геологоразведочной инновационной фирмы. Подожди, о чём это я? Да, ты спросил, где Ким живёт.

– Вот смотри, кое-что и я помню. Он раньше жил на Плющихе. Дом был по тем временам приличный, такой крытый светлой керамической плиткой.

– Правильно, Бисеркин-Стёклышкин!

– Катерина! Выпорю! Мало мне разве Стекляруса и всяких зверей?

– Тебе не нравится? Ну, не буду.

– Да нет, здорово. Я просто слегка пококетничал.

– Ладно, слушай дальше. Кимов дом стоит, как и раньше, и он стал только лучше. Там сделали грандиозный ремонт.

От прежнего почти только одна коробка осталась, а квартиры продали большей частью. И сейчас – держись крепче – Мишка со всем семейством занимает целый этаж. Он с женой, трое детей – два сына и дочка – домохозяйка, и, как я уже сказала, старенький Мишин папа – Ленин Ченович Ким.

– ???

– Я не виновата, это его так зовут. Жертва пристрастий эпохи.

– А в мирное время его как называли? Не припомню, чтобы Мишка нам когда-нибудь вкнул... Папа – Ленин?

– Что он, самоубийца? Мы бы дразниться стали. Ты только представь себе – Михаил Ленинович!!! Дома папу, понятно, звали Лёней. Леонид Ченович – уже довольно. Хорошо, едем дальше. Домик этот, он теперь за оградой, и попасть туда не так просто. Там у них не старушка с вязанием, а охрана по полной форме. Так вот, с проходной позвонили. Говорят, пришёл посетитель. Спрашивает Михаил Леонидовича Кима. А поскольку его нет дома, как прикажете поступить? Старый дедушка Ленин, напуганный нашей действительностью, наглядно приближенной к боевой, поглядел в видеофон.

– Куда это?

– Я ж тебе говорю, они укомплектованы в лучшем виде! Для жильцов экран установлен. Он тебе позволяет, если хочешь, посетителей видеть.

– Ты видишь его, а он тебя?

– А он тебя, естественно, нет. Дедушка видит – мужик. Незнакомый! Словом, дедушка лично общаться не решился.

– Ты думаешь, это Андрей приходил? – серьёзно спросил Кирилл.

– Погоди, не забегай вперёд. Он попросил, чтобы посетитель для Михаила свои координаты оставил и всё, что найдёт нужным, и на этом приём окончил. Вот приходит вечером наш Кореец, а его конверт ожидает.

– Конверт из плотной коричневой бумаги...

– Точно! Адресованный Мишке. Он конверт сразу вскрыл, а в нём другой, как Мартёшка. На втором написано вот что.

Катя достала из ящика стола толстый синий ежедневник, открыла его на заложенной странице и прочла.

– «Дорогой Миша! Возникла ситуация «СК». Надеюсь, ты не забыл, о чём я. Передай, пожалуйста, конверт тому, кто за ним придёт. Про ключ не забудь. Очень печёт пятки, поэтому не подписываюсь. Твой однокашник.

PS. Миша! Никому другому не отдавай письмо!»

– Ситуация «СК» – Сеня Китаев... Это понятно. Кать, а ты сказала, Ким точно о Синице не слышал?

– Видишь ли, мы с Мишкой, не в пример многим, виделись регулярно. Он о моих делах поэтому больше других знал. Я считала, он об Андрее сразу мне расскажет, если вдруг тот возникнет.

– Выходит, ты ошибалась.

– Получилось ещё чуднее. Ким не понял, кто пришел. Он сначала встревожился – что за конверт? Потом прочел. Всё вспомнил. А вспомнив, решил не дёргаться. Времена, мол, такие. Просто Дикий Запад, и всё тут. Ты не забудь, у него своё направление мыслей.

– Ну да, я уж слышал это обольстительное слово «нефтянка». Наверное, с его сослуживцами случается всякое и не редко, – пожал плечами Бисер и выжидательно посмотрел на Катю. – Итак?

– Вот именно, итак! Мишка – парень обстоятельный. Он деда похвалил за осторожность, отыскал то, что надо, «отзыв» проверил. Я всё думала, как бы это назвать? «Пароль» и «отзыв» очень уж на «казаков-разбойников» смахивает, но иначе как скажешь? Короче, Ким наш подумал, что у кого-то из ребят неприятности.

– И наверно, решил, что долги или рэкет.

– Да, в этом роде. Вот он всё приготовил, запер на ключ, строго-настрого запретил без него открывать посторонним и выкинул эту историю из головы. Проходит время, и тут появляемся мы с тобой с вопросами!

– Кать, неужели ему самому было не интересно, кто это приходил? Или у них охрана есть, а «видео» нет?

– Правильно мыслишь. Есть у них «видео». Мишка говорит, он и тогда посмотрел бы. Но надо было ждать, а он должен был срочно смываться по делу куда-то в Тюмень. А по-

том... Да просто забыл. И ведь никто не пришёл.

– А теперь когда ты позвонила, он посмотрел?

– Я ж говорю, Ким парень обстоятельный. Он тогда записал День и число, а сейчас запросил кассету. Говорит узнал, но не сразу. Говорит, старый и жалкий... – голос у Кати прервался и задрожал. Она судорожно вздохнула, и справившись с собой, закончила. – Кира, мы договорилась с Кимом. Скажи, когда ты сможешь. Мы трое встретимся вместе. Ты ему покажешь считалку, ну и он нам, отдаст.

Глава 20

– Здравствуй, Полюшка, как хорошо, что ты уже дома, а я устал, изжарился, и...

– И изнервничался, – продолжила худенькая живая жена Оскара Исаевича, нежно целуя его в щёку и помогая освободиться от портфеля и потёртого длинного тубуса для чертежей.

– Ты ведь всё с собой таскаешь, как черепашка. К компьютерам совсем не привык. А этот твой толстый сом...

Старый Брук весело посмотрел на свою лучшую половину и значительно заметил:

– Mamочка, ты совсем не разбираешься в пресноводной фауне. Он – Карп, а вовсе не сом. Что толстый это верно, но ведь и я тоже толстый!

– Ишь, раскритиковал! Ты, папочка, не толстый, а круг-

лый. А я, как настоящая Душечка... Какая фауна? Ты у меня не ихтиолог, а искусствовед! И, значит, я что путать не должна? Коринфский ордер с дорическим! Скань с филигранью! Огранку розой и кабошон, гобелены с пропилями... Мне надо помнить, что «зефир» – не только десерт, но обработка фарфора! А сом или карп...

– Эк тебя занесло! Однако, Душечка, это интересная мысль. И что же, по-твоему, обсуждала Душечка, если бы она на твоём месте была? Чего б от неё ожидал Антон Павлович?

– Антон Павлович, думаю я, ожидал бы обеда. Есть хочешь?

– Попозже, мамочка. Так через часок.

– Знаешь что, иди-ка душ прими и давай на балконе сядем. Я квасу с изюмом и лимонными корочками приготовила, как ты любишь. Передохнёшь, остынешь и всё мне расскажешь.

Оскар Исаевич проследовал в ванную и, с облегчением смывая с себя городскую пыль и пот, подумал, что, если этот самый толстый сом Карп получит свои игрушки, можно будет из хрущёвской двухкомнатной халупы перебраться в пристойную квартиру. А эту продать – благо место хорошее, проспект Вернадского всё-таки. И наконец помочь детям – дочке Наташе и сыну Мите, чтобы они не ютились как родители всю жизнь по углам, не ждали до старости своего кабинета, отдельной спальни и нормальной детской для внуков.

На балконе с пылающей геранью на небольшом столике, застеленной весёлой клеёнкой в белых с желтым ромашках, уже стояли симпатичные обливные керамические синие кружки и такой же кувшин с квасом. Рядом на расписном голубом блюде Полина Матвеевна насыпала горкой свежесмытую черешню с рынка. Она приготовилась внимательно слушать, и её благоверный, отпивая по глоточку ледяной квас, начал рассказ.

– Поля, я сегодня у заказчика дома был в Загорянке.

– У него дача там? Загорянку я знаю, это по Северной.

– Нет, нет. Настоящий дом. Трёхэтажный такой. Причём, без глупостей – павлинов нет, башенок с витражами. Но понимаешь, я как вошёл – Брук сделал паузу и выжидательно посмотрел на заинтересованную его многозначительным видом жену.

– Оскар, это нечестно. Я тебя оставлю без сладкого! – засмеялась она, подыгрывая мужу.

– Видишь, я как-никак, музейщик. И там, ей богу, настоящий музей: павловская карельская берёза, гобелены, красное дерево благороднейших пропорций, севрский фарфор, серебряные и бронзовые канделябры, драгоценное бюро мастерской Рентгена с черепаховыми инкрустациями, гамбсовские стулья с фарфоровыми медальонами, – на одном дыхании поведал Оскар Исаевич. – А потом он повёл меня в гараж. И в гараже-е-е! Вот скажи, ты теперь чего ожидаешь? – толстячок хитро изогнул бровь.

– Я думаю, там оказалось пятнадцать-двадцать машин.

– А марки?

– Мерседес, Вольво, Тойота?

В ответ на каждое следующее предположение Брук лукаво качал головой.

– Порше, Шевроле? Я иссякла. Постой, Роллс-ройс, наконец?

– Холодно, холодно! Попробуй ещё.

– Ох, тогда трактор с сенокосилкой. Не мучай, я же любопытная.

– Слева по борту сначала ЗИС – длинный лакированный такой, ещё с ручкой, чтобы заводить спереди. На приборной доске аж шесть циферблатов. Внутри сиденья откидные. А на капоте серебряный литой флажок. Затем раритет «М – 1». Его – или лучше её? – ещё «Эмкой» называли. Рядом «Победа» светло-кофейного цвета, первый «Москвичок», представляешь? Помнишь «Победу»?

– Конечно, помню, – кивнула Полина. – Тогда говорили, что отличная была машина. Только наши зачем-то лицензию полякам продали, и она там «Варшавой» стала, а из Союза исчезла.

– У Карпа, кроме того, «Испано-сюиза» стояла и «Додж», но меня больше наши задели. А вообще, никелированные фары и радиаторы, запасные колёса в футлярах, подножки, шторы на окнах, это же прелесть что такое!

– Удивительно! – Полина отправила в рот сразу несколько

ягод. – Но в музей интересно ходить, а вот жить в нём всё время...

– Нет, Полечка, это только один этаж. Вышеупомянутый Карп мне остальные тоже все показал: спальни, библиотеку – стеллажи от пола до потолка, удобные два кабинета, столовую. А в подвале у него тир, бильярд, игротека. И всё это просто, с комфортом, без кривлянья и выкрутасов. Я подумал, если вместе будем дальше работать, я у него разрешения спрошу, и ты сама на весь этот парадиз согласишься.

– Я не против, папочка. Почему нет?

– Вот и отлично, Полечка. Аванс получим, поедем с тобой в твой любимый «Пассаж» – ты же у меня модница! А в новом платье можно и к плутократу.

– Осик, а он не противный?

– Ты знаешь, девочка, он..., – Оскар Исаевич задумался, – нет, он совсем не противный и не глупый. Осторожный, любит порассуждать -резонёр такой. И ещё, странное дело, я его знаю давно. Карп, мне казался всегда ужасно одиноким. Правда, в последнее время...

– Одинокий? Откуда ты взял? Он что, в этом домище один?

– Я, конечно, не спрашивал, но... Там есть управляющий, он же садовник Палыч с женой. Она Карпу готовит и убирает. А «сам» -мужичок – золотые руки. И не только в саду, а во всём помаленьку.

– Они там живут?

– Да, в саду домик-сторожка стоит.

– И, наверно, шофёр должен быть. Или твой сом водит машину?

– Водит, однако, есть и шофёр. Его Коля зовут. Он меня к Карпу привёз. Но он в Москве.

– А семья, папа? Может, ты жену видел и про детей слышал что-нибудь?

При этих словах Поли старомодный круглый Брук как-то неловко заёрзал на своём плетёном стуле с подушечкой, отвёл глаза и проямлил:

– Видишь, лапочка, там при доме или скорее при конторе... такая девушка Серафима...

– Ты почему, дорогой, засбоил? – Полина Матвеевна вскинула глаза, – ну Серафима, ну и что? Она кто такая?

– Она-то? Вообще она архитектор.

– Архитектор? А ты почему мнёшься как красна девица? Папочка, ты что, нашалил? Что там такое с этой Серафимой? Эй, стой, я тебя про жену спросила, а ты говоришь – девушка? Ни то при доме, ни то при...?

– Так вот я ж и объясняю...

– Ах ты, прости господи, так эта толстая свинья Карп девчонку на свои деньги держит? Для услуг? – возмутилась ясноглазая седая Поля. – Это не тебе, это ему стыдно должно быть! Ну уж и парадиз... Не поеду! – второй раз за последние несколько часов услышал добродушный искусствовед и расстроено взмахнул пухлыми ручками. День определённо

не задался.

Глава 21

Отлично стали обслуживать в Аэрофлоте, – Стас Небылицын подлетал к Мюнхену и начал немножко волноваться. Пассажиров в салоне было мало. Он сидел на своём втором ряду один.

Вот ведь хотел «Lufthansa» воспользоваться, благо экономить не надо. Так прибывает ужасно неудобно, пёс его возьми! Ладно бы только для меня, а то девушка! Вызвалась встретить совсем незнакомого человека. Ей до аэропорта только тащится час если пробок не будет! Пусть хоть в пристойное время. Я и взял «нас». И все хорошо.

В салоне было прохладно. Стас вытянул свои длинные ноги, устроился поудобнее и набросил на плечи шерстяной белый свитер. По проходу шла сказочной красоты стюардесса. Такая свободно проскочит «игольное ушко». И не по бедности, нет. По природной subtilности фигуры, без которой законодатели мод не мыслят сейчас женской привлекательности.

И где они только таких откапывают, эти авиабоссы? Впрочем, «страна наша богата, порядка только нет», как справедливо заметил Алексей Толстой. Такая красавица, а не волнуется! То ли дело...

Он вытащил из папки листок плотной бумаги и в кото-

рый раз всмотрелся в изображение. Печать была неважная, но Брук этого не заметил. Он получил портрет от ребят из музея с их допотопной техникой, с восхищением неопита полюбовался на него, вручил Стасу и зажурчал:

– Гляньте, Стасик, голубчик! Ну посмотрите, прошу Вас. Если поедете в Аугсбург...

– Сказал же, не поеду, Оскар Исаевич! – отвёл его руку, не глядя, Небылицын.

– Подождите сердиться. Я сказал: если. Лететь надо до Мюнхена. Я и подумал, немецкий – немецким, а живой человек, это всегда хорошо. В Пинакотеке Вас встретят. Номер мы закажем отсюда. Но надо же и о душе подумать?

– Да Вы меня, никак, хоронить собрались? «Noli me tangere». Стас собирался на лекцию и быстро сортировал свой демонстрационный материал, одновременно беззлобно отругиваясь и обороняясь от настойчивого Оскара.

– Ага, отлично, – неожиданно обрадовался музейщик, – ну-ка, кто это сказал?

– Не поймаете. Это сказал Архимед римскому солдату. «Noli me tangere» – что означает, не тронь меня.

– А при каких обстоятельствах? – не отставал тот. Виноват, не знаю, – развёл руками Небылицын.

– Вот видите! И мало того. Исторически вернее: «Noli tangere circulos meos – не тронь моих кругов», сказал Архимед, когда враги ворвались в Сиракузы, – азартно отпарировал Брук.

– Не может быть, я со студенческой скамьи помню... – наморщил лоб Стас.

– Давайте на пари! Если я прав, поедете, а? Полезайте лучше сразу на стенку, – добавил Оскар, – что означало – надо отыскать на настенных стеллажах среди академических фолиантов нужный источник.

– Идёт! – отозвался задетый молодой человек, славившийся редким теперь знанием латыни.

Он повозился с приставной лесенкой, достал с верхней полки тёмно-зелёную книгу с коричневыми уголками, с минуту поискал, прочитал и смущённо констатировал:

– Посрамлён и повержен, Оскар Исаевич. Пари – дело святое. Ехать так ехать!

– «Как сказал воробей в зубах у кошки», – рассмеялся старик. – Но посмотрите же всё-таки на фото. Собственно, можно ли это «фото» назвать, не знаю. Компьютер нашлёпал. Скоро по компьютеру и жениться начнут.

– Уже. Опоздали, Оскар Исаевич.

Стас взял, наконец, листочек и поднёс к свету. Перед ним была девушка лет двадцати пяти в лёгком сарафане цвета топлёного молока с шоколадным кожаным пояском. Очень тёмные – чёрные, наверно? волосы свободно падали на её плечи. Такие широковатые скулы и поднятые к вискам миндалевидные глаза бывают у выходцев из Азии. Но на него смотрело вполне европейское лицо с милой белозубой улыбкой. Глаза ее были зелёные как нефрит! Или это цветопере-

дача такая?

– Глаза такие не бывают. Глаза, говорю, не бывают цвета морской волны, как у Айвазовского в Феодосии.

– А Вы поезжайте в Германию, поезжайте! Там обитают потомки алеманов, там викинги и готы, англы, саксы и франки. Рыжеволосых и зеленоглазых полно. Непривычные для нас типы!

– Она не рыжая, нет. Прямые чёрные волосы... Кто это, уважаемый работодатель?

– Пойдите, что мне вспоминается при слове «зелёный»? Китайские яшмы, прозрачный «кошачий глаз» и малахит, всенепременно. Был такой мастер Андрей Никифорович Воронин – резчик по малахиту. Какие вазы делал! Году так в 1810-том...

– Так, это Вы нарочно. Я понимаю – страшная месть. Но я, правда, поеду!

– Уж ладно. Не буду Вас мучить. У меня есть друзья в Германии. Знаете, из этих, прежде огромных семей, что по всему свету родню имели. Сколько раньше в России немцев было – не меряно! Вы подумайте, возьмём только одну Эстонию, из которой предки нашего заказчика родом. Она прежде Эстляндией именовалась. Я теперь его генеалогическим древом занимаюсь. Их имение было в уезде Пип в ста шести километрах от Ревеля – так тогда Таллин назывался. Так она, Эстляндия то есть, до двенадцатого века под Данией была. А в 1347 году датский король Вольдемар продал её

Ливонскому ордену за девятнадцать тысяч марок. Последний был в вассальной зависимости от Тевтонского ордена. Но! Имел, однако, самостоятельность, да...

Стас оторвался от своих диапозитивов и вмешался:

– Простите – не могу утерпеть. Я всегда тихо удивлялся. Громко неприлично было – ещё империалистом сочтут. Ведь Прибалтика вовсе не была всегда независимой! Я имею в виду, до Отечественной войны.

– Конечно, нет. Я тоже совсем не против независимости прибалтов, но правда есть правда. Ведь дальше, как было? При распаде Ливонского ордена во время ливонской войны 1558 -1582 годов северные области Эстляндии вошли в переговоры со Швецией. У них после этого протекторат Швеции и установился.

– Только над Эстляндией? Хоть я подробностей и дат не знаю, но там, вроде, везде было «полным-полно шведов», – осведомился искренне заинтересованный Стас, не выпуская портрет из рук.

– Правильно, дорогой друг, но не сразу. Был такой король Густав Адольф. После его военных побед над Прибалтикой окончательно установилась власть Швеции. Однако, это случилось в 1625 году.

– А мы когда, Оскар Исаевич? Мы ведь там тоже лет двести были?

– Даже дольше, чем двести. Знаете, в Швеции очень Петра Великого чтут. После того, как он их окончательно раз-

бил, шведы бросили воевать, занялись своими делами и теперь, как видите, не жалуются. А вот после победы Петра в 1710 году Эстляндия была присоединена к России. Но я что-то отвлёкся. Я только хотел показать, что уже с двенадцатого века там обосновались немцы, которые потом стали подданными Российской Империи, как наши фон Бэр.

– Уважаемый учитель, я пару поговорок вспомнил. Вот слушайте, очень подходит. «Горит, как швед под Полтавой» – это про меня. И «бойся данайцев, даже дары приносящих» – это про вас. Вы меня не только в Аугсбург ваш заманили, но и заинтриговали – Небылицын потряс правой рукой с фотографией, затем сделали обманный манёвр, перевели разговор на родословную Кубанского. А о девушке, опять заметьте, ни слова!

Брук явно наслаждался ситуацией. Глядя на него, Стасу нередко приходило в голову, что старость, или лучше поздняя зрелость может быть на свой лад очень обаятельной. И ведь вовсе не седой рыцарь сидел перед ним на кушетке. Лысая круглая голова с живыми карими глазами и белой эспаньолкой покоилась на короткой шее. Толстый животик плотно охватывал жилет с вечно расстёгнутыми нижними пуговицами. В жилете имелся кармашек, для так и хочется сказать «напузных» часов. Из него свешивалась самая настоящая серебряная цепочка, прикреплённая к добротной «луковице» Буре. Всегда свежая сорочка с галстуком скромных тонов, запонки. Кто теперь носит запонки? А у Брука они

имелись, и он их неизменно менял! Наблюдательный Стасик, бывало, про себя отмечал: «Так, сегодня янтарные с серебром, вчера были из полированного молочного агата, а ещё помню из горного хрусталя без оправы».

Всегда готовый посмеяться хорошей шутке, оказать ближнему услугу, общительный и добродушный, этот человек энциклопедических знаний и настоящей глубокой эрудиции был даже не то, чтоб «молод душой». Он этой самой душой и был. Душой общества, душой его небольшой группы музейных сотрудников, душой своей любящей дружной семьи. Сейчас он смеялся.

– А я и не скрываю, Стасик, голубчик. Давайте я Вам ещё последнюю цитату добавлю из совсем нынче непопулярного Максима Горького: «Лука, старец лукавый! Поманил, а дорогу не указал». Тут уж, правда за точность не ручаюсь. Но шутки в сторону. Девушку зовут Анна-Мари Фельзер. Она, как я уже говорил, дочь моих старых друзей по линии её матери. Не так давно она окончила университет в Мюнхене и там и работает. Но родом они из Аугсбурга. Я Вам даже всего рассказывать не стану. Пусть эта семейная история станет для вас сюрпризом. Скажу только, что пращуры Анны-Мари долго жили в России. Они считали русский язык, как и немецкий родным. Но ещё до семнадцатого года перебрались в Германию. Сделано это было по прозаическим житейским причинам без всяких революционных драм. Семью просто получила там большое наследство. Дальше начинает-

ся самое интересное.

Оскар Исаевич лукаво поглядел на молодого человека, ловившего каждое его слово, словно дело шло о жизни и смерти.

– Скажите пожалуйста, – нерешительно промолвил Небылицын, – а кто она по специальности? Тоже искусствовед? И потом семья, то есть мама с папой, как я понял, в Аугсбурге остались. А она в Мюнхене живёт... тоже с семьёй?

– Анна-Мари действительно живёт в Мюнхене, но совершенно одна. Выделив голосом слово «совершенно», -незамедлительно отвечив «Лука, старец лукавый». – А по специальности вовсе не безлошадный искусствовед, а фармаколог. И работает в знаменитой на весь мир фирме, изготавливающей лекарства, в исследовательском отделе. И вот для вас она возьмёт отпуск на целую неделю. Она Вас встретит. Отвезёт в Аугсбург. Покажет город и отведёт там в архив. Фотографию мне прислали, чтобы вам легче было её узнать в аэропорту. Вы там сориентируетесь по обстоятельствам. Оставайтесь, сколько вам надо. Визу вам сделают на три месяца. Стас очнулся от дурмана и слабо запротестовал:

– Да что вы, честное слово, у меня же работа в Москве!

– Я просто хочу подчеркнуть, что вы этим не будете связаны. Можете вернуться, прилететь снова, ещё раз вернуться. Всё, что хотите. А если надо, Кубанский вам открытую визу сделает. Я запомнил, как она называется. Это когда по работе всё время ездить надо.

– Подождите, дорогой ментор. Бог с ней, с визой. Я вас всё хочу спросить, почему она так любезна? И ещё, совсем позабыл. Вы же сказали, сейчас начнётся самое интересное!

– Ну да. Это вместе просто и сложно. Понимаете, эта семья через поколения пронесла и сохранила русский язык. Анна-Мари абсолютно свободно говорит и читает по-русски. Они сердечно рады. Вот тут я должен немного подробнее объяснить. В Мюнхене, в Аугсбурге, вообще в Баварии наших больше, чем достаточно. Если просто захочешь пообщаться по-русски, то, собственно, нет проблем. Но, как вы понимаете, приехали разные люди. И вот моим друзьям не везло. Они пару раз обожглись и теперь сразу знакомиться только потому, что народ из России. Ну, не готовы они. Но если из Москвы приезжает интересный человек с рекомендацией... Это другое дело.

– А я, значит, с рекомендацией? – уточнил, улыбаясь, Небылицын.

– А в как думали, юноша? – в тон ему проворковал старый Брук.

– И я, знаете, – продолжил он, – семье Фельзер несколько раз немножко помог. Надо было доказать, что два-три полотно хороших мастеров, принадлежащих им по наследству, подлинники, а не копии. И старый конь Брук борозды не испортил. Так-то вот, мой молодой друг.

– Мы подлетаем. Надо перевести часы, – сказал себе Стас и переставил стрелки на два часа назад.

На табло засветились призывы пристегнуть ремни. Голос стюардессы, а затем, капитана застрекотал в динамиках. Несусветное их произношение усугублял пулемётный темп речи. Небылицын не в первый раз подумал, что среднестатистический пассажир, не владеющий родным языком авиакомпании, конечно, ничего не поймёт, даже если он сносно объясняется по-английски.

Уши слегка заложило. Самолёт с едва уловимым толчком мягко приземлился. Европейская часть салона захлопала и соотечественники не сразу, но всё же присоединились. Стас подождал, пока самые нетерпеливые пассажиры устремятся наружу, а затем, не спеша, последовал за ними. Когда он подошёл к паспортному контролю, пограничник, приятно удивлённый грамотной немецкой речью, задал вместо одного дежурного вопроса несколько других. И когда прибывший объяснил, что цель его приезда работа в архивах и искусствоведение, пожелал ему всяческих успехов. Оставалось получить багаж. Пассажиры московского рейса обступили ленту конвейера. Стас оглянулся. У стенки стояли тележки для багажа. Когда он уже с тележкой снова подошёл к ожидающим, пасть распределителя стала выплёвывать первые чемоданы и сумки. И вдруг из раструба показался какой-то серый монстр. Огромная фигура медленно выползла из жерла и поплыла мимо ошарашенной публики. Небылицын подошёл ближе. исполин сделал один круг и, неостребованный, проследовал обратно. Через некоторое время он снова появился,

и Стас прочитал на табличке: «Франкфукт-на-Майне. Выставка современной скульптуры «Мир и будущее». Осмелевший народ потихоньку начал постукивать по мощному, грубо вырубленному носу «Мира», по голому пузу и уродливым огромным ногам. С глухим стуком великан подрагивал. Фигура была, без сомнений, полой.

– Нет, всё-таки хорошо, что моя эпоха – это восемнадцатый, девятнадцатый век. Можно раньше. Только не позже, честное слово! Каждый уважающий себя современный искусствовед и этот, как его, культуролог скажет, что я безнадежно устарел. Ну его, не хочу такого «будущего». Разве что, они «мир» обеспечат на шарике, – ворчал молодой человек, пробираясь со своим большим серым чемоданом к выходу.

Зал кончился прозрачной перегородкой. Возле нее снаружи стояли встречающие. Стас обежал внимательным взглядом их галдящую толпу. Над головами людей реяли таблички. Одна из них бросалась в глаза ярко синим цветом. На этой белыми буквами было написано: «Господин Небылицын, добро пожаловать! Меня зовут Анна-Мари Фельзер». Сердце его ёкнуло, глаза лихорадочно стали искать руку, державшую приветствие. Он сделал несколько шагов навстречу и увидел наконец, весело улыбавшегося широкоплечего седого мужчину лет пятидесяти.

Глава 22

Дождь в этот день начался ещё ночью. Сначала далеко где-то глухо гроыхало, и зарницы как бессонный прожектор освещали тёмное небо, зажигая своим бенгальским огнём шторы на окнах и огромные стёкла витрин.

Кирилл спал плохо. Но вот по жёлобу застучали капли. «плим-плям, плим-плям», на балконе отозвались забытые кем-то стаканы: «буль-клинк-кланк-пом». И когда зашуршали, заструились, зажурчали сильные струи, отдельные голоса которых вскоре слились в монотонную песнь, он наконец отплыл в никуда без сновидений и продрых до восьми.

Вчерашнее его решение и на свежую голову показалось удачным. Звонить не надо. Он лучше сразу поедет, и если не обнаружит этого огольца, то будет хотя бы знать, где квартира, чтобы второй раз не искать. «И вот ещё мысль! – бормотал себе под нос Бисер, бреясь перед зеркалом. – Нет Петьки, скажем, сейчас и не надо. Я оставлю парню записку. Есть же там почтовый ящик. Попрошу позвонить. Скажу, мы, мол, с твоим отцом в одном классе учились. Зуб даю – позвонит мальчишка. Любопытство замучает. Катька говорит, он залёг на дно. Но на такой крючок как пить дать поймается!»

Дом, где снимал квартиру сын Кати, находился в Измайлово. От Смоленской на метро ехать по прямой просто и удобно. Кирилл хотел было обойтись без машины.

«Москву я теперь знаю плохо, – прикидывал он, – даже нынешних гаишников толком назвать не сумею. «ГИ по ДД?» Или «по ДТ»? Ох, лучше «по ББ» то есть «по бара-

бану»! Нет, давай разберёмся. Государственная инспекция – это ясно, а дальше, если ДД – «по детскому дебелизму»? «дохлым драконам»? А вот, нашёл. Дорожного транспорта! Значит, «ДТ». Но гаишники гаишниками, а на парня надо впечатление произвести. «Фольксваген» – это не «Мерседес», но машина приличная – авось, оценит.»

Бисер достал карту города, не спеша наметил маршрут и отправился в путь.

Стандартную в меру облезлую двенадцатиэтажку окружала буйная зелень. Кирилл припарковался на стоянке. Подъезд в доме имелся только один. Ему пришло в голову, что если лифт не фурычит, то придётся, словно бобику, топтать на десятый ногами. Но первое препятствие – это код. Пять кнопок на разболтанной и ободранной двери, отполированные прилежными жильцами, были без цифр. Их маковки блестели как зеркало. Бисер даже не стал рыться в записной книжке, а нажал сразу все пять вместе, и дверь открылась.

В подъезде было полутемно. Лампочка не горела. Свет проникал лишь из верхней застеклённой части парадной. Оббитый чёрный кафель в ней на стенах соседствовал с грязно-голубой краской. На той, видно, очень удобно было писать.

Подростки бодро изображали причинные места, рисовали свастику с пентаграммой, и вся эта наскальная живопись молодых питекантропов мало, в сущности, отличалась от их повадок сорок лет назад.

Лифт, против ожидания, послушно стоял внизу и, несмотря на стойкий запах мочи и кошек, кряхтя потрохал наверх. Пятьдесят восьмая квартира с коричневой хлипкой дверью находилась прямо около лестницы, и эта самая дверь глухо вибрировала от равномерного гула.

«О! Он «темно-красным звучанием» увлекается? – разве-селся Бисер, – Дальше уже только инфрачастоты. Только это опасно для нежной юной нервной системы.»

«А чего это ты, братец, как погляжу, парня заранее не любишь? – спросил он себя. – Так это я за Катку обиделся. Но надо быть справедливым. Поглядим!»

Он собрался позвонить, как вдруг из окна на лестнице дунул ветер. Звякнула рама, и плотно закрытая дверь отворилась сама. Бисеру стало не по себе. Он несколько секунд поколебался, потом решительно переступил порог короткого коридора и в изумлении остановился.

В квартире неожиданно сделалось тихо. Вся однокомнатная хоромина с дурацкой планировкой открылась как на ладони.

Окна без занавесок. Грязный давно не метённый вытертый линолеум, а на нем: пустые бутылки, банки и хлам. Сквозь открытую дверь в кухне видна убогая плита с кастрюлькой и чайником. На стульях, мятая одежда.

Фу, экая мерзость запустения, хотя, в комнате были всюду разбросаны книги. Они стояли на обшарпанных полках на полу, лежали стопками по углам, громоздились на письмен-

ном столе у компьютера с плоским экраном, выглядевшим, в этой берлоге до странности современно.

Общей картине не отвечал только один уголок. В кухне у раковины лежала чистая подстилка, а рядом – новенькая обливная миска с милой собачьей мордой на блестящем боку. Рядом стояла плошка с водой.

«Собачья миска? А где сам зверь? Он должен залаять, – напрягся Кирилл. – Или хорошо вышколенная тварь меня выпустит по инструкции, а дальше, ну это как повезёт. Либо сразу разорвёт. Да-да, и съест тебя без соли! Она голодная! Балбес ее не кормит!

«Слушай, Кирилл Игнатьевич, – продолжил он диалог с самим собой, – как-то нелогично выходит. Не кормит, а миска тогда зачем?»

Шорох прервал эти жизнеутверждающие размышления. Он слышался из-за полузакрытой двери, защищавшей правый угол комнаты от нескромного взгляда.

«Ну вот и сторож! Не издал ни звука, скотина! Теперь по всем правилам науки я должен стоять без движения и смотреть в сторону, поза покоя и покорности.»

– Щен, где ты, собачина? Холодно!

Раздался вдруг из-за двери недовольный простуженный голос. Кирилл вздрогнул. Он тут же, ни слова не говоря, вошёл в комнату и толкнул дверь в сторону.

На полу между окном и стенкой на надувном матрасе лежал на боку парень, укрытый серым одеялом. В его спутан-

ных рыжих волосах выделялись чёрные полушария наушников.

«Смотри-ка, «Sennheiser», не мудрено, что не слышит ни хрена. Деньги у паршивца есть. Одни наушники стоят полторы сотни баксов.» Бисер присмотрелся и заметил на груди молодца, плоский белый небольшой прямоугольник с дисплеем и регулятором в виде колёсика. Лихо, а к ним плеер «iPod», считай, еще двести пятьдесят, не говоря о компьютере. Или он маму свою доит, или..»

Парень, тем временем, вслепую хлопая по полу в поисках собаки, перевалился с боку на спину, открыл глаза и мутным взором уставился на пришельца.

– Вы кто? Что Вы делаете у меня дома? – возмутился он, когда окружающая реальность понемногу восстановилась в его затуманенном сознании.

В комнате всюду во множестве были разбросаны книги. Они стояли на небрежно прямо на пол поставленных полках, лежали стопками на самом полу, громоздились на письменном столе рядом с компьютером с плоским экраном, выглядевшим, впрочем, вполне современно.

– Я хотел позвонить. Боялся, правда, что не услышат, уж очень гудело. Я подумал, тут кто-то «инфра» крутит. Но дверь открылась сама.

– «Инфра»? Ну Вы, я вижу, меломан! Это сосед Валька дрелью шкафы мостырит! – захихикал противно рыжий.

Он начал потихоньку вставать, кряхтя как старый дед и

хватаясь за поясицу. Кудлатая голова, похоже, болела. Наконец он, морщась, выпрямился, и отряхнул чёрный джинсовый комбинезон в дырках.

– Да брат, я верно не меломан. Я – Бисер. А ты вот – Пётр Синица, или я ошибаюсь?

Кирилл, слегка прищурясь, оглядел молодого человека. Нездоровый цвет лица, и красные глаза. Отчетливый запах перегара. Еще в комнате пахло тлеющими прелыми листьями, горелым мхом с примесью чего-то иного. Корицы? Индийского сандала? Ох ты пропасть, какой сандал! Я, точно, не спец. Катёна сказала мухоморы и анаша! Где-то ещё похоже пахло. Вспомнил! В Амстердаме вечером из открытых дверей кафешек. У меня на запахи память. Значит, так она пахнет, эта анаша! Рыжий озадаченно глянул на Кирилла.

– Я – Пётр Синица, а почему Вы – бисер? Откуда Вы меня знаете?

– Бисер – это меня так зовут. Кирилл Игнатьевич Бисер. Будем знакомы. Могу тебе паспорт показать, если хочешь. У меня к тебе, Петя, разговор есть.

– Это о чём же?

– О жизни, о чём же ещё? Любой разговор, он о жизни, если это не просто трепотня.

– А я спать хочу, чего привязались? Я собаку свою искал, замёрз без неё, её сосед, наверно, гулять забрал, а тут Вы почему-то. Вы вообще до сих пор не сказали, из какого Вы перелеска. – Он извлёк откуда-то сзади начатую банку пива,

сделал большой глоток и снова потерял нить. – Да чего с вами предками говорить? Нотации слушать? Никто ни хрена не знает, не понимает, не сечёт. Ну вот ты!

Он хамел на глазах.

– Что тут у меня на стенке висит? Картина Репина «Не ждали»? Он махнул рукой в сторону широкой стены, увешанной плакатами с изображёнными на них монохромными плоскостями, наплывами лиц и обрывками английских текстов.

– Сам бор-машину за соло принял, ему что ударник – что дрель всё едино, а туда же, о жизни!

Кирилл быстро поднял с полу наушники с болтавшейся на тесёмках белой плиткой.

– Включи «iPod» (ай-под), – скомандовал он, но тут же передумал. – Нет, лучше я.

В ушах Бисера зазвучала электронная музыка с повторяющимся рисунком. Такая слоистая, с каждым следующим периодом обрастающая новыми вариациями, и вместе с тем какая-то лунная громкая, холодная. Так, это «Westbam», – констатировал он.

Кирилл нарочно не обращал внимания на «рыжего телка», как мысленно окрестил этого типа. Взглянув на дисплей и крутнув колёсико, он добавил.

– Теперь пошел «Infected», потом «Mushroom».

– И что? Что тут понимать? А уж любить или не любить. Дело вкуса. – Петька, слегка подавленный неожиданной эру-

дицией «предка», почему-то снова взъярился. – Ишь чего захотели? Вкус, его воспитывать надо! А я кто такой? Я безотцовщина, а ещё лучше бастард! Тоже клёвое слово, – наливаясь пьяной злостью, бормотал парень. – Вот и мать моя, она хоть мораль не читает, а про отца не говори-и-и-т! Не говори-и-ит, хоть ты тресни. И о-о-оччень занята всю дорогу. Ну оччень!

Бисер, с неприязнью глядевший на Петькину отёкшую физию, на его жалкую фигуру с наметившимся уже пузом, услышав эти последние слова, побледнел и шагнул вперёд. Хорошо тренированный и поджарый, он был на добрых полголовы ниже высокого рыжего архаровца. Тем не менее он легко поднял парня за лямки затрещавшего комбинезона и хорошенько встряхнул как нашкодившего кутёнка.

– Слушай, ты, молодой бегемот! Побаловались и хватит. Кончай Ваньку валять. Катя для тебя с этой минуты и навсегда будет не «мать» а «мама»! Пить и курить всякую дрянь бросишь прямо сейчас! Квартиру отдраишь как палубу завтра, и не за деньги, а сам! Быстро в душ и поменяй тряпки, начинается отделка щенка под капитана!

Кирилл ещё раз для остротки тряхнул Петьку так, что у того застучали зубы, и отчеканил:

– Ты – понял – меня – или – ударить – тебя?

Рыжий, потерявший былую наглость, слегка протрезвел, с трудом принял вертикальное положение и послушно направился в ванную, затравленно озираясь и причитая:

– Как ударить? Вот принесло на мою голову – бандит какой-то. За что ударить? Что я вам сделал?

– Да ты невежда, браток, – усмехнулся «бандит», – «Мастера и Маргариту», даже не читал. Это цитата.

Пока в ванной шумела вода, Бисер наскоро набрасывал план компании. Подопечный сопел, тихонько повизгивал, стонал, чертыхался и экзекутор в конце концов под эту музыку слегка оттаял.

– Петя, ты завтракал? – крикнул он, перекрывая шум воды.

– Вчера... Нет, позавчера точно сосиски ел, – донеслось до него из ванны.

– Ну вылезай. Сейчас на воздухе где-нибудь перекусим. Давай выходи. Я Петек не ем. Я больше как-то по шашлыкам.

Шпингалет звякнул и «рыжий телок» материализовался на пороге, смущённо хлопая длинными густыми ресницами. На нём была белая с синим майка с вполне пристойными голубыми джинсами. Спутанные рыжие кудри, старательно расчёсанные и приглаженные вместе с курносый носом делали его похожим на пастушка, а серые глаза смотрели с непонятным воодушевлением.

– Кирилл Игнатьевич! – начал он.

– Смотри ты, имя запомнил! Я думал, ты пьян вдребадан, или ещё похуже... Обкурился до одури, – поднял брови его собеседник.

– Я и был в этот – вдребадан! А просто я знаю. Я если раз

человека увижу, то навсегда.

– Петя, побойся бога, ты чего это, голубь? Я тебя совсем тихонько тряхнул. Что ты там знаешь и почему?

– Кирилл Игнатьевич, Вы только скажите, Вы Стеклярус? Я Вас у мамы на фотографии видел, на выпускной и раньше ещё. Только Вы тогда чёрный были. Ну а глаза.

– Глаза не поседели? – подначил его Бисер.

– Вот Вы смеётесь, а я когда маленький был, любил мамины альбомы рассматривать. Мама всегда на работе, а бабушка лампу зажжёт.

– Зелёную?

– Ну да, а откуда. Ох, верно! Так бабушка Лера мне всех всегда показывала: «это, говорит, мама.» А я: «Такая маленькая» – «А вот уже побольше!» Ну и всех ваших других: и тётю Лиду, и дядю Диму, и тётю Сашу. Вы часто рядом с мамой стояли. Так Буся – это моя бабушка Лера, – он залился радостным смехом, и недавно противная моська сделалась вдруг совсем беззащитной, Буся говорит: «это Кира.» А я давай смеяться, вот как сейчас. Это же мальчик, Буся. Мальчиков нельзя – Кирой. Ну а она. – мальчишка как-то постепенно увял.

– Верно, разъяснила, что Кира это просто Кирилл? – серьёзно спросил взрослый.

– Кирилл Стеклярус, – сказал «телок».

Глава 23

Бисер, сразу решивший из гадюшника парня забрать, за рулём был задумчив. Всё пока шло по плану. Красная тарактелка произвела впечатление. Петя угнездился в салоне. Он как малый ребёнок, попросив позволения, стал нажимать на кнопки, включая все, что можно, а следом тоже стих.

Парень украдкой посматривал на взрослого дядю, «этого Стегляруса», внезапно ворвавшегося в его непутёвую жизнь. Разглядывал его твидовый пиджак хорошего покроя, спортивную рубашку жемчужно-серого цвета с матовыми пуговицами, плоский чемоданчик с красивым тиснением на заднем сидении, всю эту бархатистую внутренность заморской машины. Их было немало у родителей сокурсников, у многих на старших курсах появились свои. У них с мамой не было даже Жигуленка.

Первым прервал молчание Кирилл:

– Петь, я когда к тебе ехал, одну террасу приметил. Сейчас прибудем. Солнышко светит, народу немного, пойдём-поедим, авось не отравят!

Выйдя из машины, Кирилл краем глаза заметил, как рядом невдалеке остановились тойота и джип. Из них выпала группа по-летнему одетых ребят и, весело переговариваясь, устремилась к выбранному им ресторану. К тойоте минуту спустя подрулил голубой Москвичонок и прилепился прямо под знаком «стоянка запрещена».

– Чёрт знает как ездят. И что это за чудак на букву «м»?

Денег у него лишних быть не должно при эдакой развалюхе. Да ещё идиотская лапа на заднем стекле качается слева направо, б-р-р-р-р-р! – пожал плечами он и направился через террасу наискосок к столику в дальнем углу. Петька послушно чапал следом. Не успели они усесться, как упитанный кавказец подлетел к вновь прибывшим и вручил им меню. Его добродушная усатая физиономия блестела на солнце и лучилась улыбкой.

– Здравствуйте, чтобы вы нам порекомендовали? – оживился изрядно проголодавшийся «пастырь», как стал называть себя Кирилл, приступивший к своим обязанностям «вытащить из дерьма» – Я очень грузинскую кухню люблю, раньше часто по работе в Тбилиси бывал. А тут недавно на Новом Арбате в «Сулико» зашёл. Понадеялся..., и я вам так скажу. Поесть – поел. Но! Не то.

– Что Вы гаварице! Нэ может биц! Батоно, будэм знакомы. А – Акакий Алхазашвили, это мой рэсторан.

– Очень приятно, дорогой Акакий, меня зовут Кирилл – вежливо привстал Бисер и протянул руку собеседнику.

– Слушайте, батоно Кирилл, хАтите рыскнуть? Я сэйчас вам и сыну вашему сам закажу. На свой вкус закажу! Сам вино выберу! Гоги, бэги сюда, сорванэц!

Глазастый парнишка лет четырнадцати поспешил к их столику и вопросительно уставился на Акакия.

– Глядытэ, а это мой! – хозяин обнял мальчика за плечи, – Гоги, знаэшь где вино дяди Самвэла стоит?

– Подождите, пожалуйста, уважаемый Акакий, я не могу, к сожалению. Я за рулём, – стараясь не глядеть на Петьку, отказался Кирилл. – Эх, как вспомню: тетра, твиши, псоу, мукузани, кахетинское, ркацители звучит, как музыка!

– Батоно Кирилл, Вы знаете грузынский язык?

– Нет, но вот названия блюд...

– А что, напрымэр?

– Смотрите: чихирма, харчо, мчади, долма, лобио, сациви, мамалыга, санахи...

– Ай, маладэц! Хаш, хачапури, чурчхела, сулугуни, надуги, мужужи, татаряхны!

Мужчины смеялись и хлопали друг друга по плечам. Петя, про которого оба, казалось, совсем забыли, заворожённо слушал и только вертел головой от одного к другому.

– Имя у Вас замечательное, дорогой Акакий! Я сразу вспомнил Тбилиси и памятник «Грузия – Акакию».

– Вы любите стихи? – голос хозяина сделался неожиданно тихим, однако эти слова перекрыли соседский галдёж.

– Я люблю Грузию. Мне страшно жаль... – Кирилл затормозил на повороте и посмотрел на хозяина, который перестал улыбаться. «Я иностранец и сейчас вляпаюсь в их интернациональный конфликт. Чуть не сморозил, как мне жаль, мол, что мы больше не одна страна. Мне правда жаль, да само я где?»

– Вы не закончили, – совсем другим тоном серьёзно заметил Алхазашвили.

– Извините. Побоялся отвесить бестактность. Ну, я хотел было про Шота Руставели и Тициана Табидзе, Элико Вирсаладзе, Пиросмани и Верико Анджапаридзе завести. Рассказать, как я Абуладзе смотрел. Для меня они все – часть моей собственной жизни.

– А потом решили, что с диким горцем не стоит? Или с ресторатором богатым удавом?

«Вот чёрт, да этот Стеклярус сейчас как будто не тот!» – про себя удивился Петя сердечному выражению лица и тёплому бисерову тону, когда Кирилл, обратился к хозяину:

– Акакий, садитесь пожалуйста. Мне с вами так неловко разговаривать, или я тоже встану.

– Слово гостя – закон, батано Кирилл! – кивнул головой хозяин и сел к столу.

– Я, видите ли, тоже, некоторым образом, удав, а точнее мелкая щука. У меня есть своё дело. А Вы, готов поспорить, москвич. Мне кажется... Вы не обидитесь? – он вопросительно взглянул на собеседника.

– Нет, нет, интересно, валяйте!

– Я думаю, Вы сыграли и я вначале поверил. Но как только мы про стихи заговорили, так у Вас глаза другие стали, и акцент куда-то исчез.

Алхазашвили засмеялся. Его пушистые усы задрожали, а брюшко заходило ходуном. Но затем он, оборвав смех, вздохнул.

– Что ж, кости моих родителей в Тбилиси на Ходжеван-

ке лежат, а сам я, верно, москвич. На Каляевской родился и вырос. И опять угадали, двадцать лет в «Станиславского» после студии МХАТ отслужил. А потом, надо же семью кормить! А я всегда кулинарией интересовался. Родные помогли поначалу, ну и...

Во время беседы, повинуюсь почти незаметным жестам Акакия, официанты уставили стол снедью. Молодой сулугуни с мятой соседствовал с холодной курицей «сациви», появились свежие душистые мчади, бутылка Цоликаури и ледяной Нарзан. Когда принесли лобио, он негромко скомандовал:

– Пусть мои друзья поедят. Шашлык немножко позже, чтоб точно горячий был. Киндзу и рейхан понежней.

Официанты испарились, а Алхазашвили повернулся и посмотрел на Петьку.

– Знаете Кирилл, грузины тоже рыжие бывают? Глаза у вас с сыном совсем одинаковые. Теперь вы седой, а раньше, что, тоже рыжий были?

– Рыжие грузины? Не знал, – с несколько избыточным энтузиазмом удивился Бисер. Ему не хотелось разочаровать занятого хозяина, а главное, почему-то невозможно было прямо так при мальчишке внести ясность: «Нет, это не мой сын.»

– А у Пети мама армянка. Вот она уж точно брюнетка. Вернее, раньше была, пока краситься не начала.

– Армянка? И у меня жена армянка. Я думаю, Хаос и

Картлос, как были братьями, так и всегда братьями быть должны, – задумчиво негромко проговорил Акакий, видимо, отвечая своим мыслям. Они ещё немного поговорили о том о сём, уплетая отличный харч, и Алхазашвили предложил:

– Я Вас прошу, зайдём ненадолго ко мне, если вы первый голод утолили. Я вам мою коллекцию вин покажу. Да только покажу, не пугайтесь! А потом и продолжим. Я вам суп не предложил. Кстати, знаете, что такое настоящий харчо? Это «суп с кислотой». Для него нужна «тклапи», её делают из сушеной сливы ткемали. И вот я...

Мужчины встали и проследовали к белому зданию с вывеской «Аланья».

Петька не слишком увлекался приключенческой литературой. Вестерны и триллеры тоже оставляли его равнодушным. Он подумал, что всё происходящее больше похоже на сон. Тогда как большинство ребят его возраста наверняка нашли бы тут киношные параллели. Он, правда, не помнил, когда последний раз поел по-людски. И посему продолжал с удовольствием лопать всё по порядку, по дороге пытаюсь разобраться в собственных ощущениях. «Этот Кирилл со своей смешной фамилией! Он ведёт себя по-хозяйски, а Петька слушается, словно школяр. Он его кормит, и надо бы заплатить за еду, но денег нет! Раз нет – не ешь!» – решил с досадой Пётр и отправил в рот ещё один кусок хачапури.

– Браток, а браток, – услышал он вдруг и обернулся на голос, – закурить не найдётся? У тебя не занято, браток?

Когда Кирилл с Акакием показались на горизонте, сбоку выскочил официант с дымящимися шампурами, распространявшими благоухание жареного на углях молодого барашка. Петя глянул на мужчин и подивился их серьёзным и озабоченным лицам, никак не вязавшихся с их благодушным настроением четверть часа назад.

– Спасибо Акакий, – услышал «рыжий телок», – страшно обязан тебе буду.

– Перестань. Меня просто жизнь заставила. Ведь я раньше был актёр. Сам понимаешь, детективы только в книжках читал. А теперь? Знаешь, что такое в цирке «баланс»? Вот так-то! Ну, до завтра. По дороге к столику они обменялись ещё парой тихих фраз, пожали друг другу руки, и хозяин ушёл к себе, помахав Пете на прощание.

– Как они быстро стали на «ты»? – ошалело подумал Петя. – И причем детективы? Уж не бандит ли он на самом деле? Нет, лучше не думать.

И рыжий занялся шашлыком, запивая его нарзаном и подставив солнышку свой облупленный курносый нос.

Кирилл вернулся, молча сел и принялся за еду. Он забыл про оболтуса напротив. Бисер сосредоточено размышлял. Он думал о Лизе, о ней одной. О том, что ввязался в лихое дело, затронул чье-то интересы. Что Лиза и так имеет только отца. Что если с этим отцом...

«Э нет, какое «если», – стучало в его мозгу. – Вопрос вот в чем. Могу я отработать назад? Всё бросить? Скажем, взять

Кате и объяснить. Пан оставил сыну наследство и отлично! Деньги у меня есть, это настоящие деньги. Я всё вовремя, как надо вложил и застраховал. Теперь в сухом остатке хватит Петьке на безобразия, хватит Катьке то ж «на булавки». Порядок будет без никаких».

Бисер поймал себя на мысли: «не представляет себе «порядок» без того, чтоб в будущем оградить Катю от московской агрессивной среды, от шпаны и трюков временщиков. Катька будет упираться? Гордая дивчина Катишь, одна воспитавшая сына, пошлёт его к ядрёной фене и откажет от дома? А он докажет, что всё это ради детей! Что он Андрея вечный должник, иначе просто совесть сожрёт. А что, и правда – совесть сожрёт? «Совесть, зверь когтистый, терзавший сердце...». Он поднял глаза на парня, заметил его встревоженное лицо и впервые не ощутил раздражения, которое всё время вызывал в нём рыжекудрый и рыхлый «выюноша». «Нет, не пойдёт. Я его застал уже на краю. Его можно взять без перчаток, и он один пропадёт. И как Синица, зараза, угадал? Синица, который сына с младенчества не видел. Или всё-таки видел? «Из любого дерьма вытащи!» Синица, который на пятом десятке решил себе неприятную правду сказать... Да, придётся и мне сейчас эту самую правду слопать. Андрей, гад, он всю мою жизнь, как брат, как призрак, как тень со мной. Его уже нет, но это ничего не значит. Я не смогу жить, не выполнив его чёртова завещания! Не смогу себе в глаза глядеть, рыжего бросив на произвол судьбы, Катю предоста-

вив её судьбе. И потом. У нас с ним такой всю дорогу турнир тянулся. И что же? Он, совершенно безответственный хрен, а я остался в долгу! Значит, без вариантов. Однако, парень что-то там говорит.

– Кирилл Игнатьич, что-то случилось? – спрашивал его тем временем Петя, похоже, не в первый раз.

– Случилось, Петь. Я сейчас Кате позвоню и, если она разрешит, мы с тобой к ней поедem. Ты пока дома поживёшь. У тебя в университете военная кафедра была? – не слушая возражений оборвал он мальчика.

– Была, но...

– Ты кто такой?

– Я – лейтенант, а почему...

– А потому, что приказы старшего по званию не обсуждаются. Исполняйте, лейтенант Синица!

– А Вы и в армии были? – совершенно по-детски без этого, часто деланого пренебрежения к настоящей мужской работе Защите отечества, захлопал ресницами оболтус.

– Служил, и даже несколько лет, но офицером. Майор ракетных войск Бисер. «Честь имею!» – серьёзно сказал Бисер. – И ты у меня честь иметь будешь, это я тебе обещаю!

На обратном пути сытый Петька уселся «рядом с водителем». Он тихонько мурлыкал под голубую рапсодию Гершвина и даже, кажется, немножко дремал.

– Что, разморило? Ну как тебе там, в «Аланье»? – хлоп-

нул его Кирилл по плечу, пока они стояли целую вечность перед светофором на перекрёстке, а кавалькада чёрных машин в сопровождении мотоциклистов на бешеной скорости неслась по Кутузовскому.

– Жратва просто мировая! И публика ничего, не жмёт. Иногда, знаете Кирилл Игнатьевич, то наши колхозники жить не дают, то дикие абреки ордой налетят. Голосят, как оглашенные, за столик подсесть норовят. А там, кроме одного только хмыря, никто не лез.

– Какого это хмыря? – быстро спросил Кирилл, согнав улыбку с лица.

– Он за нами на москвиче притрюхал, может, заметили? И ещё приземлился там, где «стойлу» запрет.

– Ах вот оно что, помню. А дальше? – нахмурился Бисер и стал напряжённо ждать ответа.

– Да ничего особенного. Просто Вы ушли, а он из своего рыдвана выкатился... Село, селом! Браток, говорит, пиво тут есть, не знаешь? А какое? А подешевле? Сколько время? Закурить не найдётся? И как Ванька-Встанька, то за свой столик плюхнетя, то ко мне подгрёбёт. Сядет-вскочит, сядет-вскочит, честное слово! Потом покряхтел, поелозил и слинял, даже без пива.

– Петя – всё также без тени улыбки сказал Кирилл, – сосредоточься. Всё вспомни и совершенно точно мне скажи, он к тебе прикасался? Мог, к примеру, в карман что-то положить?

– Нет, что Вы Кирилл Игнатъич. Смотрите, я как сидел? Сзади одни кусты. А по бокам два стула. Этот тип был всё время напротив. Да у меня карманов нету. Разве в джинсах? Так-то на... на попе! – хлопая рыжими ресницами круглых глаз растерянно возразил Петя.

– Хорошо, а в еду, в напитки мог тебе что-то бросить? Он тебя отвлекал? Ты отворачивался хоть раз?

– Что? В еду? Так Вы думаете...?

– Петя, я тебя понимаю. У тебя миллион вопросов. Я тебе ответственно обещаю по мере возможности ответить на каждый. А пока ответь на мои! И поверь, что я не свихнулся.

Но Петька и правда, развлекавший себя идеей уж не псих, не бандит ли Бисер, на самом деле, давно был занят другими мыслями. Он конечно злился, что слушался, как щенок. Было стыдно, что испугался. Что бардак, и что нету денег. Однако в его голове, словно голос из автомата, повторялись слова: «Ваш сын. Глаза у Вас с сыном совсем одинаковые.» И ведь Бисер не спорил! А если он не Синица? А что, если...?» Кирилл потряс его за плечо и повторил раздражённо:

– Пётр! Мог он что-то тебе подсыпать?

– Нет! Это исключено, – сказал уверенно парень. – Руки он держал под столом.

– Хорошо! – Кирилл перестроился в правый ряд, проехал метров пятьдесят и, аккуратно вписавшись в поворот, остановил машину около двух берёзок и скамейки. Он вытащил мобильный телефон, набрал номер, и в трубке зарокотал зна-

комый мужской голос.

– Батоно Кирилл? Ты что уже соскучился?

– Соскучился, Акакий, это само собой. Только, ты ведь не просто мудрый. Ты же прямо провидец, авгур какой-то!

– Что такое, уже?

– Ещё не знаю, но возможно. Скажи, ты помнишь, за каким мы столиком сидели?

– Я же «профи». Конечно помню, как же иначе!

– Сделай одолжение, проверь, нет ли там жучка. На нижней стороне стола или на ножках, я думаю. Понимаешь, пока мы с тобой твои подвалы смотрели, к парню, оказывается, некто очень уж лип. Пришёл после нас. Ушёл так, что мы не видели. Только сделай сам, если можно. Чтобы звон не пошёл по округе. Может, кто-то и дальше смотрит?

– Не беспокойся, я тебе перезвоню через пять минут.

Петька во время этого разговора молчал. Его способность волноваться, дивиться и даже бояться истощилась, как пересохший в пустыне колодец. Голова бедняги и так слегка гудела «после вчерашнего». Теперь, перегруженная калейдоскопом впечатлений и ощущений, она просто затрещала от боли. Он посмотрел в окно на улицу.

По двору, мощённому щербатой брусчаткой, на маленьких непослушных ножках топал белобрысый бутуз в пестрой маечке. На его щекастой мордашке было довольное и вместе с тем озабоченное выражение. В руке он держал деревяшку в форме причудливой клюшки, расписанной ромбами и цве-

тами. Игрушка изображала австралийский бумеранг. Снова вышло солнце. Оно осветило дом напротив, выкрашенный в благородный кремовый цвет, его сливочные пилястры и барельефы. Детёныш миновал облицованный серым мрамором фронтон и приблизился вплотную к машине. Он деловито занес своё оружие над лакированной дверцей и совсем собрался испробовать на прочность боковое стекло, но был уличён и срочно эвакуирован стройной маленькой брюнеткой в белых брюках.

– Тёмка, – ахнула она, подхватив малыша на руки и уволакивая его к круглому столику летнего кафе прямо во дворе дома, – ты что хочешь, чтобы родители до пенсии за твои художества расплачивались? Я сейчас папе все расскажу!

– Коля, ты только посмотри, ваш хлопец сейчас чуть иномарку не раскурочил, – обратилась она к молодому человеку в тёмных очках, сидевшему неподалёку с кружкой пива рядом с сероглазой миловидной шатенкой.

У Бисера зазвонил телефон. Он молча послушал, сказал: «Спасибо, я так и думал. Очень тебе обязан». И простился.

–Ма-а-а-а, – орал возмущённо малыш, болтая ножками, – одя-я-я-я-й меня маме-е-е-е! Хотю к мами-и-и-и!

«И я хочу, – с отчаянием вдруг подумал Петрусь, – к маме хочу ужасно и как можно скорей!»

Глава 24

Раскрасневшаяся Катя сновала из кухни в столовую. На столе уже топорщилась льняная накрахмаленная скатерть и искрились в свете тяжёлой люстры хрустальные бокалы «с алмазной гранью». В хрустальном же графине с каплевидной пробкой ожидала гостей густая тёмно-рубиновая вишнёвая наливка. Рядом в небольших стеклянных штофах расположились настойки числом не меньше пяти.

Кирилл сразу по приходе с деловым видом направился с Петей прямо в кабинет. По дороге он ласково, но серьёзно сказал.

– Катюша, нам вдвоём надо поговорить. Через полчаса разбор полётов, не возражаешь?

Однако не удержался, увидев знакомую с юности картину и восхищённо ахнул.

– Ты подумай, ну всё как раньше! Рябиновая – раз! На берёзовых почках – два! Перцовку вижу, лимонную... Э, пойдём скорей лучше, Пётр.

Дверь они, впрочем, не закрыли. И Катя, пробегая мимо, поняла по обрывкам разговоров и междометиям, что Бисер обстоятельно и тактично рассказывал её сыну всё, что знал. Она расставляла тарелки и серебряные приборы, до блеска начищенные зубным порошком, когда до неё донёсся Петин голос:

– Кирилл Игнатьевич, я же не знал!

– Теперь ты знаешь! Был суровый ответ. Наступило молчание. А потом снова отважился Петька.

– А что Вам Акакий сказал, и кто этот тип, что ко мне пристал?

– У нас с тобой десять минут осталось. Предлагаю поболтать о том о сём, а криминальную часть я Вам обоим с мамой доложу, чтобы не повторяться.

Кате надо было срочно на кухню, где в духовке жарилась утка. Она наштиговала польскую белую птицу антоновкой, зашила толстой ниткой и обложила круглой мелкой молодой картошкой. Вся эта композиция шипела и румянилась в глубоком противне, и по квартире разлился уже изумительный дух печёных яблок.

«Криминальную часть», – повторила она про себя, – значит, это только начало. А почему мне не страшно? Что они мне сейчас оба расскажут, эти мужчины, старший и младший? Эти мужчины... Теперь нужно будет бояться за них обоих! Ясно как День, Кирилл не намерен отступить, и похоже, воспитание уже началось.

– Так, хорошо, это потом. Попробуем поиграть чисто женскую роль. На закуску я им сейчас селёдку подам, мои фирменные маслята с моховичками, красную рыбу и летний салат.

Она выставила на поднос керамические вазочки, снова полила утку соком и отправилась обратно в комнату. Голоса из кабинета звучали уже громче и куда веселее. Они азартно обсуждали что-то, и Катя с удовольствием прислушивалась к ним с новым для себя тревожным и радостным чувством.

– Значит, ты голосуешь за конвергенцию? Вовсе не глупо. Был такой Джон Кеннет Гэлбрэйт. Между прочим, совсем недавно умер.

– А я слышал, вернее, читал. Это который «Общество потребления» написал? У нас в университете экономический семинар был. Туда, кстати, разные люди ходили. Всех цветов, не только из МГУ. Этот Гэлбрэйт был профессором в Гарварде.

– А ты не там «лимоновцев» встретил? Да и сам не вступил ли?

– Я хотел. Но подумал о партийной дисциплине, об обязанностях, последствиях... Я ведь почти юрист. Смешно, да? Нет, не хочу партий. Да бог с ним. Вы начали про Гэлбрэйта, а я перебил.

«Он просто смотрит Стеклярусу в рот», – с некоторым даже испугом подумала Катя. Между тем разговор продолжался. Снова вступил Кирилл.

– А Гэлбрэйт, как ты, думал, что всё зло в монополиях. Тогда для него главным демоном «Дженерал Моторс» была. И серьёзные дяди прислушивались к Гэлбрэйту в шестидесятых-семидесятых годах. Например Кеннеди, а за ним Линдон Джонсон. Социальную справедливость он очень важной считал и тут надеялся на пособие.

– Я ещё помню, что сам он последователем такого Кейна был! Это уже Петрусь...

– Нет, его звали Джон Кейнс. Гэлбрэйт его в Англии

в Кембридже слушал. Мы с твоей мамой однажды крепко поругались на политэкономические темы. Это как раз при Джонсоне. Тот сам по убеждениям был самым настоящим социалистом. И не забудь, ещё война во Вьетнаме длилась.

– А что же мама?

– Видишь ли, твоя мама решительно против товарища Сталина выступала, против войны во Вьетнаме, вообще войны, но! За социализм. И поэтому ей Гэлбрэйт по духу близок был. Он ведь считал, что рынком непременно кто-нибудь управляет. Если это не делает государство, то будет некто другой, что много хуже. Значит «регулировать» должно именно государство, или «другие» будут манипулировать им в собственных интересах.

– Верно! Манипуляторы они! Циничные, собаки. Знаю я их, с отпрысками пять лет учился и наслушался до хрена.

– Это с чьими?

– Богатеев наших дерьмовых!

– Ах вот оно что! Теперь я понимаю, почему ты так домо-рощенные цитрусы полюбил. У тебя своего рода классовое чувство неприятия возникло.

– Кирилл Игнатьевич, откуда бы классовое? Вы же нашу семью знаете.

– Конечно! Катя по отцу, деду твоему, голубых кровей. А богатеи, они «парвеню» большей частью. Из грязи в князи. И вот ты, как настоящий дворянин... – прищурился насмешливо Кирилл.

– Я смотрю, Вы надо мной опять смеётесь?

– Не без этого. Но объясни. Хоть попробуй.

– Я много сам думал. Я себя, как мог, дожимал. Понимаете, я не люмпен, не маргинал. И не завистник тоже, ей богу. Петя осёкся, глянул на Бисера и добавил:

– Ну да, почему Вы должны мне верить! Вы откуда про Лимонова взяли? Я же не говорил.

– Стенки у тебя говорящие. Помнишь, ты меня всё позорил? Картина Репина «Не ждали»? Сам ты знаешь, что там на них? – съехидничал Кирилл.

– Ох, не напоминайте. Ну пьяный был!

– Так вот, на правой стенке у тебя плакаты из «Trainspotting», а на торце – цитаты из «Это я, Эдичка» и призыв. Что-то вроде:

Я на доллары плевал,

Я как ты – «национал»!

Вы – большие дураки,

Ну а мы – большевики!

– Я книги Лимонова читал. С его позицией человеческой и идеями у меня ничего общего нет, но писатель он... – объяснил Кирилл.

– А я нет. Просто с ребятами оттуда познакомился, – честно признался Пётр.

– Мальчики, идите, пожалуйста ужинать! – позвала из сто-

ловой Катя.

– Давайте вместе про экономистов-капиталистов поговорим. Мне тоже интересно. И потом утка перестоится!

Когда все уселись, Катя добавила, обращаясь к сыну:

– Я всю эту историю отлично помню. У меня с английским не так хорошо, как у Киры, и поэтому я всё переводами пробавлялась. А наш Стеклярус всех тогдашних «чикагцев» в подлиннике читал.

– Было дело, – подтвердил тот. – Других, кроме Фридмена, плохо помню. Им я всегда восхищался и яростно его идеи пропагандировал. А Фридмен – ультрарыночник. Государственного вмешательства в экономику не признаёт и дармоедов кормить не желает. Это если совсем уж примитивно.

– Катёна, а можно мне ещё ножку с яблочком? Ох, до чего вкусно! У меня даже никаких угрызений совести, что я так много сожрал, – объявил Кирилл. – Я прожую и dokonчу свою грандиозную мысль. Так, теперь можно. Смотри, Кать, твой потомок, как и ты буржуев не любит. Он считает, что будущее за конвергенцией американского капитализма и социализма советского образца. Словно по Гэлбрэйну, прямо как ты. Вот и не верь после этого в наследственность!

– Я, Кира, верю. Однако, наследственность наследственностью, но придётся вернуться к «наследству», – произнесла нерешительно Катя и смущённо поглядела на Петю. – Ты, сыночек, спрашивай, если хочешь. Я постараюсь... Может не сразу... Я обещаю ответить!

– Мам, мне Кирилл Игнатьевич всё рассказал. Он меня однажды назвал: «молодой бегемот». Я бегемот, мам? – жалобно спросил рыжий. – Ты прости, пожалуйста!

– Да ладно, – вздохнула она, – нам надо обсудить, что будем делать. И ты, Кира, хотел о чем-то мне рассказать.

– Хорошо, ребята. Слово для доклада предоставляется мне. Командовать парадом тоже буду я, как старший.

– И умнейший? – вмешалась, смеясь Катя.

– Да нет, я уже Пете сказал. Старший по званию. Ты у нас лейтенант медицинской службы?

– Я – старший лейтенант, а Петрусь просто лейтенант.

– Вот именно. А я майор запаса. Итак, теперь серьёзно. Мы дальше пойдём «по цепочке», но уже вместе с Петей. Мы скопируем все документы, что имеем и будем иметь, а оригиналы положим в сейф. Мы найдём адвоката здесь и возьмём адвоката там.

– Где?

– В Мюнхене. Я уже отдал распоряжение своему юристу найти подходящего человека.

– Подожди-подожди. Всё это так серьёзно? – прошелестела Катя, побледнев.

– Сейчас я к этому перейду. Я начал «цепочку» и пришёл к нашей Соне. Мне сказали, что Андрея убили... Я не поверил. Я подумал: может, ошибка? Или, как выражаются наши органы, «бытовуха»? Выпили много? Или ревность? Бывает! Я не принял этого всерьёз. Я взял там письмо Андрея, но

сразу не прочёл, а пошёл куда глаза глядят и забрёл в ресторан «Сулико» на Новом Арбате. Там я поел и начал читать. Не скрою, мне было тяжело.

Он поднял на Петю глаза и вздохнул. Встал, прошёлся и снова сел.

– Петя, видишь, то, о чем пишет Андрей, обо всех нас: меня, Кате, моей покойной жены Саши, тебя, моей Лизы так близко касается! Так страшно задевает! Я скоро понял, что больше не могу. Сделал перерыв и решил – выпью кофе и уйду. В гостинице дочитаю. Кофе я заказал, но принесла его не моя официантка, а мужик. Точно, мужик! Правда, лица совсем не помню. Зато помню противный металлический вкус у капучино.

– Я выпил и собрался в клозет. Нет-нет! Я расплатился уже с моей официанткой, что раньше еду приносила, вещи забрал и ушёл. По дороге зашёл в туалет, а дальше провал.

– Очнулся в кабинете директора ресторана на диване. Все мои шмотки, Деньги и документы были при мне. Директор такой, Руслан Демьяныч, душа-человек, так объяснил: мне стало плохо в туалете, они вызвали врача. Тот ничего не нашёл, кроме глубокого обморока. Возможно переутомление. Однако Руслан распорядился взять кровь на токсикологический анализ. А меня сам в гостиницу отвёз и обещал позвонить, когда будет результат.

Петька ловил каждое слово, открыв рот, и Катя слушала, затаив дыхание. Между тем Кирилл продолжал, теперь об-

ращаясь к ней.

– После всех этих развлечений я решил передохнуть. Дай, думаю, поеду к Сарьяше. Посидим вдвоём, поговорим... Мы обсудили с тобой положение вещей, и решили, что я должен представиться Петру Андреевичу.

Он сделал лёгкий поклон в сторону парня, но глаза его не выражали насмешки.

– Значит, я всё же Синица. Он говорит твой отец, он говорит, Пётр Андреевич... – мелькнуло в голове у того.

– Дальше дело было так. Я поехал, и у нас события начали развиваться с потрясающей быстротой. Я с утра с Петей познакомился. Мы обменялись мнениями о взаимоотношениях поколений и современной музыке...

Петька запыхтел и приснул, а его мама с интересом, улыбаясь, переводила глаза с одного «мужичка» на другого.

– Ну обменялись, – тоже улыбнулся Бисер, – потом выбрались на воздух, поехали завтракать. И я обо всей этой истории в «Сулико» почти забыл. Я что подумал? Ведь впрямь, в последнее время не то, что устал, а очень нервничал. Воспоминания тяжёлые донимали. Затем ещё перелёт, мало ли! Да, стало плохо. Опять-таки, бывает! И надо же нам было с Петей попасть в ресторан к Акакию Алхазашвили!

Для бедной Кати это было уже слишком.

– А это ещё кто? Акакий? Ох, что это я. Почему ты мне, Кира, про обморок не сказал? Нужно немедленно меры принять. Грамотно! Профессионально! Кира, я тебе говорю! –

она потрясла Бисера за плечо.

– Кать, перестань. Что я, красна девица? Да и потом, это я раньше считал, что просто без чувств хлопнулся. А теперь Акакий внёс ясность.

– Кирилл Игнатьевич, можно я маме про Акакия расскажу? – попросил Петька.

Кирилл кивнул, и он затараторил.

– Мама, мы там поели. Акакий – это хозяин «Аланьи». Он раньше был актёром. Такой смешной, усаый! Сначала с акцентом с нами говорил -нарочно! А потом перестал.

– Так, а теперь снова я, – скомандовал «майор запаса» и двинулся дальше.

– Ты знаешь, Кать, я Грузию всегда любил. Вот мы с ним и разговорились немного, с Акакием. Он вроде нас, москвич, может чуть старше... И слово за слово я ему про историю в «Сулико» рассказал. А в ответ услышал примерно вот что. Я салага и наивный карась. Он директора Руслана лично знает и сейчас ему позвонит. Он, Акакий, огонь и воду прошёл. А иначе в Москве каши не сварить. И чует нижним чутьём, дело не чисто. Я всё-таки закурю. Катюша, дай мне пожалуйста, сигаретку. Твою дамскую тоже можно, – Бисер взял зажигалку, взглянул, повертел и убрал обратно. – Впрочем, не будем малодушничать. Слушайте дальше. Алхазашвили сразу же позвонил. Я вот думаю, а если бы я не встретил его, этого Акакия? Руслан мне, в конце концов, ничем не обязан. Я чуть не забыл, а он тем более мог забыть! Да, так вот.

Эти двое знают друг друга уже давно, так как Акакий, настоящий грузин-кулинар, а Руслан старается от души учиться у кого может. Короче, анализ готов. В крови нашли препарат. Классический случай «выключения клиента», особенно популярный у девиц лёгкого поведения. Действует через час-полтора. Но доза была лошадиная, поэтому мне мой кофе поперёк горла стал. Видно, у этого гада мало времени было.

– Постой, но зачем? Ты же сказал: «ничего не украли.»

– Я немного голову поломал, и вот что считаю. Не обязательно брать, если всё прочесть. А за мной можно и дальше следить. Я куда надо сам приведу. Они и следят!

– Ещё того не легче! – простонала Катя.

– Я случайно дряхленький москвичок приметил, как он за нами приземлился, когда мы к «Аланье» подрулили. И то только потому, что там стоять нельзя было, где он притулился. А потом очень просто. Мы с Акакием ненадолго к нему в кабинет заскочили, а следом в подвал. Он мне вина свои показал. В это время хмырь москвичовый тут же к Петьке подсел.

– Мама, он меня всё время всякую ерунду спрашивал, просто прилип как банный лист. А затем быстро отчалил, – подтвердил парень.

– Понимаешь, Кать, мы уже к тебе поехали, и Петя мне об этом прямо в машине рассказал. И я после акакиевой накачки сразу сообразил ему позвонить и навести справки. Оказывается, его сынишка Гоги хмыря заметил. Москвичок потом

рванул с места, что твой мерседес. Видно, под старым железом мотор что надо стоит. Но главное, оказалось – к столику, где мы с Петей сидели, снизу жучок аккуратно прилеплен. Миниатюрный такой. Зело современный. Акакиевый охранник -бывший специалист по микроэлектронике, очень хвалил. Говорит, больших денег стоит!

Катя Сарьян молчала. В комнате воцарилась напряжённая тишина, и Кирилл попытался разрядить обстановку.

– Катюша, не волнуйся! Мы тоже не младенцы, правда, Петь? Я тряхну старыми связями, поищу новые. А то ещё можно Петю из дела в целях безопасности пока исключить. Кать, а Кать? Да, наверно, так лучше, -проговорил он, не обращая внимания на протестующие жесты рыжего «не младенца».

– Кира, – медленно начала Катя, – я сначала не хотела тебе говорить, да и не уверена была...

– Что такое? – насторожился Бисер.

– Сегодня я с работы пришла домой, и мне показалось... Понимаешь, всякие мелочи. Книжка лежит не так. В кабинете дверь приоткрыта. Ключик от секретера вынут и висит на цепочке. И запах... Я думала, может быть, Петя был, но он не курит. В кухне, однако, недавно курили. Словом, – она собралась с духом и закончила, – у нас был кто-то чужой!

Глава 25

– Петя, тут фрукты, конфеты и прочее. Не стесняйся. Мы пошепчемся немного. А потом все вместе спустимся в кофейню.

Анатолий Александрович Мордвин усадил Петю за стеклянную перегородку перед столиком с большой вазой винограда с персиками. Петя скосил глаза: и вправду, печенье, шоколад, высокие бокалы толстого голубого стекла с апельсиновым соком. Мордвин пригласил друзей, Катя и Кирилл с Соней прошли за ним в малый зал заседаний и уселись вместе за ореховый овальный стол.

– Давайте, братцы. У меня сейчас до двух время. А потом, как обычно. Разных дел просто прорва. Простите, ради бога, что так недолго, и на работе. С другой стороны, здесь даже удобнее.

Они заговорили все сразу, перебивая друг друга, волнуясь и горячась. Они спотыкались на общем прошлом и пускались в воспоминания. Наконец поток, побурлив, превратился в тихую речку, пожурчал немного и высох.

– Хорошо, теперь подведём итоги. Я хочу сразу сказать. Не сомневаюсь, что за вами следят и отношусь к этому всерьёз. Я подумаю, что можно сделать. Подключу всех, кого смогу. И у меня первый вопрос такой. Что Андрей мог оставить сыну? – Анатолий взглянул на Катю. Но она промолчала. Начал Кирилл.

– Я себя тоже двадцать раз спрашивал. Деньги? Но деньги сейчас можно просто перевести Кате или Пете, например,

прямо с Кипра. Кстати, в Москве надо объяснять, откуда деньги взялись? В Германии – да. Может быть...

– И я думаю, деньги вряд ли. А что тогда? Ценности? Слушай, ну откуда у Сеницы и вдруг ценности? Совершенно не такой был человек. Никогда у него ничего не держалось, – вмешалась Соня.

– Тогда остаётся информация. Информация, которая стоит денег! – Анатолий опять выжидательно покосился на Катю.

– Ребята, вы что имеете в виду? Шантаж? Андрей? – на этот раз не выдержала она. Щёки у неё запылали, голос дрогнул.

И снова заговорили все вместе. Разговор сделался общим.

– Люди меняются...

– Я совсем не хочу сказать, что он был «хороший парень». Но шантаж, да ещё «сыну передать»! Да он плевал на сына!

– Как раз сейчас – нет! И потом: «из любого дерьма вытащи»! Чувшь! Подумай, человек знал, что умирает. Он мог «о душе подумать» или наоборот сделаться совсем равнодушным...

– А тогда бы он ничего не предпринимал!

– Верно. Или что-нибудь сделал «назло врагам». Судьбе отомстил. Тоже не подходит.

– Значит остаётся только искреннее желание помочь сыну. Ну что, тогда это информация, а не компромат. К примеру – сведения о долгах. Мог ему кто быть должен? Запросто!

– Стойте, ребята, – вздохнула Соня, – Про сына... Он мне раз сказал: «Я остался таким же как был». И дальше: «Никого не хочу подставлять, но парень должен всё-таки стать мужчиной. Я так и не стал».

Чудесный подмосковный вечер догорал и курился. Солнце наполовину опустилось в озеро, по ложбинкам поднялся туман. На берегу выгнула серебряную спинку палатка. А неподалёку со спиннингами сидели двое мужчин и не спеша беседовали у костерка. Рядом сушила синее брюхо перевернутая байдарка. Было тихо. Только булькал на костре котелок, да комарье к ночи завело свой зу-у-ммм.

– Старик, я подумал, никто не сделает, кроме и лучше тебя. Как только я по своим каналам узнал, что фамилия «Синица» в банке данных по «Кузнецам»... Конечно, это моя личная просьба. Но я знаю, ты и по службе, да? Должен ты курировать «Кузнечное дело»? – начал тот, что повыше.

– Я тут для тебя кое-что подсобрал... Постой, ты же ещё не сказал, да или нет?

– Анатолий Александрович, как иначе? Конечно, да! – спортивный хорошо сложенный блондин затянулся последний раз и бросил сигарету в огонь.

– Понимаешь, это мои ребята. Они ни сном, ни духом! Почему, кто, зачем их ловит? При чём «Кузнецы»? Ты слушай...

Солнце совсем опустилось, большая рыба плеснула и

ушла под воду. Мужчины подкинули дровишек в костёр, пламя взметнулось вверх. Высокий то принимался жестикулировать, то вставал, то садился. Длинные тени их скрещивались и расходились на прибрежном песке. Наконец он закончил рассказ:

– Теперь ты знаешь столько же, сколько я. А про «цепочку»... Вот смотри. Всё, что смог! – он протянул собеседнику дискету в футляре.

– Я всех подряд опросил. А потом, где сам на запись наговорил, где их записал. Там нескладухи порядком, и иногда разнбой. Прошло же двадцать пять лет! Но в целом, можно понять.

– Ты знаешь, я что-то устал, – сказал он немного погодя. – Я спать пошёл. А ты посидишь ещё?

– Да, Анатолий Александрович, я... Ой, смотрите, что это? – второй, обернувшись к озеру, с изумлением показал на нем светящуюся дорожку. Над водой роились лёгкие эльфы. В последних лучах солнца их крылья отсвечивали радугой. Они садились на воду, на байдарку, листья и ветви деревьев, прямо на землю. Их было столько, что, казалось, сам воздух мелко дрожал.

– Что? Ах это... Это подёнки. Красивые, бестии! Но вот живут только один день. Ладно, спокойной ночи! Холодно становится.

– Точно. И мне тоже. Спокойной ночи, товарищ полковник, – блондин застегнул куртку и надел капюшон.

– Только один... День. Или один шанс. Что ж, надо успеть!

Он устроился поудобнее, вставил дискету в плеер и включил синий тумблер. В его ушах зазвучал голос Мордвина.

Катерина рассказала примерно так.

– Всё началось в десятом с Сеньки Китаева. Красивый сероглазый стройный Сеня познакомился с девушкой старше себя. Она была медсестрой, служила в анатомичке. Начал он с ней встречаться, и вот что из этого вышло. Такая работа, доступ к опасным вещам. Никто не знает теперь, сама девица Рая была морфинистка? Сенька из любопытства у ней морфий раздобыл? Но он однажды начал и, как в поговорке: «коготок увяз – всей птичке пропасть.» Ребята, как узнали, пробовали вмешаться. Он таял на глазах. Он нуждался в помощи. И пару раз помогала докторская дочка Сонька, опираясь на семейные связи. Но связи – это родители. Однако... Сеня у Раи стал ночевать, к тому же морфий – нет, это не для предков. В «компании» решили, что о Сеньке только на «шисе». Тут надо сделать небольшое отступление. Кто из детей не хотел бы суметь поговорить между собой так, чтобы взрослые не поняли ни шиша? И полезно, и интересно. Поэтому, вероятно, появился язык для школьных. Это было не очень сложно, но с налёту не разберёшься. В общем, так: они брали слово, и ударный слог изымали. На его место помещалась частица «ши», а сам слог ставился в конец. После этого прибавлялась ещё буква «С». Например, из слова «победа» получалось тогда «поШИдаБЕС». С односложными ещё

проще. Вместо «мы», скажем, выходило «ШИмыС», вместо «кот» – «ШИкотС». Вот на этом-то школьном «шисе» говорили они про Сеньку. Китаева с сестрёнкой воспитывала одна мама. Она билась как рыба об лёд, чтобы их двоих прокормить и появлялась в своей коммуналке только под вечер. Поэтому, девка Райка матери не звонила. Она звонила ребятам. «Забирайте своего дружбана. Мне на дежурство,» – бросала она. – «Ключ под ковриком.» Это значило – надо бежать на набережную через Бородинский мост, а там откачивать Сеньку в её узкой как пенал комнатухе. Или вести его прочь на макаронных ногах, и лучше бы не домой... Как-то раз она позвонила на квартиру Гришке, где застала только малыша – брата. Бросив своё «ключ под ковриком», это стерва преспокойно слиняла. Шестилетний парнишка рассказал бы брату о странном звонке, но была суббота, и Гришка где-то шлялся. И тогда мальчишка лёг спать, предварительно сказав маме с папой, чтобы обязательно разбудили, если старший брат возвратится. Родители поцеловали ребёнка и занялись своими делами. Не сидеть же в самом деле ночь напролёт в ожиданье гулёны-Гришки? Сеня умер под утро в убогой коммунальной халупе один. Ему было восемнадцать лет. Его лёгкие светлые волосы стали за последнее время серыми и обвисли, кожа сделалось дряблой и сухой. Сейчас про такую смерть скажут – «от передозировки» и не особенно удивятся.

Да, сейчас... А тогда – иначе. Трясли весь класс. Их по одиночке вызывали к следователю. Они всё рассказали, неза-

чем уже стало скрывать! И всем врезали по первое число, так сказать, за недонесение. Попытались выгородить комсорга Лиду, но не вышло. Ей вlepили строгача «с занесением в личное дело», и это было вполне серьёзно.

Рассказ Миши Кима

Ребята собрались у Кати дома помянуть Сеню. Катя сказала.

– Трудно поверить, что его нет. Мы должны подумать о том, как друзей больше не терять. Я не считаю нас виноватыми. Мы старались, как могли что-то сделать. И потом, это мы сами вмешивались. Нас никто не просил! А ведь бывает, что помощь нужна, и человек попросил бы. Но кого? Где таких найти? А если надо скрыться? Ее спросили, скрыться? От кого? Она говорит – «от властей предержажших, от родителей, даже от ГБ!» С Сеней как дело было. Нам самим не было опасно. Мы защищались от скандала. А как? Говорили на «шисе», и это все! А ведь может быть куда хуже.

Андрей засмеялся:

– Любительщина, и детство!

Но Катя продолжала.

– В общем, я предлагаю вот что. Мы должны организовать такую пожарную команду, «службу спасения на водах». Понятно я говорю? Из тех, что посерьёзней.

Кирилл поддержал:

– Звучит здорово. Надо две вещи предусмотреть. Как выходить на связь и как их самих не заложить.

– Давайте так сделаем, – добавила Соня. – Все мы люди живые. Если прижмут, трудно держаться. Поэтому чтобы всех не выдать, пусть каждый знает лишь одного.

Лида предложила:

– Выберем ребят для команды! Напишем сейчас имена на бумажках, свернём их, и кто наберёт больше голосов.

Гришка обрадовался:

– Толково! И мы должны откуда-то начинать. Каждый должен знать, к кому обратиться.

Такова была предыстория. Они долго всё обсуждали, предлагали разные варианты и понемногу создали-таки эту свою «тимуровскую команду» на приарбатский лад.

Рассказ Кирилла

Это сначала была сложная система. Позади школы устроили тайник, где лежало имя дежурного на неделю. Дежурный после занятий обязан был или сидеть дома, или устроить так, чтобы его всегда можно было найти. Тот, кто в беде, звонил дежурному и объяснял проблему. Если дежурный мог, он справлялся сам, если нет, ему следовало набрать номер и сказать: «Первый пошёл. Информация у дежурного». В общем, увлеклись, конечно. Сам процесс понравился, таинственность. И тут Катерина придумала, что, «надо, мол,

особый уровень еще создать – «SOS»! Я, говорит, напишу считалки и зашифрую в них имена.» Какие имена? А те, что больше всех голосов собрали. Идеи были разные. В конце концов решили, что возглавит всё Андрей. Катю выбрали замполитом. Мы в это дело долго играли. Слава богу, больше ничего не случилось. Но наших два «умывальников начальника» организовали-таки нечто из ряда вон.

Рассказ Сони

Идея была такая. Андрей сам выбрал штаб, и никто кроме него не знал, кого. Но не просто так, а тех, за кого больше проголосовали, и всем присвоил номера. Как уже было сказано, Катя написала считалки. Никто не знал, что первый – Кирилл. У него стих в конверте лежал. Конечно, всё это была больше игра, но они тогда так не думали. По идее приходил один с твоим именем. Это пароль. Ты должен был действовать, как он скажет, и так все четверо. Выходит, Катя всех знала? Я тогда, честно, не додумалась. Но бес-Синица втянулся капитально и спустя некоторое время сообразил, что у нас одноразовая система. Действительно, первый приходит ко второму, у которого имя третьего есть в конверте. Остаётся только четвёртый. И вот что интересно! Он однажды проверил, как это действует. Был такой Александр Галич. До поры: актёр, удачливый драматург, а потом опальный высланный поэт. За распространение его стихов, если не

повезёт, могли даже посадить. Так Синица что выкинул! Он по почте задание прислал! Там стоял пароль: «Ещё не поздно» и буквы «С. К.» – Сеня Китаев. А задание такое. Десять песен Галича, перепечатанные в четырёх экземплярах. Первый, должен был один экземпляр оставить себе? а остальные послать второму, и тоже по почте. Второй, повторить процедуру и так до конца. Затем он им велел, опять-таки по почте, положить эти экземпляры в тайник. Для каждого назначил день недели и время. Всё путём. Первый приносил в понедельник, второй во вторник... Сечёшь? Итак, они проверили. Действует!

Что получилось? Все четверо открыли конверты, но узнали только одного. Дальше было вот что. Катька новые стихотворные ключи написала. Они выбрали новых ребят, присвоили им номера и послали в заклеенных конвертах эти ключи. Оба – комиссар и замполит – были страшно довольны. Мы, вообще-то, Сенькиной памятью клялись, и всё такое... Как ты знаешь, Толь, а возможно НЕ знаешь, больше ничего не случилось.

Рэм. Искушение

Неожиданно так резко похолодало, что человеку по имени Рэм сделалось неуютно. Он встал, пошарил в шкафу, достал шерстяной тренировочный костюм и оделся. Потом немного подумал и включил электрический камин.

«Через час с небольшим должна начаться трансляция из Лондона. Наши играют против португальцев. Можно успеть сбежать в гастроном, купить поесть. К примеру, пельменей. Зонтик взять? Нет, обойдётся. Вот ещё что – сколько дней до полочки? А в кошельке? Ага, ну вперёд!»

Рэм накинул куртку, сбежал по ступеням, пересёк двор и вышел на Якиманку. Несмотря на субботний вечер, на улице и в магазине было немногочисленно. Все попрятались от непогоды и сидели по тёплым углам. Во всяком случае, не прошло и двадцати минут, как он с пакетом полным продуктов подошёл к своему подъезду, набрал код и открыл тяжёлую дверь, придерживая её плечом.

Почтовые ящики, недавно выкрашенные ядовитой зелёной краской, располагались от входа по правую руку. Рэм свой уже сегодня как всегда аккуратно опустошил. Но его глаза привычно машинально скользнули по широкой прорези в древней жестянке. Странно, вместо пустой чёрной полосы он увидел белую линию. Посмотреть? Наверное, какая-то рекламная дрянь. Люди пытаются подработать, бегают по подъездам... Э, да всё равно время есть. Он ещё успеет до передачи сварить пельмени и поставить чайку.

Рэм открыл зелёную дверцу – действительно, в ящике лежал длинный белый конверт. Ни отметок, ни даже адреса... Только имя адресата. Его отчётливо напечатали крупным пети́том. И абсолютно правильно, без ошибок: имя, отчество и фамилию.

* * *

– Слушай, Натик, не в службу, а в дружбу, посмотри мне пожалуйста «пальчики» на этой писульке, а? Кто-то напускает туману. Скорее всего, белиберда, но, чтобы спать спокойно, как ты понимаешь, надо проверить. А это тебе, девочка. Как сядете с ребятами кофе пить, я думаю, не помешает.

– Вы че, товарищ майор, зачем? Спасибо, конечно, – лаборантка с удовольствием повертела в руках коробку дорогих шоколадных конфет и положила на окно. – Щас сделаем! Как управлюсь, я звякну. Будьте нате!

Девушка надела привычным движением прозрачные перчатки и взяла конверт с листочком. Затем она достала специальный порошок, взяла кисточку и обработала бумагу с обеих сторон. Рутинная работа не будила у неё любопытства так же, как и скучный суровый майор по прозвищу Рэм. Ей, кстати, и не положено такие вещи запоминать, но... пусто, совершенно нет отпечатков! Это, вообще, редко бывает!

Небольшой текст письма, казалось, отпечатали марсиане. Без всякого обращения на одной стороне стояло:

Вы занимаетесь завещанием «Кузнеца». У нас есть для Вас очень важная и ценная информация. Будьте добры позвонить по телефону 9785. 48. 6749 из таксофона. После ответа не называйте себя, произнесите только внятно четыре

первые цифры: 9785. Сделайте это лично. Никому другому абонент не ответит. Вас будут ожидать в течение двух дней с 17 до 19 часов.

Лаборантка подошла к ксероксу, посомневалась минуту, а потом скопировала листок. После этого она подняла трубку и позвонила Рэму.

– Товарищ майор? Абсолютно ничего. Нет, я ручаюсь! Что, конверт? Так я и его посмотрела, но опять – дупель пусто! Не записывать в журнал? Ах, Вы считаете, что мужики засмеют? Нет, не беспокойтесь, ну если бы там у вас кто из картотеки оказался, то я обязана сообщить, а так... Всего хорошего! Да ну, какой коньяк, смеётесь! До свидания, я побежала, звонит другой телефон.

Рэм немного подумал, «стоит звонить, или нет.» – Его одолевало любопытство. – «Странный ход для информанта. На розыгрыш тоже непохоже. Некому его стало разыгрывать. Приятелей не осталось. Разве, сослуживцы... Тогда ставить себя в смешное положение не хотелось. Однако, если подальше от дома найти автомат? Хвоста он не приведет, не мальчик. Риск будет минимальный. Так он и поступил.»

– Здравствуйте, повторите пожалуйста номер телефона, не называя себя, – ответил мужской размеренный голос. – Благодарю вас. Всё правильно, вы опознаны. Вы откликну-

лись на наше предложение позвонить и будете вознаграждены. В банке «Инвестиции и развитие» на предъявителя открыт счёт. С завтрашнего дня вы можете туда обратиться и получить гонорар. Сегодня в вашем ящике снова будет конверт. В нём находится магнитная карта, по её предъявлению вам будут выплачены двенадцать тысяч долларов. Внимание! Вы не называете себя. Вы после обычного приветствия произносите первые четыре цифры телефона, потом показываете карту. В конверте Вы найдёте также новый номер и указания. До свидания.

– Что? Вы шутите, какие ? Да подождите!

Рэм уставился на телефонную трубку, из которой донеслись короткие гудки. По крыше телефона в узком кривом переулке барабанил дождь. Он снова набрал номер, совершенно не надеясь на успех, но вдруг раздался щелчок.

«Этот номер не находится в зоне связи,» – услышал Рэм. «Этот номер не находится в зоне связи, не находится в зоне связи, не находится в зоне связи...»

Молодой человек в полосатом галстуке, хорошо сочетающемся с серым костюмом, вежливо кивнул.

– Вашу карту, будьте любезны! Отлично, одну минуту. Он вставил карту в приёмное устройство и негромко спросил. – У Вас всего двенадцать. Будете снимать?

– Нет, благодарю вас, сегодня нет. Я хотел убедиться, что всё в порядке. В таком случае в следующий раз вам достаточно только всё повторить. Не забудьте карту. Могу я быть

вам чем-нибудь ещё полезен? Рэм покачал головой, поблагодарил, повернулся и вышел.

– Где у нас майор? Ему надо на профилактику, и потом для него из управления пришли бумаги. В отпуске? Ах, вот оно что... Ну, похороны, понятное дело, да ещё так далеко. А где? Какой-то Саранск... В наше время даже не знаешь, это ещё Россия, или уже нет. И тогда визы и прочие удовольствия. А кто? Ах дядя! Конечно, тоже жалко! Просто, слава богу, не дети или... Да нет, я только хочу сказать, как вернётся, пошлите его ко мне!

* * *

– Рэмка, да у тебя новая тачка появилась? Давай хвались! Ну и пусть подержанный, но зато Форд! Да я слышал, что у тебя дядя. Прими мои... Что ты говоришь? И кроме тебя никого? Да... «поздравляю» сказать в таком случае неприлично, но в конце концов – что такого? Все мы смертны! А Деньги – что ж... С собой не возьмешь, так лучше уж оставить родным!

– Здравствуйте, назовите пожалуйста...

– Спасибо, Вы опознаны. Вы получите там же следующий гонорар. Он составляет двадцать две тысячи. И больше эта связь работать не будет. Не пытайтесь ею воспользоваться. Вас не примут. До свидания.

* * *

Потянулись месяцы ожидания. Рэм сделал ремонт, заказал новую мебель. А при виде почтового ящика каждый раз испытывал чувство удушья. Будто не хватает кислорода. Он успокаивал себя на разный манер.

«Я никого не просил! И ничего не сделал! И я могу... Верно! А почему нет? Я могу вернуть эти деньги! Не сейчас, немного позже, вот только поменяю колёса и это, навигатор поставлю. Ещё новый компьютер куплю. Это непременно. Но потом отдам!»

Когда однажды у него дома в половине десятого в воскресенье вечером зазвонил телефон, он был уже доведён до нужной кондиции, словно домашняя брага. Очень крепкий и опасный напиток... Пьёшь, как лимонад, получая удовольствие, а потом ноги не держат. Не можешь встать...

* * *

Комната, куда он вошёл, выглядела как кабинет канцелярского начальника средней руки прошлых лет. Двухтумбовый письменный стол с настольной лампой, книжный шкаф с какими-то старыми папками в беспорядке, стулья с чёрными сиденьями и даже слегка продавленная кушетка, оббитая шероховатым сукном. Всё в ней было бы обыденно как осен-

ний мелкий дождь, если бы не стеклянная перегородка молочного цвета, разделившая её на две половины.

– Здравствуйте, вы можете сесть. Вы прошли через прихожую без помех, значит оружия и звукозаписывающей аппаратуры у вас нет. Здесь всё это было бы совершенно без пользы, но мы рады, что вы благоразумны.

«Голос был похож... Нет, всё-таки, пожалуй, не тот.» – Рэм покрылся испариной и сцепил руки перед собой

– Вы выслушали и пришли, значит вы согласны. Итак, изложите свои условия, но покороче, – продолжал голос из-за перегородки. – Отныне Вы будете получать деньги только за выполненную работу. Вы обдумали? Отвечайте.

– Я добуду то, что вам надо. Я составил план, который обещает успех. Но после выполнения задания хочу уехать из страны. Для этого мне нужны прежде всего новые надёжные документы. Кроме того, я хочу рабочее место, – Рэм судорожно сглотнул.

– Как, неужели ни слова про деньги? – с нескрываемой иронией осведомился невидимый собеседник. – Трудно себе представить подобное бескорыстие! Ведь вы сказали, для достижения цели могут потребоваться... Очень разные средства. Об этом, впрочем, я совершенно ничего не хочу знать! – поспешно добавил он.

– Что, не решаетесь вслух? Тогда напишите на бумаге, вы найдёте на столе всё для письма. Написали? Отлично. А теперь подсуньте под стекло.

Пауза, которая затем последовала, вогнала Рэма в дрожь.

– Вы получите ответ через несколько дней, а теперь можете идти. Надеюсь, вы понимаете, назад пути нет, – услышал он, наконец.

Глава 26

– Мне очень нравится твой немецкий. Трудно поверить, что ты в Германии никогда не был. И знаешь почему? Произношение отличное. Как тебе это удалось?

Папа Фельзер, вежливо посмеявшись над разочарованной миной гостя, жалился над прибывшим и объяснил. На семейном совете решили, что он поедет в аэропорт. Прекрасная половина, его жена и Анна-Мари, ждёт их дома в Аугсбурге.

Часа через два обласканный молодой искусствовед полностью убедился в несовершенстве современной оптики и дигитальных систем. Они не смогли передать прелесть оригинала. Это была ОНА.

И девушка встретила его сердечно. Она немедленно включилась в работу и с увлечением принялась помогать молодому человеку. Шло время. Она держалась с ним очень дружески, но... И только. Теперь Анна-Мари и Стас сидели в Аугсбургском кафе «Эбер» на втором этаже у окна. Из него открывался прекрасный вид на ратушную площадь. Светильники, отражавшиеся в зеркалах, сияли так празднично!

Снег, крупными хлопьями медленно падавший на булыжную мостовую, был кипенно-белым! Зелёные глаза Анны... или Мари?

– Что ты смеёшься, скажи пожалуйста, и не отвечаешь на мой вопрос?

Они как раз перешли на «ты», и совершенно околдованный Стас пребывал в состоянии блаженного идиотизма.

– Я... Извини, думаю просто обо всём сразу, и потому слегка обалдел. Кроме того, я не смеюсь, а улыбаюсь.

– Абальдель?

– Ну почти что. Ты тоже говоришь отлично.

– Опять не отвечаешь! Ты о чём думаешь?

Стас тихонько вздохнул и серьёзно спросил.

– Тебе прямо так честно и сказать?

Анна-Мари вспыхнула, брови её взлетели, она резко подняла голову вверх и собранные на затылке тяжёлые волосы упали ей на плечи.

– Я тебя про твой немецкий спросил, спрашиваль... О-о-о! Was meinst du damit, Donnerwetter?

– Бог ты мой, ты обиделась? Сейчас-сейчас, да я просто... Ну думал, как мне тебя лучше называть, Анна или только Мари, если ты не против, конечно? А немецкий, так это у меня музыкальный слух абсолютный, поэтому произношение легко даётся. А ещё я с детства у соседа, Фридриха Рудольфовича учился, он был немец из Кёльна. Ну вот и всё!

Показалось или не показалось? Такой поворот девушке

вроде тоже не очень понравился. Она, однако, посмотрела на него иронически, и перевела разговор на другую тему.

– Хорошо, давай с тобой о делах поговорим. Ты ведь мой город совсем не знаешь?

– Верно, я, к стыду своему – «ни города-ни огорода» – ничего не ведаю, как младенец.

– Но ты знаешь, что будешь искать?

– Я посижу в архивах, в библиотеках, вообще пошуршу, покопаю...

– Что такое «пошурушую»?

– Извини, забылся. Это жаргон. Ты слишком всё хорошо понимаешь. Я не стараюсь говорить для тебя попроще, а болтаю, как болтал бы с друзьями. Я поработаю с документами, какие найду, и надеюсь что-нибудь обнаружить. Но у меня уже сейчас есть конкретное задание. Понимаешь, мой работодатель, заказчик... Это понятно?

– О да, я знаю, «заказчик» говорят не только, если надо кого-то... М-м-м...

– Укокошить? – дополнил Небылицын, и девушка захлопала в ладоши.

– Укокошить! Как я довольна, нет, довольна, что могу улучшать мой русский с тобой. Ты же прямо из Москвы! Это значит – застрелить? Укокошить! Прима!

– «Улучшить», – машинально заметил Небылицын. – Ты, кстати, хочешь, чтобы я тебя поправлял? Тебя не раздражает?

– Нет-нет, поправляй. Но я тебя отвлекла.

– Так вот, мой заказчик очень богатый человек. Я о нём мало знаю, почти ничего. Но он повсюду, видимо, гонцов разослал. А ещё слух пошёл, что именно он ищет. Словом, сейчас речь идёт о дорожном наборе. Это в первую очередь, столовый прибор и другие всякие безделушки, позолоченное серебро с инкрустациями. Известен автор и время изготовления. Столовый прибор... Кстати, мне пришло в голову, что такого немецкого слова я не припомню.

– Ты, наверно, хочешь сказать – «das Besteck»?

Стас с облегчением закивал, и она продолжила.

– Столовый прибор – вилка, ножик, ложка, кофейная ложечка, ну что ещё? Хотя, тебе, наверно, важно, чтобы всё было «komplett», а такие вещи легко сломать, потерять.

– Ты даже не представляешь, как ты права. Не то слово, важно! Во-первых, заказчик почувствовал вкус к коллекционерству. Он, конечно, хочет «komplett»! Во-вторых, цена совсем другая, если чего-то недостаёт. В-третьих, он с трепетом к этим вещам относиться, потому что... Ох, подожди, я тебе сейчас загадаю загадку. Как ты думаешь, сколько там всего предметов, в этом наборе? Вот ты говоришь, вилка, ножик... Ну-ка, скажи?

Анна-Мари зашевелила губами и начала загибать пальчики как первоклассница.

– Я насчитала восемь. Если для мяса и рыбы отдельно, и для фруктов отдельно, и ещё кофе, десерт! – затараторила

она и затеребила рукав Стаса. – Ну, угадала? А, угадала?

Небылицын поймал её ладошку, задержал в своей руке и внушительно промолвил:

– Пятьдесят два предмета, не считая футляра!

– Станислав, ты порочишь мою голову и это не может быть! Один человек... Для одного человека столовый прибор? Ты играешь меня!

Анна-Мари начала горячиться, её русский от волнения сделался много хуже, зато она совершенно забыла о ладошке, так и оставшейся в распоряжении молодого искусствоведа.

– Кто сказал, что это столовый прибор? – спросил он, явно с трудом возвращаясь к объекту беседы.

– Ты сказал, ты, Schelm!¹⁸ Кто же ещё? Стас поднёс её руку к губам, не в силах больше сопротивляться искушению, и попросил.

– Подожди, пожалуйста, я правда плохо соображаю. Давай по порядку. Это большой набор: прибор, комплект для путешествий, «GroBes Reiseservice». Там знаешь, всякие чудесные старинные вещички подсвечники, ножницы для чистки свечей, письменный прибор. А кроме того, конечно, чашки, тарелки и всё такое. Ты только послушай: «овальные коробочки для бисквитов»! Прелесть!

– Мне больше нравится «письменный прибор». У моего... Сейчас... Прадедушки тоже был письменный набор.

– Нет, ты сначала правильно сказала, «прибор!» И я те-

¹⁸ Шельма.

бе расскажу, какой. Там есть чернильница, ручка-вставочка, песочница и колокольчик!

– Песочница... – Анна-Мари озадаченно посмотрела на Стаса. – В ней играют дети в песочек?

– Это ты просто слишком молодая. Написанное посыпали песком, чтобы чернила подсушить и не смазать. А ещё прадедушку вспомнила! Для тебя и авторучка – седая древность. Её раньше – «вечное перо» называли.

– Вау, посмотри, пожалуйста, в окно, – прервала его на полуслове Анна-Мари. – Снег всё идёт и идёт!

Она забрала, наконец, назад у Небылицына свою полузабытую собственность, словно ничего не заметив.

– Я хотела рассказать тебе про мой город. Прямо из окна тут видно... Rathaus. Я забыла русское слово.

– «Ратуша» – очень похоже. Кто её построил? Изумительное здание. Ренессанс, конечно.

– Его построил Элиас Холл, я даже знаю, когда. Это длилось почти десять лет с 1615 до 1624 года. А слева сторожевая башня. Она страшно высокая, особенно для своего 1616 года, больше семидесяти метров.

– Давай поднимемся вместе? Посмотрим на город сверху, – предложил Стас.

– Ты уверен, что ты этого хочешь? Это двести пятьдесят восемь ступеней вверх!

– Думаешь, и мы столько же будем ползти? Больше десяти? – засмеялся он.

– Ратушу больше десяти лет, а сторожевую башню вообще начали в тринадцатом веке! Холл её только переделали.

Девушка посмотрела на Стаса, улыбнулась каким-то своим мыслям и неожиданно предложила.

– А знаешь что? Можешь называть меня Машей. У меня есть русская подружка в Мюнхене. Я вас обязательно познакомлю. Так она зовёт меня Машкой.

– Тебя – Машкой? – ахнул молодой человек. Лучше не знакомь! Я её выдеру. Ладно, ты мне ещё про фонтан расскажи. Правда от него только верхушка торчит.

– Его закрыли просто, потому что зима. Это фонтан Императора Августа, того самого, по приказу которого в 15 году н. э. основали Аугсбург. Тебе, кстати, история моего города интересна, или только архитектура?

– История? Изобразительное искусство вообще, зодчество тоже, живопись, прикладное искусство в особенности! А история... Да нет, не очень, – честно признался Стас.

Анна-Мари непритворно опечалилась и пробурчала несколько слов по-немецки.

– Что-что? – переспросил он, – я не понял. Мой словарный запас не может, он не может...

– Кто не может? Чего не может? Поругать тебя, но по-русски!

– Вот уж не надо, пожалуйста! Тут я тебе не помощник, – противно захихикал критикуемый субъект. – Если очень хочется, лучше...

– Да, а что я такого сделал? – спохватился Стас и вопро- сительно уставился на свою собеседницу.

– Он ещё спрашивает! Когда дядя Оскар сказал, что ты приедешь, я приготовилась рассказать тебе обо всём. Я по- шла в библиотеку, здесь и в Мюнхене тоже. Нам же больше двух тысяч лет, и мы... Они уже вышли из кафе и медлен- но брели по брусчатке по направлению к «старому городу», углубившись в узенький переулок. При последних словах де- вушки Стас остановился, взял её за плечи и проникновенно прошептал.

– Was Sie nicht sagen! Aber Sie sehen so wahnsinnig frisch aus... Zweitausend Jahre alt, meine Güte!

Любопытный наблюдатель, захотевший услышать ответ на этот возмутительный выпад, мог бы увидеть сначала только крепкий кулачок, колотивший Стаса по мускулистой спине. Он действовал энергично, однако не особенно долго. Потом раздалось слегка придушенное:

– Mein liebster Schatz, kiiss mich noch ein Mal! – И всё стих- ло.

Глава 27

Они вышли из подъезда и скоро свернули с Садового кольца в переулок, уходивший перпендикулярно к грохочу- щей Смоленской вглубь квартала. «Надо было сначала идти до Кружка, потом повернуть и, упёршись в Арбат, двинуть

налево. И вот он, Зоомагазин»

– Пожалуйста бритесь!

– Почему бритесь, Кирилл Игнатьевич? – старавшийся попасть в ногу с Кириллом Петька с любопытством воззрился на Бисера.

– Эх, плохой я стал совсем. Не гожусь в разведку. Что, опять вслух делился? – Кирилл, хмыкнув, с досадой глянул по сторонам.

– Да Вы только «бритесь» сказали. Или нет, ещё вроде – «пожалуй».

– Это присказка, Петя, была – «пожалуйте бритесь». А мы с тобой пришли. Он жил в Зоомагазине, наш Димка Мамаев. Э брат, какой там, к шутам, магазин! Дом-то, дом-то на что похож стал...

Димкин дом на Арбате знал каждый. Но что за жалкое впечатление производил он сейчас! Облупленная штукатурка на фронтоне соперничала в неухоженности с покорёженными завитушками некогда изящных балконных решёток. Дверь в подъезд слегка покосилась, краска на ней облезла. Зоомагазина, правда, не было и в помине. Кирилл вспомнил, как они забежали туда взглянуть на рыбок. Весь убогий, в сущности, «джентельменский набор» прежнего его достояния один-два хомячка, волнистые попугайчики, морская свинка да черепаха. Все же радовал душу среди унылого советского однообразия прочих прилавков.

Петька, проглотивший следующий ядовитый вопрос:

– Прямо в самом магазине, Кирилл Игнатьевич? – надавил плечом на ветхую дверь.

Лифт на этот раз не работал, и Бисер с некоторым удовлетворением решил, что картина без разнобоя.

– Ну Димку я узнаю. Пусть даже он тоже как я стал белый, а ещё потучнел, – заметил он.

На последних фотографиях школьной встречи яркие горячие чёрные глаза Мамаева светились, как и всегда, но густая шевелюра поседела и заметный животик оттягивал брючный ремень. И это было лет пять назад.

Старый дом с высокими потолками входные двери квартир имел тоже высокие, уходящие куда-то в неосвещённую темноту. Там гнездились, если уж и не совы, то, бесспорно, голуби с воробьями. Поднявшись по лестнице, они с недоумением увидели список жильцов у звонка с фарфоровой кнопкой.

– Батюшки светы, неужели это всё ещё коммуналка? Ну и где же тут наш Мамаев?

Кирилл озадаченно начал читать:

– Терентий Точёный – один звонок, Мухаметдиновы – два звонка, Булочкина Клавдия – три звонка. Так, что делать будем, друг Пётр?

– Смотрите, какая эта Клавдия вкусная.

– Какая Клавдия?

– А вот снизу, Хлебушкина. То есть я хотел сказать, Булочкина.

– Добро, вот ей и позвоним! – Бисер нажал кнопку звонка три раза.

Несколько минут протекло в ожидании. Потом послышались неспешные шаги и громкий густой голос насторожённо спросил:

– Вам кого?

– Извините, пожалуйста, – начал Кирилл, – здесь жил мой школьный товарищ Дима, Дмитрий Владимирович Мамаев. Вы что-нибудь о нём знаете? Может быть, его фамилии нет на двери, но сам он...?

– Подождите-ка, я сейчас отопру, – прозвучал ответ. Затем раздался скрип отодвигаемого засова и дребезжание цепочки. После этого дверь неожиданно бесшумно распахнулась и перед ними предстала сама обладательница голоса. Это была полная пожилая женщина с толстой чёрной с проседью косой вокруг головы, лунообразным лицом и весёлыми, живыми карими глазами.

– Заходите ребятки, – радушно пригласила она и Кирилл сразу понял – с высоты её возраста что он, что Петька – всё шантрапа, зелёная молодёжь. Вот и ладно. Почему нет?

Они прошествовали по огромному чистому коридору вдоль закрытых дверей, завернули за угол, и он вспомнил:

«Ну да! Сейчас будут димкины комнаты. Их было несколько. Две, три? Она туда и идёт. Так, это кто же? И как к ней обратиться? Не гражданка же Булочкина... Или госпожа? Госпожа, может, лучше, только я не привык.

Словно прочитав его мысли, хозяйка представилась:

– Меня зовут Глафира Савельевна. А вы можете тётей Глашей звать, я не обижусь. Я буду Димочкина тётя, мамы его Тони сестра.

– Очень приятно, Кирилл Бисер. А это Петя..., – Синица, хотел он добавить, и... Промолчал.

– Садитесь, пожалуйста. Я вам сейчас чайку поставлю. Вы какое варенье любите? – захлопотала старая женщина. Она распахнула створку буфета. А там! Десятки баночек с наклейками, надписанными крупным круглым почерком, открылись взорам непрошенных гостей. Белая и красная малина, черника, райские яблочки, абрикосы, фаршированные очищенными косточками, вишня «владимирка», крыжовник с орехами...

Довольная произведённым впечатлением, Глафира Савельевна дала им спокойно полюбоваться на всё это изобилие.

– А что такое «витамин»? – отважился, наконец, открыть рот Пётр, глаза которого, совершенно разбежавшись сначала, остановились на большом обливном бочонке с красной наклейкой.

– Эх ты, темнота современная! – ответил вместо старушки Кирилл. Берётся чёрная смородина, сахарный песок...

– Два к одному, – засияла Глафира Савельевна.

– Вот-вот. И пропускается через мясорубку. А потом всю зиму можно пить чай, по утрам с манной кашей лопать. Но главное! Главное – это, само-собой, пироги, да Глафира Са-

вельевна?

Они болтали втроём о всякой всячине, будто знали друг друга с детства. Душистый янтарный чай и розетки с вареным появились на большом круглом столе, покрытом клеёнкой в цветочек. Но при последних словах Кирилла старушка развела руками.

– Да кто же знал, что вы в гости пожелуете? Вот когда этот ваш Андрюша ко мне заходил, то и пироги были. С яблоками, не с витамином, но были.

– Какой Андрюша? Когда? – насторожился Кирилл и, вернувшись с небес на землю, сообразил, что не спросил и не услышал пока о Димке ни слова.

Старая женщина помолчала, расправила салфетку, потом налила себе в чашку ещё заварки и помешала ложечкой сахар.

– Так же вот, раз и в дамки, – сказала она, наконец. Было видно, что она должна сейчас приступить к рассказу, и это ей не легко.

– Кирочка, вот вы ждёте, а когда я скажу про Диму? Он что, совсем переехал? Или придёт попозже?

У Кирилла сжалось сердце. Он осмотрелся. «Что говорит тут о присутствии мужчины? Да нет, вот ведь книжные полки. Доброжелательная и неглупая Глафира Савельевна, полная достоинства и радушия. Но ясно же, это не её. Все эти «розовые стланцы», «монокристаллы – корунды», «медные залежи Гиндукуша», а рядом поэзия серебряного века и аль-

бомы, альбомы, альбомы от Перуджино до Брака и Клее. И ещё стол. Это он помнил.»

«Глупо, но совершенно точно я уверен в одном. Большое керамическое блюдо с чудесной разноцветной галькой и ракушками, словно самоцветы, посверкивающими при освещении. Я подумал тогда, что за необыкновенные камни? Оказалось, весь фокус в том, что, они в воде» – вспомнил Бисер.

– Глафира Савельевна, эта плоская ваза там внизу с морской галькой, залитой водой. Это Димкина, с детства помню. И к тому же ещё все книги!

– Ну не все, но многие, верно, – тяжело вздохнула старушка и, видимо, решила. – Нету уже никого, сыночек. Нету Тони, Диминой мамы, нет Артемия... Это отчим?

– Тёма был отец настоящий. Про него так сказать негоже.

Она опять вздохнула и вдруг тихо заплакала. Крупные слёзы стекали по её полным щекам и капали на красивую вязанную шаль. А Кирилл ждал, уже не надеясь. Он знал, что услышит дальше, только не ведал, как. И тётя Глаша рассказала, как умерли один за другим сестра и её муж. Большое горе, невозвратимая потеря, но хоть люди-то пожилые, что жили на этом свете. Как Дима, женившийся в то время второй раз и переехавший к жене, поселил её у себя.

– Димочка, он такой заботливый мальчик. Часто забегал и помочь старался. Видишь, Кирочка... Ничего, что я на «ты»?

– Да что Вы, тётя Глаша, а как иначе?

– Думала я, будет кому меня, старуху похоронить. У меня своих детей нету. Народился младенчик в войну, а времена были-и-и... Господи! Голодуха, молоко у меня пропало. Что тебе сказать? Умер мой маленький, а через неделю похоронка пришла. Мужа моего на фронте убили. Я тогда, грешница, плакала, голосила. А соседка моя Тоська орала: «Не реви дурища, не гневи боженьку! Твой малой отмучился быстро. Это мы бабы, семижильные клячи, а мужики? У мужиков, от кишка тонка, Глашка!»

Она опять заплакала, и Петька почувствовал, что у него тоже защипало в носу. Не хватало ещё тут разреветься на глазах у Кирилла. А тот, тем временем пересел к тёте Глаше, взял её за руку и напрягся. Он не сомневался, «что-то случилось. Как это связано с Андреем? И, похоже, всюду опасность. Что же тут в Москве происходит? Собственно, не только в Москве...»

– Вот я и говорю, – тётя Глаша, повздыхав, продолжала, – Димочка тут поблизости и работал. У меня бывал, всё как надо. Только стал он вдруг похаживать в церкву. И, знаешь, чаще и чаще. Меня тоже звал, уговаривал, дочку свою Уленьку водил то к заутрене, то к вечерне...

– Димка? В церковь? Да быть не может! Он совсем не такого склада. Он насмешник и скоморошник, – не поверил Кирилл, с трудом переключившийся на неторопливый го-

рестный рассказ бабушки.

– Эх сыночек, был насмешник, а стал... Да что там. Это он уж давно был болен. Мы не знали, а он-то чуял. Умер Димочка в прошлом году...

Кирилл Бисер, за короткое время узнавший о второй смерти среди своих одноклассников, потрясённо молчал. Он также молча выслушал печальные подробности и попытался собраться с мыслями.

«Просто умер. Что я навывдумывал? У человека рак почки был. Сначала врачи пытались спасти, а потом выяснилось – неоперабельный, поздно. Просто бьёт и бьёт по своим. Бьёт всё ближе и бьёт прицельно. Да, и никакого Синицы. Стой, Синица! Глафира Савельевна ведь сказала... У меня совсем из головы выскочило после такой новости. Ничего не поделаешь, надо спросить.»

– Тётя Глаша, я никак в себя прийти не могу. Димка – совсем молодой. До чего несправедлива судьба! Вы знаете, я когда все эти книги и альбомы увидел, ещё тех времён, когда он геологом был, и другие, он указал рукой на ряды фотоальбомов. Он же потом профессиональным фотографом стал. Я всё ожидал, может он тут с Вами остался. А что? Могло ведь случиться, что и со второй женой не заладилось. Или думал, Вы скажете, в командировку уехал.

– А это, правда, всё Димочкино. Не могу, говорит, выбросить, это же часть моей жизни. Танина мама, тёща Димина, его не больно жаловала. Книжки, камешки, говорила, только

пыль собирают.

– Значит, он Вам всё оставил, – уточнил Бисер.

– Верно, сыночек. Он сюда приходил. Здесь, говорил, личный мой кабинет.

Прямо над головой Пети располагалась большая витрина с прекрасными тропическими раковинами. Огромные тридакны соседствовали с красными и белыми кораллами, морским ежом и слегка тронутой полировкой бирюзой.

– Да, Вы сказали, что наш Андрюша тоже к Вам приходил? – осторожно спросил Кирилл.

– Это было чудное дело. Я вообще боюсь посторонних. И сегодня бы не открыла. Но ты сразу сказал, как нужно.

– Клавдия Савельевна, а как нужно было сказать? У Вас разве пароль есть? – открыл рот Петька, которому после приключения в Аланье всюду мерещились засады и шифровки.

Тётя Глаша засмеялась ещё сквозь слёзы:

– Так папа твой сразу Диму назвал, имя его, отчество и фамилию.

Парень, чуть не подавившийся райским яблочком, сразу замолк, а Бисер заторопился с вопросом, чтобы сгладить неловкость.

– Петя, имей терпение! Извините пожалуйста, Вы сказали – дверь не открыли бы, если бы не...

– А вот послушай. Я утром в булочную пошла за хлебом. Ещё кефиру взяла, а для Пушка...

За спиной тёти Глаши раздалось звонкое мяуканье и пу-

шистый серый клубочек с белым носом вспрыгнул на колени к Кириллу.

– Ну, значит, для Пушка фаршу немножко. Я ему с кашей мешаю, – оживилась немного тётя Глаша и погладила выгнутую колесом спинку. – Он уж знает и ждёт под дверью, да орёт всегда, мявкает. Я по лестнице – трюх, трюх – лифт у нас опять не работал. И уж снизу мяв этот слышу. Только собралась ему крикнуть: «Ах ты бесёнок! Не тревожь добрых людей. Иду, чай не молодка!» Как вдруг слышу голос такой девчоночий: «Котофеич! Не плачь, маленький. Сейчас твоя хозяйка придёт». А в ответ басом: «Дуся, не морочь животному голову. Какая хозяйка? Да может это кот Мамай. Настоящий арбатский дворовый зверь!» Тут она не стерпела: «Андрюша, Мамай-не Мамай, а он – котишка. Я же слышу, один боится. Давай ему песню споём». И что ты думаешь? Запели! Вдвоём, да так складно! – тётя Глаша приосанилась, набрала воздуха и завела вполне музыкально:

Прибежали котики, толстые животики,
Выгнутые спинки, пёстрые ботинки
И пушистые хвосты, небывалой красоты!

– А дальше не помню... – она развела руками.

– У Вас голос – класс, Глафира Савельевна, – восхитился Петька.

– Это каткина. Детская ещё. Там дальше про щенка, –

отозвался Кирилл,
и прочёл:

Я сижу у ваших ног, белый с пятнышком щенок,
Сделал лужу на дорожке, лучше я, чем эта кошка!

– А дальше, что было? – не выдержал Петька.

– Дальше я подросла. Это кто же с моим котом разговоры разговаривает? Вижу – девонька сидит вроде Пети. Пегонькая девонька. Худющая-я-я – страсть! А рядом такой... Кудреватый. Из себя ничего. Но солидности нет. И не скажешь. Парень ли? Дядя? На обоих джинсики эти. А при нём ещё и гитара. Стало быть, думаю, Андрюша и Дуся. С чем пожаловали? Он первый начал: «Здравствуйте, меня зовут Андрей Синица. Я ищущу Мамаева Диму». И девчонка тоже кивает. Он, заметь, лет на двадцать старше, но сейчас видать, что не дочка!

Кирилл, несколько раз пытавшийся прервать разговорчивую Савельевну, почувствовал, что разговор принимает нежелательный оборот, и вмешался:

– Вы Андрею, конечно, всё объяснили. Но он всё-таки к Вам в гости зашёл?

– Да, мы тоже чайку попили. С пирогами, втроём, а как же. Вот, сидим, и я замечаю, что Андрюша этот... Ну... Мнётся. Будто что-то сказать мне хочет, но не знает, как приступить-ся. Его Дуся, та всё с Пушком играла. А Пушок – возьми,

да в моё лукошко и залезь. Я там вязанье держу. Он синий клубочек схватил и дёру. Дуся – за ним!

На этих словах тётя Глаша замолкла и, помедлив, произнесла сахарным голосом:

– Петенька, принеси ты мне, солнышко, очки. Как войдёшь в спальню, по левую руку комод. На салфетке чёрный такой очешник.

А когда Петя неохотно, но безропотно скрылся за дверью, она горячо зашептала.

– Только Дуся вот эта вышла, Андрей мне сразу: «Глафира Степановна, у меня была к Диме просьба. А теперь считаю, вы за него. И хоть это опасное дело, сердцем чую, что вам могу довериться». – Она снова утёрла слезу. Глазки – черносливинки глядели серьёзно и требовательно. – Слушай внимательно, я ему побожилась. Ты как фамилию свою назвал, я сразу поняла. Он сказал: «Бисер должен прийти.» Э, а паспорт у тебя есть? А то я почём знаю!

Кирилл, улыбаясь, открыл свой заграничный паспорт на последней странице и показал ей фотографию вместе с фамилией.

– А ещё ты мне должен стишок сказать про трёх котов и мыша! Я записала.

День и ночь

И там, и тут,

Мыши Ваську стерегут.

Кто же в норке, как же дети?

А наверно кто-то третий.

Продекламовал Кирилл и спросил:

– Что – правильно? Только это, скорее, про третьего. Не про кота, а про... Впрочем, не важно.

– Погодь, Кирюша, теперь можно, – старушка открыла потёртую сумку и вручила Кириллу знакомый уже конверт из плотной коричневой бумаги. На этот раз он открыл письмо сразу. В нём лежала географическая карта, разрезанная зигзагом. Очевидно, без отсутствующей части прочитать её было невозможно. Ему стало снова тревожно.

– А где же я Димкин стишок найду? Мне ж ещё четвёртого надо, а кто четвёртый? Может быть, Андрей не сообразил? – Кирилл покрутил карту в руках. Потом опять заглянул в конверт и понял, что эти опасения напрасны. На тыльной его стороне неровным почерком было нацарапано: «Димка ушёл туда, куда я тоже собираюсь. Может, скоро встретимся. Стишок такой:

Ловко кот ушёл от нас,

Искры сыпятся из глаз.

День ли, ночь ли – мыши ждут,

А четвёртый тут как тут.

Дверь открылась, и в комнату вернулся Петя, держа в ру-

ках чёрный очешник. Бисер поднял голову, убрал бумаги и обратился к старушке, чтобы переключиться.

– Так Вы наш стишок записали?

– Ещё чего, я пока на память не жалуясь. А записала на всякий случай, да. Но не каждый поймёт!

И тётя Глаша с победным видом извлекла из деревянной шкатулки с нитками и иголками открытку с изображением пасхальных яичек и кулича. На ней было что-то написано большими буквами. Кирилл всмотрелся.

– «Нужен бисер для трикотажа» – прочитал он с недоумением. – Что-то я не совсем... Нет, «бисер» с маленькой буквы, это я понимаю. Но трикотаж? А-а-а! Ох ты! Ну Глафира Савельевна, ну Штирлиц! – в полном восторге рассмеялся Кирилл.

Он указал на открытку чайной ложкой, пожимая левой пухлую старушечью ручку. В слове «ТРИКОТАЖ» после гласных «И» и «А» стояли жирные точки.

Глава 28

Русоволосая худенькая Лида была отличницей по всем предметам. Никто не учился так ровно и успешно, как Пирогова все десять лет подряд. Она, конечно, получила медаль, и недобрав одного балла в университет, тут же перевелась в Менделеевский, блестяще его окончила, была оставлена там на кафедре, чтобы поступить вскоре в аспирантуру, затем...

А вот затем всё пошло на спад.

Не ладилось с начальством. Аспирантура всё отодвигалась. «Кандидатская» – нормальный карьерный академический путь из старших лаборантов в младшие научные «и далее везде» не давалась. Профессиональная жизнь прилежной и толковой молодой сотрудницы необъяснимо и фатально не складывалась.

Шли годы. Она вышла замуж за простого тихого парня, и друзья шептались: «Витька Лиде не пара», мезальянс – да и только. Опять шли годы, они растили детей, жили скромно и трудно впятером в двухкомнатной жуткой хрущёбе, муж работал инженером на производстве. Но наступили новые времена, социализм приказал долго жить, и пришлось искать работу, чтобы как-то кормила.

В конце концов она обнаружила себя главным бухгалтером медицинского управления: разведена, двое взрослых детей, у них семьи, а у неё уже внуки. Собственно, только внучек! Школьная подруга, тоже одинокая хирургиня «Екатерина – инвалидус синичкис», как звала её Лида, решительно заявила однажды.

«Лидка, мы молодые, у молодых женщин не бывает внучат! Называй его – Янек!»

Лида только смеялась. Она от души радовалась ребёнку, до которого, как это нередко бывает, у совсем зелёных родителей руки не доходили, а вот у... М-м-м, родственницы постарше Лидии Александровны Пироговой руки и сердце,

и душа доходили, если не до точки кипения, то до точки таяния точно. Она таяла, глядя маленькие лапки и ножки, слушающая его воркование. И старалась именно о нём думать больше, чем о не сложившейся жизни, вечной нервотрёпке с работой или об убогой зарплате. Когда позвонил Кирилл, она как раз думала о Янеке. Искала выход из житейской проблемы и не находила. Ну не находила, и точка!

– Лидок, мне разрешили позвонить из конторы, которая продаёт телефоны. Я сегодня всё растерял, что можно, и свой позабыл. Ты все знаешь от Кати. А я знаю, что ты страшно занята, да ещё с малышом на вахте. Скажи мне, где и когда тебе удобно. Я постараюсь не создавать тебе проблем.

– Что ты Кира, я очень хочу тебя повидать. Но у меня «баланс»! От нас всех дым идёт, и мы работаем день и ночь. А тут ещё...

– Что такое? Да расскажи спокойно, может я чем смогу? – спросил Бисер. И добавил, услышав взволнованный рассказ. Ах, вот что! Так у меня же есть.

– Нет брат, не получится. Это тебе не «чикагщина» твоя, понимаешь? Главное, без вещей, совсем налегке, и всё равно.

– У меня «мюнхенщина», между прочим! – засмеялся Кирилл.

Они проговорили ещё несколько минут. Наконец, Бисер

сказал.

– Не бери в голову. Встретимся и обсудим.

– Слушай, знаешь, приходи-ка на службу! – предложила Лида. – Я себе устрою перерыв, мы пообедаем вместе, и я тебе всё отдам. А заодно, если уж ты так любезен...

– Да брось, ну какие могут быть, между нами, счёты!

Они быстро договорились, и Кирилл распрощался.

Глава 29

– Данилыч, гляди-ко, едет! Хорошо видно, даже без бинокля. Я тебе говорил... Отличное место, а ты повыше хотел.

– Лады Матвейч, твоя взяла. Хотя тут не пропустишь, кто здесь ездит вообще по этим ухабам? Деревня Лукашка – двенадцать дворов. Я пошустрил и всё, что мог разузнал. Половину домов скупили для дач, а в остальных неплохо живут, разводят птицу, парники завели, один бывший пожарник пасеку держит. Лафа! Домики аккуратные, знаешь, любо-дорого, баньки стоят, там же река! Но вот добраться сюда зело тяжело... Они или оказию ищут и грузовую берут, или вот на такой Ниве, смотри прёт, что твой танк, только не быстро.

– Да, наш пижон по городу на фольксвагене ездит, его одёжка к нему больше подходит, – хмыкнул Матвейч.

– И чего ты на него взъелся, по-моему, симпатичный дядька, школьной подружке своей помогает внука за город до-

ставить, вот и Ниву добыли. Сколько мы за ним ходим? Что он делал плохого? Кстати, ты вообще понял, что им от него надо?

– Они, конечно, темнят. Всего я сам не знаю, начальство не снизошло. Но дело не в нём, он сам для них лишь канал. Смотри, мы кое-что нарыли, сами боссы, ну и наш – Цокотуха. Вот сейчас он велел машину обыскать, и документы...

– Постой, Матвейч, ты обещал рассказать мне про «пастилку». Ты её куда присобачил? – поинтересовался Данилыч.

– Я – что, мы люди подневольные, как Цокотуха велел, под рулевую колонку, так я и сделал. Эта штука с сильным магнитом, подлипает как жвачка. Я почему её пастилкой назвал... Она такая, знаешь, розовая пористая гадость, а футлярчик зелёный, – ответил тот.

– И что?

– Что-что! Наш сейчас карьер одолеет, а мы подождём и погода, пристроимся в хвост. Потом провал, помнишь? Карстовая такая промоина. Он там должен остановиться, я доски убрал. Он выйдет, и тут мы подмогнём. Тогда и я «пастилку» включу. Он снова в кабину сядет и тут же уснёт на два часа. Мы с тобой всё успеем. Клиент проснётся и ничего не вспомнит. Поди плохо? Заметь, совсем без членовредительства. Цокотуха нас с информацией ждет. И премию обещал, «полевые», так сказать. Тоже не помешает, как ты мыслишь? Ну а «пастилка»?

– У меня пульт. От включения идёт разогрев термопары, рабочее вещество просто испарится, и всё.

Два мужичка простецкой наружности угнездились за бугорком на высоченной горе, что образовалась рядом с заброшенным карьером, из которого раньше добывали камень. Далеко внизу плескалась вода. Озеро в выработке образовали грунтовые воды. Небольшая местная речка изменила старое русло и добавила свою лепту. Старая дорога карабкалась серпантинном по склону у крутого обрыва и, перевалив через хребет, уходила дальше к густому лесу, что тянулся дальше километров на десять. Вокруг было совершенно безлюдно.

Генке-Полундре всё неделю везло. У свояка праздновали свадьбу в субботу, было вволю самогонки и браги. Как проспался, удалось стибрить и загнать провода. Потом, правда, дали пару раз прямо в рыло, но и выпили тоже знатно. А вчера увёл поросёнка, и они его с Кешкой частью съели, частью тоже загнали, знамо дело, за водку. И вот тут-то вышла промашка. Жена – Раиса знала про поросёя. Она костерила Генку, как обычно: за пьянку, за стыдобищу от соседей, ну и до кучи, что мясца не оставил. Полундра перебранки не вынес и утёк от дома подальше. Он спал в придорожных кустах, когда начал понемногу накрапывать дождь. Струйки побежали по драной куртке, затекли за воротник, и Генка сел. Он встряхнулся, словно пёс после лужи, и увидел прямо перед собой дивное диво.

На просёлке стояла запылённая, но почти что новая Нива. Дверца её была открыта, мотор урчал, словно сытый кот. Ключ, и тот торчал в зажигании, а шофёр... Почти рядом, не видя Генки, в кустах стоял мужик. Он уже застёгивал брюки. Полундра только успел подумать, что такую клёвую куртку и бейсболку чёрную с красным он совсем не прочь подмостырить, и его руки сами потянулись к бутылке, что лежала у него рядом с шапкой.

Одного удара хватило... Мужик без звука упал. Полундра стащил с него куртку и не спеша надел на себя. Бейсболка последовала за ней.

«Машина!» – Она спокойно ждала у обочина настоящего парня, и он не задержался и сел. Полундра ударил по газам, железный конь рванул, а наездник запел. Так продолжалось метров пятьсот.

«Жизнь была так прекрасна, но, блин, всё-тки самогонка есть самогонка! Если бы это была водка, разве повело б его сперва вправо, потом впритирку прижало к откосу и опять вынесло в колею, но теперь по косо́й, а там обрыв, лететь метров пять...

Жёлтая Нива, потеряв управление, повисла над озером, передние колёса её некоторое время вращались в воздухе, она медленно накренилась, водитель, опёршись на руль, грудью нажал на клаксон, и он загудел. Затем машина сорвалась, и, грохнув о камни, загорелась как свечка. Прогремело несколько взрывов, живой факел, набирая скорость, полетел

вниз. Наконец он последний раз ударился о землю и ухнул в воду.

Тяжёлый раскат грома прокатился над озером. Но человек, лежащий под густой раскидистой елью не слышал грозы. Из глубокой раны на затылке струилось кровь, от которой густые седые волосы потемнели и слиплись. Дождь, наверно, и не сумел бы его разбудить, не проник бы под широкие еловые лапы, но гроза прошла стороной. Некоторое время ещё сухие разряды прорезали наэлектризованный воздух, потом зарницы ушли к горизонту и осветили тёмный бор за рекой.

– Слышь, Матвеич, Бисер этот, пьяный он, что ли? Ох, да Ма-а-а-твеич!

– Да, брат, – вздохнул его товарищ. – Вот те раз! Тут уж ничего не попишешь. Надо доложить... Я сейчас, мы это мигом... – растерянно бормотал его собеседник, потрясённый не меньше товарища увиденной катастрофой. Он был старшим по званию и понимал, решение должен принимать он.

Тот, кого называли Матвеичем, позвонил и быстро что-то сказал. Можно было разобрать только: «Не по плану. Да, нештатно. Есть, я понял. Полчаса, не больше». Однако они добрались да места даже быстрее.

Не доезжая нескольких километров до районного городишки на полянке около Явы с коляской на бревне, сидели и беседовали трое мужчин. На обочине виднелось кострище и две чёрные слуги. Сухопарый блондин мрачно выслушал

взволнованный доклад, помолчал, потом взял себя в руки и встал.

– Ладно, время не терпит. Мне пора. Вот, как договорились, – и он протянул Матвейчу пачку банкнот, перетянутую резинкой.

– Да как же, товарищ, – начал тот, но был остановлен.

– Попрошу без чинов. Не звучит в телогрейке. Я тебе – Цокотуха, и пока что довольно. У меня к вам обоим нет претензий. Язык за зубами держали?

– Мы ж себе не враги! – в один голос заверили его «телогречники», и он кивнул.

– Порядок. Гляньте, нет ли на дороге помехи. Если всё путём, поезжайте. А как же Вы?

– А у меня свои средства передвижения. Может попутным вертолётom доберусь, или на волке верхом, – холодно усмехнулся блондин.

Данилыч с Матвейчем кивнули и послушно повернули к дороге. Как только они исчезли между деревьев, Цокотуха подошёл к мотоциклу, присел около него и подвёл руки под днище. Когда двое вскоре вернулись, он уже сидел спокойно на пне и крутил в руках ветку бузины.

Данилыч сел в седло, а его напарник в коляску, мотор пару раз чихнул и послушно завёлся, и они в клубах дыма понеслись по лесной дороге. А Цокотуха не стал ловить попутные вертолёты. Он осмотрелся, выбрал ёлку повыше и ловко полез наверх. Затем уселся на сук так, чтоб всю дорогу стало

видно, и посмотрел на часы. «Событие» не заставило себя долго ждать.

Рвануло сильно. Стол огня взметнулся высоко, и осколки, следовало лучше сказать, «ошмётки» разлетелись на всю округу. Цокотуха достал полевой цейсовский бинокль, рассмотрел дело своих рук, затем аккуратно вложил его в футляр, слез с дерева и растворился в лесу.

Глава 30

– Ты опоздала на шесть минут и двадцать четыре секунды!

– Стас, ты зануда! Это не считается. Обещай, что больше не будешь, – затормошила Небылицына Анна-Мари, одновременно подставляя губы для поцелуя.

Они встретились у входа в Аугсбургский ботанический сад в предпасхальную праздничную пятницу. Солнце на безоблачном синем небе сияло совсем по-летнему. Нарядная дорожка, обсаженная нарциссами, по которой шли молодые люди, вела к деревьям, усыпанным розовыми, нежно-лиловыми и белыми цветами. Японская вишня, тюльпанная магнолия, деревце пониже, всё в белых звёздах, но совсем без листьев, особенно удивительное для московского глаза...

– А это что за белое чудо?

– Справа? Сейчас узнаем, – Анна-Мари подошла поближе и прочитала. – Ты знаешь, тоже магнолия, только японская. У нас тут есть целый японский сад. Я тебе обязательно по-

кажу.

– Здесь замечательно. Я пораньше пришёл и уже побродил немного. Я тебе тоже кое-что покажу. Ни за что не угадаешь!

Они повернули налево, и лёгкий порыв ветра вдруг донёс до них тонкий, ни с чем не сравнимый сильный аромат.

– Стас, это гиацинты. Где? Давай найдём. Это мои самые любимые!

– Как, а я? Самый любимый это я, всё остальное потом, – сделал он обиженное лицо, увлекая девушку к разноцветным клумбам.

– Ладно уж, смотри, моя радость! Это как раз и есть мой сюрприз. И я их люблю. Да и можно ли сомневаться, раз мы с тобой друг друга нашли?

Аромат усилился, и перед восхищёнными глазами девушки предстал разноцветный ковёр расписных колокольчиков, нанизанных на стройные стебли. Белые, голубые и кремовые гроздья были высажены рядами, образующими квадраты, разделённые зелёными полосами набирающих цвет тюльпанов.

– Гляди – таблички, видишь? – Стас указал рукой вниз на названия сортов.

– Эти цвета малины со сливками называются «Амстердам». Белые слева, помельче «Карнеги», – продолжила читать девушка, – так, а жёлтые почему-то, «City of Harlem».

– Это ещё что, – отозвался Стас. – Тут есть «Blue Jacket», а для равновесия «Queen of the pinks». Но ты дальше, дальше

смотри!

Небылицын повернул её за плечи немного правей. Ветерок всколыхнул растения, и душистая волна окатила молодых людей. Они остановились перед тёмно-лиловым квадратом крупных, чуть выше других, вырезных соцветий.

– Meine Güte, hast du das selbst geschrieben, mein Schatz? Unglaublich!

– Aber wahr! Ich war überglucklich, als ich sie gefunden habe. Sie sind fast so schön wie du!

Нежно ответил Стас. На маленьком зелёном прямоугольнике было выведено белой краской: «Anne Marie».

– Ну после такого подарка. Пошли в японский сад! Там под шум маленьких водопадов между камней и душистых кустов... – Она посмотрела в глаза Небылицына сияющим взглядом и добавила. – Вот сколько тут есть «моих» гиацинтов, столько раз я тебя поцелую!

– Пойдём! Пойдём сейчас же! И если хоть на один меньше...

– А ты посчитал? А если больше? А если...?

И они, обнявшись, направились, смеясь мимо стриженного светло-зелёного газона около водоёма к невысоким воротам. На траве стояли белые сетчатые стулья, на которых можно сидеть, загорать полужёла, читать или любоваться цветущим бамбуком, а ещё прекрасными белыми лебедями, торжественно плывущими навстречу солнцу. На плавучем острове около мостика они увидели большое гнездо, издали по-

хожее просто на груди соломы и сучьев. В нем чинно сидела на яйцах лебедка.

– Что здесь за рай, честное слово! – вздохнул восхищённый Стас, – ты не поверишь, но старый Брук насилу меня уговорил. Я так брыкался, так не хотел! Когда я думаю, что мог вообще не приехать! Ты понимаешь? И мы бы вообще не встретились...

– А почему же ты не хотел и бырк... Вот это?

– Да ерунда, ну был занят и было лень. А ещё обязательства всякие... Выкинь из головы!

– Хорошо. Выкинь? Я согласна. О, посмотри, мы пришли. Сейчас мы войдём в японский сад. Обними меня и открой калитку.

Через несколько шагов плеск воды сделался громче. Они миновали густой кустарник, и Стас огляделся... Вода была везде. Сквозь ствол толстого бамбука, служившего ему водостоком, журчал родничок. Впереди прозрачные быстрые ручьи пенились по лестнице из плоских камней. Они неслись вперёд и вперёд, образуя крутые петли, разбивались под мостиками на рукава, снова потом сливались в шумный поток, водопадами справа и слева обрушивавшийся в каменную чашу. Дикий камень, в обрамлении цветущих кустарников, дерево и вода, плеск водопада и солнечные лучи сквозь ветви деревьев создавали впечатление чудесной гармонии, и Стас подивился острому как укол ощущения счастья. Он сжал руку девушки так сильно, что она вскрикнула.

– Прости меня, я сделал тебе больно? Я так люблю тебя! Я испугался вдруг, что кто-нибудь отнимет... Всё разом кончится...

И недоговорил, почувствовав, как от волнения сдавило горло. Тогда он потянулся к девушке, чтобы поцеловать и успокоить её, невольно ожидая в ответ каких-то нежных отвлекающих слов. Но вместо этого увидел на её лице выражение тревоги и смущения.

– Стасик, подожди, давай поговорим, – она погладила его по плечу. – Мне тоже беспокойно. Я хочу тебе кое-что рассказать.

Они прошли по валунам среди водяных бурунов, повернули направо к беседке, выстроенной для созерцания всего этого великолепия, и сели на скамейку.

– Мне так хотелось, чтобы нам сегодня было хорошо. Я всё тянулась... нет, тянула... время тянула. Но лучше я объясню.

Она замолчала, а Стас с ужасом подумал, что: «вот сейчас... сейчас! Она скажет, что у неё есть другой. Что... Ну, что? Замуж собирается завтра? Должна уехать на три года в Австралию к аборигенам?»

– Я для тебя всё это время искала материалы. Весь твой дорожный набор был распродан на аукционе разным людям, – начала девушка, и Небылицын подумал, что ещё немного, и у него случится удар.

– Я читала отчёты, прессу, я хотела узнать побольше. Она

опять сделала паузу. – Видишь ли, после аукциона трое из семи этих покупателей погибли насильственной смертью, – убитым голосом закончила Анна-Мари.

* * *

– Машка! Ну наконец-то! Мы не виделись целую вечность. Ты меня совсем забыла. Пошли, покажу тебе отличное место, где можно потрепаться. Тут неподалёку кафешка открылась.

Лиза обняла подругу и повела за собой. Она приехала на метро прямо из клиники и поднялась по эскалатору наверх, где поджидала её Анна-Мари, страшно довольная, что удалось пристроить машину за углом. Маленькая победа в вечной борьбе автовладельцев за место под солнцем! Правда, крошечный дорогуший Mini припарковать не в пример легче, чем солидные лимузины.

– Машка, хочется сказать, что ты похорошела, но это невозможно! Ну расскажи. Как дела?

– А ты бледная и грустная. Лучше ты расскажи, – возразила подруга.

– Я расскажу. Даже совета хочу спросить. Но лучше о хорошем сначала. Ты прямо светишься вся, сияешь!

– Как начищенный пятак! Мне это Стас говорил.

– Слушай, ты его уже цитируешь. Я за тебя боюсь. Что, так серьёзно? Ну-ну, не отвечай, если не хочешь.

– Нет, я хочу, но не могу. А вдруг я скажу – серьёзно, а оно... Возьмёт и рассыпется! Поблекнет, лопнет как шарик... Во всяком случае кафе ты отыскала очень приятное, – сменила тему Анна-Мари, – название только мне не нравится. Kitchenette – кухонька по-английски.

– Я тоже не в восторге. Но остальное в порядке.

Небольшое кафе в самом деле совсем не походило на кухоньку. Красно-коричневые цвета интерьера, большая бело-золотая люстра с алебастровой розеткой в стиле «поздний Версаль», несколько столиков с алыми пледами и горшочки с циниями перед входом, вкус к деталям и вообще хороший вкус создавали тёплую атмосферу уюта и изящества.

– Маш, откуда твой ненаглядный, из Питербурга?

– Из Москвы. А это важно? Да объясни мне, что происходит? Господин Бисер ещё в Москве или вернулся?

– Ты понимаешь, папа пропал. Я хочу сказать... Мы с ним всё время перезванивались и каждый раз договаривались, когда опять. Я беспокоюсь, это само собой. Ну и просто скукаю, и папа тоже. Четвёртого он должен был позвонить, но не позвонил. Это во вторник, – Анна-Мари посмотрела на календарь, – а когда разговаривали в последний раз?

– Дня за три до этого. – вздохнула Лиза. – С тех пор он просто исчез. Номер в гостинице не отвечает, это полбеда. Но и к телефону он не подходит.

– Так может телефон сломался? – с надеждой отозвалась Анна-Мари.

– Нет, ерунда. Ты пойми, он тоже волнуется. Он не переносит, если мы долго друг о друге ничего не знаем. Да он бы с десятков новых купил, позвонил от знакомых! Маш, я там в Москве ни черта не знаю, не понимаю уже. Мне было только двенадцать лет! Верить или нет, я как-то стесняюсь... Я поняла, что плохо себе представляю, как с незнакомыми взрослыми людьми общаться, куда сунуться для начала. Я... Совершенно растерялась. Я так боюсь... Я... – Она всхлинула, слёзы закапали ей на блузку, а когда она попыталась переключиться, отпив глоток какао, солёные шарики потекли прямо в большую круглую фарфоровую чашку.

Анна-Мари нахмурилась. Затем, ни слова не говоря, достала телефон и стала набирать номер.

– Ты кому? – сквозь слёзы удивилась Лиза, но Анна-Мари уже говорила с невидимым собеседником.

– Здравствуй, это я. Да, и я тоже, дорогой. Ты в библиотеке? Скажи, ты можешь ко мне приехать? Да, прямо сейчас. Мы совсем недалеко, а ты прекрасно ориентируешься. Кто мы? Ах, перестань. Приедешь, я объясню. Это в пяти минутах от станции метро «Харрас». Запиши адрес: кафе «Китченет», Плинганзерштрассе 12. Отлично, целую. Мы тебя ждём!

– Ну вот, – она удовлетворённо обернулась к Лизе, – сейчас приедет Стас. Он москвич. Мы поговорим и всё обсудим. У тебя телефоны папиных знакомых есть?

– У меня есть три телефона. Папиной тёте я пока звонить

не хочу. Она совсем старенькая. Он к ней собирался только в самом крайнем случае. А ещё, Анатолия Мордвина и Екатерины Сарьян.

– Как ты думаешь, где он всего вероятнее объявится? У «мальчика» или у «девочки»? Лизочка, подожди ты пугаться! У тебя глаза затравленного кролика. Посмотри на себя в зеркало. Да вот оно, перед тобой на стене!

Действительно, большое, нет, скорее, длинное зеркало в позолоченной раме висело над головой Анны-Мари прямо напротив Лизы. Можно было отлично рассмотреть свой покрасневший нос и припухшие веки. Она перевела взгляд выше на потолок, где бесчисленные подвески люстры прекрасного богемского стекла в виде язычков пламени сверкали, переливались и отбрасывали весёлые зайчики. Анна-Мари взяла ещё одну полосатую подушку и подсунула подруге под спину.

– Так тебе будет удобнее. Так как? Кому сначала будем звонить? Нет постой, сперва ты съешь суп! Это твой любимый с кокосовым молоком и карри. Я от тебя не отстану. Ты дома наверняка не готовишь, правда? А Стас приедет, я вам обоим ещё кое-что закажу. Очень вкусно. Или сказать? Да ладно уж! Здесь делают отличный торт. Сверху желе из манго с кремом из взбитых сливок, и тоненькая основа овсяного теста внизу.

– Маш, я поем, спасибо тебе. Я больше не чувствую себя кроликом. Давай сначала «мальчику» позвоним.

Дверной колокольчик, приветствовавший каждого входящего, тренькнул три раза. Анна-Мари кому-то замахала за Лизиной спиной. Лиза обернулась и увидела высокого блондина в тёмно-синих джинсах и голубой рубашке «сафари» с шейным платком в мелкую красную клетку. По сравнению с очень светлыми густыми волосами его глаза поначалу показались ей серыми, цвета моря на Балтике, если штормит. И сам он какой-то... Скандинавский.

Тем временем молодой человек, потративший несколько минут на то, чтобы обойти без потерь официанта, подошёл к ним и остановился.

– Здравствуйте. Вот я вас и нашёл. Я шёл и думал, на каком языке лучше поздороваться? Поймал себя на желании повыпендриваться и начать по-французски. «И решил себя в этом не поощрять!» – по-русски сказал Небылицын и подал руку сначала Лизе.

– Меня зовут Станислав. Я Вас по фотографии узнал. У Анны-Мари Ваших много.

Он уселся с последней рядом, поцеловал её и серьёзно спросил:

– Что случилось? У тебя был такой голос... Я даже решил не приставать с вопросами по телефону.

– Мы сейчас тебе всё расскажем, – Анна-Мари вопросительно посмотрела на Лизу. – Лучше я?

– Машка, я больше не могу. Я, если рассказываю, всё переживаю по новой. Очень тяжело.

– Тогда сделаем так. Я сейчас скомандую, чтобы тебе десерт подали. Кофе хочешь?

Лиза подумала и кивнула:

– Кафе-лагте, только попозже.

– Вот и хорошо. Мы отсыдем в сторонку и устроим военный совет. А потом все вместе будем пить кофе.

Лиза слушала Луи Армстронга, нежный оранжевый крем таял во рту, и на душе полегчало. Она украдкой посматривала на подругу рядом с этим высоким стройным парнем, на его руку на её плече, на его правильные твёрдые черты лица, слушала его уверенный голос.

– Машка теперь не одна. Просто чувствую, что это надолго. Одна -только я... Нет-нет! Я с папой! А вот и они.

– Лизок, мы всё обсудили. У тебя с собой телефоны?

Лиза молча протянула ей раскрытую записную книжку.

– Мы считаем, если ты не возражаешь, что лучше Стасик начнёт. А потом он просто передаст тебе трубку, хорошо? И не волнуйся. Мы вовсе не должны ничего решать прямо тут. Обдумаем. Позвоним ещё. Позвоним друзьям Стаса!

– Спасибо, ребята! – Лиза протянула обоим руки. – Я раньше не задумывалась, до чего я одна. Это странно, я понимаю. Любимая дочка преуспевающего отца. Главное, любящая дочка, вот что важно. И в школе у меня никаких проблем не было, и не обижал меня никто, но... А мы можем сразу на «ты», да? – обратилась она к Небылицыну.

– Конечно, – сердечно ответил Стас. – Давай, я номер на-

беру. Сейчас внесём какую-то ясность, а дальше будет видно. Ты их отчества знаешь?

– Представь себе, да. Даже чудно. Ведь обычно у друзей родителей отчеств для тебя нет, они же друг друга по именам зовут! Но этих двух как раз папа называл – «Сашкины дети». И они себя сами так называли. Словом, они Александровичи.

– Окей. Попробуем связаться с Анатолием Александровичем Мордвиным.

Стас набрал номер, раздались длинные гудки. Через некоторое время бесплодного ожидания стало ясно, что дома никого нет. Воспрянувшая было духом Лиза, снова погасла.

– Про Анатолия я знаю только, что он какой-то большой московский начальник. Юрист. А Катя Сарьян в больнице работает. Её, верно, вообще не застанешь, – вздохнула она.

– А мы попробуем! – Стас начал нажимать овальные синие клавиши, раздался сигнал и звонкий, совсем девичий голос тут же ответил: «Да?»

– У неё точно есть сын. А может, ещё и дочь? – прошептала Лиза.

– Здравствуйте, будьте добры Екатерину Александровну! – зарокотал Стас.

– Я Вас слушаю.

– Екатерина Александровна? Меня зовут Станислав Небылицын. Я звоню Вам по просьбе дочери Вашего школьного товарища Кирилла Бисера. Её зовут Лиза.

– Господи, где он? Вы что-нибудь знаете? Говорите скорее, я страшно волнуюсь! – немедленно прозвучал ответ.

Кирилл пропал несколько дней назад. Он собрался помочь Лиде Пироговой перебраться с маленьким внуком на дачу и испарился, как не было. Сначала Катя дня два ждала. Стеснялась даже сама звонить. Он не обязан ей докладываться! Но время шло, и первым забил тревогу Петька.

– Мам, а дядя Кира куда подевался? Я ему сегодня три раза звонил. Мобильник не отвечает. Он мне велел шмотки готовить. Я хотел спросить, какие ботинки купить? Может, унты? Или мы с ним лучше вместе пойдём выбирать?

Кате это сообщение совсем не понравилось. Она позвонила Лиде, но к телефону подошла её дочь.

– Тётя Катя, а мама на даче. Нет, не приезжала, но мы вчера разговаривали. Там всё в порядке. Ваш приятель? Ну да, Кирилл Игнатьевич, который их вёз. Нет, я не в курсе. Погодите, а что же машина? Я думала, он её там оставил. Какая? Нет, не его. Это машина приятеля мужа, они вместе в командировке. Знаете, Нива, там на другой не проехать. Я тоже ничего не понимаю. Да-да, я Вам сейчас дам мамин номер.

Катя немедленно позвонил. Новости были неутешительные. Лида, чуть не плача, рассказала, как Кирилл их доставил до места, как они пообедали, как он заторопился обратно, пока не стемнело.

– И всё, Катюша! Поцеловала я его, поблагодарила, и он

уехал. До поворота я его ещё видела. Он остановился, вышел, погудел нам, рукой помахал... А мой маленький Янек прыгал и кричал: Киюссик! Ой Катька, что же это, а? Может, из-за машины? – повторяла она, а Катя не знала, что отвечать. С тех пор прошло ещё пару дней... Кирилл как в воду канул.

– Станислав, я уже заявила в милицию. Я вчера звонила в посольство. И вот и всё.

– Екатерина Александровна, извините пожалуйста, но Лиза плачет. Она хочет... Вот она уже берёт трубку, – бормотал Стас, пока Анна-Мари пыталась ободрить девушку, слышавшую каждое слово.

– Здравствуйте, это Лиза Бисер, – всхлипывая, проговорила она.

– Да, моя девочка. Я Катя Сарьян. Давай не будем сразу думать о плохом. Конечно, случилось что-то непредвиденное. Я в больнице работаю и знаю всякое на свете бывает. Может, ему стало где-то нехорошо. Ну, заболел и не позвонил... А я ещё нашему Толе сообщу, уж он обязательно должен помочь, – заторопилась Катя.

– Тётя Катя, – неожиданно твердо сказала Лиза, – я хочу немедленно приехать. У нас с папой многоразовая долгосрочная виза. Я только никого не знаю в Москве. Одна никогда тут не была. Посоветуйте, пожалуйста, где мне остановиться?

– И думать нечего. Ты приедешь ко мне. Мы с Петькой

встретим тебя. В крайнем случае, если меня не отпустят, Петька – это мой сын, будет один. Сообщи сразу, как только возьмёшь билет. И вот ещё что. Пошли Петьке по электронной почте свою фотографию, чтобы проще друг друга узнать, а он тебе в ответ наши пошлёт, идёт? Записывай. Я диктую: Petrus, штрих внизу, Oboltus, штрих внизу, собака, Google, точка, Ru. Я повторяю.

– Тётя Катя, – переспросила Лиза, – собака, Google, точка, Ru – это поняла. Сперва – Petrus, а потом?

– Потом оболтус, Лизочка, «O-b-o-l-t-u-s» – латинским шрифтом. И если строго держаться фактов, то сначала Oboltus, а Petrus потом.

Глава 31

«Самолёт компании «Германия» борт номер****, следующий рейсом «Мюнхен-Москва», задерживается из-за плохих погодных условий на полтора часа,» – возвестил металлический безжизненный голос.

Петька, минут сорок слонявшийся по залу ожидания, сиделся, вставал, пытался читать или слушать музыку, но ничего не помогало. Он не находил себе места от беспокойства. Что с ним могло приключиться, с этим седым человеком, который так внезапно приехал и почему-то пропал? Кирилл ведь исчез не просто так. После того, как за ними следили. После попытки его отравить. После истории, что дома, у ма-

мы.

«Не верю, что его нет в живых. Не знаю, почему! И мама не верит. А если это похищение? Но никто не объявился у нас, и ничего у нас не просил... Кирилл Игнатьевич, он вообще хороший мужик. Он мамин друг. И он про папу мне рассказал. Обещал, что ещё расскажет. Объяснит, почему я такой. Вот я какой... А какой? Мама однажды сказала: «Хорошо, я скромный врач. Ну а ты? Кто – ты?» Нет, не то. Не поэтому только. Детям хочется иметь папу. Чтобы посадил тебя на плечо. Покатал на велике. Запустил с тобой самолётик. Дал по шее Кольке – соседу, если будет дразниться. Чтобы мне сказать, как ребята: «Мы сегодня вечером с папой...» Поболеть вдвоём за «Динамо», Ауди с Тойотой сравнить. Ну разве маме интересно, что там у «Ауди-2» – дизель или не дизель? И почему «БМВ» в Германии – хорошая машина для приличных людей, а в Америке – предмет роскоши?»

Петя долго ни о чём не спрашивал маму. Он стеснялся. Чувствовал, что не надо. Он вообще не задавался вопросом, а есть у неё... Ну, это... «Личная жизнь»? В доме никогда не было посторонних мужчин на правах приходящих пап. Раз он случайно услышал, как бабушка по телефону сердилась:

– Моя дочь? У нее и в мыслях нет! Что ты, Зочка! Ну и что, что места хватит? Это не дом свиданий! Здесь живёт ребёнок, ты пойми!

Петя тоже сразу понял и испугался. «Только не это! Чужой дядька с мамой в одной комнате... Невозможно. И потом...

А вдруг он командовать начнёт? И драться станет?»

«Сколько мне было? Лет четырнадцать или меньше?» – Вот тогда я и начал думать: «ничего не знаю о папе...»

Немолодая элегантная женщина в дымчатых очках и льняном бежевом костюме прошла от Пети так близко, что он ощутил запах хороших крепких духов. За ней следовал бородатый брюнет с большой спортивной сумкой из мягкой кожи. Он вёл на поводке французского бульдога, который, семеня короткими ножками, смешно сопел.

– Лёля, сегодня ты за рулём. Пойдём, посидим полчаса. Я хочу выпить рюмочку коньячку, – прогудел он.

– Ох ты баловник, Вадик! Кормить теперь во многих местах прилично стали, а вот из какой бочки они коньяк наливают? Отравиться ты не боишься? – засомневалась женщина.

– Лёля, не сбивай меня с курса! Ты там в своём Брюсселе совсем одичала. Это всё-таки московский аэропорт, а не Васюки. Кстати, а что в Брюсселе? Я всё думаю, может нам лучше с финнами завязаться, а Лёль? – уже издали услышал Петя.

– А это мысль, однако, рюмочка коньячка! – воодушевился он. – В самом деле, времени у меня сколько угодно. Поел я хорошо. Громкоговорители всюду работают. Тут пять минут до места – не пропущу. А обдумать всё надо.

Он покрутил головой, выбирая себе что-нибудь подходящее, и устремился к бару с темно-коричневой стойкой, цвет-

ными лампочками и чёрной, похожей на школьную, доской с написанными мелом названиями блюд и напитков.

«Посмотрим, чем нас порадуют. Деньги у меня есть, дядя Кирилл на экипировку дал много. Ещё довольно осталось. И мама сегодня тоже, чтобы Лизу домой доставить. Я немножко потрачу, а потом из своих добавлю.»

Катю вызвали в больницу среди ночи. Главный хирург послал за ней машину, и она, наспех умывшись и выпив стакан чаю, умчалась под морозящим дождём. Пётр, разбуженный в половине третьего, получил указание встретить Лизу. Деньги на такси и поцелуй в щёку, заросшую рыжеватой порослячьей щетинкой. Он доблестно проснулся по будильнику в восемь, привёл себя в порядок и тщательно побрился. Фотография Лизы лежала на обеденном столе.

«Девчонка... Ничего себе, точно. Но на Бисера непохожа, – поглядев на фото, подумал Петя. – Я, если на то пошло, и то больше похож. По крайней мере мужик!» – посмеялся он над такими раздумьями.

Сейчас Пётр, припомнив это, недовольный собой, вздохнул:

«Не, я дурак. Мама с Кириллом были друзья. А с моим отцом нет. Этой девчонке – да, повезло. А мне... Вообще не везёт. Ишь, размечтался! Да я...»

Тут он на полном ходу врезался в стойку и вынужден был переключиться, чуть не уткнувшись в спину здорового верзилы – официанта в полосатой маечке и кокетливой зо-

лотой цепочке с нателным крестом, выглядевшей, словно дамский кулончик.

– Извините, задумался! – поспешно охнул парень, ожидавший уже услышать развёрнутый комментарий обо всех своих предках по женской линии по восходящей. Но фортуна пока была к нему благосклонна.

– Ничего страшного, – бросил на ходу полосатый, оберегая поднос, уставленный коктейлями. – Вы лучше садитесь скорее, за стойкой ещё есть места.

Он оглянулся. Бар, и верно, был полон, все столики укомплектованы полностью. Петька подумал, не пойти ли куда в другое место, как вдруг ближайший к нему горообразный малый на высокой табуретке гостеприимно хлопнул по соседнему сидению:

– И то! Сидай ко мне, мы с тобой «секс на пляже» закажем. Я угощаю! «Гора» был явно навеселе. Петя заколебался и тут увидел в конце стойки у стенки свободное место. Сидящий рядом круглый маленький дядька сосредоточенно глядел перед собой и отбивал такт левой рукой вилкой по чашке.

«Рядом с этим можно помыслить,» – решил Петя и направился прямо туда. Он уселся, заказал коньяк и постарался расслабиться. До него доносились обрывки разговоров, латиноамериканская мелодия в сопровождении гавайской гитары, несущаяся из динамиков, сменилась би-бопом, а потом...

– Ничего себе, «Irish Bar», – вслух сказал Петька, – Во дают, бродяги, да ведь это же «Après Un Reve» Габриэля Форе?

Сосед перестал выстукивать свою морзянку, погрозил Пете пальцем и вымолвил:

– Молодой человек, меня зовут Николай Аверьянович! Вторая восьмушка – это короткая третья триольная нота. Вы понимаете, да? Ну раз Вы даже Габриэля Форе... Нет, послушайте. Вот Вы играете короткий свинговый такт: та-а-та, та-а-та, та-а-та, та-а-та, скажем, в «шесть восьмых», и потом: та-та-та-та – После этого он поднял бокал с текилой и закончил свою мысль: – Будем здоровы!

Петька полу открыл рот, затем опрокинул в него сто грамм янтарной жидкости и откашлялся:

– А я Пётр. Я стараюсь врубиться. Ну, короче, догнать, Николай Аверьянович!

Выпив коньяк, наследник Синица сначала попросил повторить, потом плавно перешёл на коктейли. Николай Вишняк, твёрдо державшейся текилы, не отставал. Посадки и отправления объявляли по-русски и на невнятном скверном английском, – они оба ничего не слышали.

– Дядя Коля, ты взгляни, это Лиза! Эт-та – Лизавета Кирилловна Бисер, а эт-та Я, – совал под нос новому другу фотографию Петрусь. – Вот скажи, мы похожи? Она... прилетат, прилет-т-тит, прилетает! А п-п-почему?

– Молодой человек! Что ты там всякую ерунду... Подожди. Сейчас так уже не играют. Ты пойми, они просто бро-

сили старый свинг! Никаких тебе больше триолей, и баста. Не-е-е-т! Ведь они, – он стукнул по чемодану с саксофоном, стоящему рядом, – они просто в каждой четверти восьмые лабают! Это вот: та-та, та-та, та-та, та-та. Ты понял, да?

– Николай Аверьяныч! Дядя Вишняк! Ну послушайте. Моя мама – она врач. Мы сами с Арбата, то есть, верней, со Смоленской. Там они в переулке все вместе учились: мама, Кирилл и...

– Пётр, не отвлекайся. Что делают, олухи, ты подумай! Нет, без меня! Я лучше, как старый Дюк!

Он ударил себя в грудь, выпрямился, насыпал себе торжественно соли между указательным и большим пальцем, взял ломтик лимона и снова вылакал текилу по всем правилам искусства.

– Я и Старина Дюк! Дюк Эллингтон, да он бы всю эту лажу! Нет, ты скажи, что делают, обормоты, а Петя? Фразу строят как на ходулях. Кварту, да что там, квинту между нотами ставят!

– Дядя Вишняк, ну погодите. Вы говорите, что я – салага. Но Вы-то взрослый, так и скажите. Может быть, что я не Синица? И тогда вот эта вот Лиза... Эх, я Вам главного ещё не успел...

Бармен вызвал наряд перед самым закрытием.

– Надрались и идти не могут, – сказал он сержанту. – Безобидные охломоны. Пусть немного поспят в дежурке.

Петька с саксофонистом, слава богу, не выпускавшим из

рук чемодана со своим бесценным инструментом, вовсе не сопротивлялись. Однако, когда на минутку потерявший бдительность сержант ослабил хватку, Петька мягко сполз на пол, по пути приложившись к стойке. Под его правым глазом налился большой фингал.

Глава 32

Через два часа никаких надежд не осталось. Лиза сидела на скамейке рядом со своим чемоданом. Мимо спешили люди. Одни на выход, другие торопились к отлёту. Провожажущие и встречающие набегали, словно волны прилива, и испарялись. Только к ней одной никто не пришёл. Её телефон тоже молчал, а все попытки дозвониться Екатерине Сарьян потерпели полную неудачу. Надо было что-то решать. Единственное, что пришло в голову бедняжке – это опять-таки позвонить. Небылицын откликнулся без промедления.

– Спокойно езжай сама, – сказал он, узнав в чем дело. – От Домодедово на Смоленскую? Сейчас объясню. Сначала садись на поезд. Доедешь им до Павелецкой, а оттуда можно на троллейбусе и на метро. Или возьми такси, только сделай вид, что москвичка. Про Мюнхен ни слова не говори. Больше двухсот рублей не давай, там близко. И к частникам не садись! Ты всё поняла? Лиза, не волнуйся, бывает! Как доберешься – позвони мне. Если их нет, поедешь к моим.

Лиза выслушала инструкции, радуясь разумной поддерж-

ке, и без помех выполнила всё шаг за шагом. Она добралась до Катиного дома, втащила свой небольшой чемоданчик на колёсиках на второй этаж и позвонила. Нечего и говорить, что в ответ ни звука не раздалось. Лиза в полном отчаянии позвонила снова. Глаза её наполнились слезами.

Окно на грязной площадке выходило на улицу. Она села на широкий подоконник и глянула вниз. «Папа рассказывал, они тут часто сидели с ребятами. Он, верно, тоже так вот смотрел. Интересно, что с тех пор изменилось? Господи, а что теперь делать? Позвонить снова Стасу или еще подождать?»

В это время внизу стукнула дверь, и Лиза, услышав быстрые шаги, с надеждой обернулась назад. Каблочки застучали по лестнице вверх... «Может, это...? Ох, нет, не Катя, эта точно моложе.»

Бойкая невысокая девушка в белом халате и сестринской шапочке появилась на площадке и приветливо улыбнулась.

– Здравствуйте, – сказала она, – простите, Вас зовут Лиза Бисер?

Голос её звучал спокойно, уверенно, и Лизе обрадовалась от всей души, наконец-то всё объяснится.

– Я медсестра из клиники Екатерины Александровны, меня зовут Люся, – зачастила девушка. – Она отправила меня за Вами. У меня внизу машина, я Вам все по дороге расскажу. Понимаете, её срочно вызвали на работу. А Пете, как назло, пришлось уехать. Вы долго ждете? Наверно, проголода-

лись? Поехали! Давайте Ваш чемодан!

Она подхватила лизины монатки, не слушая возражений, и обе девушки направились вниз. Около подъезда стояла серая машина, мотор был включён, а за рулём сидел мужчина лет тридцати в спортивной рубашке с расстёгнутым воротом. Его глаза закрывали солнцезащитные очки с белым ободком, на голове красовалась фуражка с крабом. Он кивнул им и вопросительно взглянул на сестру. Люся открыла багажник, заботливо уложила внутрь чемодан, а водитель распахнул дверцу. Лиза забралась в машину и почувствовала, что заметно устала. Хорошо бы всё скорее устроилось. Выспаться, передохнуть, а завтра она будет готова приняться за поиски. Машина тронулась, набирая медленно скорость и, словно услышав её мысли, севшая рядом Люся спросила.

– Устали? Ничего, сейчас отдохнёте. – С этими словами она сделала быстрое движение и коснулась Лизиной руки выше локтя. Лиза ощутила что-то похожее на укус и лёгкое жжение. Она хотела было задать вопрос, но улыбающееся лицо медсестры задрожало, словно отражение в воде, смазливая мордашка превратилась в недобрый оскал, и Лиза медленно сползла на сидение. В угасающем сознании прозвучали только слова.

– Коля, всё в порядке. Давай скорее на базу. Аккуратней только, не дай бог, остановят!

– Всё путём, а корочки на что? Только Люсь, а ты точно не переборщила, ты уверена?

После этого Лиза увидела высокую гору, на ней стоял Кирилл и звал её к себе. Она сделала один шаг, второй и плавно взлетела вверх.

Глава 33

Ночь выдалась безлунной. Небо с вечера заволокли тяжёлые облака, и вокруг стало темно, как у кита в брюхе. Уже начало противно моросить, дальше будет, бесспорно, хуже. И потому полночный обход сторож Слёзкин решил сделать в хорошем темпе.

Всё было в этот день, как всегда. Он с удовольствием глубоко вдохнул ночной воздух. Всё-таки есть свои хорошие стороны в его судьбе! Ночью все запахи становятся сильнее, а в зоопарке полно зелени и цветов.

Вот и рогатые! Около загона пятнистых оленей долго сидел дежурный ветеринар, потому что по всем признакам у двух самок ожидался приплод, оставить их без присмотра нельзя. Но он уже ушёл, и семейство отправилось на покой.

Хорошо, идём дальше. Хищников нет в открытых вольерах. Они спят внутри помещений, иначе чересчур опасно, несмотря на рвы и преграды. Стоп, а это что? Вдруг раздался громкий хлопок, словно кто-то с силой стукнул дверью, и плеск воды. Ох, это же зевнул крокодил, потревоженный его собственными шагами. Мощные челюсти издают такой звук, когда ударяются друг о друга.

На болоте и на пруду: лебеди утки, гуси. Птицы спят очень чутко. Легко просыпаются, но также легко, покричав, снова засыпают. Прижавшись к вожаку, спят горные муфлоны. На вершине скалистой горки виден силуэт огромного козерога и сидящих на камнях чёрных грифов и сипов.

Да, здесь никогда не бывает сонного царства. Сейчас ночные звери вполне активны. Филины и совы кормятся ночью. Барсуки бегают всю ночь по клетке. А при первых признаках рассвета засвистят крылья уток-крякв и огарей, перекочёвывающих с места ночёвки на большой пруд, где им дают корм.

Слёзкин глянул в сторону слоновника и улыбнулся. «Слава богу, сегодня всё в порядке. Вчера дежурный зоотехник рассказал, что слон отвернул хоботом гайки, вытащил болты, вывел своё семейство на горку и возвращаться не пожелал. Их малыш, побегав немного, улёгся спать, поэтому мама и папа заботливо стояли рядом и ждали, пока он не проснётся. Дежурство-то было не его, а сменщика – Ваньки. Сегодня пока без происшествий. Погода, правда, пакостная.»

Весь День на небе были тучи. Тяжёлые, низкие, несущие головную боль и сонливость, они то и дело проливались дождём. Затем светлело, но ненадолго. Часам к шести, однако, зарядил не на шутку дождь, занудный, мелкий. Дождь тоски с безнадёгой, неотступный, как зудящий комар. Дядя Гоша зонтиков не любил, считал баловством. Он сделал уже один круг, основательно вымок и с удовольствием думал о сухой телогрейке в сторожке, чайнике со свистулькой, удобные те-

перь наострились делать приборы, не надо возиться с кипя-
тильником и чекушке перцовки.

«Слоновник всё же проверю и обезьян, а остальное по-
том. После обхода сосиски кипяточком залью, горчица у ме-
ня есть, и огурчик малосольный остался.»

Дождь усилился. Дядя Гоша поднял воротник, нахлобу-
чил поглубже клеёнчатую рыбацкую шапку, подарок друга с
Северного флота, завернул за угол, сделал пару шагов и оста-
новился. Из темноты послышался звук шагов и приглушённые
голоса. Мужчина с женщиной... или подросток? Безлун-
ное и беззвёздное небо и редкие фонари в пелене дождя не
позволяли ничего разглядеть.

«Кого это несёт? Они ещё далеко и идут как-то странно...
А, вот с фонарём поравнялись. Смотри ты, словно привязан-
ные друг к другу идут, ни ближе, ни дальше. Маленький впе-
реди. Так, фонарик блеснул! А темно-то как, пропасть! Ё-к-
л-м-не. Сели, и оба сразу! И сели так же, он позади шагах
так в пяти, а тот... Она? Впереди. Паразиты! Видно, клет-
ку несут. Воровать экзотов пришли. Ща-ас я вас, голубчи-
ки! Нарываться не буду, а позвоню – сообщу, и вас накро-
ют.» Дядя Гоша осторожно выглянул из-за угла и убедился,
что неизвестные свернули в сторону ягуаров. Он поспешил к
сторожке, набрал номер и доложил обстановку. Однако при-
мчавшийся наряд никого не застал.

– Ушли, видно, через запасной выход, через тоннель. А
стибрить успели? – добродушно спросил старшина.

– Так темно же, завтра только увидим, – с досадой махнул рукой старик. – Простите, ребята, что потревожил.

– Ничего, дядя Гоша, служба наша такая. Хорошо, хоть тигр у вас не сбежал, – засмеялся старшина.

Милиционеры уехали, но Слёзкин покой потерял. Он пытался отвлечься, вернулся к себе и посидел. Газетку развернул и радио покрутил... Тревога не отпускала! Тогда он снова вышел.

Дождь перестал наконец, но с деревьев щедро капало. Заденешь ветку – холодный душ. Последний раз сверкнуло около ягуаров, а там ночью только пустая вольера. Рядом гепарды и оцелот, и тоже пусто. «Что ещё?» Чуть в стороне от дорожки для посетителей среди густых кустов бузины притулилась большая клетка для пересаживания крупных животных. Она была обшита вагонкой с трёх сторон и наполовину заполнена тючками с сеном. Рядом раскачивался на ветру облезлый фонарь

«Эй, не тут ли они колбасились! Клетка, как будка, зверей в ней нет. Я вот что думаю, не успели они, или... Что еще? А если ворьё у нас что прячет? Чего ж лучше, звери не увидят, и я ведь обойду да уйду?»

Слёзкин повозился с ключами и открыл сетчатую дверцу. Он вошёл внутрь и осветил внутренность будки. И вдруг охнул, сделал несколько быстрых шагов, наклонился, поцокал языком и быстро выскочил вон, не забыв заботливо запереть дверь. Затем дядя Гоша со всех ног побежал в сто-

рожку, позвонил, взволнованно прокричал несколько фраз и стал ждать.

Через несколько бесконечных минут телефон загремел в ответ. Слёзкин сорвал трубку и проговорил: «Толя, Анатолий Александрыч, да! Не сомневайся. Скорей давай! Да ничего, что сам не можешь, я ж тут. Есть, товарищ полковник!» После этого он схватил пёстрое одеяло, что держал для себя в сторожке, уложил в брезентовую сумку и резво потрусил к воротам.

Капитан Слёзкин служил в Академии по хозяйственной части, был строг и спуску никому не давал. Он хорошо знал и уважал отца Мордвина, давно оставившего семью. Тот был начальник средней руки и в средних, можно сказать, чинах. Знал и мальчишку-курсанта Тольку, высокого, с бритой цыплячьей головой и серыми испуганными глазами. Мальчишка окончил Бронетанковую и стал классным специалистом, потом демобилизовался и долго занимался топливом на гражданке. И, как не редко в жизни бывает с военными, опять запела труба, и он оказался в органах внутренних дел, где пребывал по нынешний день.

А Слёзкин вышел в отставку и стал искать себе занятие. Он подрабатывал, где придётся, но всё больше в охране, пока однажды сосед Степаныч не предложил податься к нему. Сосед ухаживал за зверьём, родом был из деревни, с детства любил лошадей, в зоопарке ему было самое место. Только Слёзкин предложение с негодованием отверг. Наблюдать

живность – сколько хочешь, а навоз таскать... Извините! Но Степаныч не отставал и однажды спросил за пивом.

– Гош, а в сторожа ты пошёл бы?

– В сторожа – это можно. Сторожить не зазорно.

На том и порешили. И Слёзкин, который по натуре государственный был человек, отнёсся к делу так серьёзно, как мог. Он ревностно следил за имуществом. Следил, впрочем, уже многие годы за народишком тоже, который был вороват и часто шkodлив. Дело в том, что был Слёзкин человеком вполне линейным. Он не колебался «вместе с линией партии», поскольку колебаться органически вообще не умел. Он умел только одно – выполнять приказы. Однажды его вызвали авторитетные люди, пригласили в комнату без таблички и поставили перед ним задачу. И капитан просто начал её выполнять, не задавая лишних вопросов никому. Прежде всего себе самому. Он стал работать с той же детской добросовестностью, с какой управлял курсантским довольствием, и делал это бесплатно. А когда позже ему положили за сотрудничество небольшие деньги, отнёсся с пониманием, и все.

Из всего этого для Слёзкина вовсе ничего не произошло, кроме, впрочем, разных пёстрых контактов. Времена изменились, и он перешёл из помощников Большого дома в информаторы Дома поменьше, тоже ничего не заметив.

В этот день он пришёл с докладом – пас наперсточников. Их расплодилось немерено, они вконец обнаглели. Около зоопарка эта публика ошивалась очень охотно, особенно в

выходные и праздничные дни. Участковый тоже тот ещё голубь...

Дверь отворилась, и в приёмную вошёл... «Кто бы Вы думали? Толька! И такой солидный и важный! Неудобно даже признаться, что когда-то были знакомы. Я без формы, старый гриб штатский...» Пока капитан Слёзкин кряхтел и покашливал от подобных мыслей, Анатолий Александрович Мордвин, забежавший на минутку к сослуживцу по делу и готовый уже также выскочить пулей, остановился на всём скаку.

– Извините, Вы случайно не... вы страшно похожи на моего старого... друга сказать будет негоже, я был курсант-мальчишка, а он офицер. Могу я спросить, как Вас зовут, а то я ночью спать не буду?

Пришлось признаться, и Мордвин растроганно заахал. Он обнял старика и утащил к себе в кабинет. Там он усадил дядю Гошу в удобное кресло, распорядился соорудить чайку и достал графинчик из орехового «гостевого шкафа». Они ударились во вспоминания и то хохотали, то сердились, а то соглашались друг с другом – теперешние, ясно, не тянут, не чета...

Когда одновременно зазвонил телефон на столе и мобильный в толстом чёрном портфеле, Анатолию Александровичу совсем не хотелось возвращаться в повседневные рабочие будни. Он тряхнул головой и с досадой и горечью сказал.

– Дикие времена, дядя Гоша. Я чего к твоему Клямину

прибежал. Тебя увидел и обо всём позабыл, а дело у меня такого рода, что ждать не может. Дочь одноклассника пропала. А Клямин, как-никак, розыскник. Вот взгляни.

Он протянул Слёзкину фотографию Лизы, присланную по электронной почте Кате Сарьян. Старик посмотрел внимательно и заметил.

– Девчоночка – первый сорт. Ни тебе штукатурки ни волос этих, знаешь, будто пакля. Я раньше думал, они их не чешут ни хрена.

– Такие колбаски, висят спереди и сзади что у парней, что у девок? -прищурился Мордвин.

– Точно. Толя, ёж твою двадцать, веришь, они за них деньги платят! Большие деньжищи! Нет ты мне скажи, а мыть их как?

Телефоны затрезвонили снова. «Русское поле» – выпевал аппарат на столе, «Эх, полным-полна коробушка, есть и ситец, и парча!» – заливался бубенчиком мобильный. Анатолий растерянно оглянулся, не зная за что хвататься. Потом повернулся к старику и протянул ему руку.

– Мне сейчас бежать надо. Возьми, пожалуйста, карточку, а – товарищ капитан? Чем чёрт не шутит? Я тебе туда мою визитку вложу, – скороговоркой зачастил Мордвин, засовывая в толстый белый с синим служебный конверт четырёхугольник отличного серебристого картона с тиснением. – Если что, сразу на мобильный мне, или сюда. Телефон знаешь. Мне тут же передадут.

– Толя, а ты в каких же теперь чинах? – польщённый «товарищем капитаном», спросил старый отставник, убирая конверт в нагрудный карман. – Смотрю, ты в штатском. Не знаешь, как и обратиться по форме.

Мордвин отчего-то смутился. Он откашлялся, а потом пробурчал.

– Песню знаешь? – и затянул неожиданно фальшивым фальцетом: «Ах какой был мужчина!»

«Настоящий полковник», – заверил капитан Слёзкин, а потом стал во фрунт и, подмигнув Анатолию, «мол знай наших, отчеканил.»

– Слушай мою команду! Зам. Ком. взводАм, построить взводА повзводно! – от тарабанил он старую курсантскую хохму, щёлкнул каблуками и вышел.

Глава 34

Ясным утром дул свежий бриз с моря и яхта с белым парусом весело летела вперёд. Она ловко обогнула скалу, справилась с боковым течением, и между двух каменных вертикальных пальцев проскользнула в тихую бухту. Волны выгрызли тут кусочек берега, сложенного мягкой породой, и улеглись у гранитов и базальтов синей лагуной. С моря её не было видно. К языку чистого пляжа с серо-белой рыбацкой лодкой спускались широкие каменные ступени, с обеих сторон поросшие пиниями. На склоне выше виднелось несколь-

ко олив. Олеандровые деревья, бугенвиллии и жасмин, растущие рядом, заставляли предположить, что где-то рядом должно быть жильё. Но дома с моря также нельзя было увидеть, как и тихой лагуны. И когда яхта мягко врезалась в берег, пассажирки не подняли головы, чтобы взглянуть на жилище. Знали они о его существовании вообще?

Перед домиком из дикого камня в тени агавы примостился парень на деревянной лавке перед таким же самодельным столом. У его ног стояли два ведёрка с... «показалось? Нет, вот ещё. И опять... забрёл, видно, кто-то. Значит надо исчезнуть.»

Парень осторожно выглянул из зарослей, глянул вниз и оценил обстановку. Потом убрал рыбу, сбегал к ручью ополоснуть руки и скрылся в доме. Затем он поднялся в мансарду, опустил там жёлтую штору и пристроил в открытую форточку цейсовскую подзорную трубу.

А пассажирки чувствовали себя вполне вольготно. Они расположились на берегу, раскинули тент и вынесли сумки с вещами. За широкими соломенными шляпами лиц было не рассмотреть. Обе были одеты в шорты и майки и, похоже, приехали не для купания. На подставке появились колбы, пробирки и чашки Петри. За ними последовала морилка, прибор для измерения удельного веса и солёности воды... вот они ещё повозились, и решили передохнуть.

«Чудеса. А что же я слышал? Может, радио? – наблюдатель отвлёкся. Огромный шмель зажужжал ему в самое ухо

и нахально уселся на стекло окуляра. – Стой, вот опять. Да это кларнет! Интересно, честное слово. Любительское пере-
ложение, но ни одной фальшивой ноты. Я вижу сейчас, кста-
ти, только одну поменьше. А где вторая?»»

Кларнет замолчал и снова начал играть.

«Ах, что б мне пропасть, если это не Телониус Монк! Ну да, «Round Midnight»

Наблюдатель страшно воодушевился. Он забыл об осторожности и, схватив старенькое банджо хозяина, спустился снова на улицу и сел у порога.

– А мы дуэт организуем! Тоскливо всё время одному. И я плохой Робинзон!

Он пристроился в терцию и заиграл второй голос, всё больше увлекаясь и волнуясь от подзабытого уже ощущения. Некоторое время они играли вместе. Потом послышалось девчоночье хихиканье, и низкий грудной голос в ответ. Слова утонули в шуме высокой волны, добежавшей до берега от проходящего вблизи корабля. А когда улеглось волнение...

– Бьянка, – позвал детский голос, – играй ещё, я сейчас!

Послышалось царапанье, кряхтенье. Несколько камешков осыпались вниз, худенькая голенастая девочка-подросток выскочила из-под плоской скалы на голос банджо и, увидев сидящего по-турецки Рикардо, от неожиданности открыла рот.

Парень в чёрных джинсах и чёрной же трикотажной куртке с драконом на груди быстро шёл по дорожкам зоопарка в сопровождении мужичка с всклокоченными волосами с проседью и надетой задом наперёд кепке.

– Где, дядя Гоша?

– Тут недалеко, Лёша, рядом с кошатником.

– Чего? – вытаращил глаза тот.

– Ягуары тут у нас. Разорались сегодня ночью... может чувуют, а может так.

– А тебе не помстилось часом? Ты сегодня – как? Тормозную с Денатуратом не мешал?

– Это ты зря! – глаза дяди Гоши сузились и стали колючими.

Он остановился и принялся хлопать себя по карманам в поисках курева. Лёша примирительно протянул ему пачку сигарет, но старик отмахнулся.

– У меня самосад. Не люблю дерьмо.

Обиженное, замкнутое выражение не сходило с его лица. Он и не думал и идти дальше.

– Дядь Гош, не журися! – протянул, смеясь Лёша.

– Капитан Слезкин! Хоть бывший, да капитан! Вот кем ты будешь, я не знаю. Ты, парень, пока молокосос и ещё...

– Так точно, товарищ капитан, и ещё хам. Разрешите испробовать? – продолжал балагурить парень, явно пробуя извиниться.

– Я болтать не обучен. Сам сейчас всё увидишь. Спит она, я проверил.

Старик двинулся вперёд снова, но скоро замедлил шаги.

– Стой, пацан, мы пришли, – сказал он негромко и остановился.

Перед ними было нечто вроде небольшой будки. По-прежнему не было луны, а фонарь справа возле вольеры освещал преимущественно собственный столб. Дядя Гоша выбрал на ощупь тяжёлый ключ и включил фонарик.

– Подожди-ка, я гляну. Потом вместе войдём. Если она – что делать будем?

– Она – не она, выручать человека из зверинца надо. А девочку просто на руках можно унести. У входа нас будет машина ждать. Я, между прочим, этим гадам сам сюрприз приготовил, – с этими словами Леша хлопнул рукой по своей большой сумке.

Белая собака протиснулась под дверцей, подошла к Лизе, покружилась на месте и улеглась, свернувшись клубком. Потом вздохнула, лизнула Лизу в нос и положила голову ей на грудь.

«Я сплю, это мне снится. Плуту, машин пёс, такой большой, пушистый... или... это я где же? Пахнет сеном – это не Плуту! Это Шерри, наша собака. Мама варит обед на плитке, папа что-то мастерит, потому что звенят железки.»

Лиза завозилась, обняла тёплую шею собаки и, не откры-

вая глаз, хотела снова уснуть. Как вдруг рычание, настоящее грозное рычание, вовсе не похожее на нежное мурлыканье или на сдержанное, предупреждающее ворчание недовольной собаки огласило округу.

«Нет, это не сон, правда, где-то рядом рычат, но, может, это прибор... то есть, мотор?»

Рычание повторилось снова. Глухие басовые ноты перешли в открытое форте, затем слева раздалось ответное р-р-р-р-р-а-а-а-у, глухой стук, и шипение огромной рассерженной кошки. Одновременно тёплое, шелковистое существо рядом с Лизой заворочилось и снова лизнуло её в щёку шершавым языком.

«Не знаю, где я. Я прихожу в себя, но... после чего? А, вот я сажусь в машину. Только где? Возле университета? Около нашего дома в Швабинге или... Боже мой, я же в Москву прилетела, я папу ищу... Меня никто не встретил, потом эта медсестра, что-то укусило меня как оса, и всё...»

Она открыла глаза, и хотя было очень темно, попробовала рассмотреть что-нибудь. Во всяком случае, собака была не сон. Она преспокойно лежала рядом, угревшись около девушки, и ничуть не боялась. В помещении, и вправду, пахло сеном. Его заполняли маты из прессованной соломы и сено в тючках. Лиза ощупала своё жестковатое, но вполне удобное ложе. На соломе лежал брезент. На нем толстое шерстяное одеяло. Сверху девушку тоже заботливо укутали. Она попыталась подняться, но у неё сразу закружилась голова, и при-

шлось снова лечь. Рука её при этом задела что-то сбоку. Она с усилием слегка приподнялась и сделала новое открытие. У стенки стоял термос, а в нем булькала жидкость.

– Нет, пить тут нельзя, и сил нет совсем, – пробормотала Лиза, – я сейчас опять усну, хочется спать, страшно хочется спать...

Дверца клетки открылась, и двое мужчин один за другим вошли осторожно внутрь. Вдруг чёрная тень метнулась им навстречу и, проскользнув между ними и гавкнув на прощание, выскочила наружу.

– Что за пропасть, зверь? Это ж собака, – ахнул Лёша. – А девушка что?

– Я тебе говорил, она спит. Потихоньку, не испугать бы. Я посвечу, Лёш, а ты смотри. Я-то уверен.

Лиза, действительно, погрузилась в глубокий сон и проспала всю процедуру. Её упаковали как куклу в дяди Гошино одеяло, предварительно почему-то сняв верхний бежевый свитер. Лёша взял её на руки и осторожно, но быстро понёс к воротам. Дядя Гоша отрапортовал по телефону, и вскоре они сдали свою находку на руки врачу. Машина отъехала, а капитан Слёзкин вместе с опером Алексеем вернулись обратно, чтобы заняться Лешиним «сюрпризом для гадов». И молодой парень принялся опять наводить мосты. Вытащив из кармана бумажный пакетик, он радушно предложил своему спутнику.

– Георгий Сергеевич, мама пирожков напекла с мясом и

с луком. Смотрите, как пахнут. Возьмите, пожалуйста, или я буду думать, что вы всё ещё злитесь.

– Ладно, хрен с тобой, давай пирожок, а то ты меня из «дяди» в Георгия Сергееча разжаловал, а я ещё с твоим отцом, помню... Ты смотри, ведь как получилось? Я сначала прохиндеев увидел, а меня ребята учили: «дядя Гоша – сам не лезь, не знаешь, на что напорешься». Вот я и решил мудрость проявить – наряд вызвал. А эти и утекли. У меня, знаешь, даже мыслишка есть, кто это может быть, но я пока погожу...

По крыше клетки-ловушки снова забарабанил дождь, перешедший затем в настоящий грозовой ливень. И действительно загрохотало сначала вдали, а потом всё ближе и ближе. Когда примерно через четверть часа, зазвенев ключами, Слезкин запер замок и оба побежали к сторожке, чтобы переждать непогоду, молнии полосовали небо всюду. Кра-а-ах – и оно расколось прямо над злополучной будкой. На секунду стало светло как днём. Совершенно достаточно, чтобы увидеть в клетке на соломе, покрытой пледом, лежащего к ним спиной человека. Он был укрыт по самые плечи, виднелся только кусочек золотисто-бежевой кофты. Это, вероятно, была женщина, так как рыжеватая коса спускалась на спину, а потом медной змеёй переливалась на грудь

– Да не дрейфь, Колька, ничего с ней не станет! Я ей рядом поесть и попить оставила. На всякий пожарный, если проснется. Но не должна! Только часа через два! Сегодня

ночь подходящая – очень темно. Мы её перенесём преспокойно, допросим, припугнём и отпустим. Глянь, мы пришли, а вот и она. Спит себе, смотри – коса у неё на спине. Видишь? Вот я тебе сейчас посвечу!

Похожая на мальчика девушка в чёрной куртке направила узкий луч сильного карманного фонаря в клетку-ловушку и дёрнула за рукав стоящего рядом с ней толстощёкого парня.

– Давай, отпирай. Носилки мы там заховали. Ну ты чего?

– А вдруг она не дышит?

– Ты, Коль, не мент, а ботаник, честное слово! А туда же – калымить детективом решил. Так мы никогда не поженимся! Я ж ей инъекцию сделала по всем правилам, я через год академию кончаю, ты забыл? И практика у меня какая в приёмной Силина – ветврача, и здесь в Зоопарке. Э, с тобой каши не сварить, лучше я!

Она отворила без колебаний заскрипевшую дверь, сделала шаг вперёд, и тут вдруг вместо уверенного голоса командирши Коля услышал истошный визг.

– Ведьма! Ко-оль, страшилище! Зенки зелёные! Зубищи!

Фонарь осветил, и впрямь, рожу не для слабонервных. Фосфоресцирующие глаза, желтые длинные клыки под рыжим париком с такой-то трогательной косой! Коля заметался. Он бросился назад, но потом всё же рванул внутрь на помощь подружке. И тут раздался спокойный баритон.

– Ни с места. Уголовный розыск. Вы арестованы. Очень советую не бузить. Хуже будет! Вытяните руки! Так – вы то-

же. Считаю до трёх!

От ужаса Коля тоже заорал.

– Да тише вы! Всех зверей перебудили. Им спать пора! Негромкий щелчок наручников – отличный финал для этой карнавальской сцены. Но нет! Раздалось мощное рычание – Р-р-р-р-а-а-ар-р-р а-у-у-у!

– У нас свои колыбельные. Заосад есть Зоосад, – ухмыльнулся дядя Гоша, из кустов наблюдавший представление, и потрусил к себе в сторожку за заслуженной «рюмкой чаю».

– Ну что, народы, развиднелось немножко? Петя нашёлся сам и повинился. Лизу мы... скажем осторожно, обнаружили и эвакуировали в безопасное место. Молодых оборотов взяли, допрашиваем сейчас, – начал Мордвин, встретившийся снова с друзьями. – Я кое-что могу рассказать. Одна группа «интересующихся» плотно сидела на хвосте у Кирилла. Они, видно, узнавали последовательно то, что узнавал он. Эти вели себя довольно пристойно и неагрессивно. Они слушали телефонные переговоры, устанавливали жучки. И проследили все его передвижения до Димки. Потом его потеряли, и я понял почему.

Мордвин сделал паузу и открыл записную книжку.

– Толь, как же неагрессивно? А нападения на Киру с самого начала, и попытка убить? – нахмурилась с недоумением Катя.

– Не забегай вперёд. Я вовсе не всё знаю. Много не вя-

жется ещё.

– Извини, я понимаю. Ты и сказать нам не всё можешь, – вздохнула она.

– Само собой. Послушай, что недавно приключилось. Приходит это одна москвичка по имени Лидия Черениченко домой, а у неё замок взломан, и всё вверх дном. Когда первый шок прошёл, стали они разбираться, а что украли? Пропало, действительно, несколько мелких вещей. Ну кража и кража. Вызвал её муж милицию. Те плечами пожали, составили протокол... «будем искать, говорят!» Только сами понимаете, дело мелкое, а работы много. Так бы всё и осталось, но у нашей героини случился родной брат в ФСБ в солидных чинах. Тогда за дело пришлось взяться всерьёз. И оказалось, что пропавшие вещички выбросили в ближайший мусорный контейнер, даже не потрудились подальше отойти. Значит, искали, а не крали, но что? А теперь, внимание. Кто-нибудь знает, что за птица – Лида Черениченко?

– Понятия не имею, – развела руками Соня. Кать, в ты?

– Я тоже. Толя, ты думаешь, она из нашей школы?

– Не только из школы, но даже прямо из родного класса, девушки, эта Лида!

– Что ты, Толь. Наша Лидка Пирожок была, в замужестве Рева лет двадцать, но теперь снова, как и встарь Пирогова, а больше...

– Сонь, ты на верном пути. Вы, девчонки, имеете обыкновение выходить замуж и менять фамилии. И поэтому Че-

рениченко раньше была... Правильно, я вижу Катя начинает вспоминать – Лида Рябина пришла к нам в конце девятого класса. Мы с ней не особенно много общались. Вот она нам в голову и не приходит.

– Толя, – запротестовала Соня, – про Рябину я теперь допетрила, но в остальном, глухо как в танке. Почему её обокрали? Нет, инсценировали это, верно? А главное, при чём тут наши дела?

– А потому, что наш Пирожок в десятом переехала на Речной. Помнишь, они с мамой, наконец, квартиру получили? Вот её и нет в списках выпускников, которые кто-то искал и нашёл. А Рябина как раз стоит. Лида Рябина! Они Лиду искали.

– А почему...?

– Они след потеряли. Там что вышло? Кирилл мне объяснил, он Пироговой из магазина позвонил на службу. Встретились они тоже у неё на работе. И поехали не на машине Кирилла, она не для просёлков. Ну невозможно же прослушивать телефоны в каждом магазине, куда занесёт клиента. И в учреждение, куда заказывают пропуск, сразу без подготовки тоже трудно войти. А имя известно было уже. Им следовало искать одноклассницу Лиду! В десятом у нас, однако, кроме Рябины, не было Лид.

Глава 36

– Кто объяснит, почему у одних «серьёзно», а у других нет? Люди давно вместе, у них общее жильё, знакомые, досуг. У них сплелась своя особая жизнь. Это длится иногда долго, и мало значит для обоих. Бывает так. Но бывает... совсем иначе!

Рикардо был не мальчик. Он очень нравился девушкам, охотно им отвечал взаимностью. Никогда не был, правда, ма-чо. Не был и «ходоком». Так вышло, что не женился. Если бы не эпоха больших перемен, не гастроли, не индейка-судьба! Он, верно, уже имел семью. И теперь... теперь, встретив Бьянку? Она приплывала почти каждый день, иногда оставалась ночевать в его домишке, иногда возвращалась на Серрару к родным. Но всё на свете, как известно, проходит. Её отпуск близился к концу. Скоро морской биолог, специалист по придонной фауне Бьянка Монти должна вернуться к своей работе в Неаполе. А он тогда... не утопиться ли в самом деле? Но для этого Рикардо слишком хорошо с детства плавал.

Однажды он нахмурился и сказал:

– Знаешь, о чём я думаю, малыш? Что если бы я, встретив тебя, уже был женат? Я такой, знаешь, консервативный чудак. Мне очень важно иметь дом и детей. Я бы за это всё, что хочешь отдал. У меня никогда не было толком... Ах, ерунда. Но мне нужно поговорить с тобой. Серьёзно поговорить, а я не решаюсь.

Бьянка, тогда как-то странно посмотрела на него своими

русалочьими глазами из-под иссини-чёрной чёлки и захлопнула книгу.

– Сегодня ровно две недели, как мы с сестрёнкой бросили якорь у летнего домика дяди Джованни. Я хотела отобрать пробы, понырять... здесь бывают интересные морские звёзды и полипы, зафиксировать, что найду. Паола любит мне помогать и попросилась со мной. Ты заиграл, она вскарабкалась вверх. Я тебя увидела и прилепилась как усатый омар! Серьёзно поговорить нам обязательно придётся, ты прав.

Она почти не задавала вопросов. А он старался не врать. Если возникала нужда, пытался обойти опасный угол, как мог смолчать, начать о другом. И мучился неизвестностью. Казалось, как не спросить, откуда он сам и кто? На что и где он живёт? В конце концов, как получает еду? И почему никогда не выезжает «на материк»? И вместе с тем, они говорили о чём угодно, находили бесконечно много тем для беседы и по-детски радовались общности взглядов.

Она же рассказывала охотно о себе. Он знал о папе и маме, живущих в Неаполе, о братьях и сестрах, о многочисленной родне на Искии и на Капри.

Она всегда хотела быть биологом и работать с морскими животными. Родители, состоятельные благожелательные люди, в общем, поддерживали её. Но папе раньше казалось, она могла бы стать скрипачкой. А мама пророчила ей карьеру юриста и говорила, что дядя должен этим заняться. Но, впрочем, как она хочет! «Только, пожалуйста, поосторожней с ак-

валангом, моя девочка, я очень беспокоюсь, пока ты в море».

Потом разговор перескакивал на музыку, архитектуру, литературу. Оказалось, они оба страстные поклонники Генделя, любят Гайдна и не очень жалуют Верди. Что «Пламенеющую готику» считают восхитительной и обязательно вместе должны снова увидеть Реймский собор. Но величайший драматург и поэт... О, тут вышла небольшая размолвка, плавно перешедшая в потасовку, а затем и в объятия.

– Шекспир! – Рикардо протягивал указующий перст с неумолимым выражением лица, – Макбет, Гроза, Гамлет и «Много шума»! Набитая морской травой подушка летела в Бьянку, словно пушечное ядро.

– Данте! Данте! Данте! – ответом был подушечный град, а под конец и матрац слетел с дивана на пол. Когда страсти немного улеглись, Бьянка подошла к столу, поправила волосы перед зеркалом и увидела на нём маленькую фотографию – планшет, закрывавшуюся как записная книжка.

– Её тут раньше не было. Это твоя?

– Да, – несколько растерявшись ответил молодой человек. Он сделал движение, чтобы выхватить у неё вещицу, но сдержался. Забыл, растяпа, вот идиот! Как уйти теперь от возможных вопросов, которые могут их далеко завести? Но опасения, так и хотелось уже сказать, как всегда, были напрасны. Бьянка всмотрелась в группу разновозрастных людей, стоящих и сидящих перед розовым особняком в костюмах явно лет на двадцать пять старше настоящего дня, и

уточнила.

– Парнишка с котёнком – это ты?

Рикардо кивнул. Девушка спокойно поставила фотографию на место, не проявив больше к ней никакого интереса, и заговорила о другом. Через полчаса Бьянка засобиралась назад, и Рикардо вышел на террасу упаковать её вещи. Тогда она, предварительно убедившись, что он её не видит, невозмутимо достала из сумки плоскую дигитальную камеру с отличным объективом и отщёлкала несколько кадров. Фотография на столе, вся группа крупным планом, Рикардо на фотографии ребёнком один. Получилось прекрасно, правда хвостик котёнка и одна белая лапка вылезли невзначай.

Рикардо проснулся часов в шесть утра, сделал хорошую пробежку, затем «десантный комплекс для второгодников», по выражению незабвенного командира части, и ещё поплавал с полчаса в утренней дивной воде. После этого он позавтракал, сварил себе крепчайший кофе по старинке на плитке... не любил всяких агрегатов, и с чувством выполненного долга растянулся на пляже в тени похожей на дельфина скалы. Солнце ещё не палило, а только ласково пригревало, ему стало даже прохладно, он набросил на себя красно-белое махровое большущее пляжное полотенце и незаметно под шелест волн задремал.

Сон был приятный – море, пестрые рыбы и омары, большие усатые омары. Ах, что это были за чудные усы! Длинные

и цветные словно веточки дрока. Вот один подплыл к нему совсем близко и стал его щекотать. «Фу, как щекотно! Эй, отстань!» Но омар не сдаётся, а журчит:

– Просыпайся! Просыпайся, ты, со-о-ня! – И... целует Рикардо.

Парень перевернулся на другой бок, пробормотал что-то вроде:

– Я тебе не омар, ты спутал». Но в ответ раздался такой громкий смех, что проснуться всё же пришлось. Бьянка сидела рядом, щекотала его травинкой и хохотала.

– Алессандро, что ты делаешь ночью? Алессандро! Признавайся, ты был с русалкой? На омара я не согласна. Променять меня на омара!

– Я уже, какой там омар, да погоди ты... Что? – парень сел и вытаращил глаза. Обрывки сновидений улетучились наконец, и он осознал, где он и кто рядом с ним. «Это она, но что она говорит? Алессандро? Значит, она узнала. Что же будет?» Всё это можно было явственно прочесть на его лице – смесь тревоги, стыда и боли, а потому Бьянка перестала смеяться. Она тихо сказала.

– Успокойся. Тебе не показалась, я сказала «Алессандро», но тебе нечего меня опасаться. Да, я знаю, кто ты... знаю, даже, как получилось, что ты должен сейчас скрываться. Я помогу тебе всем, чем можно, но мне надо знать всё – ты понял?

Рикардо – Алессандро хлопал своими замечательными за-

гнутыми ресницами и слушал. Затем он глубоко вздохнул и взял её за руку.

– Так ты из полиции? Послушай, мне наплевать. Я всё равно тебя люблю как дурак. Я просто невезучий осёл, я не буду от тебя убегать. Ты... ты можешь меня ещё раз поцеловать? А потом... тут кто-нибудь прячется, верно, чтобы меня повязать. Ну не пустили же они безоружную девушку против такого парня как я – боевого десантника да ещё с пистолетом, я не...

Но тут ему пришлось прерваться, потому что, если тебя целуют, то затруднительно держать речи. Пауза затянулась, Бьянка что-то шептала, тормозила его и наконец отпустила.

– Перестань болтать чепуху, и пойдём в дом. Какая полиция? Я тебе всё сейчас расскажу по порядку, а потом хочу и тебя послушать. Ты согласен?

– А что мне ещё остаётся? – Алекс обнял её и они заговорили вполголоса, поднимаясь по широким ступеням к деревянной террасе.

Она полюбила его тоже сразу безоглядно. Ей было совсем не до вопросов – они так подходили друг другу! Бьянка испытывала незамутнённое чувство доверие к Рикардо. Ни минуты не сомневалась она и в том, что он ее достоин! В самом деле, его итальянский был безупречен. Это был язык образованного человека, получившего и должное воспитание. Он держался тоже, как должно. Всё, что она видела и слышала, было тому порукой. Не приходилось сомневаться также, что

он от неё без ума. И пока она не увидела фотографии на столе...

– Понимаешь, мне пришло пару раз в голову, а вдруг ты не свободен? Но когда ты сказал, что не женат, я поверила. Всё, и точка.

– Но я правда...

– Подожди, не перебивай. Я ещё удивлялась, у тебя проскользнули два-три слова... Так говорят только здесь, на Искии. Но было сразу ясно, что ты из большого города и приезжий. И вдруг! На столике вижу фотографию, а там... – Бьянка замолчала, выжидательно посмотрела на молодого человека, и продолжила, – у нашего летнего дома в ФорИю стоишь ты... я тебя сразу узнала, лет десяти от роду рядом с моей собственной тётёй, а около тебя сидит в кресле дядя Карло Риццони. Это моя мама его так называла – дядя Карло. Ты мне честно сразу скажи, хоть я и сама точно знаю, дядя Карло – это твой папа? Ну отвечай, сейчас же!

Следующая пауза затянулась несколько дольше. Алекс не отпирался, и Бьянка смилостивилась.

– Дальше довольно просто. Ты ведь понимаешь, что такое у нас родство. Мы с тобой, конечно, десятая вода на киселе, и слава богу. Но моя бабушка и твой папа уже поближе, и у них были прекрасные отношения. Его история в своё время наделала много шума. Он был уже совсем зрелый человек, когда...

– Когда я появился на свет?

– Да, мой милый, получился скандал в благородном семействе. Мало того, что дядя Карло был коммунист. Он ещё так и не женился, как полагается порядочному католику. Ну вот, когда я показала это фото у себя дома, а я его тихонько щёлкнула – каюсь, мне рассказали всю историю подробно. И про маму парижанку, бросившую дядю Карло -дипломата, много лет проработавшего в Москве, с младенцем, и про то, что он давно умер, и ты потом совсем потерялся... Прости, если я тебе сделала больно. Ты молчишь?

«Мама – парижанка... О, Алекс не был сиротой, как Сима Неделько. Общительный, подвижный, ловкий музыкальный парень. Безупречный московский выговор, и в то же время эта экзотическая внешность... «латинос»? Нет, индус... А-а-а, впрочем, хрен с ним! Давай дружить! Как попал в наши палестины? Девчонкам это не так важно, когда парень так хорош собой. Ребятам в команде тоже важнее его отличный пасс. Вдобавок он играет на всём на свете. Поёт и...» У Алекса не было проблем.

– Но, стоп. Как же всё-таки попал? Ответ был на удивление прост.

– Что и говорить, они ни бельмеса не понимали про СССР, двое молодых социологов из Парижа. Они просто искренне увлеклись Россией. Это был лозунг, символ, знамя! А еще – их левые убеждения и петушиный задор, страна победившего пролетариата и интернационализм! Правда, пролетариат их трогал не очень. Но второе длинное слово... Внеш-

ность Франсуаз не оставляла никаких сомнений, что её родители не имели расовых предрассудков. Ну а Рене был сто-процентный француз.

Первым делом, взять вина, розмарину, и добавить сене-гальские ритмы, крутизну бедра, бровей, губы, виноград, прованского масла и чуть-чуть корицы с ванилью. Да, и следом, какао-масло! Получилось просто отлично. Дочка вышла – трюфелька с перцем.

Итак, они увлеклись Россией и, прежде всего, начали читать. Это были русские в переводах. Оказалось совсем не плохо. Затем они проглотили много романтической дребедени. Затем побывали на нескольких приёмах, где появлялись настоящие эмигранты. Эмигранты по убеждению. Старомодные динозавры, говорившие, между прочим, на великолепном, не обезображенном сленгом французском.

Они повесили у себя в гостиной портреты Плеханова, Троцкого и, почему-то, Адама Мицкевича и нередко забывали, кто там есть кто. С музыкой дело обстояло гораздо лучше. Наши социологи оба от души восхищались Рахманиновым и Стравинским, интересовались Прокофьевым и даже Шостаковичем. У них появились и свои знакомые «русские», а среди них дети «тех» эмигрантов. Эти были часто вполне французы.

Левые убеждения Рене и Франсуаз... Они были вовсе не коммунисты. А кто? Оба не особенно задумывались над этим. Уж скорее социалисты анархистского толка, совершен-

но честно занимавшиеся своей работой.

Когда их старшей дочери Софи стало лет восемь, увлечение Россией было в полном разгаре. Поэтому было решено учить язык, в чём все трое и преуспели. Но, особенно Софи, и вот почему. Рене и Франсуаз парадоксальным образом подружились с семьёй «русских» французов совсем иных убеждений. Глава семьи – владелец двух четырёхзвёздочных отелей и первоклассного магазина дамского платья, небольшого и фешенебельного, посетители которого никогда не путают существительное «шик» с наречием «шикарно», окончил Сорбонну и совершенствовался в управлении гостиничным делом в Англии. Его милая жена – пианистка, из тех, о ком говорят: «широко известная в узких кругах», девичью фамилию имела Лобанова-Ростовская и находилась с мужем в отдалённом родстве. У них уже было трое детей. Родители говорили дома на хорошем русском литературном языке и передали его детям.

Софи, способная и переимчивая, как пёстрый хохлатый пушистый попугайчик, заговорила быстро. Обрадованные Рене с Франсуаз пригласили ещё и учителя, и к десяти годам девочка стала свободно читать и писать на этом сложном языке с чужим алфавитом «кириллицей», бесконечным количеством флексий и беглым ударением.

Время шло, и однажды Рене заметил:

– У нашей девочки появился интеллектуальный капитал. Надо это не потерять. Будет ли она социологом, как мы...

– Она будет, кем захочет! – тут же отпарировала свободолюбивая Франсуаз.

– Подожди-подожди, у меня возник план. Софи, ты не хочешь поучиться за границей? – лукаво осведомился отец, хорошо зная характер своей девочки.

– Где, пап? Где? В Лондоне? Или лучше в Нью-Йорке? – запрыгала экспансивная Софи.

– Я предпочёл бы Москву, – засмеялся Рене.

– Что это ещё за фантазии! Она должна получить хорошее образование в Париже. – Не особенно последовательно возмутилась Франсуаз, доверяя в этом вопросе, как и во многих других больше родному очагу, чем левым трескучим косякам.

– А она и получит. Послушай, моя радость, – повернулся он к ней. – Софи ещё так молода. Пускай поедет! Ты представь себе, она увидит совсем новый мир. Её русский станет там безупречным, её убеждения...

– Ах, папочка, меня совсем не интересует твой социализм! – девушка скорчила смешную гримаску и забарабанила пальцами по столу.

– Девочка, если ты когда-нибудь вздумаешь всё же заняться социологией, или переводом, или журналистикой, тебе очень пригодятся такие редкие знания и опыт.

– А я знаю, что хочу делать. Я! Буду! Создавать! Новые духи!

– Очень хорошо, малыш, – неожиданно поддержала мужа

Франсуаз. – Тогда ты можешь окончить там химический факультет.

– Но это скорее органическая химия или биохимия, – засомневался Рене.

– Пусть так. А потом вернёшься и поступишь в Сорбонну. Слава богу, Деньги у нас есть. И дедушка недавно перевёл на твоё образование солидную сумму, – закончила свою мысль мама.

– Родители, не хотите ли вы оба поскорее сбыть меня с рук, чтобы без помехи заняться своим любимым Луи? – Софи принялась тискать маленького брата, сделала печальную рожицу и добавила трагическим тоном. – Просто меня никто не любит в этом доме! И поэтому я уеду. Не волнуйтесь. И очень скоро.

– Нет, дорогая. Всё это глупости. Ну как это мы расстанемся? Пофантазировали и хватит. Давайте ужинать, уже восемь, – Франсуаз поцеловала дочку и встала, чтобы завершить разговор.

Софи уехала через год, предвкушая новые приключения. Она, как нередко случается со взрослыми детьми, была не прочь пожить без присмотра. Молоденькая, светло-шоколадная парижанка поступила в Москве в Университет имени Патриса Лумумбы и влилась в стройные ряды «учащейся молодёжи, устремившейся к сияющим вершинам знаний под мудрым и неусыпным оком партии большевиков».

Начиналось для Софи всё отлично. Она с искренним ин-

тересом приступила к своей учёбе. В общежитии тоже было сносно... весело и занятно. Советские будни, «ненавязчивый сервис» и привычное хамство воспринимались как пролетарская строгость. По-спартански сурово – не беда! Но не скучно. Через полгода хороший русский молодой парижанки превратился в просто отличный. Очень способная, музыкальная и живая, она усвоила интонацию, переняла студенческий жаргон и болтала, когда надо, без умолку о чём угодно, не испытывая никаких затруднений даже с твёрдым раскатистым «р-р-р», даже с буквой «ы», не иначе, как придуманной Малютой Скуратовым на погибель врагам престола. Она уже играла в студенческом оркестре на кларнете, а также пела, не без успеха подражая Мистенгет. Пришла весна. Она оказалась в этом городе неожиданно тёплой, солнечной, ясной, с голубым ярким небом, с тополями в серёжках. Французы, которых было вовсе не много, конечно, бегали в своё посольство на вечера, узнать новости, посмотреть кино, потанцевать. А в этот раз ребята из «Патриса Лумумбы» давали концерт. Софи пела и имела успех. Военный атташе, охотно кокетничавший с ней при встрече, подвёл к студентке синеглазого брюнета с заметной проседью и сказал:

– Мой друг и коллега, дипломат из Италии просил, чтобы я Вам его представил. Он Ваш поклонник и хотел бы пригласить Вас как-нибудь спеть к итальянцам.

Они танцевали вместе весь вечер, он отвёз её домой на прекрасной машине цвета кофе со сливками на зависть по-

дружкам, и скоро роман разгорелся, как костёр на ветру. Он лет на двадцать старше? Даже больше... Ну и что! Прекрасно воспитан, всегда с цветами для Софи и с презентом, влюблённый и готовый к услугам.

Приближались каникулы, она сдала сессию на отлично и с чистой совестью собралась отдохнуть. Было решено, что она слетает в Париж, потом с родителями проведёт недельку в Ницце и отправиться в Рим, где ждут с отчётом его. Ну а затем они решат, как им быть. Можно – к морю. Можно на Апеннины или к нему на родину, как он сказал – на вулкан! А можно просто поколесить по стране.

И получилось! Всё тогда удалось! Они ни разу не поссорились по пути. Волшебная погода превратила каникулы для Софи в сказку. Пьянящая красота Италии, пьянящее чувство быть так любимой, пьянящая возможность исполнения желаний... Однако к сентябрю пришлось, увы, отрезветь, и как...

Она убедилась, что беременна, растерялась и разозлилась. Ещё не поздно, решила она, и побежала тут же к врачу. Но это была не Франция! Всё оказалось безумно сложно, унижительно, невозможно! Ах, она не замужем? Они немедленно сообщат в университет. Они должны. Должны! Вы подумайте... выяснить, кто отец?

А тут ещё взрослый, влюблённый не на шутку «отец» принялся умолять. О как они будут счастливы вдвоём, нет, втроём! У них... нет, у него есть всё, чтобы содержать семью. Они

поженятся сейчас же и... И она смалодушничала, конечно.

Хорошо, пусть о «поженятся» не может быть и речи, это Софи поняла, когда... «Действительно, а когда?» Когда осознала вдруг, что просто хочет домой, что возлюбленный, который на два десятка лет старше тебя – это лестно, надёжно, это... это слишком серьёзно для неё, юной озорной попрыгунки!

«Замуж не хочу – баста! Баста! Господи, что же делать? Лететь в Париж и делать аборт тоже не хочу – мама очень испугается. Так что? Пройти эти круги ада здесь?»

Словом, сложилось так, что Алекс появился на свет. Софи переехала было вместе с ребёнком к «отцу» – теперь она называла его только так, но у неё быстро пропало молоко. «Отец» нашел няню, нашел и кормилицу. Она сообразила, что они справятся. И тогда...

Софи говорила – ей надо заниматься. Она устала, издергалась. Ей надо сменить обстановку. И старалась улизнуть скорее к ребятам, ночевать почаще в общежитии!

Началась дождливая холодная осень, и всё стало окончательно ясно. Софи соскучилась, безумно соскучилась и больше ждать не хотела. Париж зазвучал в ней неожиданно сильно, как звучит флажолет, отвечая на взятый гитарный аккорд. Огромный неуютный и БЕСприятный город, такой чужой, даже враждебный зимой – осточертел. Но главное, она совсем остыла к «отцу». Ей был не нужен нежданный, нежеланный ребёнок и, без сомнения, это «он» во всём виноват.

Он её уговорил! Он запугал её, что никогда вообще не будет детей! Пускай расхлёбывает теперь, тем более по этим их советским законам всё равно не дадут малыша увезти в Париж, так не оставаться же здесь жить насовсем? И пусть она – безответственная бестолочь, пусть! Пусть раньше надо было думать. Ну что ж! Ей еще не и двадцати, и если кто-то из них ДОЛЖЕН был думать, то «он». И потому своим папе и маме она просто ничего не сказала.

Когда Софи, оформив наскоро документы и купив на всю оставшуюся наличность бесчисленное множество детских вещичек в магазине «Берёзка», наскоро поцеловала Алекса и «отца», села в самолёт и через несколько часов приземлилась в «Орли», малышу исполнилось ровно пять месяцев и одиннадцать дней...

Алекс, тряхнул головой. Однажды он решил не касаться этого больше и не рассказывать никому, ни одной душе. Об Искии, об отце... вот и Володьке не рассказал... И что теперь?

Он, который, казалось, был готов ко всему, бесспорно, остолбенел. Однако, это ведь, к несчастью, не всё. Она ж сказала:

– Ты скрываешься», да? – Бьянка, по-своему истолковав его молчание, снова заговорила. – Конечно, больно, я понимаю. Ты приезжал сюда в детстве каждый год, это тоже твоя родная земля. Ты хотел бы наверняка вернуться сюда как по-

бедитель, как и подобает потомку славного рода, а тебе не повезло и продолжает пока не везти. Но подожди. Всё ещё переменится, я уверена...

– Ох, это ты подожди. Скажи, ты знаешь, что со мной случилось потом?

– Мой дорогой, кое-что мне известно, но, не до конца. Видишь ли, всё моё семейство зажужжало, как улей, как проведало, что ты тут и я встречаюсь с тобой. Я должна ещё тебе признаться, что мой дядя в Неаполе известный юрист. Он навёл справки и разведал, что мог.

– Нет, ты мне объясни, как ты не испугалась? Они тебе, без сомнения, сказали, что я бандит и в человека стрелял?

– Во-первых, они знают много больше, чем ты думаешь. А во-вторых, моя прабабка была женой генуэзского пирата. Я думаю, кровь сказывается, что тут удивительного?

– Черт знает что! Не только папа – бандит, но и у мамы есть пираты в роду! Да что у нас за дети будут тогда? – возмутился Алекс. Но загорелые руки сначала зажали ему рот, затем обвинили его шею и начали гладить мощные мускулистые плечи. Шелковистые чёрные волосы, пахнущие морем и цветами лимона закрыли от него солнечные лучи, а любимый голос сказал:

– У нас будут самые лучшие дети на свете, я тебе обещаю. От настоящей любви просто не бывает других!

Дорога от Лукашки на выселки Телячье давала крюк. Сытая лошадка, впряжённая в телегу, завернула за скотомогильник и потрусила по привычному следу. Дядя Яшка и тётка Люба Тугие щёлкали подсолнухи, сидя на сене, вели неспешно беседу и глядели на вечернюю зорю. Закат уже окрасил небо, и верхушки деревьев запылали на горизонте. Белый крупный пёс с жёлтыми подпалинами чистых дворянских кровей поспешал за лошадкой, иногда, правда, отвлекаясь. Уткнув чёрный влажный нос в землю, он делал короткие рейды, чтобы разобраться на месте, что за норка на пути повстречалась, или обследовать свежий след зайца. Дорога впереди раздваивалась как буква «у» – одна ветка уходила через карьер на райцентр, другая вела прямо к дяди Яшиной избе. Яшка с Любой расторговались и направлялись домой. Они возили в соседние деревни дачникам молоко, творог и яйца, и те тоже не оставались в долгу – всегда можно договориться, и привезут из города, что нужно. Дома поджидал старший сын, бессемейный немой и кроткий столяр и плотник Коля. На возу лежали буханки хлеба, колбаса, конфеты и сушки.

Прошло ещё четверть часа. Дядя Яшка соскочил на землю размять ноги и пошёл рядом, когда Люба, оглянувшись, спросила:

– Яш, ты Белку не видел? Трусила то впереди, то за нами. И сгинула куда-то.

– Найдётся, куда она денется, твоя любимица, – махнул он рукой и хотел снова забраться на воз.

– Дурная она, за нами опять увязалась, охотиться норovit за птенцами, слётков ловит. А дома щенок. Кто его будет кормить? Вот вчера за Дружком усвистала, малой пи-и-ишшит и... постой, Яша, она лает, слышишь? И скулит, да как-то неладно. Ну-ка давай посмотрим, может с ней, и правда, стряслось что, лапу, к примеру, повредила?

Яша недовольно скривился, но послушно гаркнул: «Тпру-у» и, бросив на ходу: «Погодь, я щас», свернул с дороги в кусты. Несколько минут раздавался треск веток, собака залилась ещё громче. Потом тётка Любаша услышала свист, ругань и снова лай.

– Любка, привяжи Серого и давай сюды, да рогожу возьми.

Кирилл лежал на боку, из его груди вырывалось слабое хриплое дыхание. Он пробыл на холодной сырой земле День и целую ночь, его рана загноилась, вокруг разлилась нехорошая краснота. Он бредил, и его лихорадочно блестящие глаза, верно, видели вовсе не двоих крестьян с добродушной заполошной собакой, потому что он всё время твердил:

– Я не нашёл, я даже не знаю – что, почему ты от меня не отстанешь? У меня дочь! Отзы-ы-нь, Пан, сволочь! – вскрикнул он, и попробовал приподняться, но вовремя подоспевший Яша сильными руками удержал Кирилла на месте. Вместе с женой они положили раненого на рогожу и понесли к

телеге.

Дома, посоветовавшись, Тугие решили утром ехать и просить дачников позвонить в больницу, а пока, помочь, чем сумеют. Тётя Люба продезинфицировала и перевязала рану и начала его поить одной ей известным снадобьем. Раненый весь пылал и опять бредил, но на этот раз уже было не разобрать, что он нёс.

Утром, однако, как это нередко бывает, ему временно полегчало. Он вспомнил, что случилось, понял, где он есть, и умолял никому ничего не сообщать. Он благодарил дядю Яшу, тётке Любе поцеловал её не обученную таким нежностям руку, а потом снова впал в беспамятство до следующего утра. Но Любу Тугую, родившую пятеро детей, испугать было не так легко. Он отписала пасечнику письмишко и послала к нему за свежим прополисом сына, велела мужу истопить как следует баню и стала пользоваться болящего по-своему.

И всё же, несмотря на уход, покой, травы, мёдолечение и зверобой добрая неделя прошла, пока он начал просто вставать. Ещё дня три потребовалось, чтобы перестала кружиться голова и он немного окреп. И, наконец, расцеловав Тугих и смастерив им антенну для телека, Кирилл Бисер, переоделься в раздобытые тётей Любой шмотки и уселся с мужской половиной семейства на всё ту же телегу. Они двинулись в объезд мимо райцентра к пригородному шоссе, где Кирилл стал ловить попутку. Он остановил грузовичок, везущий торф, и тот довёз его до Голутвина, откуда Бисер подумал-подумал,

и решил на электричке не ехать. Он сел на автобус, затем на другой и так добрался до кольцевой. Через несколько часов след Бисера Кирилл Игнатьевича, гражданина ФРГ, жителя города Мюнхена затерялся в огромном городе, где он родился почти полвека назад, и растаял в тумане.

Базар кипел и переливался всеми цветами спектра. Запахи тоже витали такие, что аппетит у Кати разыгрался всерьёз. Следовало купить овощей, лука, укропа и, пожалуй, корейской морковки. На дачу не стоит тащить этот провиант, но сегодня и перед работой надо поесть, а потом видно будет.

– Синенькие! Берите, даром отдаю! Гладенькие, сладенькие! – голосила полная румяная тётка. Катя протиснулась к прилавку и вдруг сзади кто-то толкнул её под локоть. Она слегка пошатнулась, сделала неловко шагок вбок и на этот раз чуть не упала – прямо под ноги ей склонился мужчина, поднял клеёнчатый блестящий кошелёчек и забубнил хриплым баском.

– Девушка, осторожно. Ударились? Смотрите, вы что-то уронили! Он распрямился. Катя увидела лицо, обросшее седоватой бородкой, но без усов. Его глаза закрывали большие дымчатые очки, на голову до бровей была натянута синяя вязанная шапочка-менингитка. Клетчатая ковбойка, синие рабочие штаны и такая же куртка дополняли скромный неприметный наряд.

– Нет, ничего, – рассеяно сказала Катя, занятая своим. –

Но вы ошиблись. Кошелёчек, наверно, кто-то другой...

Закончить фразу ей не пришлось. Мужчина поднял руку, поскреб затылок, дёрнул себя за мочку уха и вдруг приподнял очки. Небо было с утра чистым и ярко синим, и от того глаза пристально и серьёзно глянувшие на Катю, сделались такого же цвета. Катя осеклась, замолчала, а мужчина, не сказав больше ни слова, вложил кошелёк в её руку, повернулся, и смешался с толпой.

– Здравствуйте, будьте добры Анатолия Александровича... Да, спасибо. Что? Это очень, очень срочно! Его спрашивает доктор Сарьян, то есть, я хотела сказать... ах нет, неважно, он поймёт. Толя, здравствуй. Мне необходимо тебе что-то сообщить как можно скорей и совершенно конфиденциально... Да, ужасно волнуюсь, а ещё боюсь сделать неверный шаг, ты меня понимаешь? Да, конечно, знаю. Куда потом? Ещё раз повтори, я записываю. Через три четверти часа... Хорошо, побежала, мне же на метро, а то не успею. Ну, до встречи.

Глава 38

Свернуть с дорожки, спрятаться среди густых зарослей и дожждаться закрытия парка было совсем не трудно. И теперь ей было удобно наблюдать из глубокой ложбины, закрытой со всех сторон. Предусмотрительно захваченная с

собой упругая походная пятнистая подушка оказалась донельзя кстати. Плоская фляжка с лимонадом и бутерброды тоже помогали скоротать время. И Бьянка, к собственному удивлению, не заметила, как пролетело полтора часа. Сверху было прекрасно видно, как закрыли кафе на склоне. Оттуда слышалась музыка композитора, создателя этого парка, потом последние посетители понемногу исчезли, облицованные изразцами столики опустели. Официантка и хозяин поболтали немного, распрощались, зазвенели ключами и скрылись за фигурными воротами. Садовник и помощники прошагали по аллеям, окликая припозднившихся гуляющих. Залаяла собака, захныкал малыш и парочка туристов корейцев, сделав несколько снимков напоследок, извинившись, поспешила на выход.

Девушка видела, как зритель со своими людьми выкурили по сигарете, до неё доносились их голоса, а потом они уселись в машины, заурчали моторы, и шоссе опустело. Она осталась одна. Теперь пришла пора действовать.

Она уговорила Алессандро, что ничем не рискует. Но все же сказать, что она сейчас вообще не волнуется... Ну хорошо, скорей, скоро стемнеет.

Парк «Ла мортелла» лежал перед нею. Он спускался по склону горы террасами вниз и, глядя на разнообразие его чарующей флоры, разбегались глаза. Бьянка быстро пробиралась между тропическими оазисами, уголками камелий, юкки, пальм, агавы и кедров. Она на минутку задержалась пе-

ред прекрасной розовой орхидеей и побежала дальше по мощенными лавой Везувия дорожкам.

Водоём с огромными листьями Виктория Регия, водопад, – так, вот и он – каскад Крокодила. Всюду звенели источники. Роднички струились по диким камням, разбивались на тысячи брызг и играли в лучах заходящего солнца. Огромный папоротник зелёным кружевным веером осенял тут водное ложе, на котором на плотном ковре из листьев лежали соцветия синих водяных лилий. А по камням по направлению к воде полз крокодил. Было бы немного темнее, почему не решить, что настоящий?

Алекс рассказал ей тогда всё по порядку. В табакерке этот Анджей оставил указания. В одной из плотно свёрнутых бумажек было сказано, что надо в «Ла Мортела» искать, и прилагался маршрут. По её мнению, «клад» можно было довольно просто найти. Она немного поборолась и искушением сразу всё рассказать своим, но рассудила, что ещё рановато. Да и любопытство и исследовательский раж подталкивали вперёд.

Что за чудесный всё-таки парк! Цветёт двенадцать месяцев в году, создан на голом месте после извержения вулкана Эпомео, с такой любовью и фантазией украшен парковой скульптурой! Но даже не это самое лучшее тут, самое необыкновенное...

– О, я почти на месте, – оборвала себя Бьянка.

Прямо перед ней журчал фонтан «Солнце», обозначен-

ный на наброске. Господи, теперь она начала волноваться по-настоящему. Что там лежит? Почему они об этом совершенно не думали в последнее время? Хорошо, её же никто не торопит! Ей ничто не грозит, ни одна собака не знает, что она тут, собственно, ищет. Да, в этом всё дело. Бьянка уселась на корточках перед фонтаном и постаралась взять себя в руки.

«Сосредоточься, – велела она себе, – ты ещё не бывала в таких переделках. Итак, что он сказал? Анджей прошептал перед смертью, что в замке – выкуп для Алекса! Что ж, он правда, спрятал там изумруды. А вот дальше он велел постараться. Для него, для старика... и странно даже, только он сказал – для потомства. «Собери и сложи. Найди ключ для Януса!» Человек сказал так и умер. Значит надо сделать, что в наших силах. Ничего, я уже не боюсь. Теперь можно себе признаться, мне казалось, уж не ловушка ли это, и я хотела себя послушать. Внутренний голос в этом парке любви – моей любви, любви этих людей! Нет, я найду, открою, посмотрю, что там есть, а потом додумаю до конца.»

Бьянка встала, подошла к фонтану и наклонилась. К её искреннему удивлению, она быстро нащупала под его основанием там, куда не достигала вода, плоский предмет. Теперь оставалась обратиться поскорее из парка, пока сторож не затеет вечерний обход. Она снова побежала по безлюдным дорожкам, но на этот раз уже вверх. Старый кедр словно нарочно разместился рядом с оградой и протянул вперёд толстый сук. Бьянка ловко вскарабкалась на него, бросила свой рюкзак

наружу, потом перебралась по ветке сама и легко спрыгнула вниз. Десять минут быстрого шага, и вот она уже уселась за руль, включила зажигание и вскоре скрылась за поворотом.

На следующее утро девушка отправилась завершить начатое дело. Предстояло выполнить вторую часть задачи.

«Мама всегда говорила, что я водяная. Я так люблю нырять. Для меня это не работа!» – твердила себе Бьянка, топясь оттолкнуть небольшой моторный катер от берега.

Она уже погрузила акваланг и водолазный костюм. Теперь осталось завести мотор и проплыть немного – метров семьсот, но тут была в море впадина и настоящая глубина, где она не раз находила интересные глубоководные формы, часто ныряла и хорошо знала дно. Скалы подходили к воде почти отвесно. Желтовато-серый цвет камня смягчал лишайник, кое-где умудрившийся зацепиться за неприветливые своды пещеры. Солнце не проникало в неё, и вода казалась чёрной как ночь.

«Пещера Волшебника! Интересно, знал этот Синица, где он прячет свои загадки? Быть не может, чтоб он это делал сам. Значит, нашел помощника – романтика. А потому тем интересней... Ну, вперёд!»

Она перевесилась через борт спиной к воде, антрацитовый костюм с белым треугольником на груди блеснул на

свету, затем в воздухе мелькнули стройные ноги в ластах и Бьянка свечкой ушла на дно.

Вода была очень прозрачной, и она привычно осмотрелась. Здесь когда-то разбилась яхта о камни, и плотный слой морских организмов облюбывал и обжил её. Острые, как бритва, зубчатые ракушки «собачьи клычки» покрывали дно судна. Надо было соблюдать осторожность. Они могут поцарапать и ранить, да к тому же ядовиты. Она невольно поёжилась. Подводные царапины, обычно, безболезненны. Море не знает разницы между водой и кровью. Но эти – совсем другое дело.

Группа изящных серебристо-золотых рыбок с алыми жабрами промелькнула и скрылась. Большой голубой зубан с сердитым ртом и враждебными глазами не спеша подплыл к девушке совсем близко и остановился, трепеща плавниками. Склон уходил круто под уклон. Лениво пульсируя, мимо протекали прозрачные медузы и угольно-чёрные рыбки разрывали их в мелкие клочья. Она сунула голову в грот – испуганные рыбки сбились в кучу и прижались к стенкам. Маленькие пещерки пестрели асцидиями и гидроцитами. Целый микромир жил своей интенсивной жизнью в каждой крошечной расщелине: крохотные волосатые крабы, пёстрые моллюски, водяные черви... Прямо перед ней впереди тянулось что-то вроде оврага, склоны которого были покрыты тёмно-зелёным тинообразным слоем. На них сидели чёрные морские ежи и мелкие, напоминающие цветы, белые во-

доросли. Тут же паслась рыбная молодь. Среди камней плыла стайка морских саргов. Весь свод грота был усеян омарами на тонких ножках. Их головы и усы были обращены в сторону входа.

Вот она и у цели. В самом конце подводной ниши лежал камень, не заметить который было нельзя. Он тоже оброс, но не очень толстым слоем. Однако дело было в другом.

Тяжелая цепь с замком двумя большими витками уходила о него вниз.

«Опять я быстро нашла. Только вот замок! И что теперь – нужен ключ?»

Действительно, во второй «сигарете» был подробно описан подводный грот. Ясно сказано – в конце камень, а на нём цепь. Бьянка подплыла к «объекту» вплотную и ощупала его. Камень был величиной с голову большой собаки с выемкой вроде ручки.

«А, ну теперь понятно!»

Камень этот был достаточно тяжёл, чтобы плотно сидеть на грунте, там, где разве извержение вулкана могло его сдвинуть с места. Даже сильный шторм не мог достичь грота в пещере. Ржавая цепь наподобие тех, что используют для рыбацких лодок, выделяла его из прочих. Она просто висела, скрепленная замком.

«А может «клад» – сам этот замок? Тогда мне его не отвинтить... Попробовать подёргать? Нет, я сперва поищу внизу.» – Бьянка начала раскачивать камень, но он не под-

давался. Бесстрашный зубан, обнаглевший от любопытства, наблюдал бесстрастно её усилия. – «Вот я сейчас найду что-нибудь, а рыба откроет рот – проглотит и уплывёт!»

Камень качнулся и сдвинулся, крошечные рыбёшки брызнули из-под него во все стороны, Бьянка от неожиданности отлетела назад, возмущённый зубан сердито отплыл.

Никаких замков и прочих загадок! Плоский предмет, совершенно такой, как в «Ла Мортелла» опять лежал перед ней. Бьянка схватила «это» и, немедля, ни минуты бросилась прочь.

Спустя несколько часов она сидела в домике Джованни, укутанная пледом. Её знобило, горло болело, и голос сел. На обратном пути дул сильный мистраль, и она простудилась. Алекс кормил её и поил. Он не спросил даже, что она нашла и где добыча. Пока Бьянки не было, он не находил себе места и нещадно себя ругал, что согласился на её уговоры. Только боязнь её подвести, если выяснится, что она ему помогает, удержала парня на месте.

– Слушай, я могу толком только шептать. Всё прошло без сучка – без задоринки, и я добыла две... Ты сейчас увидишь. Я не стала без тебя открывать, но умираю от любопытства, как мой зубан, – девушка благодарно поцеловала его в щеку и показала на свою сумку. – Достань оттуда. Давай посмотрим!

– Твой кто? Какой зубан? У тебя температура, давай я тебя уложу, завтра поглядим. Чёрт со всем этим! Надо вызвать

врача, я...

– Прекрати немедленно паниковать! Орать не могу, и горло болит, но если не ты, тогда я сама! А про зубана я потом расскажу.

Алекс замахал руками и покорно двинулся, куда было велено. Он открыл сумку, достал из неё плотный пакет и извлёк из него две круглые плоские штуки совершенно одинакового размера и цвета. Это были коробочки для сувениров, для мелкой бижутерии или подобных вещей, каких много продают повсюду в любой стране. Он протянул их Бьянке, и дрожащими пальцами она с трудом открыла одну из них. На мягкой подкладке лежал только кусочек металла причудливой формы. Вторая последовала за первой – в ней оказались ещё два брусочка. Цветом они напоминали засахарившийся липовый и гречишный мёд.

– У нас с тобой, наверно, сейчас довольно глупый вид. Признайся, мы оба ожидали каких-нибудь сокровищ Алибабы, а это... Да, а что это, вообще-то, такое? Об этом было сказано – собери?

– Чёрт его знает, я рад, что там больших никаких драгоценностей нет. Мне теперь хочется только выпутаться поскорей. Он сказал и написал: «найди ключ от «Януса» и собери!»

– А мне страшно интересно. Нет ли тут ещё чего-нибудь? Она снова закрыла крышки и перевернула безделушки вверх дном. На доньшке были процарапаны буквы. Алекс их

однажды ей показал. У неё прекрасная зрительная память, и она тотчас всё поняла.

—

С И Н И Ц А – сказал Алекс, – это слово звучит.

«Композитора звали Вильям Уолтон, его жену – Сьюзен, архитектора – Расселл Пейдж. Сразу столько имён. Почему она думает и о них? Не потому ли, что это имя человека, странным образом подарившего ей её любовь, а композитор подарил своей жене этот парк...»

Девушка повернулась к Алексу, безучастно разглядывающему пол под ногами.

– Я ощущаю это как вызов. Мы соберём, я обещаю. По крайней мере, мы попытаемся! – прошептала она.

– Бьянка, упрямая девчонка, немедленно марш домой! Можешь своего непутёвого музыканта... да, да, сына Карло, Алессандро заодно привести. Вернее, не можешь, а должна! Я совершу для тебя должностное преступление и расскажу, куда он вляпался, этот болван. Да и ты, моя дорогая племянница, да! Ты тоже, вот именно! Как не веришь, что я раскрою служебные секреты? Ты как разговариваешь с дядей? И за парня боишься? Так, так... Ну вот что: никому не нужен твой мальчишка. Уже выяснилось окончательно, можешь не волноваться. А про секреты... правильно не веришь. Но наши коллеги из Германии уполномочили меня совершенно официально тебе кое-что сообщить. Ах и тебе есть что рас-

сказать? Ну приезжайте скорей. Надо же наши... э... семейные дела наконец обсудить. Папа и мама хотят познакомиться с... да что там, нечего не поделаешь, хотят познакомиться с женихом, говорю!

Глава 39

– Бисер! Кирюха, дружище, живой! Ну ты гигант, а маскарад, маскарад какой! Ладно, сногшибательная история. Мы теперь сделаем так. Поживите вы все на даче!

Мордвин, узнав от Кати о появлении пропавшего Кирилла, быстро все организовал. Тот поджидал известий в назначенный час в затрапезной забегаловке в закоулке у Курского вокзала. Толин человек подсел к нему, спросил кружку пива, обменялся несколькими словами и ушел. Спустя некоторое время вышел и Кирилл. Все трое – Анатолий Александрович, Катя и Кирилл встретились дома у Мордвина.

– А не опасно? Вероятно, за всеми нами следят, за всей «цепочкой»? Может даже в особенности за мной, как за Петькиной мамой. Значит и за моей дачей... – заволновалась Катя.

– Не спорю, вполне возможно. Но информации у меня теперь больше. А через недельку я уже вам кое-что смогу сказать. И потом по поводу безопасности – я этим сам займусь. Передохните сначала все, опомнитесь. Кира, какие твои планы? Ты всё собрал? – спросил полковник.

– Всё, что было оставлено, теперь у меня. Я получил у Лиды остальное, это текст, карта – вторая половина, и две странные фразы. Правда, не до них пока... Я тебе это всё скопирую и оставлю, пусть будет ещё у одного человека. Знаешь, этот тип, что меня бутылкой трахнул, я его и не видел. Только он, видно, куртку мою стащил. Но документы были за пазухой, не то пиши пропало! Я же уже учёный – завёл внутри кармашек.

– Подумать только! Ты же лежал в кустах, и шел дождь! А бумаги уцелели... Кто это был, что хотел... Но ты про планы ничего не сказал, – напомнила Катя.

– Планы? Мне надо ехать искать! Давайте все посоветуемся. Я взял бы Петьку с собой, как хотел до этого дурацкого нападения. Я себе слово дал, что вытрясу из него дурь. Север для этого как раз годится, если это только для парня не слишком опасно.

– Толя, вот ещё что. Пока меня старики раздевали, рубашку на мне разрезали и лечили... Я сказал – всё при мне. Всё же не совсем. Кусочек карты разлезся, эти самые фразы теперь толком не прочесть. Смотрите. Тут написано: статуэтка «Янус», она же – «Римский заказ». Дальше стоит вроде: «Дом – Дереводом», город Росто... и этот план. А следом по-немецки, но почерк уже не разобрать.

На листке бумаги подробно по всем правилам топографии был нарисован план городской площади, на котором один дом отмечен большим крестом.

– Кира, а где деревья? Ну, эти – дерево, дерево... – спросила Катя.

– Да, план как план, карты я, слава богу, читать умею. Но зелёных насаждений тут что-то нет... – заметил Мордвин.

– Не знаю, ребята. Нам всё равно сначала на Север надо. Об этой истории про статуэтку немного есть в дневнике. Старик военврач, Михаил, тот самый...

– Понятно, Кир, мы помним.

– Так вот, он встретил во время войны своего родственника, который ему рассказал о их семейных сокровищах. Насколько я помню... Надо посмотреть, я чувствую, удар по кумполу не прошёл даром. По-моему, того звали Бенедикт и он скоро умер.

– Не беспокойся, у меня есть очень надёжный мужик. Это мой старый знакомый по службе. Так случилось, что все нити этого дела идут через него. Он вас будет охранять. А я ему тоже подкину теперь немного топлива – знай наших!

– Как его зовут, конечно, не скажешь?

– А ты как думаешь? Могу только имя уменьшительное назвать, оно смешное. Это не кличка, не оперативная фамилия, эту и я бы не знал. Словом, его зовут Рэм.

– И вовсе не смешное, скорее грозное – Революция, Электрификация, Марксизм! – улыбнулась Катя.

– Ничего подобного, но не гадай – всё равно не расколуюсь.

– Не-е-е Катёна, это не интересно. Да и из моды вышло. А вот я попробую, – оживился Кирилл, – Редкая, Экзотиче-

ская.... Медуза... ли ещё можно – Макака! Не нравится? Тогда – Муха.

– Как там у классика, кто-нибудь может точно сказать? «Муха по полю пошла...» – улыбнулась Катя.

– Муха Денежку нашла! – закончил благодушно Мордвин.

– Лизок, ты должна спать побольше. И есть, конечно. Петька сегодня с утра к фермеру съездил и молока, и творог привёз. Старается. паршивец, реабилитироваться после безобразной истории в аэропорту. Хочешь, я тебе сырников напеку? От тебя из-за всех наших фамильных историй только одни глаза остались.

Катя и Лиза не спеша шли вдоль загородного шоссе, уходящего дугой за невысокий холм. На дороге было совершенно пустынно. Запах цветущего жасмина и резкий аромат спиреи сменились горьковатым дымком тлеющих листьев. Дачники возились на грядках или холили клумбы. Было прохладно, и в окрестных домах нередко топили. За высокими заборами нуворишей лаяли собаки, и Катя, не отличавшаяся хорошей зрительной памятью, не узнавала с детства искоженных дачных привычных улиц в этих «пагодах» и чудных дурацких хоромах. Лиза держала Катю за руку. Она была в Катиных белых джинсах и голубом свитере. Её каштановые волосы отливали медью, если солнце выползло из тучи. Серые глаза стали больше. Меж бровями залегла морщинка.

– До чего похожа на Сашку. Нос, веснушки, эти скулы и

голос... Но глаза? Если бы я не знала... Да ерунда. А хорошо, всё-таки иметь дочку!» – Катя искоса поглядела на Лизу и сжала её холодные пальцы. – «Ты чего молчишь, замёрзла? Может пойдём домой? Ты уже нагулялась?»

– Тётя Катя, Вы не сочтёте меня бестактной душой? Я Вас хочу спросить. Ох, Вы, наверное, скажете – лучше папу. А он сам не сказал. То есть он... А я, я стесняюсь. Но не могу! Это не даёт мне покоя.

Нос у Лизы страдальчески сморщился, а глаза потемнели как озеро перед грозой.

– Ты, что, заяц? Детка, да что такое? – Катины брови взлетели вверх. Она было повернулась к Лизе и ласково коснулась её щеки, как вдруг несколько отстранилась. – Я готова с тобой поговорить, о чём захочешь. Но, конечно, без красочных деталей из нашей личной жизни – моей, Киры и Саше. Лиза замотала головой. Потом сцепила пальцы и умоляюще поглядела на Катю.

– Я просто хочу знать, что случилось в горах, – еле слышно прошелестела она.

– Что ж, слушай. Я начну издалёка, чтобы стало понятней, – помолчав, негромко сказала Катя. – Мы с четырнадцати лет ходили в походы. Всё было серьёзно и спортивно поставлено. Зимой лыжные сборы. Зимний лагерь, занятия по группам. По утрам после завтрака эти группы уходили каждая со своим командиром на маршруты. Назначался, между прочим, контрольный срок, когда все должны быть на базе.

Через полчаса после срока старшие выходили группу искать. По вечерам – теория, занятия по чтению карты. Представь себе: зимние каникулы, лес, домик в лесу, за окном мороз и позёмка. Никаких тебе телефонов. Мы ходили по карте с компасом. Это называлось – по азимуту. Отправлялись надолго. Поэтому брали с собой бутерброды и чайник. Разводили на снегу костёр. Не так это просто – на снегу чайник вскипятить. Особенно если градусов двадцать с ветром. Вот бежим, бывало, на лыжах. И такой отчаянный холод! У девочек, у кого косы, волосы индевели. Понимаешь, ресницы и косы белые! Ну вот, пока движешься – тепло. Жарко даже. Но стоит остановиться, как влажная штормовка стекленет. Все это мы делали сами, без взрослых. Сейчас, как подумаешь, могло всякое случиться. Но на моей памяти даже никто не болел! У нас был совет командиров. Система дежурств. Готовили сами. Вечерком, конечно, и пели, и играли. Изредка танцевали. Это я все про каникулы. И после них мы ходили тоже. Это называлось «воскресные выходы». Ещё были соревнования – такие «слёты». Господи, слова уж забылись! Комсомольский туристский слёт: школьный, районный, московский. Там следовало сначала пройти маршрут, а после ставить палатки на время, костры разводить, даже борщ варили – кто лучше. Да, а самое главное – летом, после учёбы.

Катя и Лиза вернулись с прогулки и принялись собирать шишки по дорожкам участка. Большой старый самовар на

крыльце правым боком оказался на солнце. Лиза наклонилась за шишкой, зайчик упал ей на нос, она засмеялась, зафыркала как молодая лошадка и постаралась от него увернуться.

– Я не знала, тётъ Катъ, что самовары можно шишками топить.

– Сейчас покажу. Ты только мокрые не бери. И лучше сосновые, они горят хорошо. А запах! Мальчишки придут, мы их накормим, а потом уж и чаю. Для тебя у меня есть брусника, Петька больше любит крыжовник, а твой папа – вишню.

Они набрали уже полную корзинку и не спеша направились к дому. На открытой террасе, увитой диким виноградом, стоял большой четырёхугольный стол, длинная дубовая скамья и старые дачные плетёные кресла. Большая белая пушистая собака выскочила им навстречу и радостно завиляла хвостом.

– Петю ждёт! Иди сюда, Щен. Ах ты, мой хороший! – заворковала Лиза и запустила руки в густую шерсть.

– Лизок, ты уже оживаешь – и румянец, и голосишко! Ну что, хочешь ты дальше слушать или, может, потом продолжим?

– Очень! Это, просто, я, глупая тетеря... Извините, пожалуйста, что перебила.

Катя оглянулась на девушку и решила: «Боится. Тянет время. И ждёт - и страшно.»

– В общем так. По итогам сезона командиры решали, кто в

какой поход идти может. Кто готов, и какая сложность. Подбирали подходящую группу. А походы были такие. Что попроще – по Подмоскovie. Посложнее – уже подальше. Иногда и в Сибирь, на Север.

– Но это всё – «по ровному месту», и только пешком? – вскинула голову Лиза.

– А вот и нет. И на байдарках, и на плотах, и уж начали к горам подбираться. И когда мы кончили школу, то уже имели разряды. Видишь, различали, собственно, пешеходный, водный и горно-пешеходный туризм. Альпинизмом у нас не занимались. Это только один твой папа. Дядя, младший брат рано умершего отца, начал брать племянника в горы с малолетства. И Кирилл, как кочевник, что с младенчества на коне, был на склоне, как дома. Ледорубы и кошки, горные ботинки, примус, спиртовка и т. д – привычные вещи для Киры, если попадались одноклассникам на глаза, то смотрелись по-марсиански. Альпинистский рюкзак, например, был со «станком» – металлической рамкой. Палатки – из лёгкого поблёскивающего прочного перкаля, а не тяжёлого зелёного брезента, как у ребят. Спальный мешок из синего парашютного шёлка на пуху, а не грязно-серый, набитый лежалой ватой.

Способный, яркий Андрей учился кое-как. Он не мог похвалиться усидчивостью и прилежанием. Считалось, однако, стоит ему только захотеть, и он будет лучше всех! Он ходил, окруженный ватагой приятелей. Но за Кириллом – отлични-

ком и альпинистом ревнивым оком следил.

Подтянутый, выдержанный Бисер держался слегка особняком. Про него болтали, что де, конечно, толковый тип. Но нет, не гений! И Бисер тоже был не в восторге, когда Синица срывал овации. Иногда, если Андрей пел, а девчонки млели, он бурчал: «Кричали женщины «Ура!»» А в ответ раздавалось: «И «Ах»! Стегляруса бросали...» Девчонки смеялись, Бисер злился. И от этого напряжение поля было такое, что порою искры летели.

Ну, после выпускных экзаменов было, конечно, не до походов. Все готовились, как безумные. А мальчишки ещё и армии боялись. Потом мы опять сдавали в разные места и в разное время. Поступили. И отдалились, – Катя вздохнула и подбросила шишек в самовар. Пламя загудело и показалось из закопчённой трубы.

Но время шло, и стало понятно постепенно – у нас ничего не кончилось! Я не знаю, как тебе это... Я хочу сказать – нас тянуло друг к другу. Снова начали собираться. Снова иногда – то в лес, то куда-нибудь во Владимир вместе, а то и на Соловки. И наши эти сложные отношения... Ничего никуда не делось. Казалось бы, у каждого такая перемена – студенческая жизнь! Столько новых впечатлений и новых же людей. А мы... «вернулись».

Новый год они ещё провели по разным компаниям, а потом чем ближе к весне, чем горячее солнце и чем сильнее капель... Серёжки на тополях на Кружке опали на землю.

Зелёный туман сменился крошечными липкими листочками, а на тяжёлых садовых скамейках просохла роса. Катя и Андрей целовались у церкви, потом в подъезде, потом...

– А летом? – спросил он, – Хочешь, уедем вместе? В Крым? На Кавказ? О, у меня идея!

– Давай свою идею, – она положила ему голову на плечо. – Зря что ли у нас свой альпинист-перворазрядник имеется? Пускай Стеглярус нас в бой ведёт! И так, на Кавказ, Сарьяшек!

Решено было предпринять всего понемногу. Чтоб маршрут интересный и не слишком сложный, чтоб девчонкам не тяжело, но парням интересно. Пройтись по предгорьям, оставить рюкзаки в горной деревне, где у Бисера были знакомые, и налегке провести восхождение на вершинку Мех-Даг. А потом можно к морю – покупаться, погреться. Бисера поставили командиром, Катю – завхозом. И началось.

Не так они были воспитаны, чтоб сачковать в походах. Всё стало делаться совершенно всерьёз, и температура котла поползла вверх. Кирилл в своей стихии давал всем прочим сто очков вперёд. Одного этого было достаточно, чтобы Синица хмурился и язвил. Он считал, Катерина сравнивает не в его пользу. И вообще, что за глупость, ей богу? Командиром должен быть он. Взял, да себя сам высек. Конечно, тот другой – альпинист. Но альпинизма тут на вершок!

Мы с Андреем Синицей, ну ты знаешь, мы были вместе. Совсем недавно! И мы хотели... Нет, мы решили... Сейчас.

В общем так. Ты понимаешь, с самого начала вышло странно. Словно кто-то нас сглазил. Зачем было, если стремишься побыть летом вдвоём, вообще идти с ребятами на Кавказ? А мы пошли. Зачем, если после тяжёлого года думаешь отдохнуть, делать такой серьёзный маршрут? А под конец ещё и скалолазание брать? Но ребят сразу же понесло. Они выделялись друг перед другом. И выбирали всё посложнее. И мы с Сашей уставали ужасно. Ей было особенно тяжело, и она начала отставать.

Лиза напряжённо слушала, боясь пропустить хотя бы одно слово. А Екатерина Сарьян – мать одиночка, кандидат медицинских наук, хирург, давно за сорок и пр. была далеко. Она видела перед собой молодые раздражённые лица, слышала злые слова. И этот Сашкин взгляд. На Андрея...

– Кирилл старался Саше помочь. Но делал вид, что заботится вообще «о девчатах». А Синица, тот тогда ревновал. Он как раз считал, что Ирбис распускает хвост для меня. И просто лез на рожон. Бисер предлагает разгрузить наши с Сашей рюкзаки. Бисер предлагает подежурить за нас. Он греет нам руки, он сушит наши штормовки. Мы вечером без сил забираемся в спальники, и он приносит нам чай!

В этот день они решили разделить на время. Решено было, что девчонки останутся «на базе» и приготовят праздничный ужин. А ребята возьмут траверзом небольшую вершинку и «полазят» по скальной стенке, если времени хватит. Кирилл покажет и потом подстрахует. Как вернутся, то по-

ходу конец – вниз, и к морю.

А теперь представь себе. Они вечно пикировались. И тут утром пошёл Сеница со мной к ручью после завтрака мыть посуду. Горный ручей глубокий, быстрый. Он меня обнял и – давай баловаться. Кружки на пальцы нацепил, в воду опустил – их и смыло! Утопил из шести три кружки. Бисер побурчал и оттаял. Ладно. Днём решили кол от палатки поправить. Мы с собой их носили – не в лесу, не нарубишь. Нужно было чуть-чуть подтесать. Только Головин взялся, а Андрей на подхвате. Кирка говорит: «Андрюха, топорик возьми». А Пан и упёрся – «проще ножом». У нас был один на всех охотничий нож с широким лезвием. Не забудь – купить нужную амуницию трудно было. Мы его берегли. И Сеница со всего размаха лезвием да по шпильке! Показать хотел – вот как просто. И оно так: кра-а-ак, и сломалась!

– Тётя Катя, а что такое «шпилька? Я не совсем... Они же хотели кол? -робко удивилась Лиза.

– Чтобы поставить палатку нужны два большие кола. Мы их тогда делали каждый раз заново для похода и носили с собой. Кроме того, обычно имелся набор металлических мелких распорок. Их просто в землю втыкали. Такие круглые в сечении с крючочком шпильками назывались. Так одна там рядом лежала. И Сеница попал. Случайно!

– Ой, а папа?

– Он чертыхнулся и добавил: «Дело мастера боится. Впрочем, я сам виноват. Надо убирать колющие и режущие пред-

меты от детей». Андрей встал и молча вышел. Долго его не было. Наконец пришёл. Стемнело уже. За ужином я вокруг него всё жужжала и утешить пыталась. Опять вроде всё разрядилось. И вот ты не поверишь. Вечером перед сном, когда снаряжение к восхождению готовили и проверяли, надо было примус почистить. Гришка, видно, хотел, чтобы что-нибудь у Синицы, наконец, получилось. И пододвинул примус к нему. Бисер сидел спиной. Он сказал: «Слейте бензин, мужики». Этого было достаточно. Я не знаю, что он там сделал. Они в стороне от нас с Сашей были. Только раздался хлопок, и примус взорвался. По-настоящему? И их задело? – Лиза испуганно вытаращила глаза.

Нет, слава богу. Но примус разворотило как следует. Тут уж Пан наш сломался. Расстроился, растерялся ужасно. В горах ведь топлива нет! Ребята скисли слегка. Ирбис ему и выдал, да зло, прямо скажем: «Ну что, птичка-синичка, это тебе не девушкам песни петь?» А Пан в ответ: «Люблю иногда для понта примус сломать. Раз ты не ценишь, как я пою, я тебе фокусы показал. Ты, брат, командир. Как прикажешь!» И просто весь побелел.

Мы с Андреем в разных палатках были. Всё пытались «соблюдать походную дисциплину». Я не знаю, он спал ли, нет ли... Утром часов эдак в пять парни ушли. Мы с Сашей не проснулись, и остальное я знаю от Тольки. Сначала всё шло хорошо. Они пошли тремя связками. Поднялись на вершину. Была такая старая альпинистская песня:

Подъём тяжёлый, труднее спуск,
Карниз ледовый покат и узок,
А гребень скальный внизу как нож,
Холодным блеском на сталь похож.
И спускаясь вниз,
прыгнул альпинист...

Часто пели мы у костра. Кирилл тоже прыгнул, спускаясь вниз, но неудачно. Он попробовал зарубиться ледорубом, но склон «потёк». И наш командир – альпинист, единственный опытный скалолаз среди всех, сорвался в трещину. Андрей и Кира и на вершину, и вниз с вершины в одной связке шли. И Пан удержал репшнур. А потом медленно по шажочку вытянул Бисера наверх.

Когда другие подоспели, они услышали вот что. Синица, как отдышался немного, так процедил сквозь зубы: «Ну что, нравятся тебе теперь мои песни?» Тот ему: «Андрюха, да ты меня с того света вытащил. Хоть пой, хоть пляши – я твой должник». «Нет, – отвечает, -я теперь тебе не Андрюха. Ты можешь меня Сильвио называть. «Выстрел» помнишь?» «Это из «Повестей Белкина» что ли?» «Угадал. За тобой должок – это верно. Но я за ним приду, когда захочу!»

Спустились это они, и к нам, наконец, пришли. Молчат и ходят вдвоём! Потом купаться отправились тоже вдвоём – грязь смыть, а Толя нам рассказал.

Катя замолчала. Она засомневалась, а надо ли? Там дальше будет больней. Она прикрыла глаза и ушла в свои мысли:

– Не понравился нам разговор на горе. Помню, Саша сказала: «На душе беспокойно». И я поддержала: «Точно. И командира спасли, и наш орёл – герой-героем». «Твой орёл», – возразила Саша». «Мой так мой. А только птичка-синичка нехорошо прочирикала. Не дворянское это дело». «Понимаешь, он вроде Киру не попрекал, но...». «А помнишь, как они вечером сцепились?» «Из-за тебя!» «Да нет, Саш, они вообще всё время, как петухи. Или бычки? Они оба первые должны быть!» Я всё ещё ничего не понимала. Мы напекли оладий из блинной муки и лопали их со сгущёнкой. Мы пытались развеселиться, пели, старались шутить.

Ночь прошла, и группа спустилась к морю. Тогда Саша вытащила из рюкзака цветастый сарафанчик и распустила волосы. Они были у неё рыжеватые до плеч. «Постникова, ты хочешь на пляж?» – спросил Кирилл. Он первый раз сказал так. Не «девчонки», не «катишуры». И взял у Саши рюкзак. «Тебя проводить?» – спросил он опять. «А может хочешь в кино?» И как-то всё вдруг стало ясно. Позиция определилась однозначно. Вот тут-то «Каткина подружка», не отвечая вовсе Кириллу, обернулась к Синице, с неподдельным интересом слушавшему эти вопросы.

«Пан, как ты думаешь, где продают мороженное?» – услышала Катя. И увидела взгляд.

Андрей улыбнулся, взял её за руку и весело ответил: «А

мы пойдём поищем!». Глаза его блеснули недобрым огоньком. После этого они просто ушли вдвоём по дорожке приморского сада и вскоре скрылись из виду. Никому не пришло в голову их окликнуть. Все ошарашенно переглянулись. Кате показалось, что она оглохла, и из её глаз сыпятся чёрные искры. Вернулись они только под утро.

Из задумчивости её вывел знакомый голос: «Мам, привет! Есть очень хочется. А где Лиза?» По тропинке от калитки к дому приближался Петя, а за ним в некотором отдалении шел Кирилл. Оба были нагружены покупками.

– Привет, мальчики. Обед готов, и Лиза в порядке. Мыть руки, и к столу! – весело с облегчением скомандовала Катя. – У нас все дома!

– Пирожок, не волнуйся. Я выбрала минутку и сразу тебе звоню. Они все у меня на даче.

– Катька, по телефону не надо. Я теперь всего боюсь. Они целы? И.. действительно, все? И...?

– Да-да – полный комплект. Я тебе скажу, мы легко отделались. Всю команду можно считать условно годной. Сейчас они поэтому готовятся к марш-броску, а я остаюсь в обозе и буду опять трястись.

– Я уж слышу. У тебя голос такой – озабоченный и печальный.

– Нет, Лид, это я из-за Кима. Его жена лежит у меня в патологии. Вернее, лежала, а сейчас её перевели. Вчера вот

только. Господи, трое детей! И за что это?

– Объясни, я не понимаю. У неё что-то по твоей части?

– Думали, что по моей. Оказалось, совершенно не там и не то. И неоперабельное уже...

– Слушай, ты меня просто убила, Кать... Я не знаю, может ему чем помочь, или это будет бестактно, если я сейчас позвоню, как ты думаешь?

– Знаешь, что, попробуйся, а дальше – судя по обстановке. Почувствуешь, как и что. Например, предложи детей в деревню забрать. Вдруг ему понравится? Он тогда всё организует, для него это не проблема. А участие старых друзей ни с чем другим не сравнишь. Ты попробуй! Ох, извини. Лиза подаёт сигналы бедствия. У неё что-то горит, а мой шельмец...

– Катюша, беги. Я тебе позвоню через денёк. Ты всех твоих поцелуй.

– Не моих, а наших. Пока, удачи тебе.

Глава 40

– Девочка моя, не волнуйся. Ну почему это должно иметь к нам отношение? Да может они были членами какого-нибудь ордена вампиров-любителей? Или это вендетта? А то конкуренция их сгубила, борьба за наследство...

Они сидели в Государственной мюнхенской библиотеке около входа в читальный зал и шептались. Уже смерка-

лось. Вид у Анны-Мари был усталый и огорчённый. Говорил Небылицын, она больше молчала.

– Я, как тебе обещал, попросил у Брука дополнительных объяснений. Вернее, я так решил: почему я должен таиться от старика? Вот и выложил ему всё как есть. Мол, может тут пахнуть жареным или нет? Если да, я умываю руки. Я даже – мы умываем руки – сказал.

– Значит – «мы». А что наш Оскар? Он спросил, почему только руки? – было видно, что она думает о другом.

– Да, дела, я снова забыл, что мы с тобой не из одного детского садика. «Умываю руки» – означает просто: не хочу с этим дело иметь.

Стас обнял девушку и заглянул ей в глаза.

– Ты меня не слушаешь, правда? И про садик ничего не спросила? Ты мне сначала закончи про Брука. Он объяснил или нет?

Анна-Мари вздохнула и положила ему голову на плечо. Слева от неё высилась небольшая стопка книг, журналов и газет, пожелтевшие страницы которых выдавали их почтенный возраст.

– Ну он сказал следующее. Никакой тайны и уголовщины. Живёт в Москве один грандиозно богатый человек. Стальной король. Он довольно одинок и без особых причуд.

– А такие бывают? – подняла брови она.

– Не смейся. Брук, правда, утверждает, что этот Карп – человек неглупый, приличный и хорошо образованный. У

него есть всё на свете и ещё немного, но он не склонен, однако, покупать острова, футбольные команды или дворцы. В космос тоже лететь не хочет.

– А я бы полетела!

– Разве только со мной. Ты дальше слушать будешь? Так вот, однажды Карпу пришла в голову мысль собирать произведения искусства. И не просто так. Его мать была хорошей фамилии. Он подумал: почему бы не воссоздать интерьер своих предков? Выбрал эпоху и стиль, приступил и.. увлёкся. А потом с ним вообще случилась необыкновенная вещь. Он увидел портрет королевы Вюртембергской. И она оказалась страшно похожа на его маму Ольгу Николаевну. Мало того, Карп узнал, что их даже одинаково зовут! Так как эта самая Королева – не кто иной, как дочь нашего Николая Первого, вышедшая замуж за немецкого принца. И тут наш стальной король Карп и влип! завис! увяз! захряс!

– Прекрати, пожалуйста. Я всё равно не понимаю ни слова.

Анна-Мари рассердилась и пихнула Небылицына в бок.

– Погоди, я почти кончил. Если серьёзно, Карп теперь готов платить сумасшедшие деньги за её любые личные вещи. Вот и всё, а я ищу эти вещи. Ты въезжаешь? Ох, только не спрашивай меня, куда... Я идиот!

– Карп – это рыба, я знаю, – задумчиво сказала Анна-Мари. – А ты... я тут в словаре нашла.

Она порылась в сумочке и вытащила записную книжку.

– Окей, ты – пе-ре-смеш-ник!

Молодой человек сделал хитрую мину и сообщил.

– Карп – правда, рыба, пересмешник и вовсе птица. Ну а ты моя радость! Я совсем не хочу тебя потерять. Ввязаться во что-нибудь, да ещё и тебя, не дай бог, запутать. Я получил инструкции от Оскара и попросил конкретное задание. Старик очень любит твой Аугсбург. Ему нравится, что мы там бродим. Он считает наш улов уже многообещающим. Он дал команду покупать дорожный набор чем полнее, тем лучше. Он сообщил мне одно имя и посоветовал найти грамотного историка, знатока местных старинных родов, и хорошего старого ювелира или хозяина антикварного магазина.

– Ты должен набор сам искать?

– Ты знаешь, нет! Он велел поручить дело агенту. Я только удостоверился по документам, что набор был некоторое время в пользовании Олли. Я же Бруку уж тем полезен, что знаю немецкий. Теоретическое обеспечение – это моя задача. Ну и экспертиза, конечно, тоже.

– А агента кто выбирает?

– Оскар мне назвал очень солидную фирму, им послал факс, а мне доверенность сделал.

Читальный зал библиотеки был заполнен студентами. Они сосредоточенно, почти не переговариваясь, работали, отвлекаясь, разве, иногда, чтобы принести новые книги.

– Ты посмотри, ни одного не вижу без Notebook-а, – Стас кивнул на ровные ряды одинаковых скромных неболь-

ших столов с изогнутыми в форме буквы «Г» светильниками. Плоские настольные компьютеры сидящих за ними студентов напоминали даже не книжки, а канцелярские тонкие папки. Их экраны светились голубым, зелёным и желтым. Пальцы ребят бегали по клавиатурам.

– Стасик, у меня голова болит. Давай я тебе расскажу, что я для тебя нашла. Вот возьми, — она протянула ему серебристый овальный предмет длиной сантиметра два. – Я тебе там всё записала. А потом пойдём домой. Ты не против? Только ты мне сначала докончи про Брука.

– Конечно, почему ты сразу не сказала? Ну-ка – пошли! Ах да, про Брука... – вскочивший было уже с места Небылицын наморщил лоб. – Что ж, очень просто. Всё началось с того, что Брук хотел разыскать две сделанные в Штутгарте миниатюры Олли, которые, как кто-то узнал, попали потом в Баварию. Видишь, для Карпа ищут разные люди, не только я. Но главное, выяснилось, что у Ольги Николаевны был ювелир. Любимый золотых дел мастер родом из Аугсбурга из семьи потомственных ювелиров. Она у него покупала украшения, заказывала ему подарки для близких и, насколько известно, их очень ценила. Брук попросил разузнать всё, что можно.

– Ну хорошо. Я уже почти ничего не соображаю. Назови ты мне ювелира, и давай уйдём ради бога! Может, мы, я хочу сказать – я, мама, папа – что слышали. Мы же тоже «потомственные», знаем многих из старинных родов. Ты фамилию

не забыл? – почти простонала Анна-Мари.

– Да её, пожалуй, забудешь! Это Georg Jakob Goldschmied, внук знаменитого Гольдшмидта, ученика ещё более знаменитого Телотта.

– Что ты сказал? Этот? О боже! «Римский заказ», ты понимаешь? О nein! Warum ausgerechnet der! Liebling, du musst absagen. Ich bitte dich... bitte, sag nein!¹⁹

И не успел Стас опомниться, как она вскочила и бросилась вон.

– Анатолий Александрович, здоровья желаю, это Рэм. Я не помешал? Здравствуй, рад тебя слышать. У меня есть несколько минут. Как успехи? Ох, я даже тебя о здоровье не спросил, извини. И далее не передали привет жене... Ещё раз извини, я помню, что ты теперь один.

– Это Вы извините, пошутил неуклюже. Анатолий Александрович, я кое-что разузнал. Наша группа работает совместно с забугорниками, как вы знаете. Так вот, пружина всего дела – какой-то зациклившийся на своём предмете коллекционер. Мы пока не знаем, кто он такой. Он, по всей видимости, тоже не ведает, что для него творят. Он... или она? Просто готов без вопросов много платить. Понимаете, ваши одноклассники попали в поле разных интересов. Я пока не уверен на сто процентов, но... Они ищут наследство,

¹⁹ О, нет, почему именно он! Ты должен отказаться, дорогой! Я прошу тебя, пожалуйста, скажи – нет!

верно?

– Они ищут... да, и наследство. Но не только. Впрочем, это к делу не относится. Я просто хотел сказать, похоже, оно нужно самым разным персонажам. Это пока всё.

– Спасибо, Рэм, совершенно неожиданный поворот. Коллекционер? Держи меня, пожалуйста, в курсе дела.

– Есть, товарищ полковник! Мои несколько минут истекли. Мне поэтому остаётся попрощаться. Как только будут новости, я позвоню. Мордвин совсем собрался уже выйти из кабинета, как снова зазвонил телефон, на этот раз другой – «для своих». Он поздоровался, несколько минут молча слушал, а затем огорчённо промолвил:

– Ох ты, беда какая. Лида, ты мне сообщи, пожалуйста, когда похороны. Помощь какая-нибудь нужна? Понятно, а дети? Ну если с тобой, то я спокоен. Ты скажи от меня Мишке всё, что нужно... Мне, к сожалению, нужно срочно к начальству. Я вечером тебе позвоню и спокойно поговорим. Нет? А куда? Ах, ты тоже там... Понял, так туда и позвоню, телефоны у меня есть.

Глава 41

Предотъездная суетня, багаж, билеты, согласования и разговоры с Мюнхеном заняли добрую неделю. Наконец, всё было закончено. Бисер и ребята расцеловались с Катей, в сотый раз пообещав ей аккуратно звонить и писать. Они погру-

зились в спальный вагон. Поезд медленно двинулся, и Катя, глотая слёзы, осталась на перроне одна.

Кирилл купил целое купе, поэтому маленькая компания разместилась удобно и свободно. А он вдруг понял, что смертельно устал.

– Слушайте, молодая поросль, есть деловое предложение. Отправляйтесь-ка в вагон ресторан и повалайте там вдвоём дурака! А я немножко сосну. Идёт?

– Так, папа хочет побыть один. Пошли, Петь, ладно, – рассмеялась Лиза.

– Дочь моя, ты отвечаешь мне за меню. У нас в экспедиции сухой закон! А ты, Питер – за безопасность юной дамы. Ну а теперь марш!

Когда дверь за ребятами закрылась, Бисер растянулся на нижней полке и в который раз принялся читать записки из дневника. Для себя он их стал называть – «Северный поход». Вот куда они теперь едут, вот куда попал шальной Синица с биологами после инфаркта, вот как завязалось эта история...

25

До Питера они доехали поездом. Там их ожидали коллеги из ЗИНа²⁰ со всеми инструментами и снаряжением, быстро приобретённым на шальные блатные деньги, но, од-

²⁰ Зоологический институт Академии Наук.

нако, очень толково и бережно собранным. Федя Тараторкин из ЗИНа отправился с грузом на север, остальные вскоре, уладив формальности, последовали за ним. От Питера не так уж далеко до Архангельска. Но какая перемена! Дня почти не было. Начиналась полярная зимняя ночь – только звёзды, луна и сполохи северного сияния освещали путь, если не было пурги. Экспедиция началась, и это был не легкий маршрут.

«Ну что, парни, устали? – прохрипел на исходе дня начальник экспедиции Егорушкин, – Давайте сейчас пошабашим и.. это... «посидим с товарищами у костра».

Через четверть часа они уже входили на высокое крыльцо, громко топоча и отгоняя собак. В самой большой избе посёлка было почти светло. Забытое богом это селение, где социализм был, да весь вышел, а капитализм и не начинался, проживало без электричества. Однако справный хозяин Демьян – убеждённый старовер и потомственный охотник-промысловик по этому поводу не убивался. В доме было чисто и умело прибрано, вкусно пахло жареной олениной и душистыми лепёшками, а свет шёл частью от чувала – открытой местной печки, частью от толстых свечей в самодельных оловянных подсвечниках, повешенных, как положено, перед образом в красном углу.

Биологи пережидали пургу. Ветер уже поутих, но был всё ещё очень силен. На улице лицо мгновенно обмерзло, одному отходить от избы было опасно – заблудиться можно в

два счёта. Все, правда, устали. И поэтому сначала ели молча. Хозяин сам уплетал за двоих и только иногда, поглядывая на свою светловолосую полную хозяйку Елену и на гостей, управляющихся со щами, олениной и лепёшками, довольно усмехался в усы.

– Толковый ты мужик, Дормидонтыч! – начал с расстановкой Нечитайло. Дом у тебя – что надо. Хозяйка – загляденье. Но я всё тебя спросить хотел. Я знаю – ты старой веры. А есть ведь у вас такие, что можно у их порога не то, что от голода – от жажды умереть! Глотка воды не подадут вот хоть бы и нам. Потому что для них я поганый, и посудина станет поганой. А зелье это – табак, что Андрюша у нас тут смолит, оно...

– От диавола, вестимо, а то, как же! – густо зареготал хозяин в ответ.

– Михайла Иваныч, я тебе так скажу. Мы, вот Олёна моя, детки, семейства вся, что по праву-то руку в деревне живёт, все будем старой веры. Да только, мил человек, веры – не зверства. И я, вишь, на свой глазок – локоток мерю. Что надо – блюду. А дребедень всяку... Стану я, к примеру, ребятишку голодом морить, ежели я мясу кажинный день поди добыть могу, а хлебушко нет? А вона мяса эта рогатая – не постна... Дак и что ж, что не постна! А ребятишка исть хочеть! Или ты – пришлый человек, Го-ость! А мне и прадед, царство небесное, и дед, тот жив-здоров, Филарет Мокеевич, завсегда говорили: «гости есть -дому честь». А то! А зелья я

не люблю – правда твоя.

Андрей поперхнулся. Но тут вмешался Егорушкин.

– Филарет Мокеевич, ёксель – моксель? Жив – здоров старый дружище? – засиял жёлтыми зубами из рыже-седой бородищи начальник. – Это сколько же ему лет теперь, Дормидонтыч?

– Сразу и не скажу... А только когда у Коньковых избу нову после пожара ставили, ещё знатная налимья уха была с пирогами, да потом в половодье запруду снесло, апосля вот на пасху... Ну да, на пасху, паря,

– Сто лет и пять годков! Мне, грит, сто лет и пять годков миновало – это тогда вот. А теперя? Надо бы покумекать...

Егорушкин восхищённо присвистнул. Они помолчали. Затем Демьян Дормидонтыч, неожиданно засмуцавшись, повернулся к Андрею всем своим могучим телом и попросил:

– Ондрюха? Слышь, Ондрюха, ты бы сыграл, а? Олёне-то угодишь, мне старику...

– Да какой же вы старик, Демьян Дормидонтыч? – дружно за возмущались москвичи.

– Нет, ты погоди, погоди, – не дал себя сбить с толку хозяин, – Ондрюха, будь ласка, сыграй, а я к нам дядю Мишку Золотого кликну. Вот сейчас Васеньку к нему и пошлю.

Он погладил по белой головке крутившегося рядом сынишку.

– Вишь ты, заскучал у нас дядя Мишка. Молодой ишшо, а

помирать норовит! Его уж дед Мокеич и то костерил. Мальчишка ты, говорит. Я тя на четверть века старше буду, а хоть сейчас жениться готов! Он, дядя Мишка, очень эти романцы уважает. Ну, что скажешь? Идёт?

Андрей взял гитару, приосанился и сразу как-то помолодел. Усталость мигом слетела с него.

– Демьян Дормидонтыч, для Вас хоть кукарекать готов. О чём разговор? Зовите вашего Золотого. Это что у него такая фамилия или прозвище? Хозяин усмехнулся, отвёл глаза и промолвил:

– Фамилие не фамилие, да руки его – «злато-серебро» чисто, и сам-от мужик... Да что, знаешь паря, захочет – он те расскажет, а нет – не взыщи!

При последних словах отца малец в полушубке и унтах выскочил из тёплой избы. Через несколько минут дверь отворилась, и в комнату вместе с клубами пара вошёл высокий человек в белом тулупе с покрытыми инеем усами. Он снял шапку из оленьего меха и степенно огляделся.

– Здравия желаю, господа! – отчеканил пришедший, – Имею честь представиться! Военврач, полковник Михаил Гольдшмидт к Вашим услугам.

– «Посмотрите, Андрюша на этих собак» – обратился к Синице назавтра старик Гольдшмидт, глядя, как он гладит и треплет за ухо хозяйскую Белку. Он указал на ездových лаек, грызшихся в стороне у амбара вокруг мороженной рыбы.

«Видите, эти справа, те, что темней?» «Да, понял, Михаил Генрихович», – обернулся Андрей. «Они не годятся для Севера. Не умеют спать, зарывшись в снег. Худеют от мороза. У них шерсть без подшёрстка.

– Беда! Какой-то негодяй в Архангельске всучил их ребятам подешёвке. А теперь придётся пристрелить, потому – иначе корма не хватит».

Андрей изменился в лице и быстро спросил:

– Чьи они? Кто хозяин, доктор?

– А Вы уж не выкупить ли собачек хотите, голубчик? Так он почует... торговаться начнёт!

– Не важно, я заплачу. Это же варварство просто! Вы мне только скажите – кому.

– А вы это из христианских побуждений? Вы человек добрый? Людей тоже жалели или только собак?»

Синица взглянул на высокого собеседника с этими его невероятными усами «а ля Кайзер Вильгельм», яркими синими глазами и гладко выбритыми щеками – хоть сейчас в офицерское собрание. От него шел совершенно отчётливый свежий горьковатый запах прекрасного дорогого одеколona. Андрей потянул носом и улыбнулся, меняя тему:

– Никак «Kenzo»? – Михаил Генрихович хитро прищурился – А вы, я вижу, знаток?

– Да нет, так – любитель.

– И спрашиваете себя, откуда старик в такой глуши французскую туалетную воду достал? Это не штука, Андрюша,

не удивляйтесь. Здесь ведь на свой лад до заграницы близко. Есть и валюта своя – песцы и горностаи. Я же, заметьте, «прислуга за всё» – костоправ, лекарь, родовспоможение или там геморрой, раны стреляные, колотые... Так если захотеть, не то, что «Kenzo...»

– Но и виски «Белая лошадь?»

– Нет, увольте, сызмальства не приучен. «Золотой Данцигской» водки выпил бы стопочку, рябиновой настойки, или вот ещё, может, «Петровской» на смородиновом листе. Но в общем и целом – «Вдова Клико» и «Реми Мартен». Это если вы меня уж очень попросите, да, милостивый государь! Но вы мне вот что лучше скажите. Вы вчера пели чудесно. Не придёте ли завтра ко мне вечером? Я тут у бабы Ксени в пятистенке живу. Она хозяйство моё ведёт. Но я и сам, знаете, не промах – изрядный повар! Что шанежки, что пельмени, можно и блинцов с припёком нашкварить, а то хотите строганину? Приходите, Андрюша. Очень я хочу эту вашу снова послушать... Там ещё про шпагу. А кто её написал, кстати? – морщинки разбежались лучиками по лицу старого доктора, он улыбался, однако, странное дело, глаза его были при этом абсолютно серьёзны.

– Имя вам ничего не скажет, – пожал плечами Сеница, – мы вместе в школе учились, и она песни писала. Катя Сарьян.

– Это Мартироса Сарьяна дочь? Хотя, что это я, у него, кажется, и детей-то не было. И потом возраст. Разве что внуч-

ка, если не правнучка?» – с интересом заметил Гольдшмидт.

– Точно не скажу, Михаил Генрихович, не знаю. Никогда не приходило в голову спросить. И спасибо за приглашение. Приду обязательно. У нас завтра обследование всей группой на целый день. Я ведь у них тоже «прислуга за всё». Вернёмся – и сразу к Вам.

Старик пожал Андрею руку на прощание и коротко кивнул:

– Вот и отлично. Значит до встречи. Только гитару не забудьте! – Он зашагал было в сторону леса, затем вдруг обернулся и бросил на ходу – А за собак не беспокойтесь, слышите? Не волнуйтесь, говорю... Я их купил».

К вечеру следующего дня небо прояснилось, и ударил мороз. В сухом прозрачном воздухе было удивительно далеко видно. Ненецкая малица на Андрее от дыхания сверху покрылась инеем. Снег под пимами вкусно скрипел. Дымки из труб поднимались вертикально вверх. Пахло замечательно – этим самым дымком, домом, немножко хлебом и, наконец, ещё и хлебом, на поде печёным в печи. Синицу тянуло и зайти посидеть у огня, но вместе и брести, ни о чём не думая, на закат по укатанной лыжне, слушать, как трещат от мороза сучья, да разглядывать цепочки следов местного зверья.

– Что же, посмотрим, что тут за птица живёт, – спохватился Андрей, чуть не промахнувшийся мимо ладного солидного дома с резными наличниками на окнах. «Я думаю, здесь не

стучат», – решил он и отворил дверь в избу. В лицо пахнуло теплом, сытным запахом теста и ещё чем-то знакомым, и пряным. Посетитель вошёл в просторные сени и обмёл старательно веником снег с обуви. В горнице громко залаяла собака, и знакомый голос, прикрикнувший на неё, поспешно произнёс:

– Сейчас-сейчас. Уже иду. Милости просим. Заходите скорее.

– Малицу здесь снимать? Ох, простите, добрый вечер, Михаил Генрихович! – приветствовал хозяина гость и, повинаясь его приглашающему жесту, вошёл в большую горницу. Затем он огляделся и с изумлением подумал, что даже ради самого жилища стоило навестить старика.

Обычная деревенская бревенчатая «зала» была вся оббита вагонкой, крытой олифой и светлым лаком. В красном углу висела икона в тёмном благородном окладе. Проследив за взглядом Андрея, старый доктор сказал:

– Я, видите, хоть и не православный – мама моя была католичка, а папа лютеранин, но хорошую иконопись чту и люблю. Эту вот «Богоматерь Одигитрию» друг мой покойный мне подарил. А обрамление я уж потом сам сделал.

Синица присмотрелся и увидел, что морёное дерево оклада инкрустировано янтарём и серебром с той целомудренной мерой и тактом, что отличает вкус настоящего мастера. На стенах кроме двух трёх репродукций старых голландцев висело большое зеркало в затейливой металлической раме и..

скрипка тёмно-вишнёвого цвета с длинным, словно шпага, смычком.

Они подошли к стене. Само зеркало представляло собой большой овал, обрамлённый диковинным растением, на котором тут и там были разбросаны цветы и плоды, выполненные в условной манере. Маленькие кусочки кварца, раковинки, моховой агат, халцедоны, капельки вулканического стекла сообщали антрацитовый кованой ветви иную жизнь, словно в густом подлеске расцвели нежные анемоны.

– А зеркало что же, вы тоже сами? – желая сделать приятное старику, осведомился Андрей, ожидавший, собственно, в ответ вежливую шутку вроде: «Ну это уж вы мне льстите!» Но ошибся.

– Ну, одному бы трудно. Да тут у нас кузнец есть – Тишка Пильщик. Видите? Этоковка и литьё. А для цветов и плодов я просто большие кварциты и штуки три халцедонов выбрал. Тут, если поискать, разные разности попадаются. Мне – старику-лесовику и интересно.

Андрей пришёл в неподдельный восторг. Впечатлительной и нервной его природе страшно импонировал любой талант. Но эта неопишуемая встреча с человеком, словно сошедшим со старого портрета, а вернее всего, вышедшего к нему среди вечных снегов из другого века... «Сон и призрак? Но вот же он – живой, из плоти и крови!» Все его ощущения получили необыкновенную остроту.

– Бог мой, я не сомневаюсь, Вы и на скрипке играете слов-

но Венявский! – воскликнул он. – Я Вам сейчас спою, если Вы не раздумали. Но... Вы мне о себе расскажете немного? Пожалуйста! Вы извините, я знаю, здесь на Севере спрашивать неприлично. Разные у людей обстоятельства.

Гольдшмидт в ответ рассмеялся.

– Не спешите. Давайте по порядку. На скрипке? Преотвратно. Пиликаю немного. А о себе расскажу. Для того и позвал. Но и вы не откажите... расскажете тоже. Договорились? А сейчас прошу покорно к столу.

На стол, однако, тоже стоило поглядеть. Квадратный, на толстых ножках, он занимал добрую четверть комнаты и был застелен белой скатертью, щедро изукрашенной гладью и мережкой. Мочёная брусника и морошка, черемша и солёные грузди, сотовый мёд и копчёная сельдь, шанежки с картошкой, душистый домашний серый хлеб, миски с огурцами и квашеной капустой...

Андрей положил кожаный футляр с гитарой на лавку в углу и сел.

– Ксенечка нам чайку принесёт, – устраиваясь напротив, продолжил старик, – а я начну, помолясь. Андрюша, знаете ли Вы, что моя фамилия означает, самое это слово, по-немецки? Я ведь немец.

– У меня был немецкий в школе, но к своему стыду, я... Нет, я понятия не имею. А! Gold – это золото, но дальше... – Синица развёл руками.

– Очень просто: златокузнец. Schmied – это кузнец. Вот

смотрите: Silberschmied, Kupferschmied – поэтому тоже кузнецы. Только уже так складно как с золотом по-русски не выходит. Переведём примерно: кузнец по серебру – иначе говоря, серебряных дел мастер. Ну и медных.

– Медных дел мастер?

За окном совсем стемнело. Окошки избы заросли серебряными звёздами, на столе горели толстые восковые свечи.

– Мастер, конечно. И как Вы считаете, откуда берутся такие вот имена?

– Я думаю, как и в России, Мельников или, там, Мясников – прозвище по занятию.

– Да. Так оно и было. Только лет триста назад. Жил-был цветущий старый торговый город. И жили в нём...

Кривоногий мужичок в овчинном тулупе потоптался около избы, боком подобрался к заиндевавшему окну и припал к деревянной раме.

Полцарства за коня, сижу и в ус не дую,
Три царства – за коня, Четыре – за коня!
Я шпагу получил за храбрость золотую,
Ста-а-льная шпага у меня!

Выводил красивый мужской голос под гитару. Затем после нескольких звучных аккордов к нему присоединился слегка надтреснутый старческий басок:

И если есть что-нибудь у меня,
Что лезть и мечь, и дублоны не тронут,
Так это честь, офицерская честь!
Да, это честь а ещё верность трону!

Мужичок отлип, покрутил пальцем у виска и потрусил в сторону.

Кирилл Бисер спрятал подальше тетрадь, отвернулся к стене и задремал под стук колёс, и когда Лиза с Петей потихоньку вошли в купе, не проснулся. Они пошептались немного, а потом тоже угомонились. Поезд несся в темноту, почти не делая остановок. Пассажиры спали, никто не входил и не выходил всю ночь, и только в Бологом от пристанционного фонаря отделилась тёмная фигура с рюкзаком, обменялась несколькими словами с проводником и быстро прощмыгнула в плацкартный вагон.

Глава 42

...И когда он был основан, здесь обитали вовсе не баварцы и швабы. Здесь вообще не было германцев. Тут жили кельты, и против кельтских воинственных родов Император Август в 16 году послал своих приёмных сыновей Друсуса и Тибериса, которые завоевали Тироль, Восточную Швейцарию и предгорья Альп и установили господство Рима. И тогда был основан Аугсбург, но если Вы думаете, что эта дата извест-

на с тех самых пор... О, вовсе нет! Настоящие научные поиски начал Конрад Пойтингер, а он родился в пятнадцатом веке. Этот великий человек прожил и с нашей точки зрения долгую жизнь, но для времён, когда и двадцать пять было совсем не плохо, можно сказать больше трёх поколений!

Итак, он начал. Но только в 1913 году раскопки позволили пролить настоящий свет на историю города. Считается, что примерно с пятого века его буквально затопили переселенцы и как римский своё существование он прекратил. Надо сказать, римские города не имели гербов. Любопытно, что кедровая шишка, трактуемая как знак господства Рима и позже воспринятая как герб, обнаруживается на старинных аугсбургских гравюрах уже с 1254 года.

– Господин профессор, как обстояло дело с религией? – спросил с места с сильным английским акцентом молодой человек с длинными волосами, забранными в гнедой хвост до лопаток.

– Христианство постепенно покорило все германские «роды». Это произошло, понятно, не без борьбы. И история борьбы идей христианства с «германской душой», а государства как институции с церковью как институтом – есть обычная тысячелетняя «история средних веков». Пока церковь нуждалась в защите государства, она принадлежала ему. Карл Великий, Великие Канцлеры Саксонии и Франконии от Генриха первого до третьего господствовали и над церковью. А Папа, в выборе которого они имели решающий

голос, должен был суметь им угодить. А если нет, то он бывал отстранён. Борьба началась с Папы Грегора седьмого, и в этой схватке Германия потеряла единство и распалась на маленькие государства – княжества. Господство папства увенчалось крестовыми походами. Это был высший пункт. И их конечный провал очень ему повредил. Пилигримы вернулись иными с войн. Они познакомились с римлянами, христианами из дальних земель, с теми даже, кто по их разумению, вообще не верил. А расцвет торговли, искусств и знаний очень способствовал новым веяниям.

И влияние церкви упало. Мир сделался более гражданским. Клерикалы и рыцари утратили былое значение.

Домофон Анны-Мари не отвечал. Подъезды запирались внизу, и Небылицын, потоптавшись с безнадёжным видом у входа, побрёл прочь, теряясь в догадках. Мобильный она отключила сразу. Он сообщал на двух языках, что «абонент недоступен», и предлагал противно бодрым, радостным тоном передать сообщение.

Что мог ещё сделать Стас? Папа и мама Фельзер отдыхали в Сицилии.

Надо было надо было как-то жить дальше. И вообще-то, следовало работать. Промаявшись неделю, переговорив с агентом, оббежав несколько мюнхенских библиотек и условившись встретиться с господином Свенем фон Хаген, историком, специалистом по Вюртембергскому дому, сразу, как

последний возвратится из Амстердама, Стас решил, что так невозможно. Он поедет в Аугсбург, попытается разобраться. А потом... Ну кто-то же приедет? Или она сжалится, или... Ох, он не знал, что – «или» ... Как она сказала? «Тебе интересно вообще знать про мой город?» «Не слишком!» – ответил он. Так прямо и заявил!

Сказано – сделано. Стас приехал в столицу Швабии ранним утром, остановился в гостинице «Три мавра» и, не теряя времени, решил действовать по всем направлениям сразу. Он заказал в университетской библиотеке литературу, нашёл по интернету городской план и навёл справки о самых уважаемых антикварных магазинах и ювелирных мастерских, наконец, сходил в «Римский музей». У-фф! Завтра он поговорит с золотых дел мастерами, а сейчас...

Он брёл в задумчивости мимо островерхого дома, покрытого красной черепицей. Весь он с фронтоном и стенами был расписан как китайская табакерка. «Аугсбургская гильдия ткачей, – прочитал Небылицын, – 1389 год постройки».

«Господи, это же «Веберхаус»! Ну, о нём я читал. Однако, роспись, должна быть много моложе. О, конечно! «Росписи 1605 года». Есть ещё порох в пороховницах! А это что?»

Рядом с табличкой, где по тёмной меди выгравировано было название знаменитого дома, висела афишка. На фоне стройного силуэта церкви в нескольких лаконичных фразах в ней извещалось, что профессор университета Фукс, знаток романской и готической архитектуры, председатель обще-

ства любителей истории города Аугсбурга, читает лекцию, посвящённую дню рождения его основателя. Приглашаются все желающие. Начало...

«Пойти или не пойти,» – сомневался молодой человек. – «Через полчаса? Я успею, где бы ни состоялось. Я сейчас в центре, а город – он для Германии большой. Но для москвича – вроде Сокольников или Кузьминок. Надо взглянуть в путеводитель. Где тут адрес указан? «Анна»-Кирхе на Аннаштрассе...»

Не прошло и нескольких минут, как Стас вышел на узкую улицу, запруженную народом. По обеим ее сторонам бесконечной чередой тянулись большие и маленькие нарядные магазины, ресторанчики и кафе. Он сверился с картой и завернул в высокую арку налево.

Церковь её имени, главная улица её имени... О чём тут ещё раздумывать?

Стас вошёл под строгие прохладные своды, миновал сводчатую галерею, толкнул тяжёлую дверь и оказался в зале, в котором уже почти не было свободных мест. Профессор заговорил, и зал затих.

Стас слушал о кельтах, римлянах, рыцарях и ревнителях веры. Удивлялся древнему торговому праву, консервативному постоянству горожан... Аудитория реагировала на всё очень живо и, мало по малу, слушатели начали задавать вопросы. После парня с конским хвостом поднялся с места немолодой лысоватый баварец с усами.

– Нас теперь около трёхсот тысяч, а каков был город в прежнее время?

– Вот Вам пример. В 973 году н. э. умер епископ Ульрих. К этому времени приуроченная информация о численности горожан такова. В Аугсбурге тогда насчитывалось две-три тысячи жителей. А согласно переписи 1475 года в городе уже жили 18300 человек.

– Вы сказали, что влияние церкви заметно ослабло после неудачи крестовых походов. Но у нас, насколько я знаю, всегда публика была богобоязненна? – спросила девушка в джинсах.

– «Ослабло» – конечно следует понимать относительно! Горожане были весьма преданы церкви и вовсе не легкомысленны. Однажды проповедник попросил их отдать ему все возможные игры. И что Вы думаете? Жители послушно за полдня всё собрали и подарили ему. Они принесли карты, доски для игры в кости и сами игральные кости. После последней проповеди проповедник собрал это в три-четыре телеги, свалил в кучу и сжёг.

А когда мы стали «свободным городом»? Аугсбург получил право именоваться свободным городом в тринадцатом веке и оставался таковым пятьсот лет подряд. Только Наполеон присоединил его к Баварскому королевству.

Стас услышал, что до четырнадцатого века негоцианты вели всю свою деловую переписку на латыни. Что городом управлял совет. Доктор Конрад Пойтингер возглавлял его с

1497 по 1534 года и удостоился больших почестей от кайзера Максимилиана. Совет решал деловые проблемы и выделял своих представителей. Многие «министерства» возглавляли «почётные» руководители. Их работа не оплачивалась. Все такие деятели именовались – «слуги города». Это они решали проблемы вооружений, защиты Аугсбурга, важнейшие вопросы мер и весов. Низшие работники назывались – «рабы города», а их начальники – «писцы города». Услышал, что очень важным человеком был «городской строитель». Он заботился о городской крепостной стене и башнях. Изумился рассказу, что большие города уже в четырнадцатом веке имели юридически образованных городских писцов.

«Чёрт возьми, никогда не задумывался о таких вещах,» – усмехнулся про себя Стас. – «Понятно, что тут демократия выросла и заколосилась. Само собой, настоящими правами пользовались только старинные роды -старожилы. И всё-таки! Уже в четырнадцатом веке гражданское общество и гражданское сознание. Кто в первую очередь? Ремесленники, торговцы, позже – промышленники. А в Москве даже в начале двадцатого века торговое сословие не находило общественного признания, торгово-промышленное сообщество только начало складываться. Оно, правда, заявило о себе и, если бы не большевистский переворот... Кстати, вовсе не металлурги и оружейники, а ткацкие мануфактуры лежали в основе промышленности Москвы.»

Он отвлёкся, но следующий вопрос снова заставил его

прислушаться.

– Город стал постепенно городом деловых людей, торговцев – это я знаю. И в первую очередь расцвело ткацкое дело. Как Вы считаете, это ткачи создали богатство Аугсбурга? – прогудел бородатый солидный дядя в круглых очках.

«Забавно, и здесь соль земли – ткачи. Не успеешь чёрта помянуть, а он тут как тут.»

– Ткачество, несомненно, было важнейшим делом тогда, но наравне с ним, а может и впереди находились наши золотых и серебряных дел мастера! Во многих музеях мира Вы и сегодня найдёте их работы на почётных местах, – с гордостью ответил профессор.

– Но это, наверно, больше для внутреннего потребления. Ткани можно производить и продавать повсюду, даже и за границей. А золотые и серебряные изделия? Их ведь на поток не поставишь, – усомнилась моложавая монахиня в серо-белой одежде.

– Вы ошибаетесь, и я это с удовольствием вам покажу. Не забудьте, что Германии в нашем теперешнем понимании просто ещё не существовало. Поэтому, к примеру, Пруссия для тогдашнего Аугсбурга – это другая страна. И её королю Фридриху Вильгельму Первому только в 1736 году было поставлено аугсбургского серебра на сумасшедшую сумму в 605165 гульденов. Его покупали дворы Вены и Варшавы, Дрездена, Берлина, Копенгагена и Санкт-Петербурга. Подумайте, в 1755 году в городе была уже двести сорок одна ма-

стерская независимых золотых и серебряных дел мастеров! «Аугсбургское серебро! Ну я осёл,» – пробормотал Небылицын. – «Знаток, называется! В оружейной палате в Кремле – я же помню прекрасно. Но сам этим не занимался, про город совсем ничего не знал. Вот и читал бездумно «аугсбургское» как прилагательное».

Лектор, между тем, сказав несколько вежливых слов напоследок, поблагодарил всех за внимание и попрощался. Слушатели задвигались, вставая с мест, поднялся шум, а Стас энергично стал пробираться к кафедре между рядов.

– Господин профессор, – обратился он, слегка запыхавшись, к высокому шатену Фуксу – бородатому очкарику лет на пять старше себя. – Разрешите представиться: доктор искусствоведения Станислав Небылицын. Я здесь в командировке. У меня возник очень серьёзный вопрос...

Глава 43

В маленьком самолёте было тесно и душно. В его крошечный салон набилось целых двадцать пять пассажиров. Кирилл, Петя и Лиза разместились кое-как среди прочих. Далеко внизу проплывали леса, заплатки полей и ртутные змеи уже вскрывшихся рек. Редкие здесь посёлки можно было узнать по правильным линиям улиц и коробкам домов, отбрасывающим тёмные тени. Самолёт летел над сплошной пеленой облаков, похожей на белую сахарную вату. А когда

он пошёл на посадку и прорвал облака, оказалось, что внизу уже сгущаются сумерки. На поверхности тундры кружилась позёмка. Поэтому выйдя из самолёта – этого допотопного сизого голубочка времён последней войны, Бисер искренне удивился, что они не проскочили аэродром.

Вокруг стояла зима. Позёмку поднимал уже лёгонький ветерок. При сильном ветре начиналась пурга. Лиза и Петя вытряхнулись наружу с рюкзаками, и все трое направились по лётному полю к бревенчатому крашеному дому с незамысловатой неоновой надписью «Приполярное». В это время тяжёлая, обитая войлоком дверь хлопнула, и на пороге появился крупный мужчина в коричневой меховой куртке. Он замахал руками и побежал им навстречу.

– Здорово, братцы, с прибытием! Кирилл Игнатьевич, познакомьтесь, пожалуйста.

У него была обросшая бородой физиономия и густые пшеничные брови, а ореховые круглые глаза лучились дружелюбием.

– Меня зовут Тимофей. Я орнитолог. Я тут две недели кукую. Поехали, переночуем в посёлке – оленеводы нас приютят. А завтра – в тундру. Идёт?

При слове «орнитолог» Лизины глаза засияли. Она с энтузиазмом потрясла внушительную ручищу, протянутую ей.

– Здравствуйте, я Лиза, мне папа много о вас рассказывал. Вы побудете

с нами? У вас, наверняка очень много работы, но если бы
Вы

разрешили, то я

– Смотри, как она сразу налетела! Даже поздороваться не даст! Лиза у меня долго колебалась – биофак или медицинский. Но я вижу, старая любовь не ржавеет. Ладно, ну здравствуй! – хлопнул Тимофея по плечу Кирилл. – А это Петя, я тебе говорил, – добавил он, обнимая за плечи Рыжего, ревниво косящегося на орнитолога. Тот, впрочем, ничего не замечал и продолжал улыбаться.

Они вышли за ограду и осмотрелись. Кругом белели снега. Глазу было почти не на чем задержаться. Лишь кое-где темнели из-под снега большие камни. Да мрачные чёрные скалы семи останцев, вытянувшихся в одну линию, чётко выделялись на фоне снега, напоминая караван гигантских верблюдов в пустыне, где вместо барханов был тоже снег.

– Вот, гляньте, там впереди, – указал на них Тимофей. – Когда тут у полярника спрашивают, где ты был, он говорит, например, так: ходил к четвёртому верблюду, осмотреть капканы. И все понимают...

– Кроме меня, – буркнул Петя сердито.

– Петрусь, да ты посмотри. Ведь их целых семь. И если им номер дать... – совершенно серьёзно начала объяснять Лиза. Но её отец, сразу почувявший, откуда ветер дует, решил сменить тему.

– Тим, расскажи нам лучше, сейчас ещё «весна света» стоит или «весна воды» уже наступила?

Орнитолог поднял глаза на Кирилла, а ребята с интересом уставились на обоих. Они шагали по утрамбованной дороге к нескольким домикам крошечного посёлка, видневшихся невдалеке, откуда слышался лай собак. Усы у мужчин покрылись инеем, совсем стемнело, и видны стали звёзды.

– Кирилл Игнатьевич, не иначе вы из «органов». Нет, правда! Вот откуда вы взяли, что я вообще Пришвина читал? Даже имя такое знаю? Он сейчас совсем не в фаворе.

Кирилл не успел ответить, как Лиза замахала руками.

– Из каких ещё...? А поняла. Так в книжках называют разведку. Что Вы удивляетесь, Тима? Это – папа, папа всё всегда знает.

Тимофей Решевский с восхищением взглянул на розовощёкую девушку. Ее коса, тоже в инее, делала Лизу похожей на снегурочку.

– Вот это я понимаю! Хотел бы я тоже иметь такую дочку. Папа – и весь ответ.

– Тимка, я с твоим старшим братом десять лет учился и года три на одной парте сидел. Я немало всякого помню, в том числе про братишку.

– Да ладно, это я просто так. Ну слушайте. Я об этом могу говорить хоть неделю.

И Тимофей рассказал, что по меткому выражению М. М. Пришвина, «весна света» начинается в заполярье в середине

марта. Это происходит так.

Солнце подолгу не сходит с небосклона и заливает тундру ровным ослепительным светом. С каждым днём светлого времени всё прибывает, и в начале апреля на южных склонах крыш в солнечные дни начинают расти сосульки. Еще мороз, но уже на термометр только 6-8 градусов.

В северной части небосклона в полночь не исчезает заря. И тундра начинает тихонько оживать. Появляются одиночные куропатки. Чаше встречаются следы песцов, бисерные следы леммингов и цепочки следов горносталя, который настагает зверьков прямо под снегом.

Солнце так припекает поверхность снега, что он подтаивает и при сильном морозе. К вечеру этот подтаявший слой смерзается в твёрдую корку наста. А это значит – метель и пурга случаются все реже. Ветер не может уже поднять снежную пыль ни днём, когда снег на поверхности влажный, ни ночью под ледяным панцирем наста. Правда, дуют очень сильные ветры, но они, как ни странно, благотворны для всего живого, так как оголяют большие участки тундры и облегчают для оленей, гусей и куропаток доступ к корму. А «весна воды» приходит внезапно!

– Мы завтра на снегоходе поедem. И в лесотундре сделаем лагерь. Там у меня одна из площадок для наблюдения. А вы сможете потренироваться, – оборвал себя на полуслове рассказчик, посчитав, что нужно вернуться к делу.

– Лесотундра! Значит там есть и деревья? – спросила Ли-

за.

– Там и кустарники, хотя и деревья есть. Например, ели. Но странной формы. Они сверху как будто подрезаны все на одном уровне.

– О! Слушай, Тим, это я читал. Сильные ветры, правильно? -обрадовался Кирилл.

– Вот видите! Я говорю – папа всё знает! – девушка подула на озябшие руки. Тимофей немедленно снял огромные рукавицы, подбитые мехом, и вручил ей. Петька нахмурился ещё сильнее, прибавил шагу и зачепал по дороге, несколько опередив свою группу.

– Ветер-то, ветер, а почему на одном уровне? Что же он на нём только дует?

Снова заинтересовалась Лиза.

– А вот не скажу! Раз так – пусть Кирилл Игнатьевич объясняет. А я ростом не вышел, – Тима ехидно подмигнул Бисеру.

– Ростом ты как раз вышел. Только «молодой ишшо»! Тебе сколько лет, Тима?

– Мне? Только тридцать восемь. Не был, не участвовал, не привлекался. Ладно, пока вы что-нибудь ещё не спросили, я, так и быть, расскажу. Там, где снег лежит, он ветви и бережёт. А если весной они высовываются из снега, то их сильный морозный ветер высушивает не хуже любого самума пустыни, они и гибнут. И вот особенно на открытых местах ёлки такие стоят... Кстати, как вы думаете, что такое

куропаточий чум?

Кирилл открыл рот для ответа, но Лиза опередила его:

– Тимоша, чум бывает у эскимосов. Значит или это гнездо вигвамом, или...

– Холодно!

– Шалаш для куропаток – дополнил Кирилл.

– Шалаш – уже теплее. Для куропаток и зайцев, а заодно и для нас с вами. Я уж начал про ёлки. Ветки, те, что снег прикрывает, образуют шатёр. Он густой и для ветра непроницаем. И если оленеводам приходится проводить ночь под открытым небом, то тогда говорят ночевал в куропаточьем чуме. А выше снега – там нет ветвей! Смотрите, мы пришли. Нас Петя ждёт у крыльца.

Действительно, лай собак сделался громче, и они увидели лыжи и сани около низкой избы. Несколько мужчин в анораках и унтах окружили рыжего Петьку и оживлённо расспрашивали его.

– А как же «весна воды»? Я как раз хотела спросить... Нет, это глупо. Ещё же зима.

– Пошли, Лизок, – попросил ее отец, – все устали. Тима нам завтра расскажет дальше. Не забудь, впереди серьёзное дело. А я вижу – Петя не в духе. Давай мирится!

Лиза кивнула и послушно побежала к Рыжему.

Лидок, это ты? Да, проводила. Кирилл сказал, чем меньше я знаю, тем лучше. Он забрал обоих детей. Как это – не дети,

а кто же? Ну я говорю, взял с собой и Лизу, и Петю. Его там брат нашего Решевского... Какого? Ну, помнишь, который с ним на одной парте сидел? Так этот... Ну да, гораздо младше нас. Вот я тебе и... Точно, Тимофей, его Тимкой звать. А он биологом стал, точней, орнитологом и как раз сейчас в этих краях. Он обещал их встретить. Что? Ну да, помочь на первых порах.

Как у тебя дела? Куда? Вместе с Мишей? Ах ты и Янека берёшь. Вот и ладно. Что – вы с Мишей? Я тебя плохо слышу! Ах, будете звонить? Ну конечно! Поцелуй от меня всех – вас теперь много, но ты никого не забудь! Ну пока. Я побежала в больницу. Не пропадай!

Глава 44

Надо было пройти мимо ратуши, миновать несколько зданий и свернуть по крутой узкой улочке вниз. Булыжная мостовая ещё блестела от недавно пролившегося дождя. По плоским ступеням лихо съехал велосипедист и обдал Стаса фонтанчиком брызг. «Куда теперь?» Спуск окончился. Улица слегка расширилась, превратившись в малютку площадь. Узкие фасады средневековых домов пестрели вывесками. Крошечные ателье, художественные мастерские и цветочные горшки, керамика и стекло...

Перед спуском, рассекая на неравные части пространство, бурлил канал. Ливень щедро наполнил его. Крошечные мо-

стики связывали одетые в гранит берега, и Небылицын встал в середине такой перепонки.

Вода неслась, бурлила с воронками и буровой пеной. Он был окружён водой и засмотрелся на бегущий поток, пока его внимание не привлёк какой-то новый и неуместный здесь звук. Это из-за поворота выехала машина и затряслась на неровностях старых камней. До чего же узко, как тут вообще проехать? Прохожие шли мимо, заглядывая в витрины и любуясь средневековыми фасадами окрестных домов. Никто, казалось, не обращал внимания на автомобиль. Вот он зафырчал около его мостка, ближе к людям, опасно близко! Немолодая элегантная дама маленького роста с палочкой и собакой оглянулась. Собака на поводке рванулась в сторону...

Никто толком не понял, что дальше произошло. Синий фورد двигался не быстро. Отчего так испугался пес? А женщина? Было скользко? Палка с поводком образовали рогатку?

Стас услышал визг собаки и женский крик. Перепуганное животное стрелой бросилось назад. Его хозяйку, наоборот выбросило вперёд. Её опора – телескопический костылек, взметнулась вверх. Женщина ударилась спиной о перила. Ещё минута, и она полетела бы в кипящий поток.

Стас прыгнул к ней прежде, чем понял, что будет делать дальше. Ее тело скользнуло вниз, когда сильные руки перwokлассного теннисиста выдернули его снова на берег. Глаза

женщины, зажмуренные от ужаса, открылись и уставились на него. Молодой человек в несколько шагов донёс её до скамейки и посадил.

Со всех сторон бежали люди. Они захлопотали вокруг нее. Даже пёс, виновник всех бед, скуля, прибежал назад. Кто-то вызывал врача. А Стас, пользуясь суматохой, попятился назад и исчез. Ещё один поворот, и всё пропало из глаз.

Снова вдоль узкой улочки шумела вода, забранная в каменные берега. И в этот раз равномерный гул о чём-то живо напоминал. Ограда, связывающая два дома, между которыми струился поток, была изготовлена из тонких стержней. Правильное полукружье темнело над ней и вращалось.

Стас подошёл ближе. Деревянное мельничное колесо шлёпало... плям-плям-плям, по тёмной воде. Ему почему-то сделалось не по себе. «Батюшки, мельник! Старый колдун. Ночь на мельнице. Что ещё? Ещё русалка..., да я стал суеверным, как... кто? Как Том Сойер! Ещё немного, и ведьм пойду отводить с помощью дохлой крысы. Да почему? И это вместо того, чтобы восхищаться и умиляться. Здесь же так здорово, наверняка говорят: Аугсбург – просто швабская Венеция. На мой вкус – много лучше, только об этом надо молчать – засмеют... Эй, а куда меня занесло? «Старая златокузница» должна быть в Пфладергассе. Я как раз хотел налево, а вместо этого сделал зигзаг, и теперь, если попытаться через двор...»

Он пересёк кривой проулок, прошёл вдоль очередного канала, обогнал стайку французских студентов и уткнулся в ворота оштукатуренной жёлтой ограды.

Стас шагнул внутрь и остановился. «Так, он нашёл!» Два небольших трогательных домика по обеим сторонам внутреннего двора, лёгкая деревянная лестница, ведущая на второй этаж. Вывеска с надписью: «Старая златокузница. Мастерская, музей, магазин» задержала его внимание, но потом тихий плеск воды – не той, что бурлит, вращая колёса мельницы, а может, фортуны? Нет, нежное жемчужное журчание заставило его пройти немного вперёд. Из увитой плющом стены в лёгких арках три источника источали влагу в плоскую медную чашу.

«Мать честная! Этот вот – аметистовая лиловая друза. Над вторым написано – бразильский горный хрусталь, а третий... он похож на агат!»

В середине помещался плоский шлиф в коричневато-красных тонах. Небылицын взгляделся, едва веря своим глазам. Однако медная табличка не оставляла никаких сомнений. Дерево!

«Двести двадцать миллионов лет назад в Аризоне вырос дуб. Его ствол окаменел, из середины среза медленно по бронзовым стеблям стекает вода, а я на это смотрю. Кругом черепичные крыши, камень, цветы. Я видел мельницу Колдуна. А что увижу сейчас?»

Стас стряхнул очарование и решительно направился пря-

мо ко входу. «Вверх или вниз?» Он выбрал второе, сбежал по ступенькам, толкнул красивую дверь и оказался среди стеклянных витрин.

Перед ним, умело подсвеченные со всех сторон, искрились и сияли, оправленные в золото и серебро драгоценные камни. По левую руку от себя Стас увидел работы по металлу в традиционной манере -классическую скань и филигрань. Любимые баварские эдельвейсы царствовали на стенде против окна. Тут были серьги из эдельвейсов, броши из эдельвейсов, пряжки для шляпы, букеты и, конечно, колье. Он скользнул рассеянным взглядом по угловатым современным изделиям, косым плоскостям и массивным самоцветам – неинтересно! И остановился перед композицией, помещённой на фронтальной стене.

Колье из матового, мягкого серебра, произвольной формы его лепестки и небольшие изящные вкрапления камней, где мелкий жемчуг и тёмный рубин оттеняли два бриллианта вверху, а рядом серьги и кольцо – гарнитур. Да, это было бы как раз для неё... Он поймал себя на том, что выбирает подарки для Анны Мари.

– Здравствуйте, чем могу служить? – услышал Стас за своей спиной.

Невысокий брюнет средних лет, вежливо улыбаясь, вышел из внутреннего помещения, где виднелись столы с инструментами и оптическими приборами.

– Добрый день, я хотел бы поговорить с господином Мер-

телем. Стою вот, люблюсь на прекрасные авторские работы, и поэтому немного отвлѣкся. Мы с ним договорились по телефону. Меня зовут...

– Прекрасные авторские работы? Очень лестно! – ещё шире улыбнулся его собеседник. – Так вы господин Небылицын? – он протянул Стасу руку. – Мертель, юниор! Дитмар, Рудольфа Мертеля сын – это я. Очень рад. Одну минуту, я позову моего сотрудника. Мы с Вами пойдѐм наверх и побеседуем без помех.

Они поднялись в кабинет владельца, сели там в удобные кресла и заговорили с увлечением об истории аугсбургского ювелирного дела. Хозяин дома показал гостю коллекционные экземпляры, рассказал о своих любимых Неуссе и Бруглохере – аугсбургских золотых дел мастерах, последователем которых считал себя и отца. А узнав о стальном магнате, что готов любые деньги заплатить за предмет своих увлечений, пообещал навести справки у отца и коллег. Стас рассказал подробно, что он ищет и купит, и заметил:

– Господин Мертель, я вполне допускаю, что мой поручитель может заказать достойную копию драгоценностей Королевы Вюртембергской, если будет профессиональное описание оригинала, не вызывающие никаких сомнений.

Лицо ювелира выразило понятное воодушевление вырисовывающейся перспективой, и Стас решил, что пора.

– Вы знаете, я хотел Вас так или иначе посетить по этому делу. Но мне, кроме того, рекомендовал именно к Вам

обратиться профессор Фукс. Я сам нуждаюсь в совете. Нет, вернее, мне необходимо узнать... это личное дело... я.. простите... волнуюсь.

Молодой человек встал, прошёлся по комнате взад-вперёд, и, собравшись с духом, обратился к господину Мертелю.

– Я вас очень прошу, расскажите мне про Гольдшмидта-сына. Что такое «Римский заказ», и как он связан с династией Фельзер?

На столе стояли напитки. Небылицын предпочёл лёгкий «радлер», хозяин – апельсиновый сок. Дитмар Мертель отпил глоток и повернулся к шкафу. Когда Стас выговорил последнюю фразу, он, спиной к гостю, доставал «Прикладное искусство Баварии».

Услышав слова Стаса, Мертель с минуту стоял неподвижно. Он до сих пор был приветлив, разговорчив, готов к услугам. Но теперь, когда он медленно обернулся, гость едва узнал гостеприимного ювелира. С каменным лицом Мертель поставил бокал на стол и с расстановкой сказал.

– Извините, ничем помочь не могу. Я не хочу быть невежливым! Буду очень рад сотрудничеству с вами. Помогу найти, что сумею. Если вы закажете нам «повторы», предложу вам разные скидки. Но прошу вас, больше ни слова! А теперь меня ждёт работа. Был очень рад познакомиться!

Это было совершенно недвусмысленно. Ему говорили: позвольте вам выйти вон, а он не понимал, почему! Стас почувствовал прилив отчаяния. Он устал от неизвестности, не

знал, как быть дальше. Мертель был четвёртым по счёту! И всюду одно и то же. Любезный приём, готовность помочь, но как услышат «Римский заказ» ... Стас вскочил и с горя воскликнул.

– Ради бога, выслушайте меня! Я не представляю, что стоит за этим названием, не преследую никаких интересов, не понимаю, что и кого задеваю, повторяя эти слова. Но проклятый «Римский заказ» губит счастье всей моей жизни, а никто мне помочь не хочет!

И не глядя больше на ювелира, он опустилсся снова в кресло, обхватил голову руками и, сбиваясь и запинаясь, рассказал, как мог, всю историю. Ювелир слушал молча, а вот дверь вела себя странно. Она то приоткрывалась неслышно, то затворялась, оставляя, впрочем, большую щёлку. Когда Стас кончил, поднял голову и промолвил:

– Вы – моя последняя надежда, господин Мертель! Я понимаю, Вы не обязаны мне помогать. У Вас для этого нет оснований... Дверь совсем распахнулась.

– Есть! – промолвил грудной женский голос! – У моего брата есть все основания помочь человеку, который час назад уберёт меня от увечья, если уж не от смерти!

Она стояла в дверном проёме с глазами, полными слёз. Она уже переделалась – маленькая лёгонькая хромоножка лет пятидесяти со своим костыльком. Испачканную в пыли, разорванную цветастую блузу она сменила на платье из серого льна, украшенное крупными тёмными кружевами с ка-

пельками красного бисера сверху донизу, до подола.

– Куда же вы исчезли? Мы вас искали! Вся это беда приключилась совсем рядом. Выходит, я пришла немного раньше, чем вы? Ведь вы тот самый искусствовед из Москвы, о ком профессор Фукс говорил? Вы ищете украшения Королевы? Нет, это невероятно! Послушайте, у нас семейное дело. Я – Клара Мертель. Я тоже работаю по золоту с девятнадцати лет. И я замужем за Альфредом Фельзер тридцать два года. Я не знаю, как Вас благодарить... Нет, знаю! Я вам всё расскажу!

– Я! – Дитмар сделал протестующий жест, но это ещё больше подстегнуло взволнованную Клару.

– Ах, перестань! В конце концов, это я Фельзер, не ты! Остальные суеверные трусы! Ты погляди, я после гор так долго маюсь с ногой. Я просто заплатила вперёд!

Она остановилась, посмотрела на широко распахнувшего глаза от изумления, ничего не понимающего Стаса, на брата, явно растерявшегося в этом вихре событий, и легко рассмеялась.

– Вот что, сядем спокойно. Ты позвони, чтобы нам принесли кофе с пирожными, а я начну.

Глава 45

Весна воды.

«Весна света» приходит постепенно. К ней привыкают. Не то – «весна воды»! Она обрушивается сразу, и только её можно, собственно, назвать весной. Огромные массы снега и льда превращаются в говорливые воды ручьёв и рек. В середине июня за один день может несколько часов подряд моросить дождь, и оседают глубокие снега, появляются первые ручьи. Обширные участки тундры освобождаются. Ещё день-два, и она становится непроходимой.

Разливы арктических рек и ручьёв совсем не такие, как в средней полосе. Вода здесь появляется вначале на поверхности снега и льда. Когда её скопится достаточно много, образуется поток, с каждым днём всё более бурный. И только потом уже взламывается лёд. Впрочем, ледяной покров бывает лишь на самых крупных реках. Большинство же небольших рек и ручьёв так пересыхает к осени, что ни о каком ледоставе на них не может быть и речи. С другой стороны, в некоторых ручьях, где долины особенно забиты снежными надувами, вода прорывает узкие коридоры высотой до двух-трёх метров.

Перед тем, как сделать решительный последний бросок на землю Франца-Иосифа, было решено стать лагерем и делать тренировочные радиальные выходы. Тимофей обещал отвезти их на оленях к небольшой горной цепи и показать редких животных. Кирилл же хотел «погонять рыжего телка» и, заодно, помочь Лизе вспомнить прежние знания и умения. Надо заметить, Телку пришлось вначале туго.

В этот раз они шли по правому пологому берегу ручья, левый берег которого нависал крутым, почти отвесным обрывом. Бисер с дочкой держались вместе. Тимофей возглавил колонну. Петрусь тянулся в арьергарде. Он слегка прихрамывал на левую ногу, спинка его рюкзака с его собственной спиной образовала заметный угол, ляжки нещадно врезались в плечи, ломило крестец. Они двигались так часа четыре, пока впереди не показались два небольших озера, расположенных рядом в неизменно мокрой тундре. Её ровная поверхность плавно перешла в поверхность озёр, лежащих на том же уровне.

Здесь часто можно встретить озёра без всякой котловины. Эти озёра больше всего любят линяющие гуси, так как по их берегам много сочного корма. Линные гуси оказались и здесь. Маленький отряд находился от озера ещё на расстоянии километра, а они уже заметили людей и, словно по команде, устремились на середину озера и сбились там в плотную стаю. В ней было не менее двухсот птиц – большей частью белолобые казарки и немного гуменников. Решевский сделал несколько удачных выстрелов, и их продовольственные запасы пополнились дичью. Лиза с отцом ощипали и выпотрошили добычу, а потом подкоптили её над костром. Петька только крякал.

Он мялся и маялся без дела, пока остальная троица ловко, без лишней суеты развела огонь, когда рыли естественный погреб в снежном забое под береговым обрывом ручья, что-

бы сложить на время дичь. Замечаний ему никто не делал. Кирилл только неодобрительно поглядывал на парня, но ни проронил ни слова.

Пора было искать место для ночлега. Они остановились в долине ручья на прибрежной гальке под обрывом. Из больших камней сделали очаг и поставили палатку. На следующий день Тимофей собирался обойти свои ловушки и оставить их на несколько дней одних. Кириллу казались, что Петю радует эта перспектива.

Пока варился ужин и кипятился чай, весь небосклон затянула серая пелена дождевых облаков. После еды всех стало клонить ко сну, и Кирилл бросил Петьке:

– Не забудь, завтра ты дежурный. Подъём в семь часов. Сваришь манную кашу и какао. Лиза тебе сейчас выдаст продукты. Поставь будильник. Вопросы есть?

Рыжий вздохнул, исподлобья глянул на Лизу и, пробормотав, «окей», двинулся за ней получать крупу, банку сгущёнки и прочий припас. Через час все мирно уснули. Дождь, зарядивший на всю ночь, монотонно барабанил по палатке и быстро убаюкал усталого Бисера.

Он же его и разбудил. Палатка протекала – кто-то нарушил железное правило не трогать крышу.

Кирилл выбрался наружу. Дождь тем временем прекратился. Он развёл костёр и пристроил спальник сушиться на «подсобных» камнях. Вскоре вылезли Лиза и Тимофей. Один Петро спал сном праведника. Тимофей сбегал к ручью

умыться и устроился у воды так, что его было видно от места привала. Он наклонился, почистил зубы, потом собрался облиться до пояса из котелка, как вдруг, повернувшись к остальным, призывно замахал руками, одновременно жестикулируя и приложив палец к губам.

– Пап, посмотри, Тима что-то заметил и хочет нам показать. Пойдём тихонечко, – потянула отца за руку Лиза.

Сцена на берегу, определённо, стоила того, чтобы поспешить к воде. Маленький, не больше воробья, кулик-плавунчик, обладатель крохотных, величиной с напёрсток, птенцов, вел их к воде. Ему следовало научить детей плавать. Инстинкт безошибочно вёл куличка к ручью, но тут их ждало горькое разочарование. Путь преграждал высокий снежный обрыв. Преодолеть препятствие птенцы не могли.

Взрослый кулик долго беспокойно бегал по обрыву, но спуск не нашел. Тогда он повернулся и увёл малышей обратно в тундру. Люди с умилением смотрели на смелую птичку, стараясь её не напугать.

– Я вам ещё не то покажу. Здесь есть ржанки, лапландские подорожники и хищники тоже. Например, поморники, – прошептал Тимофей.

– А я о совах мечтаю! – сказала девушка. – Чем больше леммингов, тем больше сов!

– Люди, а я мечтаю о манной каше, есть охота. Как там наш повар? – Бисер глянул на поскучевшую разом Лизу и рассмеялся.

– Не огорчайся, Лизок. Давай дадим ему ещё немного времени на подготовку. Лиза Петьку жалеет, – пояснил он орнитологу.

– Я, признаться, и злюсь иногда, – девушка, опустив голову, подкинула камушек носком ботинка. – Вчера вот Петрусь снова только глазел и не помогал.

– А ещё он слопал остатки от обеда третьего дня. Или... когда это было? Помню – макароны с тушёнкой. Ты тогда, Тим, ушёл гнёзда обследовать, потому и не знаешь. Мы хотели этим поужинать, все устали, промокли. Разогрели б на примусе, ан нет...

– Понимаешь, Тимоша, мы с папой пошли ставить палатку и надувать матрасы и сказали ему, чтобы примус разжёт.

– А он не умеет с примусом, но не признаётся, – наперебой начали рассказывать папа с дочкой.

– Пап, это он перед тобой петушится.

– Ох, Лиз, а перед тобой?

– Да ладно, не важно. В общем, Тим, мы приходим – примус холодный... Как сосулька. Котелок, естественно, тоже. Но разница налицо. Примус – закопчённый. Правда, снаружи. Зато котелок блестит, правда, внутри, – развёл руками Кирилл.

Все трое шли, не торопясь, вдоль берега, глядя на воду. Время двигалось к восьми, и пора было возвращаться. Они помолчали. Затем Лиза тихо сказала.

– Я одного не могу понять. Казалось бы, Петька эгоист.

Ему на нас наплевать. Но папу он тихо обожает, это видно. А обо мне на даче заботился – творог, орехи, фрукты таскал!

– Правильно, но теперь он голодный. И думает в первую очередь о себе. Не будем спешить! Любое воспитание и обучение требует времени. Ладно, топаем к дому. Надеюсь, хоть костёр не погас.

Они повернулись и быстрым шагом направились к палатке.

Костёр, слава богу, горел исправно. Маленький котелок – какао? Бурлил над огнём. Другой стоял уже на камнях, а Рыжий в замешательстве медленно помешивал в нем половником.

– Готово? Отлично, – потёр руки Тимофей. – Мы все голодные как чайки. Давай сюда миски, я положу всем кашу, а ты отдохни. Ты ж поработал?

Он наклонился над котелком, взял у Пети половник, зачерпнул и недоуменно поднял глаза. Вареву трудно было назвать кашей. В голубоватой от разведённого молока жидкости плавал один большущий комок и несколько его младших братьев поменьше. Тима надавил на комок половником, он развалился. Внутри оказалась совсем сырая крупа.

– Петь, расскажи мне, будь другом, как варят манку? – спросил спокойно Кирилл.

– А.. это... сначала воду кипятят, а потом, как бы... надо эту... крупу сыпать, манку! И сахар! Всю сразу? – невинно осведомился Решевский.

– Ну ясно! Чего тянуть? – Рыжий был рад, что Лиза молча смотрела в сторону, словно всё это её не касалось.

– Да... Тянуть, верно, нечего, «Это» отдай собаке, – подытожил Кирилл. – Давай варить, все голодные.

Глава 46

Слава Телотта уже гремела по всей Европе. Ему делали заказы из Мюнхена и Дрездена, Вены и Праги. Даже из самого Парижа – хоть там были свои прекрасные мастера. Конечно, он имел подмастерьев. Дело процветало, состоятельные горожане и даже члены гильдии охотно отдавали к нему в обучение своих сыновей, да он не каждого брал. Он мог себе уже это позволить.

В мастерской изготавливали серебряную и золотую посуду, для епископа – церковную утварь. А украшения мастер не доверял никому. Он сам выбирал камни, занимался огранкой, сам любовно делал оправу, и порой ворчал, что де «это тонкое дело», и «горшечникам» – не по силам. Однажды в зимний ветреный День старший подмастерье пошёл запирать на ночь ворота. Надрывно лаяла собака. Он огляделся. У коновязи в плетеной корзинке он наткнулся на пищащий маленький свёрток. Когда находку развернули...

Весь дом сбежался поглядеть на подкидыша. Крошечный мальчонка плакал и хотел есть, и его отнесли кухарке, у которой был свой младенец. Наутро они устроили семейный

совет, позвали священника и положили – ребёнка крестить и оставить в доме. Мальчика назвали Георгом, он рос толковым и прилежным, и скоро Мастер, у которого была только дочка, привязался к нему как к сыну.

Мы не так много знаем о нём самом. Но известно, что через три года у Телотта родилась ещё одна дочь, и когда старшая вышла замуж и уехала к мужу в Нюрнберг, то вскоре любимый подмастерье Георг, ставший к тому времени прекрасным ювелиром, женился на юной Эмме и сделался со временем совладельцем, а потом наследником тестя. Как нередко, бывало, в старое время, люди называли Георга по занятию. Получил он прозвище – «гольдшмидт», и оно-то стало фамилией.

Клара встала, подошла к угловому шкафу и достала старый альбом.

– Посмотрите, как работали раньше.

На мелованной плотной бумаге «ин фолио» художник изобразил помещение с большим арочным решётчатым окном. По стенам были развешаны инструменты. Слева у высокой печи работник раздувал меха. Люди стояли и сидели по периметру у глиняных тиглей, ящичков, верстаков и станочков. Короткие пышные штаны, ноги в чулках...

– Видите, как их много, это шестнадцатый век. Но и позже было не меньше. Ну так вот, у Георга с Эммой родилось пятеро детей: две дочери и три сына. Но из двух старших сыновей ни один не проявил интереса к отцовской работе.

Старший решил посвятить себя богу, средний попросился в ученики к своему дяде аптекарю. И Георг был огорчён и разочарован. Зато самый младший Михаэль вознаграждал сторицей отца. Он был талантлив, трудолюбив, терпелив и всей душой стремился стать достойным его учеником.

Состоятельный Георг дал сыну хорошее домашнее образование. Мальчик умел играть на музыкальных инструментах, знал французский и итальянский. Но ещё важнее, что он прекрасно рисовал и лепил. В моду тогда вошли подарки из драгоценных металлов – фигурки античных богов, птиц, животных, украшенных крупным жемчугом, в алмазах и сапфирах. И со временем в этом Михаэлю не стало равных.

В мастерской Георга любили заказы богатых монастырей. Воображение его помощников будили церковные ризы, торжественные чаши для причастия, ковчежцы и изукрашенные эмалью золотые кресты. А его сын как отец превосходно делал перстни, ожерелья, диадемы и браслеты. Но особенно удавалось ему другое – мелкая пластика – как сейчас это называют. И на него посыпались заказы. Золотые, изготовившиеся к прыжку, бенгальские тигры с изумрудными глазами и серебряными когтями, сокол ли с агатовым клювом, Афродита, Посейдон или Нике...

Мастерская стала еще известнее. Сперва Михаэля называли – молодой Гольдшмидт, позже стали говорить – Большой. Он уже давно был женат, да не просто так, а на племяннице бургомистра, купил участок земли за городом и поду-

мывал послать сына в Венецию, чтобы присмотреть там палатцу. Тогда и приключилась эта история, что не даёт покоя даже сейчас.

Милое неправильное лицо Клары с мелкими морщинками около карих глаз потемнело и напряглось, каштановая прядка волос упала на лоб. Чувствовалось, как не хотелось ей продолжать.

– Господин Небылицын, я происхожу из католической семьи. И у нас дома к этому всегда относились серьёзно. А Михаэль Гольдшмидт был не просто католик. Он был образцовый прихожанин, жертвовал на церковные нужды, сидел на почётном месте на церковной скамье и хотел сделать священником своего младшего, отдав к брату на воспитание. И к такому ревностному сыну католической церкви постучался однажды запылённый курьер.

В эти годы на престоле был Папа, имени которого называть я не стану. О нём ходили дурные слухи. Однако то, что Вы узнаете от меня, никто не смог подтвердить или опровергнуть. Было это его желание или кто-то хотел ему сделать подарок? Был курьер от члена курии или от Понтифика самозванцем? По крайней мере, семейная легенда такова:

Три раза Михаэль говорил: «нет». Три раза курьер выходил за ворота и возвращался. Наконец, мастер не устоял. Перед ним лежали камни изумительной красоты, редкой чистоты воды и величины. Он никогда не видел таких. Он не смог отказаться сделать из них заказ. Мастер начал работать. Он

всё делал один, в полнейшей тайне, только глубокой ночью. И чем дальше продвигалась работа, тем с большим страхом и неохотой он думал, что придётся её однажды отдать. Значит рано или поздно люди увидят... ЭТО и узнают, кто его автор. Примерный отец семейства... образцовый католик!

Всему на свете наступает конец, и Михаэль закончил заказ. Но шло время – из Рима никто не появлялся. Мастер выжидал, потом попробовал окольным путём навести справки, как вдруг пришла весть, что Папа умер, его приемник строг и суров, а окружение боится вздохнуть. Наконец последние сомнения отпали. Брат Михаэля – аббат по делам попал в Ватикан и услышал, что посредник, заказавший работу, отстранён, с позором изгнан, и умер в изгнании в тюрьме.

А что с работой? Михаэль запрятал её подальше и постарался о ней забыть. Но не тут-то было. На их дом посыпались беды. Тяжело заболела жена. В доме случился пожар. Подмастерье упал с лошади и повредил руку. Михаэля мучили мысли, будто всё это – наказание. Мысль о позоре тоже не давала ему покоя. И он решил избавиться от своей работы любой ценой.

– Вы не устали, может сделаем перерыв? – нервно спросила Клара. Но не успели мужчины что-то сказать, а Стас запротестовать, она махнула рукой. – Что ж, Вы наверно правы. Лучше покончим с этим. Мы оставим ненадолго нашего ювелира и обратимся к семье моего мужа. Это были люди другого общественного положения. Они принадлежали к

старинному владетельному роду, состояли в родстве с баронами Штокман, имели земли, рудники в колониях, купили право чеканить монеты. Нечего и говорить, что они были в теснейших отношениях с церковной городской властью. В его семье очень ценилась военная доблесть. Фельзер больше заботились о репутации, чем о Деньгах. Это были достойные люди в большинстве. Только в семье не без уroda.

«Урод», семейный изгой нередко беден, но Карл как раз был очень богат. Казалось, не было порока, которого бы не имел этот монстр. Он был жесток, жаден и развращён до крайности. О нём гуляли смутные страшные слухи, но золото всем затыкало рты. Да и могущественные родственники не хотели огласки. Когда не удавалось скрыть очередную историю о соблазнениях и измышательствах, они старались замять скандал. Он завел в доме гарем из купленных в Иране рабынь. Он устраивал битвы егерей и диких зверей. В доме у него жил медведь. Зверь был злой, дикий, признавал только Карла и бросался на остальных.

О попойках буйного Карла ходили легенды. Далекo за городом он построил дом с башней, обнёс его высокой стеной и в нём особенно свирепствовал и оскорблял небеса. Но нас сейчас интересует другое. У него была слабость к искусству, хотя тоже и особого рода. Он собирал эротические картины и другие подобные вещи. Вот ему-то и решил Михаэль продать свою «редкость».

Мы не знаем, как они сговорились. Однако сделка состо-

ялась, Карл заплатил огромные деньги, а Гольдшмидт все их до последнего гроша пожертвовал на церковь, вдов и сирот. Он исповедался, отправился пешком паломником в храм Франциска Ассизского, а когда вернулся, бедствия прекратились. Михаэль окончательно уверился, что ещё легко отделался. А Карл, в ус не дую, продолжал в том же духе. Но если до сих пор его хранил Люцифер, как шептались люди вокруг, теперь удача отвернулась совсем. Он заболел дурной болезнью – слуги говорили, что он гниёт заживо. Он стал пить ещё больше, если это только возможно.

Вот однажды он поехал кататься вдвоём с медведем. Что-то привело Карла в ярость. Он ударил палашом зверя, тот в ответ огрел хозяина лапой, и мерзавец испустил дух на месте. Он не был женат, не имел законно признанных детей. Поэтому, когда он умер, всё, что имел Карл, унаследовал брат. Земли, как полагалось, остались в семье. Сброд, что служил у Карла, старший брат распустил. Собрание же богомерзкой дряни, как он это назвал, брат Эвальд решил, не глядя, спалить, а дом снести. Да посоветовался прежде со своим духовным отцом.

Тот был холёный полный аббат, носивший роскошные султаны, перстни, драгоценные пряжки и полновесную золотую цепь с тяжёлым крестом, украшенным зелёным большим александритом, загадочно менявшим цвет на свету. Он задумался, пристально посмотрел на Эвальда и предложил показать ему всё, что за свою жизнь собрал Карл. В ответ на

робкие возражения об оскорблении взоров служителя господ аббат пожал плечами. Пустое! Не думает ли достойный господин Фельзер, что можно поколебать в вере или коснуться грязью ЕГО! А вот прежде, чем предать имущество Карла огню, следует понять, не принесёт ли оно пользу Матери Церкви?

Сказано – сделано. Аббат поднялся на башню и скользнул равнодушным взглядом по увешенным картинами бурным стенам, хотя среди авторов попадались знаменитые живописцы. Не заинтересовали его ни скульптуры из мрамора, гипса и алебаstra, ни резьба по слоновой кости. «Надо продать, – равнодушно пробормотал он, – зачем добру пропадать?» Но перед альковым, под бархатным балдахином, он остановился. Аббат осторожно отодвинул тёмно-красную ткань. Вокруг горели толстые восковые свечи. Триптих с изображениями козлоногих сатиров и фавнов открылся вверху. Он перевёл глаза на небольшой постамент из каррарского мрамора и.. бросился, как ошпаренный, вниз к ожидавшему его наследнику.

«Святые угодники, господин Фельзер! Этому нет цены! Только одна чёрная жемчужина, даже если бы ничего другого не было в помине!!!

Но там же изумруды, уж Вы мне поверьте, я в этом знаю толк, и... бриллианты! Вы должны понять, это... это бриллианты, достойные разве только короны! Кайзера или Папы! Тут почтенный прелат прикусил язык и постарался нелов-

кость замять. Сколько времени пролетело, пока Клара начала свой рассказ? За окном стемнело. Уже вечер, или это облака, скоро начнётся гроза? Он ли слушает аугсбургские легенды с чувством, что сейчас решается его судьба?

Происходящее плохо умещалась в сознании Стаса. Он потихоньку ущипнул себя за ухо. А Клара, тем временем, замолчала, теребя пустую чёрную чашку. И тогда Дитмар, несколько оттаявший за это время, тихо спросил:

– Хочешь, чтоб я закончил? – Она кивнула, и начал брат. – Эвальд и аббат сговорились. Всё остальное было осторожно и анонимно распродано в Италии. Деньги отданы церкви. Ну а грешную «ценность» спрятали под замок. Было решено, что её наследует всегда старший сын, и только он один видит ее и знает о ней. С тех пор старших сыновей этой семьи начал преследовать рок. Существует также поверие, что для всей семьи Фельзер очень опасно даже упоминать об истории «заказа». Тому было много примеров. Ювелиры со своей стороны страшно не любят...

За это время несколько раз звонил телефон, дверь открывалась и притворялась тихонько. Мертели, брат и сестра только отмахивались и продолжали рассказ. Но наступил, наконец, момент, когда они должны были вернуться к повседневным делам. Помощник в дверном проёме явно не собирался на этот раз уступать. Дитмар встал, обменялся с ним парой слов, а затем обратился к Стасу.

– Извините, нам придётся продолжить позже. Мне оста-

лось не так уж много. Я подумал, что для Вас как раз будет важно, что... – Внезапно он обернулся к Кларе и хлопнул себя по лбу. – Как ты сказала? В конце концов, ты Фельзер, а остальные – суеверные идиоты? Сестричка – один из них это я. Разрази меня гром, если я скажу еще хоть одно слово! Ты спокойно направлялась домой, когда сзади случайно оказался господин Небылицын. Он шёл к нам, чтобы узнать по «Римский заказ». Между вами оставалось несколько метров. Тут случилось нечто такое, что тебя чуть не погубило. Станислав, до свидания, всего лучшего, до свидания!

С этими словами Мертель схватил за руку растерявшуюся Клару, увлёл её к выходу соседнюю комнату и плотно затворил за собою дверь.

Глава 47

Прошло несколько дней. Погода постепенно улучшилась. В просветах облаков появилось чистое небо и, наконец, засверкало яркое солнце. На траве заблестели капли дождя, а от мокрой нагретой гальки на берегу ручья пошёл лёгкий пар. Решевский с ночи ушёл ловить леммингов для приманки, и Бисер, проснувшись рано, оказался в палатке один. Он расстегнул спальник и покрутил головой по сторонам, удивившись, что молодняк уже усвистал. Они так любят поспать!

Сквозь палатку светило солнце. Только около шести, так

не подремать ли ещё? И тут до него донеслись негромкие голоса. Кирилл прислушался. У костра разговаривали двое.

– Он считает меня дебилом, я сажусь регулярно в лужу. Ты думаешь, я не понимаю? Может, лучше уж мне всё бросить и вернуться...

– Петь, да что ты? Возьмём вчерашний вечер. Ты гречку сварил нормально, для Тимки сделал ловушки.

– А-а-а, гречку просто. Крупу насыпал, добавил соли...

– А манку – сложно. Ну правда! Я тебе покажу. Мы можем вместе попробовать пару раз, а уж потом ты один. Её вообще-то лучше вдвоём. Один в кипящую жидкость то-о-оненькой струйкой сыпет крупу, а другой всё время мешает. Над костром это трудно.

– Кирилл Игнатьич и Решевский по одному умеют.

– Ну и что? Когда мы тоже... ну я говорю, лет через десять...

Они засмеялись. Стало слышно, как затрещали сучья в огне. Лиза закашлялась от дыма и сказала

– Подвинься.

– Ох, а костры! И это правда – мужская работа, – вздохнул тот.

– Папа считает, что есть просто – Работа. Не мужская и не женская. Нет, не так. Есть такое правило. На привале, в походе и экспедиции, каждый ищет себе работу. Понимаешь, не ждёт, пока скажут, а сам. В этом весь фокус. Но тяжёлое делают мужчины. И это нормально. А костры... Вот смотри.

Есть костёр «Пионерский», есть «Таёжный», есть «Нодья» и «Колодец». Хочешь, я покажу, какой попроще.

Снаружи снова послышался треск – это ломали ветки, потом стук топора.

– Петь, сейчас галька ещё мокрая. Мы можем начать прямо на ней. Так будет наглядней.

– Интересное кино! Всё сразу станет немедленно гаснуть. Нужно как раз сухое место искать.

– Вот именно! Но не всегда оно есть. Значит, например, летом ты или снимаешь дёрн, или должен что-то вниз подложить. Кстати, хорошо с собой сухую растопку иметь. И немного спирта или бензина, если очень уж мокро. Мы на байдарке возили металлический лист, чтобы на нем костёр разжигать. Так, ладно, это теория. Гляди и делай как я.

– Ой, колется! – вскрикнул неожиданно Петька.

– Петь, здесь ёлок-то почти нет, да и эти – чудные, но ничего. На них в самом низу под лапами, как и в нормальном лесу, такие тонкие веточки есть. Называется – паутинка. Они сухие. Ты их и бери. Ага! Молодец, довольно.

– Годится, Лиз. Что теперь делать?

– Шалашиком их поставь и снизу... Ох, нет, постой. Наделай щепок потолще, сможешь?

– Запросто. Такие подойдут?

– Отлично. Теперь совсем просто. Ты подожжёшь шалашик – он загорится. Тогда ты снаружи ставишь щепки потолще – также опять шалашом. Когда разгорится сильнее, мож-

но брать другие дровишки, даже если они сырые. Ставишь их вокруг, они сохнут.

– Полундра! От них пар идёт, как от чайника. А костёрчик горит, просто класс! Слушай, я тебя всё спросить хотел. А почему у меня другая бурда горькая вышла? Эта, ну..

– Пшёнка? Ты пойми, здесь не деревня даже, а просто край света. Мы крупу тут купили. Не потащишь же всё на свете? А такую крупу надо перебирать, мыть, и потом шпарить.

– Чего? Куда шпарить? Зачем?

– Петька, чудо гороховое! Кипятком! Крупу! Шпарить! А потом воду слить и тогда горечь сойдёт.

– Понял. Лиз, ты не злишь. У меня все ступни в волдырях, я...

– А это твои пижонской крупной вязки носки. Носки надо, конечно, шерстяные носить, но гладенькие – ноги беречь. Я тебе папины дам. Ты свои сними, ради бога.

– Сама, небось, колготки носишь?

– А вот и нет. Колготки вообще нельзя.

– Это ещё почему?

– Если ноги промокли, надо обувь и прочее быстро снять, а колготки, сам понимаешь...

– М-м-м, Лизка! Я чувствую себя полным идиотом, неучем и младенцем.

– Тише, папу разбудишь. Пойдём побродим? Костёр наш пробный только залей, а в общем угли прикрой. Снаружи

зашуршали шаги, что-то звякнуло пару раз, и всё стихло.

Между двух гор тёмным мрачным провалом зияло озеро. Оно было всё ещё покрыто льдом, лишь кое-где блестели языки свободной воды. В некоторых местах лёд подходил вплотную к берегу и был достаточно крепок, чтоб по нему пройти. Но не везде. Местами он был сильно изъеден, и не вынес бы тяжести человека. Двухметровой толщины льдины, обтаяв с поверхности, сохранили широкие скользкие подводные выступы. Вскарabкаться из воды на такую льдину без посторонней помощи почти невозможно.

Ребята, обходя подозрительные тёмные пятна, метров на сто отошли от берега. Они заглянули в небольшую полынью. Перед ними открылась неповторимая картина! Сначала ничего нельзя было разобрать, кроме голубоватого мерцания, исходившего из глубины озера. Солнечные лучи, проникая под лёд около берегов, где имелась полоска чистой воды, пронизывали водную толщу. У нее был от этого непередаваемый изумрудно-голубой мерцающий цвет.

Вода озера была совершенно чиста и прозрачна. В него не впадали реки. Само оно девять месяцев в году находилось подо льдом. Так что любая примесь за это время оседала. Тающие льдинки у берегов, колеблемые ветерком, издавали лёгкий и мелодичный звук, напоминающий звон хрустальных подвесок люстр.

Лиза сделала ещё один осторожный шаг и посмотре-

лась. Постепенно стало можно различить лежащее на большой глубине усеянное мелкими камешками дно.

– Слушай, я о таком даже мечтать не могла. Это же царство царя Берендея. Нет, это Снежная королева и её...

– Погоди они все – земные. Они ходят или летают: Берендеи, Королева... А у нас с тобой подводное царство.

– Петруч-ч-ч-ио, -расшалилась не на шутку Лиза, – Молодец! Это зачарованное подводное царство. Здесь всё застыло в абсолютной неподвижности. Под нами покоится голубая пучина. Тут никогда не ступала нога... нет, опять не годится. Нога по воде...?

– Не плескало хвоста! Не мелькал ни плавник! – Петя, держа Лизу за руку, низко наклонился над водной гладью. – Лизка, а вот и рыба! Прямо подо льдом, здоровая как акула!

– Ты куда, здесь же скользко! – с этими словами девушка потянула Петю обратно и, неловко повернувшись, потеряла равновесие.

Её ноги заскользили, рука оторвалась от Петиной и попыталась ухватиться за снег, но от этого стало только хуже. Она проехала, словно на лыжах, несколько шагов и боком сползла в полынью. От испуга Лиза даже не попыталась сопротивляться. «Голубая пучина» с тихим плеском расступилась и сомкнулась над её головой.

– Собака моя, как нарочно, охотиться перестала, когда корм на исходе. Бывало, не дозовёшься из тундры. А теперь

жмётся к палатке или, понурив голову, слоняется у лагеря, – озабоченно сказал Тимофей.

Они недавно перешли с Кириллом на «ты», и он ещё немного запинаясь, когда нужно было обратиться к Бисеру напрямую.

– А как охотятся ездовые собаки? Я знаю такое слово – «мышкуют». Ох, бред, я вспомнил. Лиса мышкует! А лайки?

– Они раскапывают норы леммингов и гоняются за дичью. Надо будет пойти подстрелить пару чаек, пока мой Песец совсем не оголодал. Отличная собака, этот Песец. Двухлеток, чистопородный, красивый, выносливый! Пока я летел, один мужик на него всю дорогу любовался. Просил всё, может, продам? Хороший, кстати, мужик. Ошейник мне подарил.

Он похлопал по толстому кожаному коричневому ошейнику с блестящими бляшками и потрепал по уху крупную белую лайку с чёрным ухом. Она радостно завиляла хвостом и, понюхав следы на снегу, потрусила куда-то по своим делам.

– Со мной, знаешь, пёстрый народец летел. Оленеводы, врач с акушеркой, буровики, охотники и два маримана. Этот был, конечно, охотник. Предлагал охотиться вместе. Слушай, винчестер у него... обалдеть!

– У тебя тоже ничего. Тим, а ты какие гнёзда сейчас смотрел? – спросил Кирилл.

– Есть такая птица в Арктике. Зовётся – чистик. Они тут на скалистых островах живут. Чистики не улетают даже по-

лярной ночью. А яйца кладут прямо в расщелины скал без всякой подстилки. Там же насиживают яйца и выводят птенцов.

– Тут надо насиживать так уж насиживать! Холодно ведь. В лучшем случае температура может подняться немного выше нуля.

– И я так думал, но оказалось – они странным образом не спешат садиться на яйца. И даже когда наконец приступают к делу, часто оставляют их надолго неприкрытыми. Вот я и стал это фиксировать. Хотел посмотреть, зависит ли вылупление от поведения самок.

– Так им же тоже есть надо. Ты подумай, Тим, это не юг. Здесь чтобы пропитание твоим самкам добыть, надо далеко от островов улететь, найти разводья и рыбку поймать.

– Видишь, на яйцах сидят самки. А кормят их, оказывается, самцы. И самочки, если уходят из своих тёмных щелей, идут не кормиться, а просто греться на солнышке и «болтать» на карнизах со своими соседями по гнездовью. Эй, глянь вперёд!

Решевский взял болтавшийся у него на шее полевой бинокль и навёл его на кочку с буровато-чёрной птицей с крючковатым клювом и белой грудкой.

– Это «фомка-разбойник», короткохвостый поморник. Гнёзда гаги нашёл, ворюга. Он их высасывает. И так ловко, что ты пустые от полных не отличишь. Послал бы Песца его спугнуть, да он удрал как на грех.

– А что, Песец обычно с тобой? Лиза мне чудные вещи рассказывала. Я не особенно поверил. Подумал, интересничает перед девчонкой мужик, – подначил Бисер Тимофея.

– Про чистиков? Трудно поверить, но это правда. Песец всегда увязывался со мной, когда я на обследования ходил. Я думал сначала, если будет мешать, то стану привязывать. Только гляжу, он птиц с гнездовий не сгоняет и яиц без разрешения не трогает. Бывало, я уйду без него, так он меня найдёт и сидит в сторонке, ждёт, когда я позову. Ну, правда, если я его не замечаю, начинает подвывать.

– А птицы как, не пугаются? – удивился Кирилл.

– Сначала страшно пугались, но быстро привыкли. И у меня такая трудность была. Я сам не хотел самок спугнуть, и старался обследовать только те гнёзда, откуда они «гулять» улетели. Но в чёрной расщелине трудно заметить чёрного чистика! И я выучить Песца!

– Значит, верно! Тимка – ты просто Дуров, – Бисер восхищённо хлопнул по плечу Тимофея, – и что?

– Ну, псина сначала не рублила, какого хрена мне надо, и подводила меня к занятым гнёздам. Зато, когда он понял, дело у нас пошло отлично. Он стал приводить меня тогда только к гнёздам без самок.

– И яйца не трогает?

– Нет! Только обнюхает и бежит дальше. Иногда, правда, всунет в щель лапу, на меня глянет виновато, и назад.

– Да-а-а, это номер! А что же чистик?

– Представь себе, вылупились птенцы как ни в чём не бывало. Не все, конечно. Но никакой особенной связи с гулёнами самками-мамками.

«Фомка» поморник тем временем взлетел и погнался за крупной чайкой больше его самого раза в два. Он несколько раз клюнул её в голову на лету, и обе птицы скрылись из виду.

– И правда – разбойник. Э, Кирилл... стой, что за пропась! Смотри-ка, Песец! Что это с ним? Хромает... Что-то тащит в зубах...

Песец приближался не слишком быстро. Он припадал на одну лапу и скулил. В зубах он нёс что-то серое. Собака двигалась наискось со стороны озера, и вскоре стало видно, что она оставляет за собой капельки крови на снегу. Мужчины побежали навстречу. И через несколько минут Песец, вывалив наружу красный язык, прыгал рядом с хозяином, положив у его ног... мокрую тряпку?

– Тимка, это – Лизы... Лизы шапка с помпоном!

– Эта бурая штука?

– Да-да-да! Но мокрая и в грязи. Бежим, там беда!

Оба бросились по следам Песца, прихватив по пути оружие и аптечку. Собака, словно поняв, тоже поспешила назад, вскоре далеко опередив людей. Бежать было нелегко. По обветренным лицам мужчин струился пот. Они дышали тяжело. Но не прошло и четверти часа бега с препятствиями по камням и снежным языкам, как они увидели движущуюся

им навстречу процессию.

Впереди медленно шёл Петрусь. С его одежды капала вода. За ним следовал среднего роста крепко сбитый загорелый блондин в одной рубашке с короткой бородкой и в солнцезащитных очках. Он нёс на руках Лизу, укутанную в толстый свитер и мужскую куртку на оленьем меху. Голова Лизы безвольно откинулась на его плечо, глаза были закрыты.

– Господи, это ж давешний охотник! Вот где встретиться пришлось! Что случилось, Серёга? – воскликнул Решевский, оказавшийся немного впереди.

Кирилл сначала не мог вымолвить ни слова. В его лице не было ни кровинки. Он пробежал ещё несколько шагов, остановился и крикнул.

– Что? Что с ней? Она...?

– Всё в порядке, – негромко вымолвил охотник. – Девочка провалилась под лёд. А парень геройски прыгнул за ней, вытолкнул наверх и тем спас. Ну, я немного подсобил. Пёс помог очень крепко. Потом мы его отправили в лагерь, и он вас привёл на подмогу! Палатка далеко ещё? Ребят надо растереть как следует, дать чаю с... Тут, кстати, сухой закон, но у меня есть немного для медицинских надобностей.

– Господи! Я не знаю, как Вас благодарить, да Вы... и... Петя! Петенька, а что с Лизой? Она без сознания?

– Перепугалась и обессилила, вот и всё. Мы с Тимофеем знакомы немного, он ведь биолог, в медицине понимать должен, – сказал вместо Пети охотник.

– Я понимаю, – обрёл голос Решевский. – На штормовку, надень. Ты молоток!

Они засуетились, помогая поудобнее уложить Лизу, переодеть Петьку в сухое и осыпая вопросами его и нового знакомца. Затем заговорили, перебивая друг друга, между собой, и, наконец, спустя несколько минут двинулись по направлению к костру.

Через несколько часов после описываемых событий мужчины сидели у догорающих углей, пили чай с сухарями, сушили промокшую одежду и обувь и, не спеша, болтали о том о сём. Лиза и Петя спали в палатке без задних ног. Новый знакомец сгонял к своей палатке и принёс плоскую фляжку. Ребят растёрли спиртом, «накапали» им в брусничный чай, и уложили в мешок из собачьего меха.

– Серёга, ты, может, с нами денёк побудешь? – предложил Тимофей, мастеривший ловушки для птиц. Бисер помешивал булькающий в котелке кулеш, его руки ещё предательски дрожали.

– Нет, Тима, спасибо. Посидим ещё четверть часика и до дому. Я с приятелем сговорился пойти на нерпу. Мне скоро выходить ему навстречу пора.

Он вскинул левую руку – большие часы со множеством циферблатов блеснули в свете костра.

– Ого, вот это «Биг Бен»! – присвистнул биолог

– Всего лишь «Сейко», я их люблю. Тут всё, что хочешь: время, число, температура... В воде не тонут, в огне не горят.

Суп, правда, не умеют варить, – усмехнулся в ответ Сергей.

– Ну хоть возьми что-нибудь на память от нас, – попросил Кирилл. – Ты

ж мою дочку

– Брось, это Петя. Я только помог, – скромно отмахнулся охотник. – А что до памяти, я как раз вот что чуть не забыл! Я вам прихватил компас, у меня два. Петя свой в озере утопил.

– Ну ты подумай, Кирилл! Что бы мы без него делали? Адрес московский оставь, бродяга! И спасибо тебе за всё.

Они поднялись, распрощались, и Сергей, вскинув рюкзак на плечо, уверенно зашагал вдоль ручья и вскоре исчез в темноте. Некоторое время можно ещё было слышать шуршание камней под его ногами. Потом остались только звуки ночной тундры да потрескивание сучьев в костре.

– Тима, я считаю, тренировочный период закончен. Мы можем отправляться. Экзамен на зрелость сдан, – серьёзно сказал Бисер. – Завтра двинем на базу. Там, если что, и врач есть. Лизу останется у них и нас подождёт. Теперь нечего и думать её брать с собой! А сами прямиком на Землю Франца Иосифа.

– Правильно, я согласен. Подождём денька два, убедимся, что с ней и с Петей всё в порядке, а потом... Знаешь, нам прямой смысл присоединиться к зверобоям с подходящим маршрутом. Так нам будет на первых порах куда легче дойти

до цели. Если хочешь, я договорюсь.

– Хорошая мысль. Кстати, о цели. Знаешь, я ребятам, их Катя всё детьми называет, не сказал ничего конкретно. Меньше знаешь – лучше спишь. А тебе... Вот посмотри карту.

Он достал из планшета миллиметровку, показал её Тимофею, и они вместе склонили головы над маршрутом, проведённым красным пунктиром.

– Так мы, значит, ищем вот эту скалу... – задумчиво сказал тот.

– Точно! Скалу, похожую на птицу, – кивнул Кирилл.

Глава 48

Потянулись дни, похожие один на другой. Стас просыпался, шёл в библиотеку или в архив, вел телефонные переговоры. На деловых встречах он был пунктуален, компетентен и вполне успешно продолжал своё дело. Небылицын сумел приобрести для коллекции прекрасную опаловую брошь, которую Император подарил Ольге по случаю рождения Наследника престола Николая. Ему даже удалось договориться о встрече с владельцем портрета великой княжны Александры, Адини – самой любимой, безвременно умершей сестры Олли, писанного английской художницей мистрис Робертсон. Для этого следовало через месяц прибыть в Гамбург, посмотреть портрет, назвать цену...

Сейчас цветная фотография портрета лежала на столе, и молодой человек рассеянно смотрел на неё. Юная девушка в розовом платье была изображена во весь рост. Волосы её были заплетены по обеим сторонам лица и убраны на затылок, стройную шею украшало жемчужное ожерелье, соперничавшее с матовым блеском обнажённых покатых плеч.

«Чудные глаза. Тонкое красивое лицо – говорит мой разум. Трезвый холодный разум. А душа, или что там вместо неё, вообще оглохла и ослепла. Для моей души есть теперь одни глаза на свете. Красивым... нет, прекрасным я могу назвать лишь одно лицо! Я постепенно схожу с ума. Я не могу здесь больше оставаться. Я уеду. У меня в конце концов, есть дом, работа, родители и друзья. Нет... ещё раз позвоню. Всего один единственный раз!»

Руки у него тряслись, и он не сразу справился с клавиатурой телефона. Стас решил начать с домашнего Фельзеровского, который всё это время молчал. Он думал: «подожду несколько минут, а потом... Наберусь мужества – попробую в последний раз ей самой!» Поэтому он от неожиданности едва не выронил трубку, когда почти сразу мужской голос отозвался:

– Фельзер! Здравствуйте, слушаю Вас.

Ему потребовалось несколько секунд, чтобы совладать со страшным волнением, представиться и кое-как всё объяснить. Отец Анны-Мари выслушал сбивчивую речь, не перебивая. Затем он немного помолчал.

– Станислав... Вы позволите мне Вас так называть? Да, спасибо. Так вот, Станислав. Наша дочь в больнице. Она попала в серьёзную автомобильную катастрофу. Сейчас она вне опасности, но... Видите ли, я рациональный, неплохой, кажется, образованный человек. Я окончил Мюнхенский университет. Я знаю, как девочка к Вам относиться. Знаю и то, что Вы не причём. И всё-таки... Если съёшь руку в клетку с тигром, не видишь тигра, но след клыков налицо, надо быть идиотом, чтоб это повторить. Вы можете думать, обо мне, что хотите. Мне право, очень жаль, но пока Вы имеете хоть какое-то отношение... Знаете, я даже слов этих не хочу повторять! Прощайте, молодой человек!

Стас улетел первым же рейсом на следующий день. Он отчитался Бруку, взял на работе отпуск «без сохранения содержания» и затворился у себя на Малой Бронной в полном отчаянии похудевший и постаревший на десять лет.

Глава 49

Тимофей договорился с артелью. Это не составило особого труда. Несколько дней ушло на подготовку. И вот наконец нарты были нагружены и увязаны. А Решевский пошёл вперед, прокладывая путь. Вслед за ним – Пиратка, запряжённая коренником в первые нарты. Остальные нарты следовали за ними гуськом среди громких окриков, щёлканья бичей и собачьего лая. Тяжело нагруженные, они медленно двига-

лись вперёд, а когда подъём становился слишком крут, совсем останавливались, и тогда всем приходилось спешить на помощь, так как сил одного человека явно не хватало. Зато по ровному гладкому пути нарты неслись как ветер, и лыжники за ними явно не поспевали. Тимофею тоже приходилось мчаться во всю мочь, чтобы не запутаться в постромках, едва его нагоняли нарты. А когда встречались торосы, подталкивать их самому.

На первой же ночёвке ударил настоящий мороз. Даже собакам спать стало холодно, и многие всю ночь напролёт выли. Людям было тоже не легче. Одно мученье залезать в меховой, затвердевшей на морозе одежде в обледеневший спальный мешок. Но вылезать утром из согревшегося за ночь мешка ещё трудней.

Кирилл и Пётр старались изо всех сил не задерживать промысловиков. Они уже набрались кое-какого опыта, и оба были хорошими лыжниками, что, конечно, очень помогало в дороге. Но впереди лежал ещё долгий путь. Следовательно, сколько можно, использовать своих полезных попутчиков, чтобы последний бросок проделать только втроём. А тех ждала своя работа, и однажды она началась.

– Мужики, мы на месте. Здесь мы нерпу возьмём. Хотите, погодите маненько. Хотите, дак дам поглядеть. Тут кина-то не надо. Нерпа, морской заяц, медведи. Поохотимся – пойдём дальше, – обратился Фёдор к москвичам.

– Ну конечно, посмотрим. Тима, а что ты знаешь про нер-

пу? Расскажи, я потом Лизе доложить должен, – повернулся Бисер к биологу.

– Я же «птичник», знаю не много. Расскажу, как могу, только пусть мне Федя поможет.

– Отчаво ж не помочь-то, Игнатъич. – Фёдор солидно помолчал, – А табачку у ты не найдётся?

– Для хорошего человека – как не найтись!

– Вот спасибо! Уважил. Ну слушай. Валяй, Тимошка, а я позжей. Нерпа – умный зверь, осторожный. На неё много охотников. В море это хищные звери, – начал не спеша Тимофей.

– Например? Касатки?

– Конечно. Ещё полярные акулы. А на суше прежде всего медведи и двуногие кашалоты. Те – опасней, чем все другие.

– Во, Игнатъич, знаш как морж засыпает? Он на лёд-то вылазит и дрыхнет. Он иной раз суток двое проспит. Тут и бери его, понял – нет? А нерпа – не то. Эт-т-та спит так... вполглаза. И чуть что – нырк в лунку. Однако, спит всё-тки. Спит это она, а Хозяин ползёт. С под ветру – ползёт! Нос свой чёрный лапой закроет и ползё-ё-ёт! Она проснётся, он замирает! Что твой сугроб! – Фёдор беззвучно захохотал и стал раскуривать толстую самокрутку.

– Мужики, а как Нерпа убегает? Действительно, у неё ведь лап нету? Значит она по снегу и льду...? – Кирилл вопросительно посмотрел на собеседников.

– Дак ползёт, а то, как же? Ну, не ходко, и ты догонишь, –

оживился Фёдор.

– Я тебе, Кир, расскажу, как эти ушлые парни добывают бедную нерпу, – включился снова Решевский. – Беззащитный зверь, правда... жалко. Ну так вот. Эти тоже приближаются, пока нерпа спит. Делают щит из белого полотна и двигают впереди себя. А в нём дырки крутят и стреляют из карабина. А про бельков и говорить не хочу!

– А разве это нерпы дети – бельки? – удивился Бисер.

– У нерпы дети – щенки! Они щенятся в таких снежных норах, полностью закрытых. И эти новорожденные детёныши вначале белые пуховички. Пока они белые, щенки в воду не входят, а остаются совершенно беспомощными на льду. И тут уж на них охотятся все кому не лень: даже крупные чайки, полярные совы, чёрные вороны, уж не говоря о песцах и прочих медведях!

– Собак-от тожа, бывало, шиш удержишь, если они нерпу с бельками чувят! Так и тянут упряжку к ентим норам. Ну, однако, пора. Каюр докурил, надел рукавицы и пошёл к другим промысловикам. Надо было двигаться дальше.

– Нам предстоит остров Альджера. Каюры там сделали промежуточные базы. Мы можем зайти на полярную станцию, а потом следовать дальше по карте. Ну как, ребята?

Тимофей, Петя и Кирилл страшно устали после дневного перехода и разговаривали, уже забравшись в мешки.

– Кирилл Игнатьевич, мы сейчас всё равно не можем об-

ратно. До самолёта времени много. Давайте попробуем! – Петя завозился в спальнике и обратился к Решевскому.

– Тима, ты тоже согласен?

– Я вам вот что скажу. Нам нужно свежее мясо. И для нас, и для собак. Все устали и ослабели. Я считаю, да! Пойдём дальше, но придётся поохотиться на медведей. Пиратка на это натаскана и поможет. Решай, начальник!

– Если ты считаешь, что другого выхода нет, я согласен. Ты у нас самый опытный, это ясно. Что же, поохотимся «по жизненным показаниям», если это реально. Давайте-ка спать, орлы. Утро вечера мудренее. Бисер устроился поудобнее и закрыл глаза.

Добыть медведя при известном навыке, имея оружие, не очень трудно. Ездовая лайка Пиратка была обучена удерживать зверя на месте и дать охотнику приблизиться на расстояние выстрела.

На следующее утро Фёдор по многочисленным следам выследил одного из медведей и подобрался к нему как можно ближе вместе с Тимофеем, держа лайку на поводке. Как только Пиратка увидела зверя, Тима спустил её с лямки. Она через несколько минут настигла его и стала хватать за длинную шерсть у бедра. Промысловики говорят – «за штаны». Медведь, возмущённый подобным обращением с ним какой-то шавки, принялся крутиться на месте. Он старался схватить собаку зубами и передней лапой. Но обученная лайка уво-

рачивалась и забегала сзади. Тогда огромный белый самец уселся на снег и стал отбиваться лапами, тоже резво поворачиваясь за лайкой. Он защищался с молниеносной быстротой. Для менее опытной собаки это могло кончиться очень плохо. Она отлетела бы вскоре в сторону с распоротым брюхом. Но Пиратка со своим «заштопаным» боком и расположенным ухом была виртуозом своего дела. Она бесстрашно и ловко нападала, однако постепенно и её силы начали убывать.

– Тима, пошёл! Осторожно, как стрелять будешь. Ближе не подходи. Хозяин даже с пулей прыгнет и достанет!

Шепнул Фёдор, подталкивая вперёд Тимофея. Решевский сбросил лыжи и, проверяя на ходу работу затвора карабина, поспешил на помощь выбившейся из сил Пиратке. И тут медведь вскочил и со всех ног бросился к большому торосу. Прежде чем собака опомнилась, он очутился на его вершине!

Она с досады завывала, словно жалуясь на нерасторопность охотника, попробовала было броситься с разбега на торос, но всякий раз встречалась со щёлкающими громадными клыками медведя. Пиратка выходила из себя. В бессильной злобе она разгорячённой пастью начала хватать снег и снова бросалась в атаку. Тем временем Тимофей, огорошенный сначала неожиданным манёвром зверя, опомнился. Он подбежал на нужное расстояние, выстрелил и попал точно в цель. Медведь, опрокинувшись назад, скатился на другую

сторону тороса. Когда оба – Решевский с каюром, достигли этого места, «Хозяин» лежал у его подножья, растянувшись во весь свой рост, а лайка, мотая головой, яростно его теребила.

– Ну вот, теперь у нас по крайней мере двести пятьдесят килограммов свежего мяса и жира, – с довольным видом объявил биолог. Они добрались до своей стоянки у безымянного скалистого островка часа через три и разгрузили нарту. Потом они сняли с медведя шкуру и срезали сало.

– Давай, робяты, шкуру, таши на камень. Не то песцы сожрут, а то и свои пожалуют в гости.

– Свои? Это кто, дядя Федя? – сделал круглые глаза Петя, резавший мясо на суточные порции для собак.

– Свои-то? Дак Петь, медведи. Они что хошь стырят. Вот Тима не даст соврать, у полярников керосин, и тот упёрли! Бо-о-о-ольшую бочку! Ладно, щас мясу заморозим и пошабашим. Теперь собачки быстро пойдут!

Они в этот вечер долго варили на примусе медвежатину, с удовольствием ели, а потом пили чай и трепались. Сытые собаки рано улеглись спать под бортами нагретой примусом палатки. И только Пиратка не могла успокоиться и всё пыталась просунуть своё нос в её плотно застёгнутый клапан.

Глава 50

– Это третий последний остров архипелага. Мы его тща-

тельно обследуем и начнём прямо сейчас. – Бисер с самым решительным видом засунул карту в планшет и принялся надевать свои лыжи. Вот уже несколько дней они расстались со зверобоями и шли одни. Груз ответственности за экспедицию лёг целиком на его плечи.

– Кирилл Игнатьевич, Вы сказали, что у нас кроме карты есть ещё кое-что в запасе, – с надеждой спросил Петя.

– Есть! Только, как это использовать? Андрей знал много лучше меня, как опасно ввязаться в поиск. И как сумел, зашифровал приметы. Что он имел в виду? Например, молоток на карте! Масонский знак? Или стихотворение...

– Какое стихотворение? – Тимофей, совершенно готовый к походу, застегнул куртку и убрал термос в рюкзак.

– Холодно стоять. Ходу, ребята. Расскажу всё попозже. Поехали! Где сумеем – на лыжах, а не выйдет – пешком, – отмахнулся Кирилл.

Высокоширотные острова не радуют глаз путешественника. Их называют полярными пустынями, настолько бедны они растительностью даже в самое благоприятное время. Низкие температуры в течение всего года, массы глетчерного льда, а с другой стороны, мощная плёнка холодного воздуха над морем, покрытым вечно дрейфующими льдами. Этого слишком мало для нормального развития растений.

Остров Альджера ничем не отличался от своих суровых собратьев. Он был большей частью покрыт ледниками, а там, где не было льда, лежал слежавшийся снег, удерживаемый

прочной коркой твёрдого наста. Расставшись наконец с Фёдором, которому нужно было возвращаться к своим делам, и договорившись, что он за ними приедет на обратном пути, трое путешественников двигались мимо бесплодных скал и ущелий в этом царстве тумана, холода, ветра и камня. Казалось, здесь вовсе нет органической жизни. Но вскоре это унылое впечатление рассеялось. Следовало только присмотреться.

На скалах пестрели цветные пятна лишайников. Маленькая бабочка порхала, еле поднимаясь над поверхностью камней, чтобы её не унёс ветер. Изредка пролетали серебристые чайки, и их белое оперение блестело на солнце и составляло контраст с тёмным фоном расщелин. Небольшое озеро сверкнуло впереди серебряной каплей.

– Эх, жалко времени мало! А то можно и рыбку половить, – засмеялся, показав на озерко, Тимофей.

– Тим, почему ты думаешь, что здесь есть рыба? – с интересом осведомился Петя.

– Да он просто предположил, – откликнулся Кирилл.

– Нет, я знаю точно. Видишь, по воде плавают парочка гагар, они только рыбой питаются. Давай обойдём озеро слева. Лыжи оставим здесь и пройдем с камня на камень.

Они двинулись по каменистой россыпи, состоящей из угловатых обломков горной породы. А берег поднимался всё выше. Приходилось карабкаться с уступа на уступ, поэтому подъём становился всё тяжелее. В довершение поднялся

сильный холодный ветер, заставивший всех надеть капюшоны и застегнуться.

Конец озера тут был глухим без истока. Оно упиралось на севере в каменистый вал, поперёк ущелья, похожий на гигантскую насыпь.

Дальше к северу раскинулась волнистая равнина, за которой снова поднимались острые скалы. Добравшись до неё, друзья решили сделать привал, перекусить, а потом вернуться к оставленным лыжам. Никакой скалы в форме птицы не было и в помине.

– Интересно, тут на склоне дёрн сухой, чуть не тёплый. А совсем рядом лежит снег и не тает, – Кирилл указал на ближайший холмик. – Кстати, мы в Сибири похожий торфянистый дерн часто брали для костра.

– Отличная идея, возьми да нарежь! Тесаком попробуй. А Пётр пусть добудет нам снежку. Сварганим чай. Всё интересней, чем из термоса, правда? – Тимофей достал из рюкзака плоский котелок, в котором внутри помещалась такая же фляжка, и протянул Пете.

– Лады, Тим, я только отойду подальше. Здесь снег неважный, какой-то серый.

Прошло с полчаса, и около двух плоских камней занялся небольшой костерок. Мужчины сложили очаг и обернулись назад в ожидании Пети, как вдруг раздался его взволнованный крик.

– Ко мне! Сюда! Кровь!

Встревоженные Кирилл и Тимофей поспешили на голос и вскоре

обнаружили молодого человека за соседней каменной россыпью. Петя

стоял, протянув руки вперёд перед пятном...

– Чего?

– Что же это? Ярко красная пористая поверхность среди девственно-белого снега протяжённостью метров сорок имела форму неправильного овала. С рук Петьки, который, как видно, схватился за нее, капала вниз алая жидкость. Его растерянное лицо выражало откровенный страх.

– Рыжий, спокойно! Топай сюда, я объясню, – позвал его биолог. – Эх, я уж думал! Услышал твое – «сюда» и обрадовался. А тут... эффектно, жаль только не скала. «Без надобности, однако», как сказал бы наш дядя Федя.

Петя вышел из ступора, неуверенно улыбнулся и, осторожно ступая и оставляя алые следы, словно леди Макбет, направился к своим друзьям. Бисер, до сих пор не сказавший не слова, напротив изменился в лице и едва слышно пробормотал:

– Без надобности, значит. Ага, ну-ну. – И зашагал обратно к костру.

Они облазили уже почти весь остров. Запас продуктов подходил к концу, и только медвежатины было ещё в достат-

ке.

– Слушай, Кирилл, пора до дому, – сказал однажды вечером чинивший около палатки постромки Решевский. – Меня погонят с работы, а здесь мы всё равно ничего не найдём. И потом. Разве тебе не довольно, что парнишка больше не нюня? Осталось ещё слегка грубым напильником поработать, алмазной крошкой подшлифовать, и все!

– Насчёт Рыжего я согласен – есть прогресс. Но я не готов сразу сдаться! А без тебя Тима, мы как без рук. Я тебя как друга прошу – подожди. А я.. для кафедры... ну... ага, придумал! Даю слово финансировать экспедицию, куда ты скажешь! – предложил Кирилл биологу.

– Хорошо, через день-два должны вернуться наши охотники. Они возьмут тюленя и – на базу. Пошлём с ними просьбу в университет. Пусть передадут по рации. А экспедицию... это надо с шефом обсудить. Иначе, боюсь, не выйдет. Но я попробую!

– Отлично. Тогда можно снова за дело, – обрадовался Бисер. – Я проложил два новых маршрута. Глянь на карту и давай решим, как действовать лучше. Слышь, Петь? С утра – на восток! – крикнул он молодому человеку, возившемуся с собаками неподалеку. Петя оставил в покое Песца и затараторился к костру.

– Хорошо бы снова поближе к морю. Я сегодня что видел! Два тюленя, ну как собаки! Чешутся так потешно: нос почешут, пузо почешут, вот умора! – затараторил он с энтузиаз-

мом и вдруг скривился от боли. – Ох, опять... что за бодряга?

– Ты чего, Петя, – озабоченно поднял голову от карты Кирилл. – Ушибся?

– Нет, почему-то живот сегодня болит и ещё тошнит. Не пойму...

– А у меня голова трещит, – признался Кирилл. – Тим, а ты хоть здоров?

– Я в порядке. Вы, ребята, никак грипп вдвоём подхватили? Как же это вы умудрились? С морскими зайцами целовались? Здесь от холода всё стерильно, все бациллы в анабиозе, – начал было подсмеиваться над болящими Решевский, однако вскоре ему сделалось не до шуток. Кирилл закричал и убежал в сторонку. Слышно было, как его выворачивало наизнанку, и он охал и чертыхался. Вскоре за ним последовал и Петрусь. Наконец оба, совершенно вымотанные, добрались до палатки и улеглись, стараясь не стонать. Головная боль, резь в желудке и рвота и не думали прекращаться.

Тимофей ухаживал за своим лазаретом, как умел. Он кипятил воду и заваривал чай, заставлял своих товарищей пить и помогал, если было надо, передвигаться вконец обессиленным больным. Нечего и говорить, что есть они не могли. Решевский попробовал применить доступные ему методы лечения. Он действовал очень осторожно, чтобы не навредить, поскольку опытный и грамотный полевик-биолог терялся в догадках – он ничего подобного не встречал.

Только дня через три друзьям стало немного лучше. Тогда

Тимофей решил в первый раз за время этой странной болезни сам по-людски поесть. Он сделал для Кирилла с Петей рисовую кашку, а себе приготовил мяса. Кирилл и Петя не вылезали из мешков. Они только кое-как сели, на коленях у них Тимофей расстелил одеяло и «накрыл на стол».

– Всё ломаю голову – что же это такое? Ели мы все одно и то же. Пили воду из растопленного пресного льда. Снег никто не ел на маршруте?

– Нет, – раздался вялый, но дружный ответ.

– Противоцинготные мероприятия мы проводили регулярно... Кстати, будьте любезны, не забудьте таблетки!

– Слушай, доктор, а где же Федя и его охотники? – Кирилл отставил миску и откинулся назад.

Сам удивляюсь. Должны уже по всем расчётам быть здесь. Надеюсь, ничего не стряслось.

Решевский тоже кончил еду, принёс больным заваренные ольховые шишки и ромашковый чай и пошёл мыть посуду. Прошло с полчаса. Бисер и Петя задремали, а Тима всё не возвращался. Наконец послышались его шаги, и энергичный голос биолога пробился сквозь некрепкий сон двух больных.

– Мужики, вставайте, я вам помогу. Пройдёмся немного. Мне такое чудо попало – увидите и враз выздоровеете!

Решевский растормошил своих друзей, вывел их наружу и повёл в сторону от палатки по своим прежним следам. Да сих пор никто не ходил ещё в этом направлении. Там находился заметный бугор, и снег, нагретый на солнце, просел.

Он обрушивался иногда с большим шумом, промышленники об этом говорят – «рухал», а по краям провала образовывались большие зигзагообразные трещины.

Все трое продвинулись немного вперёд, затем обогнули снежный гребень из наста. И тут перед их глазами предстала удивительная картина! На площади в несколько квадратных метров ледяная твёрдая корка была частью сломана, частью сошла. Вся открывшаяся поверхность представляла собой зелёную лужайку, покрытую свежей изумрудной травой, камнеломками и кустиками полярного мака с набухшими и полураспустившимися бутонами жёлтых цветов. А вокруг по-прежнему белел снег, на соседнем бугре обтаявшие участки почти не подавали признаков жизни!

– Красота, а? – радовался биолог. – Я тут сначала упал, провалился и увидел! А уж потом для вас расчистил!

Петька, просветлевший милой улыбкой, тихо сказал:

– Что за страна! Весна подо льдом. – Потом он вздохнул – Здорово. Но я уже не прочь дома на нормальную весну взглянуть.

Бледный Кирилл, держащийся за плечо Решевского от слабости, сначала не сказал ничего. Он судорожно сжал руку, наклонился вперёд и сорвал четырёхлепестковый цветок. Затем он начал еле слышно что-то шептать.

Занятые полярным дивом Пётр и Тимофей не обратили на это внимание. Тима был доволен успехом своей затеи. Положительные эмоции лечат не хуже таблеток!

– А сейчас потихоньку обратно. Может, у вас от прогулки аппетит появился? У нас ещё мясо осталось.

– А что? Я поем. Кирилл Игнатьевич, а Вы?

– Ну разве самую малость.

– А я прилягу, пожалуй. Что-то голова разболелась, – беззаботно бросил Решевский, в то время как Кирилл с тревогой на него поглядел.

Они добрались до лагеря и вправду поели. А через несколько часов все трое, полностью измочаленные рецидивом болезни два ветерана, и беспрерывно в голос стонущая новая жертва, уже почти не поднимали головы.

Кирилл бредил. Человек, прислушавшийся к тихим словам, что он бормотал, с трудом разобрал бы...

– Снег. Прости. Прости и меня не зови.

Но никого не было на затерянном островке архипелага. Некому было услышать Кирилла, некому и прощать.

Громадные льдины со скрежетом и визгом тёрлись друг о друга, ломались, становились на ребро, торосились и снова рушились под собственной тяжестью. Небольшая артель промышленников-зверобоев отправилась на промысел гренландского тюленя по дрейфующим льдам. Лодка-ледянка – «Бурса» то плавно скользила по ровному ледяному полю, оставляя за собой прямой след, то, не задерживаясь ни на секунду, с ходу соскальзывала в полынью, по инерции переплывала на другую её сторону, и снова выбиралась на лёд.

Затем она с разгона выскакивала на торосистый барьер, а перевалив его, быстро опускалась на гладкие льдины. Вот так и шла «Бурса» по дрейфующим льдам, как по суше, не боясь преград.

Лодку-ледянку на полозьях вели четверо. Они шли по двое с лямками по бортам, а еще один был впереди на «шишке». Лодка была почти до краёв заполнена шкурами тюленей. За ней следовала другая – меньше, ведомая только тремя. Она так и называлась – «тройничок», и полозом для неё служил окованный железом киль. В этой лодке среди прочего помещалась лёгкая походная нарта и сидели, повизгивая, ездовые лайки.

Зверобои отмахали уже сегодня километров двадцать и теперь взяли курс на остров Альджера, чтобы сделать привал, переночевать и навестить последнюю в этот рейс тюленью залёжку. Ещё немного, и они высадились на берег и разбили лагерь. Над лодками натянули брезент в виде двускатной крыши. На поставленных вертикально баграх проветривалась меховая одежда и обувь. А сами промышленники занялись разделкой добытых ими тюленей.

Дядя Федя, шедший через льды впереди, однако, распрощался с охотниками, снарядил нарту, запряг собак и отправился отыскивать группу Решевского. Собаки резво бежали вдоль берега. Было поздно. Над северным горизонтом в туманной дымке моря повисло полуночное солнце, распространяя ни с чем не сравнимый таинственный свет. Всё во-

круг словно вымерло. Ни один звук не нарушал тишины бесконечного полярного дня. Вдали над морем бесшумно, словно духи, парили буревестники. Постепенно становилось холоднее, и наконец пошёл снег.

Каюр начал уже подумывать о ночёвке, как вдруг за очередном повороте крутого берега увидел палатку. Каюр обрадовался – нашел! Но рядом с ней были многочисленные следы песцов, и только. Он объехал вокруг – с наветренной стороны на свежем снегу снова ни единого признака присутствия человека. Фёдор соскочил с нарты, привязал собак к валуну морены, в несколько прыжков добежал до застёгнутого клапана и попробовал открыть защитную створку. Он возился довольно долго, всё время окликая жильцов, но ответа не получил. Наконец ему удалось справиться с клевантами и завязками -молнии на крайнем севере лучше не применять – и увидел... Трое друзей неподвижно лежали в спальных мешках. И охотник, повидавший на своём веку немало смертей, решил, что люди мертвы.

Он включил фонарь, всмотрелся в изжелта-бледные лица, прислушался и не услышал дыхания. В палатке стоял ледяной холод. Москвичи не подавали признаков жизни.

– Эх, ёж твою двадцать! Робяты, да что же это вы, а? Лихоманка что ли какая? – с досадой и жалостью бормотал каюр. Он нагнулся и прикоснулся к щеке Тимофея. – Однако, Тимка живой! И мужики его тожа... Щщас, вот так... вот эдак, парень! И огоньку! И... поглядим ишшо, чья возьмёт!

Казалось, Фёдоров было много. Не мог один человек одновременно вытащить всех троих на свежий воздух, устроить их, разжечь коптилку – как он называл примус – соорудить чай и лапшевник и позаботиться о собаках.

Первым делом он уложил больных на выдубленные волчьи шкуры и тепло укрыл. Не скованные больше спальными мешками, его подопечные слегка задвигались и застонали. Потом он принялся их поить и приговаривать:

– Ничо, ничо, ишшо глотушку, ишшо маненечко... пузу и полегчает! Потом Фёдор вдруг хлопнул себя по лбу, откинул меховое одеяло, укутывавшее москвичей, и стал осматривать ладони у одного за другим. Кожа всех троих между пальцами рук и на ладонях одинаково сильно шелушилась. Всмотревшись попристальней, он заметил, что у Пети кожа начала шелушиться и на лице. У его товарищей, правда, ничего подобного заметить было нельзя.

– Хозяин, никак, кому другому и быть! Ах ты незадача какая... Знамо дело, молодежь... А и я – старый дурак! Ну да ладно. Это мы быстро. Я вот щас ишшо пошурю, чтоб без осечки, значит.

Каюр осмотрелся, побегал вокруг и быстро нашёл на высокой пальцеобразной скале свёрнутую шкуру медведя, маркированную красным лоскутом.

«Глянь-к, востёр ты, Федька!» похвалил он себя. Тем временем больные понемногу оживали и уже пытались вступить в разговор со своим спасителем. И когда он вернулся по-

сле разведки назад, Тимофей прошептал, будучи, впрочем, в полной уверенности, что он кричит во всё горло:

– Федя, здорово! Что это с нами? Я думал, тут и помрём... Не знаю, сколько вот так лежим.

Кирилл и Петя тоже старались что-то сказать, но разобрать их шелестящие речи было нельзя.

Каюр обрадовался и удвоил свои усилия. Он успокаивал больных, трогательно заботился обо всех сразу и каждым в отдельности, непрерывно поил их слегка подсоленным чаем и очень скоро, узнав, что рвота у них давно прекратилась, начал понемногу кормить. Путешественникам становилось легче на глазах. Они охотно ели маленькие сухарики, пили куриный бульон из кубиков, и, наконец, Кирилл попросил:

– Федь, не поверишь! Appetit появился. Может, мяса? У нас там заморожено полно. Если всё песцы не украли, можно сварить. Ты как?

– Я-то? Ты мне скажи, Кирюха, потрох ты ел? Эвон-то, Хозяина шкура. Это уж вы без меня – и добыли и кухмарили. Вы все потрох эвонный ели? Во-о-о-о! От того и болешь, робяты!

И каюр объяснил постепенно приходящим в себя москвичам, что с ними произошло. Печень морских животных – нерпы и даже моржа, у северян считается лакомством. Да, кроме того, она хорошее противоязвотное средство. Местные едят печень и в сыром, и в варёном виде. Всем хороша печёнка, но! Не белых медведей. У «Хозяина» она ядови-

та так сильно, что если съесть даже немножко, то получишь сильное отравление. И симптомы как раз такие: головная боль, резь в желудке, рвота, страшная слабость. И ещё! Начинается сильное шелушение кожи рук, а иногда и лица. Он сетовал и ругал себя, что не предупредил неопытных москвичей.

– Понимаешь, Тимоша, вот ты возьми собачек. Жрёт что не попода, о дай ты ей потрох, ливер-от ентот, не есть! Нюхать-нюхат, а не есть. Зверь, он всё-о-о собиражат!

– Ну конечно! Теперь я понял, – несколько приободрился Решевский. – Я поначалу вообще мяса не ел – не хотел. Я гречку лопал. А был как раз дежурный, вот и решил: возьму печёнку. Сделаю ребятам побольше. Пусть поедят – полезно, вкусно! А то ещё упрёт кто-нибудь, не песцы, так поморник. Слышь, Федь, они поели и обоим стало хреново, особенно Петровану. Я носился как угорелый, их лечил. и им полегчало.

– Сколь они промаялись, Тима? – прищурился Фёдор.

– Дня так три, потом стало лучше. В самый раз. Дня три, дольше редко. И тут, я, болван, им снова добавил и сам на этот раз вяпался. Они, слава богу, есть захотели. Ну я и постарался – сварил печёнки, и мы её вместе умяли. Остальное ты видел.

– Кирилл Игнатьевич, – попросил Петя. – Может хватит? Поехали отсюда. Мы тут вместо... – он запнулся, посмотрев на каюра, и продолжил уже другим тоном, – в общем, мы тут

три креста оставим однажды. Верно, Тим?

Решевский промолчал, но было видно, что он «согласен с предыдущим оратором».

– Хорошо, – после небольшой паузы кивнул Кирилл, читавший переданное ему Федей письмо от Лизы, которая тоже звала его домой. – Мы немного окрепли. И раз все твёрдо решили отправляться в Москву, так и сделаем. Выспимся, а завтра по коням.

– Пойду собачек кормить, однако. Дать им пеммикана... Не, хватит чаек. Тех розовых, что я по дороге подстрелил, – Фёдор повернулся к своим стоящим в стороне нартам, как вдруг Решевский вскочил, как ужаленный.

– Каких розовых чаек? – воскликнул он, – ты видел когда-нибудь розовых чаек?

– Не! Таких? У них перо как... Сам погляди. Розовые, знаш...

– Покажи! – потребовал, всё больше возбуждаясь, орнитолог.

– Вот, гляди. Я и то подумал, больно уж красивые птицы. Но как жажнул дробью в упор, так не больно много осталось. Я уж ощипал их всех разом.

Он извлёк три маленькие ошипанные птички тушки и подал Решевскому. Только агатового цвета клювы и кораллово-красные лапки отличали их от обычных моёвок. Петя, заинтригованный волнением Тимофея, тоже стал разглядывать чаек. Никто не смотрел на Кирилла, глаза которого вы-

давали неподдельный интерес к разговору.

– Вы не понимаете ни черта, – волновался орнитолог, у которого даже порозовели щёки. – Это же редчайшие птицы! Их вообще встретить – огромная удача. До сих пор я видел только их яйца в Зоомузее. Они такие... оливково-зелёные, два-три яичка всего самка кладёт. А тут... Да где же ты их нашёл?

Но видно орнитолог был всё-таки слишком слаб. Он было привстал, так хотелось поскорей действовать, чтобы тоже увидеть птиц, но не смог даже толком сесть, а откинулся снова на спину. Кровь снова отлила от его лица, голова закружилась, и Тимофей устало прикрыл глаза.

– Тимка, лежи уж. Я те ишшо найду, не сумлевайся. А теперя – спать. И я сосну, устал, однако.

Все забрались в хорошо проветренные, высушенные и согретые спальные мешки и впервые за время болезни уснули спокойным сном.

Следующим утром раньше всех проснулся Кирилл и осторожно выбрался из палатки. Он чувствовал себя отдохнувшим и окрепшим и решил попробовать прогуляться. Вдруг до него донеслись непривычные уху крики каких-то птиц: «куу-ик-куик, куу-ик-куик» и снова: «куу-ик-куик». Он посмотрел в сторону моря и замер от восторга. В двадцати метрах от палатки, над самым обрывом берега плавно кружились в голубоватом небе розовые как утренняя заря чайки! «Как их много... Одна, две, три, четыре...» он насчитал два-

дцать шесть этих изумительных созданий полярной природы. Лёгкие и нежные, словно лепестки роз, они то плавно кружились на одном месте, то розовыми комочками стремительно опускались вниз, припадая к самой поверхности моря, и, не коснувшись ни единым пёрышком воды, снова взмывали вверх, оглашая воздух своими характерными грудными криками: куу-ик-куик, куу-ик-куик...

Некоторое время Бисер не в состоянии был двинуться с места. Потом подумал, что надо скорей будить Решевского, и тут радостное выражение на его лице сменилось задумчивостью. Он повернулся к палатке, затем снова взглянул на море – розовые феи растворились как мираж или грёза. Кирилл охнул от огорчения и вдруг заметил мелькнувшую розовую тень около россыпи скал шагах в ста впереди. Птица, отставшая от товарок, спикировала на прибрежную косу, затем опять взлетела и опустилась среди зубчатых скал, окаймлявших небольшую, впереди лежащую бухту. Её силуэт чётко вырисовывался на фоне моря.

Кирилл, как замороженный, двинулся вперёд, раздумав возвращаться в палатку, и довольно скоро добрался до заветного места. Ещё шаг, ещё один... Ах во оно что! Она сидит на гнезде. А какая антрацитовая с синими проблесками скала – круглый верх, складчатое тело старого камня, и слева острый выход гранита. Словно клюв. Интересная, вообще фигура выветривания! Она похожа...

Чайка шевельнулась и завертела головкой. Розовая чайка

на серой скале...

Обратно Кирилл шёл куда быстрее. Его друзья уже встали. Они приветствовали Бисера, и Решевский сказал:

– Здорово, начальник! Да ты совсем молодцом. Мы тут «посоветовались с товарищами» и решили, что не готовы бороться с трудностями обратного пути, кишка после болезни тонка. Вот Федя и отправился за подмогой. Они придут к концу дня или утром и нас троих заберут.

– Так Фёдор уже уехал?

– А он парень не ленивый. Тут же собрался, и в путь.

– А вы как, ленивые парни? Нет серьёзно! Доберётесь, не спеша до бережка? Тут недалёко. Я там интересную птицу нашёл, ты ж у нас орнитолог. Петрусь тоже посмотрит и Лизе расскажет. А потом и домой. Ну, идёт?

– А чего? Попробуем! Домой страшно хочется, но надо же привыкать двигаться вертикально, – Петя потянулся и встал. – А ты, Тимоша?

– Я б, может, и не сдюжил, но ведь ты сказал – птица! Пошли, однако, – улыбнулся Кирилл.

Глава 51

– Слушайте, Стасик, Вы мне очень помогли. Теперь моя очередь. Мы с Вами – музейные крысы, книжные черви, тихие люди кулис – попали в этакий вихрь. Поток несёт нас вперёд, водовороты, воронки водопады, а нам надо не расте-

ряться и устоять. Вот мы сейчас тут сидим перед гравюрой. Собор и рядом древний раскоп. А сам храм, чего тут только нет. Витражи, росписи и фрески, лепнина... Что только не переплеталось здесь, не случилось под этими сводами. Вот так и мы... – Старый искусствовед битых два часа пытался вывести молодого из состояния самой чёрной меланхолии и особым успехом, откровенно сказать, похвастаться не мог. Он сыпал анекдотами, прибаутками, водил его в банк продемонстрировать переведённый уже гонорар.

Небылицын слушал безучастно, смотрел в пол и, если уж совсем невозможно было молчать, иногда вымучивал междометия или вздыхал. Старик же, казалось, чего-то ждал. Он не заговаривал со Стасом о самом главном, не объяснял своего внезапного появления и время от времени поглядывал на маленький плоский телефончик, болтающийся у него на шее на толстеньком ремешке, сдублированном надёжной цепочкой, совсем как у породистого домашнего пса или современного мальчишки – пижона, на которых солидному добродушному Бруку негоже бы походить. Надо было его знать, чтобы по-настоящему оценить эту, для других банальную, «деталь туалета».

Старик новации не любил, техники побаивался и ожидал от неё подвоха. Небылицын прежний такое непременно бы уж заметил, удивился, начал острить – «ах, не ждёте ли вы свидания, дорогой ментор? Нет? Но тогда не иначе как лауреатства?» Этот – новый хмуро безмолвствовал, его мысли

явно были далеко.

Телефончик зажужжал, словно рассерженный майский жук, а потом и заиграл. «Сердце красавицы, – вызванивал ксилофон, – склонно к изме-ене! И к перемене, – поддержа-ла свирель, – как ветер мая!» Оскар Исаевич вздрогнул, засуетился, явно забыв, какую кнопку сперва нажать, однако, справился, поздоровался, затем, глянув на Стаса, извинился и отошёл в сторонку. Было слышно, как он живо задавал вопросы, удивлялся, охал, а потом перешёл на французский. Но вот старик победно улыбнулся, поблагодарил собеседника и попрощался.

– Так, мой дорогой, – совсем другим тоном обратился он к молодому человеку, – я узнал очень важные для нас вещи. А теперь мне дали добро, и я могу Вам кое-что объяснить. Конечно, вылезайте из своего кокона наружу. Мы будем действовать. Вы слышите меня, юноша? Мы будем действовать как современные люди. Но! С полным уважением к истории, традиции, наивным верованиям, а также, между прочим, упрямым фактам, тем, что часто вылезают из рациональных границ. А как ещё может поступать образованный и опытный музейный работник? Вам уже кое-что рассказали? Так Вы услышите историю от меня до конца.

Рассказ Брука

Аугсбург город не очень большой, и конечно, кое-что про-

сочилось. Рассказывали совершенно невероятные истории о персидском шахе, захотевшем заказать себе золотую чашу. Нет! Меч с драгоценным эфесом, утверждали другие. А один горожанин совершенно серьёзно уверял, что слышал, как кондитер, поставщик Гольдшмидта, по секрету нашептывал хозяину монастырской пивоварни: Китайский Император хочет жениться. Ну так вот, для невесты Гольдшмидт сделал нагрудник и ножные браслеты! Но потом... понимаете, императоры так капризны! Он раздумал, и тогда Михаэль продал буйному Карлу по дешёвке всё разом. Что вы говорите? Китайки не носят браслеты на ногах? Вы уверены? Вот незадача... А что?

Со временем стало известно, что семья хранит ЭТО в тайне. Тайна будоражила умы. И надежды грабителей. Тем долго не везло. Но однажды воры достигли известного успеха. Они подкупили мальчишку в доме. Тот забрался в подвал без окон, где в полной темноте хранился «Римский заказ». Он проник в дом через водосток и через узкий лаз передал, что нашёл.

После истории с кражей семья поместила своё загадочное наследство в банк. Было решено сделать это подальше от досягаемых глаз, они выбрали Дрезден, и больше нам об этой стороне дела никаких подробностей не известно.

А воришка попался. Он стащил старый кожаный кошелёк и серебряный колокольчик у толстого лавочника. Но был пойман, уличён и высечен нещадно розгами на город-

ской площади под бой барабанов. Тогда он сознался заодно во всех своих прегрешениях сразу. Быстро отыскивали двоих взрослых висельников, для которых старался малец. Нашлась и добыча. Ей оказалась звезда с огромной чёрной жемчужиной. Вернее, золотая витая цепь в виде змеи со звездой. Долго-ли, коротко-ли, но чёрная звезда вернулась назад...

Через месяц старший Фельзер сорвался с крепостной стены, где осматривал городские укрепления. Его дочь бежала с французским офицером, а жена, не выдержав позора, попыталась наложить на себя руки. Её удалось спасти, но она потеряла дар речи и молчала до конца жизни.

Младший брат, однако, не хотел верить в злую судьбу и считал семейные беды простым стечением обстоятельств. Он сказал родным, что если они бояться родового проклятия, то он может, так и быть, облегчить их бремя. Младший забрал цепь и положил подарить её будущему зятю. Его дочь должны были скоро выдать замуж, и всюю шли приготовления к свадьбе. Младший даже смеялся над сказками о «проклятье Гольдшмидта» и, действительно, поначалу в его доме всё шло благополучно. Приданое было готово, на подвенечное платье наложили последние стежки, изысканный свадебный обед ожидал множество именитых гостей. Даже погода в День свадьбы стояла солнечная, безветренная и, казалось, радовалась вместе со всеми.

После венчания новобрачные сели в великолепный выезд. На груди жениха красовалась цепь, и восхищённый ше-

пот пробежал по толпе, собравшейся у церкви поглазеть, поклянчить милостыню и поорать: «Виват!». Зацокали подковы, и лошади торжественно двинулись по улице. Прохожие приветствовали молодых, а мальчишки бежали за каретой и визжали.

Как вдруг впереди послышался какой-то необычный гомон. Загремел барабан, запели трубы, толпа загудела и колыхнулась. Бродячий передвижной зверинец Леонелло въехал в город, и любопытные горожане тут же облепили его. Маленькие ослики с колокольчиками трусили впереди, за ними важно двигался печальный одногорбый верблюд, а на широкой телеге, запряжённой быками, стояли клетки.

В небольшой клетке сидел рыжеватый волк с облезлой лисой. В клетке побольше – бурый молодой медведь. И наконец, в самой большой – лев! Всамделишный лев с хвостом, гривой и грозной пастью, все видели, как он зевал. Такой за просто проглотит барана и не заметит!

Льва не кормили, чтобы он не выглядел сонным, и зверь был раздражён. Под колёсами загремели камни, и он недовольно заворчал. А когда попалась особенно большая колдобина, подал голос по-настоящему. Привычные животные зверинца не испугались грозного львиного рычания. Но лошади, что везли новобрачных...

Обезумевшие от страха кровные жеребцы покалечили несколько человек, разнесли в щепки карету и выбросили новобрачных с высокого моста вниз в пересохший ручей.

Они оба погибли на месте и были похоронены в одной могиле, чтобы не разлучать их хоть после смерти, раз уж горькая судьба отказала им в счастье.

Деньги – большая сила. Злосчастная цепь осталась невредима. И хотя выплакавший все глаза отец не хотел о ней больше слышать, на семейном совете всё же решили её продать. Кроме чёрной жемчужины, там имелись и другие очень ценные камни. Червонное золото, змея, усыпанная камнями, с глазами в виде двух огромных рубинов...

Аугсбург был городом золотых и серебряных дел мастеров и ювелиров. Украшение разобрали, разняли и распродали потихоньку. Многие ювелиры не побоялись худой славы. Продавали ведь без запроса...

Так вот, предание гласит, что ни один из купивших не остался без наказания. На них сыпались беды: разорения, болезни, пожары и увечья. И с тех самых пор повелось. Это превратилось постепенно в цеховой манифест или лучше сказать – цеховой завет. Ни один уважающий себя ювелир Города не хочет ничего знать про «Римский заказ». А семья Фельзер имеет и своё собственное горе.

– Анна-Мари не рассказывала вам, что у неё есть брат? Видите ли, сама звезда попала в конце-концов в Нюрнберг в музей. Там зловещий хвост этой кометы оборвался. Ни одну неприятность больше не связывали с нею. Казалось, старое заклятье выцвело от времени, потускнело и выдохлось. В семье о нем стали забывать.

Младший Фельзер очень интересовался историей своей семьи и решил взглянуть на роковую романтическую драгоценность. Он совершенно буднично подошёл к витрине, сделал несколько снимков и поехал домой. Но по дороге он оступился на скользком месте, упал и сломал руку. А потом – неудачное лечение, сепсис... Словом, левую руку пришлось отнять. Это произошло два года назад. Теперь вы понимаете, мой молодой друг...

– Оскар Исаевич, – Небылицын взглянул совершенно больными глазами на старика. – Я не знаю, кому я наступил на мозоль, самому дьяволу или младшему бесу. Я бежал от туда, как от чумы, потому что приношу несчастья, словно ящик Пандоры. Она попала в беду, а я не мог позволить себе даже под окнами походить, чтобы хоть издали увидеть её. Я ей боюсь написать... Я не знаю, кто и что меня преследует. Я понимаю только одно. Моя жизнь... разбита – это не то слово, она просто потеряла всякий смысл. Я не могу даже вам сказать, зачем вы меня во всё это втравили? Я встретил Анну-Мари благодаря вам и начал – Жить! Без неё я был раньше... э, да что там, я и теперь без неё. Можно я пойду?

– Идите, это не страшно, – неожиданно легко согласился тот и встал с места. – Вы сидите безвылазно дома? Тоже не страшно. Бойтесь встречаться? Хорошо – не встречайтесь! Знаменитый лётчик-испытатель сказал однажды: «Если ты чихнул, а после этого у самолёта отвалился хвост, попробуй чихнуть назад!»

– Правильно, вы меня не упрекали, это делал я сам. Но я же не провидец! Я только хотел, чтоб умная и красивая де-вушка вас встретила там и помогла. А что вышло? С другой стороны я ничегошеньки не знал про «Римский заказ»! Ни-кто из Фельзер мне ни единым словом... Впрочем, довольно об этом. Теперь слушайте меня, -Брук сделался необычайно серьезен. Глаза его блестели от волнения. Он возвысил голос и взял Стаса за руку.

– Не теряйте надежду! Был бы я мушкетёром, я бы сказал – положитесь на мою шпагу! Кулачным бойцом или борцом – на мои бицепсы, стрелком – на мою меткость. Но я музей-щик и ещё архивариус, и я буду действовать своим оружием. И уверяю вас, оно есть! Я напал на след одного важного до-кумента. Мало того, замаячила возможность – чем чёрт не шутит, даже и саму статуэтку найти! А тогда... Нет, рано! Я ничего пока не скажу. Прощайте! Надейтесь, Вы меня поня-ли? Надейтесь!

С этими словами старик пожал Стасу руку еще раз и быст-ро вышел из комнаты.

Глава 52

Над большим ледником возвышалась тёмная гора. Несколько восточнее выступала ещё одна гряда. На ней вид-нелись сверкающие глетчеры и две островерхие вершины. Большая часть гряды была покрыта белым туманом, кото-

рый постоянно менял свои очертания. Путешественники пошли по плоскому фьордовому льду, тянувшемуся от соседнего маленького островка. Туман немного рассеялся, и показалась полоска голой земли. Ещё несколько минут, и Кирилл, возглавлявший маленькую колонну, остановился.

Чайка, как ни в чём не бывало, сидела на месте. Но причуды освещения не давали заметить её необычного цвета. Птица из-за скрывшегося за горами светила казалась тёмной, зато антрацитового цвета скала...

– Ой-ты, утёс какой интересный, посмотрите, Кирилл Игнатич, – Петя теперь, определённо, был пободрее, чем Тимофей. – Просто беркут на взлете!

– Просто беркут, – повторил, словно эхо, Бисер.

– Как? Это что же... «скала в форме птицы»? Кира, так ты нашёл? – ахнул биолог.

– Я, ребята, совершенно уверен, что это здесь. Все приметы сразу сошлись. Только я хочу вместе с вами сделать решающий шаг. Полезли понемногу наверх. Тут сбоку что-то вроде ступеней есть, сдерживая волнение, – ответил тот.

Действительно, казавшийся спереди неприступным высоченный каменный беркут, если обойти его слева, имел довольно широкие выступы, ведущие дугообразно наверх. Друзья поднялись уже метра на три от поверхности земли, когда эта природная лестница вывела их на площадку, совершенно незаметную снизу. Она начиналась у «глаза птицы» – выпуклого образования пористой тёмно-серой породы, и ве-

ла под углом от «клюва» назад.

– Парни, а тут пещера, – воскликнул Тимофей, слегка опередивший других.

Круглая дыра, частью полностью сливавшаяся с общим фоном, частью загороженная всё тем же «глазом», уходила куда-то вглубь скалы и терялась там в темноте. В неё, впрочем, вполне можно было пролезть, если хорошенько согнуться.

– Стоп, а нет ли здесь какого-нибудь монстра? Не скормить бы этому «орлу» Петьку вместо лемминга. Как ты думаешь, Тима? Нет, серьёзно, я пойду на разведку, а вы оба тут подождите, – скомандовал Бисер. Но биолог возразил уверенным тоном.

– Нет, если ты про зверье, то не волнуйся. Полярные монстры в скалах не живут.

– Ну что ж, тогда вперёд, помолясь, – пробормотал в ответ Бисер и первым вошёл в проход.

Они двинулись друг за другом по узкому лазу, освещая себе дорогу электрическим фонарём, однако скоро впереди посветлело, стало можно несколько распрямиться, проход расширился и вывел друзей в небольшую скальную полость, куда сверху проникал слабый свет. В ней всем, кроме могучего Решевского, удалось встать почти в полный рост.

– Не поймёшь, как лучше – может, вовсе выключить фонарь? Эта штука сложена разными горными породами. Одни выветриваются и вымываются рано или поздно, другие по-

чти нет. Сверху вот промыло канал, – Кирилл указал отверстие на своде, откуда проникали лучи.

– Точно! И отсюда натягивает ещё снежку. Смотрите, братцы. Не так много, но всё же.

В самом деле, камеру снизу устилал тонкий снежный покров, заискрившийся в электрическом свете. Петя перевёл фонарик на стену справа, затем слева, наконец посветил прямо перед собой...

– Петь, стой! Слышишь? Не двигайся! Здесь рисунок и слова – крикнул, всмотревшись, биолог.

Луч фонаря задрожал, поколебался и осветил, наконец, небрежно намалёванный белым знак и какую-то надпись.

– Это ключ. А рядом два слова, только латинским шрифтом, – сказал Петя. – Во всяком случае не по-английски... я бы понял.

– Одно слово я знаю. Действительно не по-английски. Тут написано: «Meise». Это по-немецки – «синица», – взволнованно подхватил Кирилл.

– А другое я понимаю, так как это по моей части. «Paridae» по-латыни тоже «синица», только уже семейство, – дополнил биолог.

– Значит нечего сомневаться – мы пришли в то самое место. Только здесь абсолютно пусто! – Кирилл растерянно посмотрел на товарищей, которые так же как и он, оглядывались кругом.

– Стойте... – Петя сделал шаг к стенке с надписью и на-

клонился. Под ней на высоте полуметра порода образовала углубление, похожее на неширокий карман. – В этом месте что-то лежало!

В «карман», как и всюду, намело снега в палец толщиной. На его поверхности чётко отпечатался четырёхугольный след от тяжёлого предмета. Все трое наклонились одновременно и едва не столкнулись лбами.

– Точно! Четыре угла, на них или заклёпки, или гвозди. Дырочки в снегу видишь? – подхватил Тима. – И совсем недавно забрали!

– Почему ты думаешь, что недавно? – не понял Кирилл.

– Ну как же! Новый снег еще не запорошил отпечаток!

– Верно! Но тогда... кто-нибудь видел рядом следы? Должен же этот некто... Ведь не птица стащила. Тут лежал предмет, похожий на ящик или шкатулку. Нет, скорей на сундук.

– Вот что, пошли обратно. В камере мы всё затоптали. Нас-то трое. А снаружи мы получше посмотрим.

Путешественники сразу почувствовали, как устали и измотались. Для них, едва оправившихся от тяжёлой болезни, этот поиск был едва ли по силам. Спускались они медленно, молча, от прежнего воодушевления не осталось и следа. У подножия утёса они всё-таки осмотрелись.

– Никаких следов, кроме наших, – хмуро сказал Решевский. – Здесь только медведь отирался. Это я и раньше заметил. Да и то такой... хилый, мелкий.

Они повернулись спиной к скале и направились уже обратно, как вдруг над их головами раздался свист крыльев и птичий призывный крик. От неожиданности Решевский потерял равновесие и сел на снег. Над его головой пикировала чайка. Вот она ближе, ближе! Навстречу ей прямо с «беркута» вспорхнула другая.

– Господи, это правда... я столько о них мечтал, и вот! Вот они, та-а-ам!

Две прекрасные ярко-розовые птицы закружились над водой, вылавливая светлых мелких рачков-бокоплавов. А Орнитолог сиял! Он вмиг позабыл о своём нездоровье, о постигшей их всех только что неудаче. Откуда только взялись силы, но он снова вскочил на ноги и, к восторгу ошалевшего Петьки, пустился в пляс!

Глава 53

Оскар Исаевич любил хорошую почтовую бумагу. В марках он тоже знал толк. Теперь можно было себя побаловать – заказать именные конверты. Можно было и слегка потешить свое тщеславие: перечислить звания и награды, коих накопилось уже не мало. Но такие заметные письма пропадали, марки отклеивали филателисты, и посему наученный горьким опытом, Брук отправил в Мюнхен заказным большое толстое, но самое неприметное письмо.

Придя во вторник с работы, Анна-Мари привычно поста-

вила машину в гараж, открыла почтовый ящик, рассортировала несколько конвертов и вдруг... С бьющимся сердцем она распечатала увесистый пакет и погрузилась в чтение.

«В книжных мудростях сыскали мы, что недостойный сын церкви Карл похвалялся богомерзкими творениями и свя-тую церковь не почитал, ни во что не ставил. Людишки его разбои чинят, сам он погряз во грехе и разврате. Старые люди порешили его казнить и наложить на его добро волчью серую печать. «Дабы никому неповадно было володеть Василиском, налагаем мы на него нашей властью волчье слово. И отныне мирянин ли, монах ли – не дерзай Василиска в отчей хороmine держати, а равно менять, продать и завещать. А не послушает, будет ему всякая порча и гибель. Даже и речи о нём держать не можно, и поганое имя его не называти. И быть по сему, пока не протечёт сто долгих лет, а тогда, не уничтожать, ибо работа мастера больно хороша, но в сокровищнице королевской схоронить и только зрелым мужам видеть оное дозволяти, за позор оный полновесные червонцы собирать, а червонцы те отдати для дел богоугодных и призрения вдов и сирот».

Моя дорогая девочка, я постарался передать колорит документа, написанного по латыни на пергаменте гусиным пером. Ты знаешь, что я не могу сделать это на немецком. И потому избрал наш с тобой общий, а твой второй родной язык

и стилизовал, как сумел.

Я узнал, что твои предки старались отворотить родовое проклятие и обратились в соответствии с духом времени к служителям церкви. В Аугсбурге славилась игуменья Афра Иоганна Анна-Мария Еберберг. Она видела вещие сны и, после долгого поста и молитв, посоветовавшись со святыми отцами, в строгой тайне рассказала об ниспосланном ей откровении. Тогда был составлен документ, который ты сейчас прочла, скреплён печатью и вручён главе рода Фельзер. Он хранится не в городском архиве, а в епископальной библиотеке. Но у меня есть свои источники – тут очень кстати пришлось увлечение нынешнего прелата Дома византийскими рукописями и орнаментами.

Я не провидец, безгрешностью тоже не могу похвалиться, но интуиция у меня есть. Я искал и нашёл, а как имя игуменьи прочитал... Ты посмотри, как её зовут! Не смейся над стариком, а подумай, какой теперь идёт год. Я считаю, этого «Януса» надо найти и поступить, как предписано. Я почему-то полностью уверен, что тогда всё будет в порядке. Я сумел убедить Стаса, и он ожил и надеется. Я желаю вам обоим от всего сердца удачи и счастья.

Да, ты спросишь, почему «Янус»? В нашем государственном архиве среди трофейных бумаг отыскивались дневники Бенедикта Гольдшмидта. В них подробно изложена история того, где хранился «Римский заказ», а также куда и почему он позже попал. Я скопировал тебе нужные страницы и

вложил в этот конверт. Кроме того, мой заказчик, стальной магнат, странным образом оказавшийся тоже замешанным в историю с этой династией ювелиров, свёл меня с нужными людьми. Я с их помощью раздобыл сложным, кружным путём ещё один документ, который тебе изложу своими словами в приложении к письму. У меня получился небольшой рассказ. Будь, пожалуйста, снисходительна к моему стилю – я не писатель.

Позвони, очень тебя прошу, Стасу и он тотчас вылетит к тебе.

Твой верный, бескорыстный поклонник Оскар Брук.

P. S. Поцелуй родителей и передай от меня: это был, вне сомнений, Камиль Каро. Они поймут.

К444444444444444444444444

О. Б.

– Боже мой, – прошептала Анна-Мари, прочитав письмо, – неужели кончится этот кошмар? Я просто не смею верить. Ну, скорей! Она развернула сложенные листки и впи-лась потемневшими тревожными глазами в текст.

Шевелюра Миши Гольдшмидта напоминала спелую рожь. Его синие глаза блестели из под фуражки, пшеничные усы весело топорщились, а золотистые волосы отросли точно не по уставу. Жизнь была хороша! Война близилась к концу, и

майор медицинской службы даже в полевой форме чувствовал себя как в парадной. А два дня отпуска после ранения ещё подняли настроение бравого офицера.

Вечером намечались танцы! В уцелевшем ресторане «Золотой гусь» нашлись два венгерских скрипача и старенький пианист – инвалид первой мировой. У разведчиков имелся харч, у самого Мишы – трофейный коньяк. И девушки... нет, откуда столько девушек, одна лучше другой? Город полуразрушен, вокруг дымятся развалины, а жизнь идёт.

Он бысто шёл в поисках пекарни, которую научили найти ребята. Узкий переулок сделал коленце вправо. Аккуратная церквушка сменилась полуразрушенным складом, и раскуроченный сад вывел на «Улицу роз».

Наверно, здесь раньше было ухожено и нарядно. Даже сейчас... Роз не видно. Но кустарник покрылся жёлтыми цветами – весна! Молодой офицер оглядывался, улыбался, но не сбавлял темпа. И вдруг приостановился.

– А это что за улица? Почему ёкнуло сердце? – Михаила охватило странное ощущение. «Опасность? Рядом снайпер? Я расслабился как кот на солнышке. А тут не Питер, это Дрезден. Это Дрезден, улица, вернее «Мост босых» – «Barfuß Brücke».

У чистокровного немца Мишы было два родных языка. Он чудом избежал унижений и репрессий, уготованных людям, имевших несчастье так называться в эти грозные годы. Принимали ли его за еврея? Не исключено, но видно, анти-

семитов он тоже счастливо миновал. Как бы там не было, он кончил Медицинскую Академию и успешно увлечённо работал, а потом сделался полевым хирургом.

Случилось так, что родители его умерли рано. И единственный родственник, о котором он знал, родственник по отцовской линии, человек, носивший фамилию – Гольдшмидт... Господи, ну конечно! Это было поздним вечером вьюжной петербургской зимы. В дверь позвонили, мама с папой заволновались, а когда пришедший отряхнул снег и снял калоши, долго тихо говорили с ним о чём-то на кухне.

Мама уже не было в живых, когда папа ему рассказал. Он попросил: «Мишенька, нам пишет твой дядя Бенедикт. Если времена изменятся, может, тебе удастся его найти. Он боится нам навредить, и потому... Ну, сам понимаешь. Вот, почитай! Ты уже большой, если станет совсем опасно, уничтожишь. Да, и еще. Запомни адрес! Хотя бы адрес выучи наизусть: Дрезден, «Мост босых» одиннадцать, кондитерская господина Краузе, второй этаж».

«Бедный папа, его тоже скоро не стало. Где-то давно пропало, затерялось старое письмо. И вот он стоит тут почти рядом. Красный дом с проломанной крышей – дом под номером двадцать девять. Поискать? Смешно даже думать. И вообще пора закругляться, его ждут.»

Но ноги уже сами несли Мишу вдоль искорёженных строений и немногих уцелевших домов вперёд. Вдоль улицы струился ручей. Он огибал осколки гранита и бежал по плос-

ким плитам вниз. Жестяной указатель качался на одном ржавом крючке. «Козий рынок» – прочитал Михаил и развеселился. Ничего, минут пять, и станет ясно, полверсты – не крюк, скоро этот «Мост босых» окончится и... Миша посмотрел вправо – пусто, влево – крошечный домик из красного кирпича покосился на бок. Над окошком мелом нацарапано что-то и... номер? Девять – увидел он, нечётная сторона.

Кондитерская Краузе стояла, как ни в чём не бывало, на своём месте. В окнах уцелели почти все стёкла, кроме одного, забранного фанерой. И вывеска! Она изображала румяную пухлую фройляйн с каштановыми локонами и розовыми губками. Перед ней дымилась чашечка кофе, а на столе – миленький боже! Булочки, пирожные, вишнёвый торт, взбитые сливки...

«Ох, увлёкся. Поесть пора. О чём я думаю, что за пропасть – это ж дом дяди Бенедикта!»

Дверь открылась без всяких усилий, и молодой человек взбежал на второй этаж. Медная табличка на двери извещала, что здесь проживает семейство Обермайстер. Михаил собрался постучать, чтобы по крайней мере попробовать спросить о дяде, как вдруг он вспомнил.

«Ну конечно! Второй немецкий этаж – это наш третий! Тут считают -земляной этаж, первый, а потом... словом, мне надо выше.»

Аккуратную табличку одним маршем выше Михаил вос-

принял уже как нечто само собой разумеющееся. Он перестал удивляться и позвонил. Звонок тоже действовал в этом удивительном доме – механический колокольчик, приводимый в движение поворотом руки. На этом чудеса кончились.

В доме было удивительно тихо. На повторные звонки никто не отзывался. И только теперь страшное волнение охватило молодого хирурга. Он стоял перед дверью словно вымершего тихого дома, где было написано готтическим шрифтом: «Бенедикт Гольдшмидт, оберштудиендиректор». Колокольчик ещё раз протрезвонил. «Что делать? Уйти? Невозможно!»

Занятый такими мыслями, он в нерешительности осмотрелся, снова повернул звонок, опёрся на дверь, и чуть не упал. Она медленно с противным визгом повернулась на петлях, и он очутился в просторной прихожей. Под ногами Михаила закрипел дубовый паркет, и эхо неожиданно громко отозвалось под высокими потолками.

– Есть тут кто-нибудь? – раздался тихий старческий голос. – Я не встаю. Войдите. Заходите сюда.

В коридор выходило несколько дверей. Сразу направо... нет, это уборная. А первая с другой стороны приоткрыта и пуста – только бархатные диваны с гнутыми ножками и кабинетный рояль. Но следующая с медной ручкой в виде льва...

– Господин провизор Людеке? – снова услышал молодой хирург, – вы знаете, я не могу вас встретить, но, надеюсь, извините больного старика.

Михаил секунду помедлил, а потом коротко постучал и решительно вошёл, невольно начав печатать шаг. Он произнёс уже первые слова приветствия, как вдруг остановился, поражённый выражением ужаса на лице седого, высохшего господина, лежащего на широкой кровати в стёганом халате с ногами, укутанными толстой шалью.

Э, брат, ты же офицер противника. Старый джентльмен ожидает, что ты его съешь без соли, ограбишь или сразу пристрелишь! Надо поскорей объясниться. Для активного фашиста он слишком стар. Я надеюсь, что если буду вежлив, не совершу особого воинского проступка.

– Добрый день, простите, но дверь была открыта. Я звонил несколько раз. Меня зовут...

Старик не дал ему закончить. Казалось, он ничего не слышит. Может, так и есть?

– Генрих! Не может быть. Ты пришёл! Именно сейчас, когда мне осталось так мало? Я умираю, значит это судьба. Я знал, я был уверен... Боже мой, я грешник, пусть так. И все равно она должна остаться в семье. Да, тогда я буду спокоен.

Совершенно обескураженный, Михаил всматривался в лицо больного и, поражённый страшным фамильным сходством, сперва не ответил ничего. Но понемногу ступор стал проходить. «Генрих? Так звали его отца, на которого Миша был похож как две капли воды. Значит это дядя?»

– Господин оберштудиендиректор Гольдшмидт? Дядя Бенедикт? – неуверенно начал он, – меня зовут Михаэль. Ген-

рих – это мой отец, он давно умер. Я пришёл Вас повидать, папа очень этого хотел. Так сложилось, что я оказался здесь. Я – военный хирург. Папа велел мне выучить ваш адрес наизусть. Подумать только, я... Но скажите, что с вами, может я могу помочь, я же врач!

– Нет, нет, мне уже никто... Михаэль? Сын Генриха, сын и наследник! Ты правда, Гольдшмидт? Что это я, подожди, мой мальчик. Не будем терять времени. Твоё лицо говорит громче слов и глупых бумаг. Даже родинка на левой щеке, наш фамильный голубиный коготок. Подойди ко мне ближе. Нет! Сначала запри дверь. – Старый человек привстал на своих расшитых шелком подушках и простёр желтоватую руку вперёд. Михаил повиновался. Он вышел, быстро запер дверь на засовы и вернулся к больному. Бенедикт дрожащими руками взял стакан, стоящий рядом с постелью и немного отпил. По комнате распространился запах аниса и валерианы. Потом он притянул к себе Михаила и зашептал. Иногда, обессиленный, старик замолкал и, откинувшись на подушки, давал себе немного передохнуть. Но потом, собрав последние силы, снова, помогая себе жестикуляцией, взволнованно ему о чём-то повествовал. И когда через добрый час он закончил, на небе уже зажигались первые звёзды.

По просьбе старика Михаил отыскал в бюро и подал старику маленький футляр красного дерева. Бенедикт отомкнул его серебряным ключиком, извлек металлический предмет сложной формы, показал племяннику и снова горячо зашеп-

тал. А когда кончил, велел немедленно спрятать. И военврач послушно убрал футляр в полевую сумку.

Но вдруг старик застонал, схватился за сердце и упал на спину. Последним движением он вложил в руки Михаила сложенную вчетверо бумагу и бархатный кошелёк.

Потрясённый молодой Гольдшмидт заметался. Но через несколько минут он как опытный врач понял, что душа Бенедикта отлетела. Ему ничего не осталось, как закрыть старому человеку глаза и позаботиться о похоронах.

Офицеру в его положении это было совсем не просто. Он вышел на лестничную клетку с намерением поискать соседей. И тут же столкнулся с солидным господином, который собирался уже войти. Это и был провизор, друг покойного Бенедикта.

Узнав о кончине старика, он объяснил, что тот был давно очень плох. Можно только удивляться, как он прожил последние несколько месяцев. Михаил не вдавался в подробности. Он сказал только, что искал кондитерскую и услышал случайно стон. Что он как врач зашёл посмотреть, не может ли чем помочь. Но, к сожалению, медицина бессильна если...

– О, конечно – услышал он в ответ, – когда человеку за девяносто, у него аритмия и диабет, знаете ли... Но какой у Вас великолепный немецкий, господин офицер!

Молодой человек поблагодарил, тему развивать не стал, и услышал, что Людеке позаботится обо всём необходимом,

вежливо распрощался.

Девушка подняла голову. «Небольшой рассказ» Оскара подошёл к концу, но про статуэтку в нём не говорилось ни слова! Оставалась ещё страница. Её пальцы нетерпеливо затеребили бумагу. Буквы от волнения и напряжения плыли перед глазами. «Надо успокоиться. Нет, она возьмёт себя в руки! Господи, ну теперь понятно. Это просто по-немецки!»

Ей потребовалось несколько секунд, чтобы переключиться с одного языка на другой. Перед ней была копия середины страницы рукописи, сделанной перьевой ручкой. Цветной ксерокс позволял увидеть выцветшие лиловые чернила. Почерк автора, впрочем, был хороший, чёткий, с трогательным нажимом и завитушками. Читать его не составляло труда.

...И потому я, Бенедикт Дамиан Гольдшмидт, не являюсь наследником работы нашего пращура – фамильного бесценного достояния Гольдшмидтов, этой великой страшной тайны, которая не даёт мне покоя и сделалась для меня смыслом и целью жизни. Сейчас идёт чудовищная война. Я ничего не знаю о законном наследнике Фельзер - Старшем сыне. Не знаю и о наших «русских» родных. Если бы был жив Генрих... Хорошо, я расскажу, пусть после моей смерти станет известно, что случилось. Я очень стар, об остальном должна позаботиться судьба.

В ранней юности я узнал историю таинственной статуэт-ки. Она не выходила у меня из головы, и я сделал всё воз-можное, чтобы её разыскать. Потратив кучу денег, времени и сил, я это сумел. Старший сын, а тогда это был Адольф Фельзер, поместил её подальше от Аугсбурга, чтобы избе-жать слухов – в Дрезденский национальный земельный банк. Тогда и я сменил место жительства и поселился поблизости. Я надеялся на чудо и ждал, и чудо произошло. Но что это был за день! Казалось, затрубили архангелы, извещая людей о ча-се Страшного суда. Не понимаю, как я спасся. Бомбардиров-ка королевских британских войск превратила город в руины. Но я и тогда думал только о статуэтке, только о ней! Банк лежал в развалинах. Разве сумасшедший мог в такие мину-ты искать наше сокровище. Что же, я и есть сумасшедший! Я нашёл наследие предков, сумел добраться до безопасного места и снова спрятать его уже для нашей семьи до лучших времён. Я оставляю здесь в моём дневнике точные указания об этом. Я раскрыл секрет изваяния. Я назвал его просто – «Янус». К изваянию приложен ключ. Я твёрдо решил пере-дать его и второй экземпляр плана только Генриху Гольд-шмидт или его детям. Если этого не случится, то вручаю се-бя и Януса провидению.

Внизу более мелким шрифтом было начертано ещё несколько слов, и от руки нарисован план. Еще один малень-кий листок был вложен, судя по всему, позже. На нем Брук

писал.

Я уже упоминал, что разные люди – официальные и нет – включились в эту игру. В последний момент я получил необыкновенные вести из Италии. Нашлись люди, связанные родственными отношениями с участниками нашей драмы. А среди них юристы. Они знают много больше меня о тайных пружинах происходящего. Я же руководствуюсь одной интуицией. А потому... Ты вскоре получишь посылку. Это странная штука из трех частей. О ней сказано – это ключ для Януса. А как его применить, подумай сама.

О. Б.

Глава 54

– Я больше не боюсь. И тебя одного не отпущу. Что бы не случилось, мы теперь будем вместе. Я знаю... вернее, почти уверена, что знаю, где это должно быть. Мы вместе пойдём и убедимся. А если там ничего нет... И прекрасно, тогда конец семейным легендам. После этого я сделаю тебе предложения!

– Что ты имеешь в виду?

– Стасик, постыдись! Странные молодые люди нынче пошли. Что я могу иметь в виду? Я собираюсь выйти за тебя замуж, если ты ничего не имеешь против!

– Любовь моя, в том-то и дело. Я ничего не имею, и...

– Это ещё почему? Ты закончил университет, у тебя есть работа и докторский титул.

– Москва не Мюнхен! За такую деятельность как моя платят гроши. Не могу же я жить за твой счёт.

– Станислав, ты соблазнил порядочную девушку, а теперь хочешь... м-м-м помыться, вот! Ну почему ты хохочешь? Перестань целоваться и отвечай!

Небылицын довольно долго не реагировал на последнее, полностью отвечающее действительному положению вещей, обвинение. Но всё, кроме колеса, однажды кончается.

– Ох, ты меня порадовала! Очень похоже звучит, но всё-таки иначе. Ты хочешь сказать – смыться, то есть удрать? Я это самое как раз совсем не хочу. А потому... Я готов забросить своё искусствоведение к чертям собачьим и научиться зарабатывать деньги. И потом, если мы не поженимся, мне останется только уйти в монастырь.

– Слушай, лучше расскажи, куда мы пойдём. Кстати, как мы поступим, если и впрямь найдём проклятую штуку?

– Всё, что мы сейчас делаем, придумал дядя Оскар. Он нашёл новые документы. В них статуэтку именуют «Янусом». А с Оскаром вместе работают люди – специалисты с вашей и нашей стороны. Дядя Оскар сказал, мы с тобой должны один адрес разыскать. Она, вероятно, там. И если он угадал... ты помнишь ведь основной сюжет? «Римский заказ» наследует старший сын. Это мой папа, ему и решать.

Стас и Анна-Мари рука об руку вышли на улицу вечернего города. Огромная гостиница «Шератон», где они остановилась, съехавшись из Москвы и Мюнхена в этот город, высилась около залива. Улицы, ведущие к нему, стекали вниз как ручьи. А настоящие ручьи тоже струились по гранитным ступеням, звенели и змеились между искусно разбросанных валунов, падали вниз из многочисленных фонтанов с фонтанчиками, создавая красивые каскады.

– Знаешь, название этого города значит... Ну, примерно – «Распространение реки». Может ты сумеешь сказать удачней? – девушка подергала Стаса за рукав. Он немного подумал.

– В вольном переводе что-нибудь вроде «растекания» или устья? Нет, не знаю, – развел руками он. – Я вот думаю об имени «Янус». Бог дверей... Ему были посвящены в Риме все ворота и двери. Помнишь, по-латыни «януа» – двери? А святилище его представляло собой просто арку... Понимаешь, ничего ужасного и порочного тут не должно быть!

– А как же выражение «двуликий» Янус? Иными словами – лицемерный, двуличный человек? – не согласилась Анна-Мари.

– Просто позднейшие наслоения. У римлян такого не было. Янусу была посвящена утренняя заря, позже он стал богом всякого начала. А вот изображали его бородатым дядей с двумя лицами, обращёнными в разные стороны. Постепенно его предназначение забылось, а воплощение начали вкривь

и вкось толковать, – объяснил Стас.

По обеим сторонам Вокрентерштрассе окружали узкие средневековые дома. Господствовал красноватый цвет с редкими всплесками белых фигурных фасадов. Прямоугольные окна, забранные мелкими переплётками, обрамляли готтические арки. Анна-Мари подняла голову и поискала глазами номер дома.

– Люблю черепичные крыши. У нас в Баварии их очень много. Здесь куда меньше, разве что на этой улице. Смотри, вот и он!

– Ты мне до сих пор ничего не объяснила. Что это? Куда мы пришли? Я слышал от тебя только странную формулу: «Дом – дерево – дом».

– Это городской музей. Давай войдём. Дом был построен в 1490-ом году и, несмотря на все катаклизмы, сохранился. Устоял даже в последнюю войну.

Стас слушал, но не очень внимательно. Он любовался.

– Ан-ри!

– Что такое? Ты это о чем? Какой ты несерьезный!

– Это я тебе имя придумал – взял от твоих обоих по кусочку. Правда красиво звучит? Ну, не сердись. Я одним ухом... Да, а где деревья, около дома с двух сторон?

– Имя сейчас же забудь, оно мужское. А деревья... это одно дерево, оно внутри. Ты как сказал? Дом – дерево – дом? Нет, неправильно. Слушай меня внимательно. Надо – «Дом – дереводом»! Понимаешь? Пошли скорей. Нас дирек-

тор ждет!

Стас поглядел на остроконечную двускатную крышу, плоский ступенчатый фронтон, удивленно покрутил головой и покорно последовал за своей «Анри».

Высокие своды и толстые деревянные балки, освещённые неярким светом, казался, не обещали ничего необычного. Небылицын сумел по достоинству оценить удивительное позднеготическое жилище остзейского негоцианта только когда они спустились в подвал. Директор встретил молодых людей. Он повел их по музею и стал рассказывать.

– Вот взгляните. Этот дубовый ствол стоит на огромном валуне и держит весь дом – первый этаж и перекрытия, – гордо указал директор на мощную центральную колонну.

Стас посмотрел вверх: «Вот оно, дерево!» Мощный дуб от комля до вершины, казалось, рос и сейчас и вырастил вокруг себя стены, потолки, кровлю и перекрытия. Он раскинул свои гигантские руки и вошёл, как кровеносная система в его плоть.

«Нечего удивляться, что сохранился Такой Дом! Он живой, ему нипочём столетия и войны, как самой жизни. Он затаится, а потом снова проснётся весной...» – пронеслось у него в голове.

– Это был жилой дом, где одновременно хранился товар, – продолжал, между тем директор. – Его время от времени перестраивали, но не смотря на пятивековую древность, в нём жили люди до семидесятых годов двадцатого века. Потом

он стал Домом Архитекторов, и, наконец, музеем. А совсем недавно, когда в подвале надо было провести небольшую реставрацию, мы с помощниками нашли здесь клад!

– Вы... нашли клад? – срывающимся голосом воскликнула Анна-Мари – Что это было, ради всего святого и где он теперь?

– Статуэтка, фигурка античного божества. Она в городской реставрационной мастерской, идёт экспертиза и выяснение правовых вопросов. Если хотите, я могу устроить, чтобы вы её увидели. Это работа известного ювелира из династии аугсбургский золотых дел мастеров. Его фамилия...

– Гольдшмидт, – выдохнули одновременно, схватившись за руки молодые люди.

– Перестань так ужасно нервничать. Я всё думаю, может тебе не ходить? Нет, серьёзно, зачем постоянно наступать на грабли? Давай схожу я один, а потом решим, как быть. Ты папе позвонила? – Стас старался быть убедительным, но явно не очень преуспел.

– Папе? Да, я тебе потом расскажу. Стас, я пойду с тобой, ты меня не уговоришь остаться. Давай лучше о чём-нибудь другом.

– Хорошо, эта статуэтка – целое состояние. А почему?

– Работа знаменитого мастера – раз, редкость – два. Но главным образом, камни. Уникальные камни!

– Ты её видеть не могла, я понимаю, а кто вообще мог?

Она с середины девятнадцатого века исчезла. Ну-ка прикинем... Пожалуй, твой пра-пра-прадед мог знать тайну. Не представляю себе, о чём идёт речь, а ты? Я знаю, например, в Эрмитаже в запасниках есть эротические картины такого откровенного содержания, что их демонстрируют только знатокам. Однако... Допустим, эротика, и что? Изображения обнажённых античных богов выставлялись везде и всюду.

– Всё быстро забывается. В наше время трудно себе представить, насколько немислимо было даже упоминание о некоторых вещах в приличном обществе, в хороших домах. Я никогда не думала над этим, хотя историю про Карла узнала совсем девчонкой. В таком возрасте эти штучки как раз интригуют... что там такое, совокупление? Но для этого нужны, как минимум, двое. А я всегда слышала и читала в фамильных манускриптах – «фигурка», «статуэтка».

– Сейчас увидим. Моя мама хорошо знает директора, они находятся в дальнем родстве. И теперь он, узнав нашу историю, готов, чем может, помочь. Ты знаешь, всё это произошло на прошлой неделе. находку торжественно водрузили в сейф, и первым делом, застраховали. И вот нам страшно повезло. Сегодня состоится первый осмотр. Два мэтра – искусствовед и ювелир освидетельствуют её и дадут заключение. Нам разрешено присутствовать. Имей в виду, там будет охрана и представитель от полиции. Надо будет показать паспорт.

Трёхэтажный дом под коричневой крышей, изукрашен-

ный трёхпальными птичьими следами – фахверк – встретил их скрипучей лестницей из светлого дерева. Она была широкой, уютной, с фигурными перилами и оканчивалась выложенной паркетом площадкой.

После приветствий и взаимных представлений их провели в совсем обычную комнату с большим, овальным столом и дубовыми высокими книжными полками, забранными зеленоватыми стёклами. Стас огляделся и поймал себя на мысли, что ожидал увидеть мольберты, краски, холсты, оптику какую-нибудь, шпатели там, пинцеты, словом, разные реставрационные причиндалы. Но всё было буднично, как в конторе. Вокруг стола сидели трое – искусствовед, ювелир и комиссар Реннеберг, как представился маленький лысый рыжеватый толстяк, пожимая руки вновь прибывшим. Искусствовед господин Юнке поднялся и, улыбаясь, сказал:

– Ну что ж, все в сборе. Тогда приступим. Я рад приветствовать наших гостей – госпожу Фельзер из Мюнхена, чья семейная история тесно связана с судьбой знаменитого аугсбургского золотых дел мастера, и доктора Небылицына, специалиста по прикладному искусству из Москвы. Мы начинаем первое официальное предварительное освидетельствование интереснейшей находки, сделанной в нашем городском музее «Дом – Дереводом». С Вашего разрешения, я открою сейчас ларец и все свои выводы буду наговаривать на диктофон. Затем их обработает секретарь. То же самое сделает и коллега Кох.

С этими словами он снял кусок мягкой палевой ткани с предмета по правую руку от себя, который Анна-Мари почему-то приняла за птичью клетку. Это оказался простой, без украшений деревянный ящик. «Потемневший от времени бук» – на глазок определил Стас. Юнке поколдовал над дверцей и извлёк на свет божий статуэтку высотой сантиметров в сорок, бережно обёрнутую в войлочную вату. Затем он освободил её от упаковки и у собравшихся вырвался сдержанный вздох. Кнопка диктофона издала лёгкий щелчок. Перед ними был...

– Государственный эксперт, доктор Юнке, – начал диктовать последний, включив запись. – В присутствии коллеги господина Коха и комиссара Реннеберга. Перед нами Дионис, выполненный в традиции Праксителя, в венке из виноградных листьев с тирсом в руках и виноградной кистью, по всей вероятности, работы младшего или Большого Гольшмидта из Аугсбурга. Его голова из слоновой кости, глаза – из сапфиров чистейшей воды, фиалкового цвета. Сапфир – редкий камень, а этим двум и величиной и оттенком найдётся немного равных. У его ног лежит пантера из аравийского золота с серебристой головой. По плечам бога подобно змеям спускаются золотые вьющиеся волосы. Одевание его, однако, соответствует более ранней эпохе до четвёртого века д. р. X. Это ниспадающая одежда, так называемая «биссарА» из шкуры леопарда. Она окутывает весь торс. Так выглядел Дионис БиссарЕй фригийский, бородатый бог, в то время

как Пракситель ваял прекрасного нагого юношу, больше похожего на девушку.

Юнке оглядел свою замершую, затаившую дыхание аудиторию, и откашлялся:

– Коллега Кох, теперь, пожалуйста, Вы.

Ювелир засветился от удовольствия. Он зачем-то снял очки, потом снова надел их, открыл замшевый футляр, где оказались увеличительные стёкла разных размеров, и наконец, включил диктофон. Щёлк! Взволнованный голос зазвучал неожиданно высоко.

– Член гильдии с 1975 года, золотых и серебряных дел мастер Кох, штатный эксперт Городской Сокровищницы и член фонда «Старинное оружие и драгоценности Курфюрстов». Постамент из цельного, некованого и не литого золота, то есть из обработанного самородка. У ног божества – драгоценные камни в виде фруктов. Это рубины и тёмно-красная шпинель. Горельефы на постаменте изображают гримасничающих, смеющихся, глядящих вверх обезьян. Оскаленная пасть пантеры, как и её клыки – из серебра. Она выделяется на золотой голове зверя. Глаза пантеры...

– Клеймо, коллега Кох, – напомнил Юнке.

– Простите?

– Клеймо! На постаменте и на... на лапе, или я ошибаюсь?

– Благодарю Вас. Клеймо на нижней части постаumenta, – тут он склонился к изваянию с лупой, затем выпрямился и продолжил торжественным тоном. – Вне сомнений принад-

лежит мастерской Гольдшмидтов – отца и сына. Это две буквы «G», вписанные одна в другую, в овалле неправильной формы. При переходе семейного дела полностью в сыновние руки клеймо у него осталось прежним. Такое же клеймо меньшей величины оттиснуто на подушечке левой передней лапы пантеры. Виноградная гроздь в руке у Диониса... – ювелир набрал в лёгкие побольше воздуха, – представляет собой... Это... это жёлтые бриллианты изумительной красоты и огранки, да... это – диаманты, достойные разве что, короны Курфюрста...

Ювелир закончил фразу. Раздался щелчок, диктофон отключился, и после недолгого молчания раздался голос Юнке.

– Я полагаю, на сегодня достаточно. Теперь необходима кропотливая рутинная работа. Обмеры, описания, фотографии, сопоставления с каталогами и музейными экспонатами и т. д. Параллельно будет изучаться вопрос о предполагаемом собственнике или наследнике этго изумительного произведения прикладного искусства. А потом мы опять соберёмся уже в расширенном составе и сделаем заключение.

За всё это время Анна-Мари не произнесла ни единого слова. С её лица не сходило выражение напряжения и тревоги. Она быстро осмотрела фигуру, глянула ещё раз, опустила глаза и больше уж не поднимала их от стола.

– Ну что, мои молодые друзья, – спросил приветливо Юнке, – какое впечатление Дионис произвёл на вас?

– Между прочим, доктор Небылицын, у меня ощущение, что Вы хотите что-то сказать и не решаетесь, или я не прав? – добавил Кох. Стас смущённо улыбнулся, помялся и ответил.

– Вы совершенно правы. Не знаю, как Вы посмотрите на такое мальчишество и что скажет уважаемый представитель власти господин Реннеберг...

– Теперь Вы и меня заинтриговали. Продолжайте, пожалуйста, я не подозреваю Вас в намерении захватить нас всех в заложники и умыкнуть статуэтку, – Реннеберг ободряюще засмеялся и хлопнул Стаса по плечу. – Документы у Вас в порядке, а страховая сумма очень способствует укреплению нашей нервной системы.

– Хорошо, я признаюсь. Мне страшно хочется подержать Диониса в руках. Я столько слышал об этой работе Гольдшмидта... По крайней мере, я думаю, что именно о ней. Её судьба так странно переплелась с моей... Я, вернее, мы, расскажем позже, если моя невеста мне разрешит, – в ответ на недоумевающие взгляды, – добавил он.

– Я, как главное ответственное лицо, разрешаю Вам осмотреть статуэтку самому. Будьте осторожны! Впрочем, Вы же специалист, я читал Ваши работы, посвящённые школе Челлини. Кроме того, мы действительно, под наблюдением господина комиссара! – подмигнул молодому человеку доктор Юнке.

Стас поблагодарил, встал и подошёл к председательскому месту во главе стола. Он был странно спокоен, и одновременно

менно в полном недоумении. Фатальный «Римский заказ» стоял перед ним, а он ничего не понимал.

«Что же это такое? Почему бога виноделия и бортничества надо было прятать? Дионис, сын дочери царя Кадма – Симелы и Зевса, громовержца! Первый из богов, поселившийся не на Олимпе, а на земле. Его вакханки и менады, козлоногие сатиры и Пан... Может быть, разнузданные дикие Дионисии? Но разве из-за одних ассоциаций...? И при чём тут двуликий Янус?»

Прекрасное лицо античного бога дышало страстью. Стас засмотрелся на удивительные лиловые очи. Волосы – змеи спускались на плечи и шкуру леопарда. Да, до одежды сегодня не дошли, а какая изумительная работа! На близком расстоянии стало видно, что она была изготовлена из золотых полированных и матовых плоских колец, сочетания которых создавали неправильные пятна шкуры зверя.

– Я сейчас прикоснусь к тебе. Потрогаю! Какой ты на ощупь? Тёплый или холодный? – Небылицын уже протянул руки, как вдруг заговорила Анна-Мари.

– Подожди! – ее голос зазвенел и сорвался. – Я должна сказать. Посмотрите, у меня тут кусок металла особой формы из трёх частей. Я получила его из Италии необыкновенным путём, чтобы решить «загадку Карла».

Она вынула из сумки небольшой предмет и положила на стол.

– Я молчала, пока Вы не подтвердили, что это клеймо

Большого Гольдшмидта и его работа. Пока я для себя не решила – это не что иное, как «Римский заказ». Я и теперь не понимаю... Не важно, это потом. Я думала, это будет «ключ», чтобы, например, отомкнуть футляр, но он теперь уж открыт. Однако, я считаю, надо посмотреть, куда он мог всё-таки подойти. Может в футляре есть потайное отделение? Или что-нибудь ещё... В общем, глубокоуважаемые господа Юнке и Кох, не хотите ли Вы приступить?

– Знаете, – ответил доктор Юнке, – становится всё интересней и интересней.

Он взял «ключ», внимательно осмотрел его, помедлил, а потом решительно передал Стасу.

– Почему бы и нет? Если это ключ... Вы и поищите личину замка! Я надеюсь непременно услышать всю историю последовательно от вас обоих. А теперь – вперёд!

Небылицын взволнованно поблагодарил и первым делом взялся за стоящий рядом футляр. И убедился, что «закорючка», одним концом действительно открыла запор. Затем он тщетно искал двойное дно. Осталось только попробовать, нет ли в самой фигуре чего-то похожего на паз. Остальные с интересом следили за его попытками и давали советы.

– Я вижу, эта штука сделана из трёх различных металлов? – спросил ювелир, – похоже на серебро, бронзу и...

– Верно, золото! – подтвердила Анна-Мари.

– Так не попробовать ли их разнять, может, в этом головоломка и состоит?

– Прекрасная мысль! – Стас принялся за дело, и довольно скоро ему удалось вместо одного «ключа» получить три.

– Ну конечно! Бронзовая часть должна открыть футляр, – воскликнул Юнке, так как бронзовый замок.

– Тогда золотая... она может подойти леопарду на плече Диониса, его открытой пасти. Ведь она как раз золотая! – заметила Анна-Мари.

– А пантера у его ног? Сама она не серебрянная, но голова? Я в этом не слишком разбираюсь, однако, цвет похож, и доктор Юнке что-то такое сказал? – не остался в долгу комиссар. Давайте попробуем «вставить ключ в замок». У нас, правда, и так полно бриллиантов, но вдруг внутри скрыт ещё какой-нибудь «Великий Шах»?

Небылицын так и сделал. Золотой брусок подошёл идеально, и... ровно ничего не произошло. Аудитория разочаровано вздохнула. Тогда он собрался было «золотой ключик» убрать и испробовать свой последний, но передумал. Он поднял серебряный кусок и поглядел на пантеру. Пожалуй, язык? Отлично, но опять ничего. Теперь во всех пазах было по «ключу»

Стас наклонился над фигуркой. Он хотел рассмотреть ее ближе и взял

Диониса за плечо там, где завиток кудрей бога касался драгоценной

овальной пружки у головы и лап леопарда. Зрители не отрывали от него

глаз. Везапно стало очень тихо. Поэтому странный звук, раздавшийся

через минуту, сразу привлёк всеобщее внимание... Послышалось шипение... нет, шуршание! Люди подняли головы, Небылицын сделал невольно то же самое и прислушался. Они удивлённо глядели друг на друга. Статуэтка выпала из их поля зрения. Одна только Анна-Мари...

Смотревшая прямо перед собой Анна-Мари отозвалась непосредственно на звук. Сначала девушка вымолвила «о-о-о», потом вскрикнула: «Он... он меняется! Да посмотрите же вы на него, я боюсь!»

Леопардовая шкура медленно сползала вниз. Что-то неуловимо изменилось и в лице Диониса, или им показалось? На нем появилось хищное выражение, волосы – змеи шевелились, а само тело...

Одежда, как чешуя, сползла к ногам божества и улеглась около ступней. Полностью обнажённая теперь фигура имела все, известные в природе, признаки пола, выполненные с достоверностью добросовестного копииста. Под головой зверя скрывалась восхитительной формы юная грудь с рельефными выпуклыми сосками. А густая растительность внизу живота из золотых завитков служила обрамлением для детород-

ного органа таких внушительных очертаний, что не стыдно бы иметь и самому Вакху. Однако, какая гипертрофированная величина и... м-м-м... форма? Куда это он... ?

Первым из потрясённых зрителей опомнился доктор Юнке. Стас так и не поднял статуэтку, и тыльная её сторона была видна только государственному эксперту.

– Зевс-Громовержец и олимпийские боги, это уж совсем не Дионис! -воскликнул он. – Это сын Афродиты и Гермеса! Это же...

Он медленно повернул фигуру, и все увидели округлые женские ягодицы и промежность. Мускулистая нога, согнутая в колене, открывала и остальное. Существо совокуплялось само с собой...

– Вот тебе и огромный алмаз, – пробормотал комиссар.

Глава 55

– Ветерок к ночи... Как здесь всё необычно : «тёплые» ветры – с моря, холодные – с материка. Не приехал наш Федька. Давайте спать ложиться.

Решевский прибрался после еды и явно намеревался забраться в спальный мешок.

– Чего уж обычного! Никак не могу привыкнуть, что ты это вот называешь ночью. Светло! А покемарить, правда, охота. Солнце хотя бы за облаками скрылось, из рыжих остался только я! – бодрился Петя, но было видно, что из

последних сил. – А где Кирилл?

– Сейчас придёт. Он пошёл собак кормить. Да вот и он.

– Кирилл Игнатьевич, мы спать собрались. А я вот что спросить хотел. Бог с ним, с наследством, хоть и не пойму, кто его тут мог стибрить. Но Вы сказали перед утёсом, что все приметы сошлись. Все совпало. Может, расскажете, а? Ужасно интересно.

– Расскажу – расскажу. Нам ещё Тимка доложить обещался про парник подо льдом. Помнишь?

– Кирилл начал снимать бахилы и унты и тоже уселся на край палатки лицом к морю. Да! И про красный снег! Ух я тогда и перетрусил!

– Вот что, мужики, давайте сделаем так. Федя придет, мы отоспимся и отметим... победу! Мы же скалу нашли как-никак! А значит, мы молодцы. Вот и устроим разбор полётов с капитанским НЗ впридачу. У меня есть на этот случай, чем порадовать душу. Ну, лады?

Бисер запрятал унты в мешок, чтобы они не замёрзли. Не услышав ответа, он обернулся к своим товарищам, забравшимся уже в спальники. «Вот оно что!» Оба спали! Петя и Тима едва донесли головы до изголовья.

Кирилл улыбнулся, а затем последовал их примеру и, уже наполовину сам застегнувшись, зашнуровал изнутри палатку. Не прошло и четверти часа, как в их лагере всё уснуло. Спали двое мужчин, спал рыжий Петька, спали в снегу собаки, свернувшись калачиком и уткнувши носы в пушистые

хвосты. Только вездесущие песцы появились, почти не прячась, и, обнюхав перевернутый пустой котелок, разочарованно скрылись за снежными торосами.

Тимофей проснулся от какого-то звука и сначала попробовал, не открывая глаз, перевернуться на другой бок. Звук повторился снова.

«Собачий лай? Нет, скулёж, словно бы мой Песец...» – пронеслось в его голове, постепенно выныривающей из вязкого сна. «Медведь? И почему-то щиплет глаза...»

Решевский с трудом разлепил веки и немедленно закашлялся. Палатка была полна дыма.

– Ах ты, пропасть! То-то мне снилось, что я шлёпаю по южному пляжу! Снаружи потрескивало пламя и спальные мешки уже занялись. К запаху гари и дыма примешивалась тошнотворная вонь горящего тюленьего жира.

– Ребята, горим! – заорал Тима и рванулся наружу, забыв, что он находится не в кровати, а в заботливо зашнурованном спальном мешке. Следующие несколько минут слились в одно мгновение, заполненное безуспешными попытками троих людей одновременно вырваться из полной дыма ловушки, подпекающей пятки. Наконец им удалось освободиться из мешков. Кирилл вытащил охотничий нож и распорол изнутри заднюю стенку палатки. Помогая друг-другу, они выбрались наружу и отбежали на несколько шагов. В это время раздался сильный хлопок, и пламя взметнулось в небо.

– Примус взорвался, – констатировал мрачно Бисер. – Кто ларчик стибрил, ты говоришь? А кто костёрчик нам смастерил?

Трое друзей молча смотрели на своё догорающее имущество. Ветер стих, и пожарище начало тлеть. На всех троих удалось спасти только одни унты. Сохранился нож у Кирилла, зажигалка, компас и спички... Ни вещей, ни продуктов...

– Так, спокойно, ребята. Из остатков палатки надо обувь смостырить. Котелки наши целы, медвежатины много. И потом. Фёдор приедет когда-нибудь, да? – Решевский попробовал улыбнуться. На его закопчённой физиономии, окаймлённой подпаленной бородищей, засверкали белые зубы. Он хлопнул Кирилла по плечу и обернулся к сидящему на снегу Пете. Парень, надышавшийся дымом, выглядел не лучшим образом. – Петь, ты что-то зелёный. Я хотел с тобой на каяке, но лучше погодим. Или мы с Кириллом сплаваем, а тебя здесь оставим отдышаться.

– Не, Тим... я – ничего, я сейчас. А куда на каяке? – пробормотал с трудом тот.

– На соседний «остров сокровищ». Тут есть маленький такой, скальный островок, от нас мористей. Плыть надо прямо на север. Там промысловики оставили базу. Я по прошлогодней экспедиции знаю.

– Просто ушам своим не верю. Неужто нам наконец повезло? База – рядом! Только вот что – раз плыть, так вместе. Чтобы нас по одному не достали, – грустно усмехнулся Би-

сер.

Он достал из планшета карту, взглянул на неё, но вдруг нахмурился и быстро спросил.

– Эй постойте! А где собаки? Мы всё равно на нашей маленькой нарте далеко не уйдём... Но я не о том. Почему так подозрительно тихо? И где Песец? Мы ж его не привязываем на ночь, он спит под крыльями палатки.

– Верно, теперь я понял, – сказал озадаченно Решевский. – Вот почему я проснулся! Мне показалось, взвизгнул Песец...

Все трое, не сговариваясь двинулись прочь от палатки. Петя побрёл в сторону нарты, где остались лайки. Мужчины, озираясь, принялись кликать Песца. Но, не пройдя и нескольких шагов, Кирилл покачнулся и вынужден был сесть на снег. Биолог же стал осматривать местность вокруг палатки в поиски следов.

– Песцы тут побывали, медведь небольшой, а вот и пёс..., – тревожно сказал он.

И Тимофей, озабоченно следуя за знакомыми отпечатками лап, скрылся среди прибрежных скал.

Словно по уговору с неведомым врагом погода тоже сделалась пакостной, и утренняя изморось сменилась морозящим дождём. По небу двигались тяжёлые тёмные облака, а лужи быстро покрывались слоем тонкого льда. Из-за морены появился Петя и медленно, как прежде, ни слова не говоря, стал приближаться. У Кирилла не было сил кричать, и он ре-

шил дожждаться, пока молодой человек подойдёт ближе. Рыжий, наконец, опустился рядом на волчью шкуру и бесцветным голосом произнёс.

– Постромки обрезаны. Собак – ни одной. А Нарта... – Петька неожиданно судорожно, зло всхлипнул. – Нарту он разможжи-и-и-л. Абсолютно всю! На куски!

– Кто – он? – обескураженно спросил было Бисер, не слишком удивившись, впрочем, этим словам. Но тут они услышали крик.

– Сволочь! Паскуда проклятая! Собаку за что? Бедный зверька! Найду заразу – удушю голыми руками! Ах ты бандюга, дерьмо!

Решевский, измученный болезнью и другими напастями не меньше остальных, шёл тяжело. Глаза его лихорадочно блестели. На вытянутых руках он нёс Песца. Собака была мертва. Потрясённые Кирилл и Петя встали навстречу биологу и, как сумели, помогли ему донести и уложить несчастную лайку.

– Этот подлец его ножом заколол. Но Песец, бедняга, и тут нам сослужил службу. Он заскулил и я услышал, – горько сказал Тимофей.

– Тима, Песец нам всем спас жизнь. Мы его похороним и камень поставим. А мерзавца, гадом буду, найдём. Я тебе обещаю! – звенящим голосом проговорил Кирилл. – Давай ошейник на память снимем.

– Правильно, – кивнул Тимофей. – Так и сделаем. И вот

что... Мы должны... Мы не имеем права теперь тут пропасть! Чтобы какая-то нечисть... Пошли к каяку. Поплывём все вместе на остров. А потом устроим совет, как дальше быть. Ничего, не из таких передраг выбирались! Руки-ноги целы пока и ладно! Надо поторопиться – наползает туман. Скоро ничего не увидим. Нам плыть недолго, но тут глубоко. При этой сумасшедшей погоде не знаешь, что тебя ждет через пять минут.

Действительно, с моря надвигался сплошной серый туман. Путешественники соорудили себе обмотки, и собрав в единственный уцелевший рюкзак всё, что могло пригодиться, направились в бухту. Первым шёл Тимофей, счастливый обладатель унтов. Следом двигался мрачный Бисер. Петя замыкал печальное шествие – похудевший, подсохший, подкопчённый дымом пожара, с новым решительным выражением ещё недавно мальчишеского лица.

– А телок-то и вправду вырос, – покосился на него Бисер. – Капитан – не капитан, но повыситься в звании придётся. Пусть не юнга, так может мичман?

Каяк оказался на прежнем месте, в маленькой заводи, защищённой с двух сторон от ветра и волн, крепко принайтованный к торчащему из воды камню. Нос его лежал на земле, а корма оставалась спущенной в море. Друзья сели, оттолкнулись и отплыли к видневшемуся вдали острову, увенчанному раздвоенной скалистой вершиной.

Глава 56

Юркий каяк лавировал между льдин и успешно продвигался к намеченной цели. Но и туман не задержался. Мало того, что белесоватая муть заволокла всё вокруг, но промозглая сырость упорно лезла за воротник, и вскоре у всех троих, несмотря на работу вёслами, застучали зубы от холода.

– Ни черта не вижу! Я был приличный гребец. А сейчас от слабости что ли... Видно, воды веслом наплескал. Ногам мокро, а парни? – Кирилл сидел на корме и обращался поэтому к спинам своих товарищей.

– Точно, а может я. Приналяжем немного. Ещё четверть часика, и на месте, – обнадёжил их Тимофей.

– Послушай, – тревожно добавил он немного погодя. – Многовато воды! Но чавкающий звук и осевший сразу каяк не оставил больше иллюзий. Вода прибывала удивительно быстро. Не прошло и двух минут, как все трое оказались в холодном море.

«Ну вот и правда, каюк,» – мелькнуло в голове Тимы. Он мгновенно потерял из вида друзей и ухнул вниз. Однако, ощутив, как вода медленно проникает сквозь меховую куртку и туго перетянутую ремнями обувь, принялся изо всех сил выгребать наверх. Решевский отлично умел плавать, это сейчас было неоценимо. Рукавиц из оленьего камуса он не снимал, и они помогали действовать в воде как тюленьи ласты. Выбравшись на поверхность и набрав побольше воздуха, он

осмотрелся. Метрах в двадцати от него днищем вверх плавал каяк, в котором зияла треугольная дыра. По бокам его, держась за борта, барахтались Кирилл и Петя. Рядом бултыхались багры. В обе стороны от разводья плавно расходились две половины расколовшегося ледяного поля.

Тимофей растерялся, не зная, куда направиться. Он стал кружиться, теряя последние силы на то, чтобы удержаться на поверхности. Тем временем вода успела заполнить почти всё свободное пространство между коченеющим телом и одеждой. Только воздушный пузырь под намокшей кожей меховой куртки помогал ещё сохранить плавучесть. Но наконец ему удалось ухватить багор, и он пустился догонять одну из уходящих вдаль ледяных половин.

Кричать Решевский не мог. К счастью Кирилл и Петя просто увидели его и принялись грести в том же направлении. Замёрзшие, в обледеневшей одежде, они все трое почти одновременно достигли льдины, легли плашмя на неё и, опираясь на положенные впереди багры, по-тюленьи поползли вперёд.

Хищные моржи

– Витька, будь другом, уговори эскимосов, – канючил геофизик Лёша Чельшев. – Пойми, время уходит! Мне обязательно надо эту залёжку обследовать. Вот не заплатят норвежцы, что тогда буду делать?

Алексей, сотрудничавший с полярниками по своим научным делам, подрядился для норвежских морских биологов обследовать лежбища моржей. Норвежцы метили животных радиоактивным изотопом в своих территориальных водах, а Лёша, снабжённый миниатюрным дигитальным уловителем с громким именем «Викинг», отслеживал меченных особей и наносил их местоположение на карту миграций. Это были живые хорошие деньги, и он старался изо всех сил. К сожалению собственная его работа, связанная со стационарными наблюдениями и оборудованием на полярной метеостанции, не требовала плавсредств. И поэтому, чтобы попасть на очередной остров, Чельшеву приходилось каждый раз извлекаться ужом и использовать личные связи. Вот и сейчас, узнав, что эскимосы собрались на охоту, он просил приятеля Балашова захватить его за компанию. Балашов в ответ пыхтел, надувался, словом, набивал себе цену. Наконец он пробурчал.

– Сигарет, гляжу, маловато, надо корабля ждать, однако...

– Будут тебе сигареты, Витька, иди! Уйдут ведь...

– Мой тесак, того... затупился, – Балашов старательно изучал носки своих унтов.

– Ну ты зверь, Витька, без ножа просто режешь! Хорошо, и тесак получишь!

Промышленник Балашов довольно усмехнулся в усы, встал, потянулся и не спеша отправился к галечной косе, где готовились к завтрашней охоте эскимосские зверобои. Он

подошёл к вельботу, угостил табаком гарпунёров, поговорил с бригадиром Матлю и махнул рукой Алексею. Челышев тут же обрадованно вскочил на ноги и заспешил на берег.

– Так и быть, ребята берут тебя. Пойдёшь с ними стрелком. Бригадир всё объяснит, – хлопнул геофизика по плечу Балашов.

Утром они вышли в море на двух моторных вельботах и взяли курс на «моржовые» острова. Проплыть предстояло килиметров семьдесят, и погода стояла прекрасная. Из открытого вельбота хорошо можно было видеть резвившееся стадо китов, пускавшее в небо весёлые фонтаны. Время от времени зеркальную поверхность моря прочерчивал, как перископ подводной лодки, высокий и острый плавник касатки. Впереди в синей дымке вырисовывались скалы «моржовых». Когда до них оставалось около трёх миль, бригадир Матлю передал бинокль своему гарпунёру и велел наметить место причала. Гарпунёр всмотрелся, выбирая бухту получше, и вдруг заволновался. Наперерез курсу вельбота двигалось стадо моржей. И тогда эскимосы, быстро посоветовавшись между собой, решили добыть несколько зверей прямо сейчас.

Начались приготовления к охоте. Быстро надули три нерпичьих поплавка, которые привязаны длинными ремнями к гарпунам – брошенный в моржа гарпун с поплавком не даёт убитому животному утонуть. Затем промышленники разместились по своим постоянным местам. Матлю перешёл на

руль, а гарпунёр занял место на носовой части вельбота. Его роль была самая ответственная – он должен на полном ходу метко и с большой силой бросить гарпун в спину зверя. Два стрелка с карабинами заняли позиции по бортам вельбота. Лёша, так ты всё понял? – в который раз повторил Матлю задание Чельшеву. – Как только гарпун в цель попадёт, сразу выбросишь поплавок. Чуть-чуть промедлишь, морж сразу нырнёт и нас за собой за ремень потянет. С первым закончишь, дашь гарпунёру сразу второй. А первый гарпун, если промажет, быстро выберешь из воды. Да смотри, не перепутай ремни!

Матлю держал направление вельбота так, чтоб подойти к животным, плывшим в хвосте. Стадо быстро к ним приближалось, так что ясно стали видны приподнимавшиеся то и дело над водой головы, вооружённые громадными белыми бивнями. Примерно четыре десятка морских гигантов растянулись метров на сто пятьдесят. Но вот передовые звери заметили людей и, замедлив ход, начали группироваться.

– Эх, зараза, – забормотал гарпунёр, – ближе подходить к стаду нельзя, слишком опасно!

– Правда твоя, – поддержал его бригадир. – Окружат вельбот и потопят. Он скомандовал правому стрелку выстрелить в разные точки стада, целясь в спины моржам, чтобы потом «взять их на гарпун» и добить. Но не успел тот ещё выполнить приказания, как гарпунёр, выбросив руку налево, крикнул: «Келюч!». Матлю сделал знак – не стрелять и повернул

руль круто вправо. И тут все заметили, что прямо навстречу вельботам плывёт громадный морж, отделившийся от стада.

– Келюч, – уверенно подтвердил Матлю. – Его надо убить, он нам всю охоту испортит!

Гигантские обитатели арктических морей – моржи питаются, в основном, донными моллюсками разных видов и, иногда, ещё мелкой полярной треской – сайкой. Но, однако, изредка среди них встречаются хищники, опасные и для вооружённого человека. У чукчей и эскимосов, занимающихся зверобойным промыслом, существует для хищного моржа даже специальное название «Келюч».

– Митька, – прокричал бригадир стрелку с правого борта, затормозив ход вельбота, – бей его без гарпуна, пусть тонет!

Келюч шёл, в основном, под водой. Спина моржа то появлялась среди волн, то исчезала. И как только показалась его свирепая голова, раздался выстрел. Келюч метнулся в сторону, круто нырнул вниз, и на поверхности моря показались красные круги. Так ныряют не смертельно, а только опасно раненные звери, и эскимосы в замешательстве и со страхом внимательно следили за его передвижениями, чтобы немедленно при первой возможности начать снова стрелять. Вдруг вельбот сильно потрянуло и он поднялся носовой частью, будто наскочивший на мель. И сразу с левого борта взвилась из моря усатая морда разъярённого зверя с налитыми кровью глазами и расколотым пулей правым бивнем.

Три выстрела прозвучали почти одновременно. Морж, об-

ливаясь кровью, всей тушей устремился вперёд, и два его огромных клыка с силой опустились на вельбот с левого борта. Посудина опасно накренилась влево, мотор зашипел и остановился, и вся команда бросилась на другой борт, чтобы хоть немного выравнять крен. В это время Матлю схватил карабин и, не целясь, выстрелил снова в упор. В то же мгновение зверь судорожно дёрнулся назад, вырвал клыками большой кусок планшира и исчез под водой. Зверобойи облегчённо вздохнули, но разбойник через минуту вынырнул снова. И тогда бригадир, чтобы не остаться в этот день вообще без добычи, велел всё-таки его загарпунить.

Вельбот, черпнув ещё раз правым бортом, медленно выравнился и закачался. Зверобойи принялись изо всех сил откачивать красную от крови моржа воду помпой, но все их усилия были напрасны.

– Вода не убывает. Плохо дело. Он нам, точно, борт пробуравил! – проворчал стрелок Митька. И оказался, к несчастью, прав. Внизу зияла пробоина, проделанная мощным клыком. Охота было непоправимо сорвана, залитый водой мотор снова не завести, и оставалось только одно – добираться до берега на вёслах. Лёша Челышев, проклиная свою несчастливую звезду, переложил футляр с драгоценным «Викингом» в нагрудный карман.

– Сто чертей и ведьма в ступе! Водонепроницаемый... А если нет? Бережёного бог бережёт!

– Ты че, Лёш, бормочешь, как наш шаман? Касатку никак

пугаешь? – усмехнулся Матлю.

– Действительно, на запах крови моржа немедленно явилась эта прожорливая хищница. Но зверобои не обращали на неё никакого внимания. Эскимосы быстро законопатили деревянной пробкой борт и дружно взялись за вёсла.

– А вот ты мне лучше скажи, почему Келюч рождается. Знаешь? Ты же у нас научник! – продолжил, не отрываясь от работы, бригадир.

– Мне так рассказали. Если моржонок остался без матери и всё же выжил, он вырастет хищным.

– Ты смотри, – удивился Матлю. Не врёшь, однако!

– Самка приносит детёнышей раз в два года. И одного, много двух, не больше. До трёх лет они с матерью живут, сами ничего не умеют. Если такой годовалый осиротеет – он обречён. Двухлеток может и выжить. Но ракушки он искать не умеет – мама не научила. Вот он и начинает по отмелям птиц ловить, – сказал геофизик и тоже взялся за помпу. Ну, не птиц, а птенцов. Я видел, – вступил в разговор старый стрелок. – Потом они нерпу гоняют. А вырастут, и тебя могут слопать, – засмеялся он, обнажив щербатые десны.

– Под килем вельбота зашуршала галька, и его нос мягко врезался в косу.

– Лёша, мы сейчас чай «пауркен» выпьём, погреемся – и за разделку. А потом я тебя сведу на залёжку. Берегом тут пройти не просто, но попытаем счастья, авось сумеем, – бросил геофизику Матлю и вышел на берег.

Берегом к лежбищу, действительно, оказалось не пройти. Им пришлось пересечь плато и выйти на скалистый изрезанный обрыв с тыла, пройдя километра два. Не доходя до места метров пятисот, оба почувствовали острый запах мускуса, исходивший от массы скопившихся на берегу зверей. И через несколько минут перед ними открылась грандиозная картина.

Внизу под обрывом галечная коса была уже наполовину занята плотной массой спящих животных. А между тем с моря подплывали новые группы моржей. Одни из них, набрав большой запас воздуха, ныряли; другие, поднимаясь на поверхность, с шумом его выпускали, вздымая высокие пенистые столбы воды; третьи выходили на берег, переваливаясь с одного лапа на другой, и неуклюжими прыжками направлялись искать себе место для сна. Воздух оглашался фырканием, хриплым лаем и диким рёвом зверей. От них исходил терпкий и резкий запах, вызывавший тошноту, а позже и головную боль. Почти все моржи на берегу спали. Алексей включил свой прибор и защелкал тумблерами. Молочно-белый экран засветился, но красных зайчиков - пеленгов на нем не было.

– Бригадир, мне надо поближе. Подождёшь меня? Я недолго, – сказал Челышев Матлю. Ему предстояло спуститься по краю каменной осыпи туда, где берег обрывался к лежбищу десятиметровой отвесной стеной. Он решил разместиться на небольшом скальном уступе и двинулся вниз.

Свою непростительную оплошность геофизик понял только, когда под тяжестью его ног осыпь вдруг ожила и, постепенно набирая скорость, поползла вниз.

Куда бы он ни ступал, всё приходило тут же в движение. Не прошло и нескольких минут, как камнепад превратился в сплошной поток. Ухватиться ему было не за что.

Вот уже первые камни с грохотом посыпались на головы спящих под обрывом моржей, и тысячи зверей, как по команде, вскочили и, приподнявшись на передних лапах, подняли вверх свои свирепые морды с торчащими вниз как клинки сабель кривыми клыками. Тысячи налитых кровью глаз устремились прямо на Лёшу. На миг ему показалось, что его несёт в сказочное царство, населённое разъярёнными морскими чудовищами. Уступ под камнепадом исчез. Закрепиться было негде. Надежды на спасение не осталось совсем.

Челышев закрыл голову руками, зажмурил от ужаса глаза и вдруг услышал свист, рассекающий воздух. Над его головой пронёсся гарпун, разматывая за собой ровные витки тюленьего ремня. Он чиркнул о камень стальным наконечником и, туго натянувшись, исчез за обрывом.

Это, пожалуй, не было осознанным решением. Да он и не мог, просто не успел подумать. Челышев крепко ухватился за ремень просто потому, что это была опора. Он съехал по инерции на несколько метров, с размаху ударился о камен-

ную глыбу и потерял сознание.

Когда Лёша пришёл в себя, он лежал в небольшой ложбине, наполовину заваленный каменной крошкой. Моржи снова успокоились и улеглись на прежние места. Осторожно пошевелив руками и ногами и убедившись, что он цел, Челышев в страшной тревоге нащупал прибор.

«Кажется, всё в порядке. Ушибов полно, но ничего. Я свалился на спину, а мой «Викинг» в футляре. Э, да меня оползень прямо в моржатник привёз!»

В самом деле, он очутился непосредственно над залёжкой на плоском широком козырьке, нависавшем над отмелью на высоте около двух метров. От храпа зверей сотрясался воздух. Моржи лежали вповалку, тесно прижавшись друг к другу. Головы их были обращены в сторону берега. Геофизик расчехлил пеленгатор и направил его на спящих -ничего! Полукруглый козырёк давал отличную возможность для обзора, но сколько он не водил прибором, медленно поворачиваясь вокруг своей оси, экран оставался, как прежде, пуст. Звуковой датчик тоже молчал.

«Так, залёжка, видно, пустая. Ни одного маркированного моржа. Ну что ж, отмечу в дневнике наблюдений. У меня есть ещё месяц. Обследую новое стадо. А интересный выход какой... Эти скалы сложены рудоносной породой, так что могут экранировать мне сигнал. А может... вот будет смешно, если мои меченые архаровцы забрались прямо под козырёк! Лезь к зверям невозможно, а свеситься я могу.»

Лёша подобрался к краю своего убежища со всей возможной осторожностью, опасаясь столкнуть камни и вызвать новый обвал. Он лёг на живот и направил «Викинг» на вытянутой руке вниз. На всякий случай он держался другой рукой за ремень. Теперь видеть экран Чельшев не мог, но умный норвежец запоминал и фиксировал количество и положение меток, если б они наконец появились. Держать ушибленную руку было трудно. Прибор молчал, и Лёша решил кончать бодягу. Ну сколько можно в самом деле, чуть не загнулся из-за этих моржей! Он завозился, чтоб отползти от края, «Викинг» изменил положение и «взял» сектор глубже и ближе к вертикали. При этом он очутился у самого Лёшиного уха. И вдруг... пищалка, заботливо выставленная на полную мощность, пронзительно запиликала! А геофизик от неожиданности охнул, потерял равновесие и, не выпустив, однако, ремня, ссыпался окончательно вниз.

«Викинг» звенел. Густой туман, за это время заполнивший остров, опустился на всю округу. Лёша шлёпнулся на удивление мягко и почувствовал, как что-то рядом зашевелилось. Он был не один, но разобрать ничего не мог.

«Теперь, точно, конец. Где я? Тут под козырьком ёще возвышение. Что-то тёмное. Может, моржата?»

– Кира, – вдруг услышал он сдавленный голос, – на нас что-то свалилось. Или прыгнул зверь.

– Ох, ёж с картошкой, мне что – помстилось? – Лёша ошарашенно замер.

– Петь, ты ещё спишь? – продолжал тот же голос. Ребята, шторм придёт, и лежбище смоем. Надо отсюда выбираться, не то замёрзнем. Мы все втроём...

– Вчетвером, – заорал весело Чельшев. – Тимка Решевский? Вас всюду ищут! А вы? Ах ты пропасть, вот они вы. Федя – каюр не поверил этому типу. Нет, сначала-то он поверил, а потом...

Тима, Кирилл и Петя – ослабевшие, но живые, обнимали Лёшу и хлопали по плечам.

– Эй, черти, легче, я расшибся по пути. Ну, рассказывайте! – чудом уцелевший геофизик не помнил себя от радости.

– Леш, не время сейчас! Послушайте, звери раньше спали. От нас до тумана было многое видно. Потом посыпались камни, – прервал его Тимофей.

– Ох, это я на них, – вздохнул Чельшев.

– Постой, это было часа три назад. Они поревели, успокоились и снова задряхли. А теперь... прислушайтесь! Слышите?

Большинство моржей лежало на животе и на боку. Центральная часть лежбища – от уреза воды до обрыва берега – была сплошь занята спящими животными. К этим звукам – храпу и вздохам – ухо уже привыкло. Но с моря слышался шум иной – движения огромных тел. Это были новые моржи. Они взбирались на спящих, переползали по ним к самому обрыву и укладывались в том же порядке, как нижние, образуя таким образом, второй слой залёжки.

– Плохо дело. Они нас задавят. Высоты нашей площадки скоро не хватит.

– Надо как-то вскарабкаться вверх, или... И тут со стороны песчаной косы раздался протяжный крик. Л-ё-ё-ша, э-эге-е-е-й! Это я, Матлю, мы пришли за тобой! Лёша, дай ракету-у-у! Мы на вельботе!

Глава 57

Раним утром Петя с Тимой вышли на палубу корабля. Петька зевал и потягивался, стоя у левого борта. Стремительный быстро шёл на восток, и палуба медленно покачивалась в лад длинным ленивым валам.

– Петь, что это у тебя? – спросил Тимофей, кивнул на прибор, который вертел в руках Петрусь.

– Эта штука? Пеленгатор стащил у Лёшки. Этот... как его... «Викинг»? А вдруг найду ему пару тварей?

– Петька, он тебя уokoшит! Ну-ка отдай! Ты что, не понимаешь? Вся его работа с моржами связана с ним. Не дай бог, что случится!

– Да ладно, Тим, не сердись. Ну... ты, наверное, прав, – примирительно пробормотал парень. Но Лёшка спит... Знаешь что? Включим разочек, ага? И я его сразу отнесу!

Он соорудил такую уморительную рожицу, что биолог рассмеялся.

– Ну разве что, один раз... – и погрозил ему пальцем. –

Да ты хоть знаешь, как он работает?

– А то! Вот гляди, – и он защелкал тумблерами. Дисплей послушно засветился, и Петя, балуясь, начал вертеть его вправо и влево.

– Вокруг никаких моржей. Я это так, поиграть, – оправдываясь, добавил он. И когда на экране среди ровного белого свечения появилась красная точка, Петька сначала не поверил своим глазам. Покосившись на Решевского, задумчиво рассматривающего поверхность воды, он усилил звук, и «Викинг» начал пищать. Тут уж и Тимофей с недоумением воззрился на прибор. Он посмотрел на совершенно пыльное море – с носа корабля открывался отличный обзор. Моржей, действительно, не было и в помине. Биолог взял из рук Пети пеленгатор и нахмурился. Затем он стал не спеша двигаться по палубе. Петя следовал сзади, дивясь озабоченному лицу приятеля. Они обогнули рулевую рубку и проследовали к деревянной палубной надстройке старого корабля, где им сегодня пришлось переночевать. В крошечном кубрике заслуженного промысловика место для всех не нашлось. Прибор продолжал пищать, и Тима пробормотал.

– Здесь дерево, немножко стекла... Не экранирует... а ну, поглядим! Не говоря больше ни слова, не отвечая на петины вопросы, Тимофей открыл дверь, пробрался сквозь сложенный инвентарь к спальным мешкам, где, как ни в чём не бывало, продолжал безмятежно спать Лёша, и склонился над рюкзаками. Прибор перешёл на новый режим. На экране по-

явилась надпись по-английски и цифры.

– Тима, – растерянно сказал Петрусь, – а тарактелка говорит, что меченый морж здесь у нас! Удаление от объекта – одиннадцать дюймов, это значит...

– Сам знаю, – мрачно оборвал его Решевский. Он достал из рюкзака свою куртку, вытащил из кармана с молнией собачий ошейник и протянул его Пете. И так как тот всё ещё ничего не понимал, быстро сказал.

– Давай бери прибор и отходи от меня!

Петрусь послушно двинулся в противоположный угол. Цифры на дисплее немедленно стали расти – два фута, два с половиной... Так это что ж, ошейник – меченый морж?

– Петька, это мы – «меченные» были. Гад нам просто датчик подсунул, понимаешь? И всегда, ну по крайней мере часто, мог точно узнать, что мы и где!

– Слушай, ты сказал, что это подарок. Тебе парень в самолёте – охотник, подарил его для Песца. Бог ты мой, да это тот самый, что там у озера? Он нам с Лизой помогал! И, выходит, он нас потом хотел убить?

– Петя, я бы рад ошибиться. Но боюсь, что всё ясно. Ещё – помнишь, что Лёшка сказал? Викинг заверещал, указал вниз, и он свалился на нас! Я тогда не придал значения – ведь вокруг были моржи... Пошли к Кириллу, обсудим наши новости и вытащим эту «чёрную метку». В конце концов, всё это – натуральная уголовщина. Надо поосторожней с вещдоками. Слушай, он же нам ещё компас дал, который остался

на берегу. Я потом непременно попытаюсь его найти. И он же встретил каюров и сказал, что нас забрал корабль – промысловик. Но чем-то он им не показался, и промысловики нас всё-таки, к счастью, вопреки его словам пошли искать.

Через четверть часа они сидели в капитанской каюте, где ночевал Кирилл, и молча глядели друг на друга

– Тимка прав на все сто процентов. Теперь нет сомнений – кто! – сказал, наконец, с расстановкой Бисер, глядя на миниатюрный коричневый шершавый клоп с изотопом. У меня ещё одно доказательство есть. Я тебе позже скажу. Долго не хотел верить. Он же спас ребят, да... ну ладно. Мы знаем – кто, хоть имя он, конечно, наврал. Но ты скажи мне – за что? Как объяснить – почему?

Печку на полярной станции сначала как следует вытопили углём. Когда она дошла до нужной кондиции, под самый конец подбросили драгоценных полешков. Они весело зашкворчили, и сразу стало уютней. На складном столе лежали морские карты. Вся компания склонилась над ними и следила за карандашом рассказчика. Рассказывал Алексей.

– Я идиот, устроил камнепад и сверзился вместе с оползнем. Тут бы мне и кранты, если бы меня Матлю не заметил. На моё счастье гарпунёр свой гарпун не бросает. Он и на этот раз взял его с собой и метнул, когда понял, что стряслось. Я в панике даже не сообразил, откуда и почему гарпун. Потом меня шарахнуло по башке. Я отключился и вообще все

забыл.

– Брось, Лёш, про «Викинг» ты не забыл! Он как завоет! На что уж я крепко сплю, не дал хороший сон досмотреть! – Петя скроил печальную рожицу, и все остальные засмеялись.

Леша, размахивая руками и поминутно вскакивая, принялся дальше описывать свои приключения. Наконец, он устал.

– Лизок, у меня горло пересохло, – взмолился Чельшев, как раз дошедший до места своего приземления на спящих друзей. – Давайте чаю попьём.

– А у меня готово – и чай, и бутерброды, – откликнулась Лиза. – Я уже заварила, сейчас принесу. Но ты мне пока скажи. Я одного не пойму. Ты говоришь, твой прибор указал на наших? Там что, рядом был меченый зверь? Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаешься. И мы потом разобрались, почему. Сначала было не до этого. Обрадовались, что все нашлись и целы. Потом эскимосы за нами на вельботе пришли. Мы выбирались с большим трудом – пришлось снова карабкаться на скалы с помощью того же гарпунного ремня, а следом спускаться в небольшую бухту, чтобы не угодить на растерзание моржам. А там нас уже забрали зверобои, и дальше мы без приключений приплыли сюда.

– Лёша, а почему бригадир тебя сам сразу не вытащил? – Бисер встал, чтобы помочь Лизе с тяжёлым горячим чайником.

Он решил из-за оползней больше не рисковать. Новый камнепад мог и меня совсем завалить, а заодно и его погубить. И ещё он думал, что я, возможно, сильно разбился и пошёл за подмогой. Все разобрали кружки, и разговор ненадолго прервался. Кирилл взял Лизу за руку и притянул к себе. Она заволновалась, поняв сразу, что услышит о пережитых отцом опасностях, побледнела и молча подняла на него глаза. Однако, заговорил Решевский.

– У нас у всех вопросы ко всем. Кто хочет меня спросить? Ты, Петь?

– Нет, можно, сначала я? – попросила девушка. – Случился пожар, затем вы поплыли на остров, но по пути каяк затонул...

– Да не пожар, а поджог! – возмутился Петрусь.

– Затонул! – поддержал его Тимофей. – Этот подлец его аккуратно пропорол и залепил. Мы ничего не заметили и сели. Корма была как раз на земле. А когда отплыли подальше, и стало по-настоящему глубоко, тут «рана» и открылась. Ты подумай, какая гнида! Ни собак, ни каяка, ничего! Эта падла...

– Тимка, кончай лаяться при ребёнке. Но по существу ты прав. Он очень дотошный тип. Он не просто каяк в негодность привёл. Он хотел, чтоб мы утонули. А мы, назло врагам и моржам...

– А вот и нет, Кирилл, моржи-то нам как раз помогли! Лиза, ты слушай, – Тимофей оживлённо пререхватил ини-

циативу. – Понимаешь, мы сначала, верно, очутились в воде. Чуть не потопли и не замёрзли! Потом выбрались на лёд и поползли – иначе там двигаться невозможно. А нашу льдину к берегу и прибило! И вот мы – трое полудохлых утопленников, мокрых и дрожащих на ледяном ветру, кое-как добрались до первого укрытия, сняли все, отжали одежду, подстелили под себя, укрылись и постарались согреть друг друга. И хоть спать было нельзя...

– Тим, я думаю, мы могли запросто не проснуться, – бросил Петя и засмеялся.

– Ну и юмор у тебя, Рыжий! – Лиза щёлкнула его по лбу.

– А ты представь, мы забрались на каменный язык с выемкой в середине. Он нас укрыл от ветра, а сверху нависал козырёк. Это с которого на нас потом Лёшка свалился, – снова вступил Тимофей. – Ну, мы уговаривали друг дружку не спать, а то замёрзнем. И тут же вырубилась – мы ж все после болезни... В общем, повторяю, задрыхли.

– И вот просыпаюсь я: что-то мне ещё снится – понять не могу, где сон – где явь. Только чую – тепло как в бане! Ну, думаю, или это сон, или я, верно, на том свете. Вопрос теперь только – где? До рая я не дорос, для ада мало печёт. Зато чистилище в самый раз. Жуткая вонь!

– Лизок, а это моржи! Вокруг сплошные моржи! Толстые бестии спят и храпят. От их дыхания, от круглых туш температура словно в Крыму, – подхватил тему Кирилл. – Тимка меня растолкал, мы с ним осмотрелись и угнездились по-

удобней. Петьку даже раскрыли, чтобы тряпки посохли, и с чистой совестью снова немедленно уснули. Это нам, не иначе, и правда, сам Нептун подсобил. Укрытие оказалось как на заказ. Тепло! Для моржей слишком высоко, по крайней мере для одного «слоя» зверей. Мало того – к тому ж под крышей.

Все загомонили, поохали, байки о моржах сменялись воспоминаниями о пережитом и шутками. Снова заварили чайку и выпили по кружке. И тогда Петя сказал.

– Теперь Тимоша, давай про «кровавый» снег. Вот был номер! Среди белого поля пятно красного цвета, а посерединке я. С рук течёт... кап-кап-кап! Что твой убивец – жертву только что уколошил, закопал, а лапы в кровище!

– Верно, я давно обещал. Должен вас разочаровать, ребята. Зрелище экзотическое, объяснение – обыденное. Это снежная водоросль. Она бывает разная – зелёная, оранжевая и красная всех оттенков, от розового до кроваво-красного и тёмно-малинового цветов.

На крыльце неуверненно гавкнула собака, откликнулась другая -громче, и все обернулись к дверям.

– Не беспокойтесь. Они зверя чувят или птицу ночную, – пожал плечами Лёша, – Лиза, ты что-то хотела сказать?

– Конечно. Тим, ничего себе обыденность! Ты вдумайся, что ты сам сказал! Снежная! Водоросль! Разве в снегу вообще растения живут? А водоросли, извини мою медицинскую безграмотность в вопросах ботаники... Так вот водоросли,

они вроде в воде должны обитать? -Лиза как всегда отнеслась с живейшим вниманием к разговором о полярной природе.

– Нет, это я так. Не всем же интересно, Лизок. Организмы в самом деле диковенные – это шарики, заполненные хлорофилловой протоплазмой и красящим веществом.

– А что они там жрут, в снегу? – поинтересовался Петрусь.

– Вопрос законный. Они питаются растворённой в снегу углекислотой, минеральными и органическими частицами, сдуваемыми ветром со скал, даже... метеоритной пылью! Что касается воды, то снег на солнце всё время подтаивает – вот тебе и вода. Они и размножаются тоже необычно. Шарики увеличиваются и превращаюся в яички, из которых выпячивается жгутик. Тогда они переходят в стадию бродяжек... – Тима постепенно увлёкся.

– Издеваешься, да? Я, конечно, юрист, «академиев темерязисских не кончал», но растения точно не ходят! – удивился Петя.

– Ты сначала диплом защиты, «юрист»! – усмехнулся Кирил, – а то перед самыми госэкзаменами ушёл в «академ».

– Кирилл Игнатьевич, как только вернёмся! Я ж обещал! – покраснел парень, не любивший, когда при Лизе говорили о его подвигах в последнее время.

Собаки на улице залились не на шутку, но собеседники, занятые разговором на этот раз не обратили на них внимания.

– Чего ты на Синичку накинулся? Можно подумать, сам

сразу сорокалетним родился! – заступился за Петю Решевский. – Слышь Петь, растения разные бывают. Эти так себя ведут, что не только юрист, но и биолог с трудом вспоминает, что они не животные. «Бродяжки» – значит бродят, движутся в поисках благоприятной среды, расползаются постепенно. Поэтому ты видел пятно. Вот так. Давай я тебе ещё два слова скажу про парнички, и на этом кончим. Я, видишь, тоже Кирилла хочу спросить. Любопытство заело.

– Как ты сказал – парнички? Я начинаю понимать! – откликнулся Кирилл.

– Зато я не понимаю ничего. Какие парнички? – спросила Лиза.

– По дороге был ещё один фокус. Пришла весна. Но полярная! И вот на обтаявших склонах – чуть-чуть зеленеет. А вокруг по долинам белым бело, лежит толстым слоем снег. Но однажды Тима случайно проломил плотную корку. А под ней – цветник! Маки расцвели, представляешь? Мы его сейчас вспоминаем. И парник – удачное слово, – объяснил дочке Бисер.

– Правильно, там под снегом возник именно своеобразный парник. Корка фирна защищает растения сверху. Снизу должны быть рыхлые минеральные отложения и какое-нибудь удобрение – птичий помёт, например. А в Арктике через атмосферу и снежный покров передаётся на землю огромное количество солнечного тепла. Температура стоит ниже нуля, но всё равно остров служит таким аккумулято-

ром. Когда все эти факторы складываются вместе, получается, как в теплице. То есть нагретая подкладка – скажем, базальты – вызывает быстрое таяние снега снизу, а фирн работает как стекло. Ну что Пётр, я ответил?

Петя кивнул. Лиза молчала. Её оживление погасло. Все остальные тоже как-то притихли. Надо было возвращаться к тревожной реальности. Думать о том, что им всем грозит.

– Кира, – первым нарушил молчание Решевский, – расскажи нам, что мы не знаем.

– Да, Кирилл Игнатьевич! Когда вы нашли скалу, то сказали – все приметы здесь сошлись! Но ничего не объяснили.

– Правда. Ну, приготовьтесь, я буду читать стихи, – Кирилл улыбнулся, увидев недоумевающие физиономии слушателей, и добавил. – В последнем конверте кроме карты вот что ещё лежало. Он откашлялся и произнёс:

Я синица. Гнезда не вью,
Но пою – не чета соловью,
А ключ тебе отдаю.
Ищи скалу на белом молу,
И белый знак на полу.
Скала как птица!
Ищи синицу! Ищи стрелу!

– А затем так примерно: «Видишь, можем, если захотим, не хуже Катьки». Впрочем, это уже не важно, – оборвал он

себя.

– Папа, ты мне только про скалу сказал. Остальное слышу впервые. А вы, ребята?

– Они тоже. Я в то время старался быть осторожным. Текст выучил и сжёг сам листок. Но подожди, это не всё. Андрей Катю попросил написать песню. Он сказал – это очень важно. И велел включить несколько слов. Я сейчас вам тоже... а позже эти слова отдельно... уже потом... – Кирилл заговорил сбивчиво, заметно волнуясь. Лиза встала, подошла к нему и взяла его за руку.

– Папа?

– Да, девочка... ничего. Ну слушайте.

Зелёный и розовый снег.

Нет, зелень под северным снегом!

Как сон, как борьба берегов, Как век.

Ищи на снегу, что в крови,

Под снегом ищи, среди маков.

И он не всегда одинаков!

Но больше меня не зови.

Меж розовых чаек, что встретить не чаешь,

Ты вспомнишь о прежней любви.

Прости и меня не зови!

– Я думаю, вы все поняли. Эти слова...

– Зелёный и розовый снег... на снегу, что в крови... – по-

вторил Петя.

– Зелень под снегом, маки под снегом? – прошептала Лиза.

– Меж розовых чаек, – бормотал, между тем, Решевский. – Это невероятно! Тех, что встретить не чаешь... розовых чаек! Как это она угадала?

– Вот и я говорю, как? Я тогда сказал – всё сошлось. Тут многое, ребята сошлось. Мы все увидим ещё...

Собаки уже заливались вовсю. Из визгливого лая выделялось басовитое буханье Пирата и хриплый рык пристяжного Кузьмы. Кирилл сделал движение к окну. Он был рад отвернуться, чтобы унять дрожь. Но в это время обросшая инеем изнутри дверь отворилась, и на пороге показался...

– Толька, – не веря своим глазам вскрикнул Бисер. – Ты?

– Нет, мой призрак! – расхохотался, обнимая его Мордвин. Вслед за полковником в помещение станции вошли двое высоких мужчин, и комната сразу сделалась тесной.

– Ты что, на метле? Вот почему собаки... Ах как я рад, херр оберст! Поохотиться никак прибыл?

– Поохотиться? Можно и так сказать. Мы с коллегами... познакомьтесь, кстати, ребята! Родик Костенко – указал он на соседа повыше с усами. А это Виктор Вагнер.

Коротко стриженный рыжеватый, усыпанный веснушками блондин протянул сначала руку Кириллу, а затем и остальным.

– Мы в погоне за крупной... мухой. Следы ведут в Припо-

лярное, – закончил тем временем фразу Анатолий Мордвин.

Глава 58

– Толя, он всё забрал. Мы даже не подозревали, куда он скрылся. Никто его не преследовал. Так почему он так хотел нас убить?

– Вы все знали его в лицо, могли опознать, – пожал плечами Мордвин, – если бы дело до этого дошло.

– Охотником назвался, – усмехнулся Решевский.

– А он, вправду, охотник. И стреляет отлично из всего, чего хочешь от рогатки до... арбалета! Профессионал высокого класса. Всё, что делал, делал прекрасно, – горько усмехнулся Анатолий Мордвин. – Я его знаю очень давно. Он был отличный парень – добросовестный, честный, способный и всегда готовый учиться.

Слушая эту характеристику, Петя мало-помалу, закипавший от возмущения, наконец не стерпев, взорвался.

– Анатолий Александрович, Вы о нём, как о лучшем друге говорите! А этот гад нас только случайно не спалил живьём и...

– Да ладно, Петь, – остановил его спокойно Кирилл, заметив, как потемнело лицо Мордвина. – Люди меняются, к несчастью, а мы... не всегда эти изменения успеваем заметить и, тем более, понять.

– Парень прав, Кира. Я с себя вины не снимаю. Я ему пол-

ностью доверял и «поручил» ему вас. Он всё... всё! знал от меня. Я оплошал, мужики!

– Толя, брось ты! Иисус, и тот с Иудой, сидел за одним столом. Ты вот что мне лучше скажи, – желая отвлечь друга от мрачных мыслей, сказал Кирилл. – Почему он нас не перестрелял по одиночке? Всё какие-то сложные манипуляции...

– Это я как раз могу понять. Знаешь, одно дело команду подать или создать условия, а другое – самому. Своими руками. Ничего тебе плохого не сделавших людей! Кстати, он у Пироговой организовал, чтобы тебя поджидали. В этой вот деревне «Лукашки». Он отдал приказ по всей форме, а потом следы уничтожил – на бумаге и среди смертных. Двое офицеров погибли.

При этой страшной новости все замолкли и обменялись растерянными взглядами.

– Ладно, к делу, – решительно продолжил Мордвин. – Мы его обложили. Теперь ему некуда деться. Это для нас всё тут на Севере на одно лицо – просторы и лёд, и снег. А местные звероловы замечают каждую мелочь. И потому они его засекли. Я от них узнал, что он прячется на острове «Гусиный», и пограничникам сообщил. И пограничники по нашей просьбе на вертолёт это перепроверили и подтвердили. Я тут же собрался к вам. Мне надо знать, что вы все в порядке, и не пытаетесь на свой страх и риск его отловить. Полковник испытующе оглядел друзей. Они молчали. Чувствовалось, од-

нако, что перспектива сидеть в сторонке не радует никого.

– Нет, как же так? – наконец начал Тимофей. – Стервец мою собаку убил, моих друзей...

– Ага, сначала, всё-таки, собака, потом друзья! – попробовал обратить всё в шутку Анатолий Александрович.

– А я? Толь, я в армии служил. И у меня свой собственный счёт – я только чудом... – Кирилл осёкся, взглянув на дочь, а Мордвин сразу воспользовался представившейся возможностью.

– Кира, вы собираетесь начать военные действия, а кто останется тут? Или детёныш тоже, как амазонка? – и он кивнул головой в сторону Лизы.

– Нет, дядя Толя, – неожиданно твёрдо и спокойно ответила она. – Я хочу быть врачом, сколько я себя помню. Я уже в гимназии два последних года помогала в госпиталях, а на втором курсе ездила в Африку проводить вакцинацию против полиомиелита. Я вас всех буду лечить, бинтовать и зашивать, если надо, а вот ловить и наказывать – нет. Стрелять умею тоже, но не хочу!

В конце концов было решено, что на «Гусиный» на пограничном катере поплывут все, кроме Лизы. Но задержание проведут лишь те, кто должны. И сейчас группа захвата, в белых маскхалатах двигалась рассеянной цепью к тому месту, где по данным разведки в пещере схоронился Еремей. Они спустились на морской лёд и пробирались к высокому торосу, чтобы с его вершины высмотреть наиболее удобный путь

до нее. Перед ними простиралось сплошное гладкое снежное поле, на котором, разве что, в нескольких местах виднелось несколько небольших бугорков.

– Всё, ребята, мы на месте. Весь остров просматривается, мне сейчас сообщили. Он может быть только в пещере. Второго выхода нет. Родик, давай: ты я и Вальтер. Внимание, пошли! – скомандывал полковник. Трое ловко подползли к входу, затем прозвучали громкие голоса, выстрелы вхолостую, дымовая шашка просвистела в тёмную пасть пещеры и, наконец, всё смолкло.

– Нет там никого, товарищ полковник, – матерясь, вытирая слёзы и чихая, доложил Родик, вылезший на свет божий. – Вещи есть, даже вот это! – он выложил перед Мордвиным тёмно-коричневый деревянный, окантованный затейливыми медными скобками сундучок. – Пустой, конечно. Ну а птичка, то бишь... этого... «муха» улетела!

Изумлению и ярости Мордвина не было предела. Он повернулся, махнул рукой и пошёл в сопровождении своих ребят назад.

Примерно в трёхстах метрах от ледяного поля перед пещерой проходили с обеих сторон гряды торосов. Люди смотрели под ноги. Понурые, вымотанные ожиданием схватки и опустошённые неудачей, они не смотрели по сторонам, как вдруг Вальтер споткнулся. Он потерял равновесие, замахал руками и пошатнулся. Взгляд его при этом невольно упал между торосов.

– Гляньте, полынья, а рядом тюлень! – удивился он. Действительно, животное расположилось почти у самого края.

– Это морской заяц, – заметил Тимофей, и все остановились поглядеть на него.

– Любимая добыча местных. Лежит, как будто дремлет. А чуть что, уходит под лёд. Охотник к нему против ветра должен ползти, чтоб не спугнуть. Они даже за солнцем следят – тюлень не любит ярких лучей.

– Мужики, а вот и «охотник»! – пограничник указал рукой на торосы.

Медведь ходил взад и вперёд под самой грядой, желтовато-белый словно гора старого снега. Выделялся только его чёрный нос. Он сильно вытягивал шею, качал головой и то ложился на живот, то снова вставал. Наконец, он взобрался на вершину гряды, пошёл по ней, нюхая воздух, остановился, и вытянувшись всем телом вперёд, заскользил вниз.

На несколько секунд они потеряли его из виду. Распластавшись на бугристой поверхности, зверь совершенно слился со льдом. Различить медведя, быстро скользившего на животе среди заструг, было бы нелегко, но чёрный нос им снова помог. Он мелькнул на минуту, и тут же исчез, но люди уже заметили хищника. Медведь передвигался, отталкиваясь задними лапами, а голова его была плотно зажата между передними!

Это что же он, нос свой прячет? – прошептал Родик, – смотрите, метров пятнадцать осталось. Заяц спит, и зверя не

видит!

В эту минуту медведь очутился рядом с тюленем и тяжело опустил огромные лапы на голову зайца. Воздух прорезал истошный вопль, что-то взметнулось вверх, а две тёмные тени полетели вниз в полынью. Через несколько секунд медведь вынырнул далеко впереди из другого разводья и вместе со своей добычей скрылся во льдах.

Люди не сразу поняли, что произошло. Они с запозданием принялись стрелять, что-то кричали, побежали, скользя и падая, к полынье и остановились, не добежав нескольких шагов до воды, потрясенные ужасной догадкой.

На льду среди пятен крови лежала хорошо выделанная шкура тюленя с вырванным боком. Рядом валялась оторванная кисть левой мужской руки.

– Часы «Сейко», – пробурчал Кирилл Бисер, – ну и дела!

Глава 59

Прямо с улицы к ним было попасть нельзя. Следовало сначала нажать на кнопку, назваться, объяснить цель своего визита и подождать. Оттилия, быстро представившись, нервно проговорила:

– Мне назначено на десять тридцать. Я вам вчера звонила. Два часа назад мне опять подтвердили. Городской этнографический музей, отдел костюма и интерьера.

– Пожалуйста, фрау Любке. Главный криминалькомиссар

Ленц вас ожидает, – ответил ей вежливый женский голос.

Бледно-желтая дверь в металлической раме с жужанием открылась и, поднявшись на один марш вверх, взволнованная женщина вошла в большую светлую комнату с окнами, наполовину прикрытыми вертикальными серыми жалюзи. Солнце тут не било в глаза, но бросало яркие блики. Оттилия прищурилась. Письменные столы с плоскими экранами компьютеров, ряды книжных полок с разноцветными папками, чёрно-серебристые стулья на колёсиках – бюро как бюро. Она обогнула группу сотрудников в форме и без, что-то оживлённо обсуждавших между собой, едва не споткнулась о громоздкое устройство для уничтожения актов, стрекотавшее, словно кузнечик, измельчая бумагу, и совсем уж собралась обратиться с вопросом, когда услышала за своей спиной:

– Фрау Любке? Здравствуйте, сюда, пожалуйста.

Навстречу ей из-за большого г-образного стола поднялся невысокий стриженный ёжиком плотный мужчина, уже заметно начавший седесть. Он пожал руку Оттилии, посмотрел на неё внимательно и приветливо улыбнулся.

– Я думаю, мы лучше сразу пройдем в мой кабинет и там спокойно поговорим. Я сейчас попрошу нам сварить кофе, не возражаете?

– Я? Да... с удовольствием. Хотя, знаете, господин Ленц, я уже вторую неделю толком ни есть, ни спать, ни пить не могу.

Он в ответ снова улыбнулся, показав ряд крепких желтоватых зубов, и заметил:

– Я по вашему голосу сразу почувствовал, что вы нервничаете. Но теперь самое страшное уже позади!

– Этот ещё почему? Так вы уже знаете... а что? – изумилась Оттилия.

– Только предполагаю. Просто жизненный и служебный опыт.

Он слегка заговаривал ей зубы, чтобы успокоить и дать время собраться с мыслями. Однако делал это доброжелательно и спокойно, не уводя далеко от сути дела.

– Ох, пожалуйста, господин Ленц, если вам известно и без меня... – она запнулась и замолчала.

– Да нет, я просто навёл справки и сделал выводы, – снова пришёл он ей на помощь. – Вы ведь вчера говорили с моей секретаршей?

– Да, конечно. Она спросила, готовы ли вы коротко рассказать о сути дела. И я ответила: «Нет!»

– Но вы назвали своё имя, место службы и род занятий. И когда вас Габи спросила...

Во время беседы Оттилия Любке слегка порозовела и оживилась. Она стала с интересом следить за мыслью собеседника, перестав судорожно сжимать в руках папку с надписью «Business Partner Bavaria» и судорожно вздыхать.

– Она спросила меня, приватный это вопрос или служебный, и я объяснила, вернее...

– Вы сразу дали понять, что дело касается музея. Дальше не сложно. Хранитель музея обращается в криминальную полицию. Хочет говорить только лично со мной. Мой секретарь должен такой визит для меня подготовить. И вот, что случилось, я не знаю, конечно. Однако самые простые вещи...

– Что я до сих пор «не привлекалась»?

Дверь кабинета с тоненьким скрипом отворилась, и миловидная девушка внесла поднос с двумя чашками кофе, английским овсяным печеньем, молочником и сахарницей.

– Спасибо, Габи. Поставь, пожалуйста. Я сам поухаживаю за нашей гостьей. Фрау Любке, вам с молоком и сахаром?

– Спасибо, да, – Оттилия посмотрела на чашки и перевела взгляд на столешницу. Войдя, она совсем не обратила внимание на кабинет. А он без сомнения того заслуживал. Хозяин кабинета сидел за объёмистым письменным столом тёмного дуба, покрытым зелёным сукном. Ножки его, выполненные в виде львиных лап, были из начищенной бронзы. Простой, бронзовый же, подсвечник стоял в правом углу, и его три свечи пахли так, что сомневаться не приходилось – они из настоящего воска. Несколько хороших цветных граюров были развешены по стенам.

«Вот этот сверху – Дюрер. А слева – совсем интересно. Хольбайн старший. Я-то его люблю. Только мало кто из неспециалистов его знает,» – пронеслось в голове фрау Любке.

Господин Ленц молча пил кофе и терпеливо ожидал, когда она вернётся к нити беседы.

– Как вы находите мои гравюры? – наконец спросил он.

– Я очень люблю наших стариков. А то, что вы не забыли Хольбайна -папу, просто сюрприз, – охотно отозвалась Оттилия, тоже приступив к кофе.

– Видите, как приятно. Посетителям моим, обычно, не до искусства. Ну, оно и понятно. Но я вот что хотел сказать, госпожа Любке. Из музея к нам до сих пор не обращался никто. Нет заявлений о взломе, об ограблениях или пропажах. Все ваши сотрудники, по моим сведениям, живы-здоровы, значит...

– Значит? – привстала со своего стула Оттилия и вся обратилась в слух.

– Я пока думаю так: мышка живёт в шкафу, – прозвучал ответ.

Фрау Любке как раз хотела деликатно откусить кусочек большого круглого печения. Услышав риторическую фигуру комиссара, она отвлеклась и... сунула его неволью в рот целиком. Поэтому бедняга сразу отреагировать не смогла. Она плотно сомкнула губы и, словно глазастый хомячок, попробовала быстренько проглотить помеху. Наконец это ей удалось.

– Может быть, Вы хотели сказать, кошка, господин Ленц? Вы удивительно хорошо информированы. Их у нас две. Пёстрые крысоловы. Мы их за солидные деньги купили, и

уборщице даже отдельно платим, чтобы она...

– Извините, что перебиваю. Это отличная идея – ваши кошки. Чтобы экспонаты от грызунов защитить? И никакого яда не нужно! Но, фрау Любке, кошки отдельно, мышки отдельно. Именно мышка! Мышка, а может, крыс!

– Господин комиссар, я безобидный старый музейный червь! Вы меня так заинтриговали...

– Вот ещё, старый! – не удержался начальник криминального отдела, одобрительно оглядев свою симпатичную посетительницу. – Заметьте, Вы мне ещё ничего не рассказали. Он вопросительно посмотрел на госпожу Любке и сделал паузу.

– Ну пожалуйста, ещё два слова, господин комиссар! Только про мышку! – совсем по-детски попросила Оттилия.

– Ладно, не буду Вас больше мучить. Всё это, естественно, лишь предположения, – сжалился над ней начальник. – Просто профессиональный подход. Смотрите сами – ответственный работник музея, очень волнуясь, обращается к нам. Официально ничего не случилось. Вероятно, произошло нечто такое, что заметили только вы. Может, это только вам и доступно. Или только вы одна компетентны. Например... – он снова сделал паузу, выжидательно поглядев на Оттилию, с нетерпением ожидавшую продолжения. И она сказала негромко:

– Скажем, похитили подлинник, заменив его копией. Если это сделали «профи», то тогда только классный эксперт смог

бы установить подделку.

– Так и было? – спросил начальник.

– Нет, вовсе не так!

– Да, я отвлёкся. Но вот видите, вы уже рассуждаете вместе со мной. Мне осталось очень немного. Я подумал – это одна из неприятнейших ситуаций. Так называемое «внутреннее дело», когда стараются, по возможности, не выносить сор из избы. Когда самое трудное – решиться сказать обо всём открыто. Кому? Не знаю. В зависимости от происхождения. Коллегам. начальству, полиции, наконец. И вот вы пришли!

– А вы сказали: «Самое страшное уже позади». Теперь я понимаю! Поймите, а как же мышка?

Невинный простенький эвфемизм. Кто-то из своих! Они проговорили ещё полчаса, и Оттилия вернулась на работу с чувством человека, с плеч которого свалилась огромная тяжесть. Господи, сколько ерунды болтают порой о полиции! Начальник КРИПО – грамотный, образованный человек. Зря она себя так долго терзала. Пусть теперь этим занимаются специалисты! Schluss! Aus! Как он, однако, сказал? «Шкаф» и потом вот это... «Мышка, а, может, крыс...»

– У коллекционеров – таких действительно трёкнутых, которые всё могут отдать за свою страсть и у которых есть, что за неё дать... У них есть такой «Красный листок». Там они пишут под строжайшим секретом, только для своих, для са-

мого узкого, теснейшего круга. «Листок» выходит в одном экземпляре один раз в году на Рождество. Ни за что не угадаешь, на каком языке написан! По-английски? Холодно!

– Тогда что-то экзотическое – эсперанто, например.

– Тоже холодно, но ты гадай сразу по двум направлениям – как пишут и на чём. Или сказать?

– Подождите, шеф, может догадаюсь. Постойте, а кто может прочитать этот один «Листок»? «Теснейший круг» – всё-таки не один человек, но один листок нельзя разослать.

– Нет, дело в том, что у коллекционеров есть международный клуб «Чудаки». Он находится в богатом предместье Лондона, где у них проходит годовое собрание. Вот там-то в обстановке строжайшей секретности правление клуба может – я подчёркиваю, именно «может», так как они не обязаны это делать – прочитать и принять к сведению информацию «Листка».

– И они пишут на санскрите и используют папирус или пергамен.

– Ага, пергамен, выделанный из телячьих кож? Вот теперь теплее. Они пишут на глиняных табличках

– Неужто клинописью?

– Почти. На древнегреческом по сырой глине!

– Я даже почти не удивился. Каждый сходит с ума по своему. Главный вопрос, конечно, зачем?

– Что касается табличек и прочего антуража – чудачки и есть чудачки. Однако, секретность там совершенно всерьёз.

Иначе эти пожелания и мечты набобов спровоцируют лавину фальшивок, а также воровства и разбоя, понятно?

– Ничего не понятно! Мы всё обсуждаем – как и на чём, а вот «о чём» там пишут, Вы мне сказать забыли.

– Верно, брат, извини. У «Листка» есть ещё название «dream», то есть, мечта – на этот раз по-английски. Действительные члены клуба – а это надо заслужить, там ещё и очень высокий имущественный ценз требуется – пишут, что они хотели, о-о-о-ччень хотели б иметь и что готовы за это дать. Самое удивительное, объект может более в природе не существовать или находиться в Британском музее – это никого не интересует. Расчёт на чудо, счастливую случайность... Или на то, что кто-то этот случай организует! И да, и нет. Никто их этих людей ничего общего с криминальными делами иметь не хочет.

– В обстановке строжайшей секретности, Вы сказали... И откуда же мы об этом знаем, глубокоуважаемый шеф?

– Странный вопрос для сотрудника нашего ведомства в чине майора. У нас есть всюду свои источники. Слушай Рэм, такие курьёзные штуки бывают... Я тебе обязательно расскажу. Что-нибудь по нашей линии? Всенепременно. Эх, я должен бежать. Ты мне напомни, ведь о твоей группе, ну... «Кузнецы» тоже есть кое-что в этом вот «dream». Ну бывай, до скорого, Рэм. Пока!

– Курт, мы можем совершенно спокойно поговорить. Жена с детьми уехала в горы. Мне начальство поручило тебя в курс дела ввести. Вот мы сейчас приятное с полезным и соединим. Погляди, эта бутылочка Бордо отличного урожая. Давай попробуем, я её специально припрятал.

– Спасибо, с удовольствием. Ёзеф, я с нетерпением жду, что ты скажешь. Меня включили в группу «Наследство» сразу по приезде из командировки и сказали – подробности потом.

– Ты что, знаешь, откуда мне начинать? – Ёзеф отпил глоток вина и поставил бокал на стол.

– Очень мало. Я в последнее время всё в Америке сидел из-за дела о двух украденных работах Миро. А потом в Нидерландах. Там стащили этюд Ван Гога. Только что прибыл, – вздохнул Курт.

– А, теперь понятно, почему они тебя сразу на «Наследство» определили. Ты меня после информационного совещания спросил, что мы ищем?

– Вот-вот, – воодушевился тот. – Музеи – это понятно. Беэндешники наши связями гебистов и ШТАЗИ заинтересовались – тоже понятно. А теперь что за фаза?

– Смотри, дело было так. Звонит это однажды их человек, я его знаю, Линде такой, шефу и говорит. Вы ищите «Золотого Генриха» или я ошибаюсь? Не моя, говорит, епархия, но слухом земля полнится.

– Линде? Слышал, как же, он у них в БНД зав. отделом. Ну-ну...?

– Этот Линде в отпуске на Искии был и случайно натолкнулся на сообщение. Он и спрашивает: у вашего Генриха такое-то и такое-то, мол, клеймо? Дальше ты знаешь. Про это-го Siniza, то что было в докладе.

– Верно, теперь слушай. Парня самого ухлопали, местные детективы упустили – это раз. Следствие ещё идёт, не всё ясно. Мало того, потом при задержании по горячим следам на этой Искии местные дебилы снова одного угробили. Они там русского подозреваемого по кличке Ден расстреляли просто, ты представляешь? Померещилось какому-то дилетанту, новоиспечённому борцу с гангстеризмом, что он за карман схватился и сейчас будет стрелять. Так он на опережение сработал. Дружок этого Дена тем временем спокойно утёк. А наши горе – борцы с преступностью – не зря говорят: везёт дуракам – обнаружили у этого бедолаги изумруды! Крупные изумруды и старинную трубку. Самое смешное, в трубке-то всё и дело.

– Я про изумруды только всего и знаю, что они зелёные. лягушки тоже зелёные! – пожал плечами Курт. – Бриллианты как-то понятней.

– Изумруды дороже, потому что реже встречаются, а эти ещё чистойшей воды и великолепной огранки.

– Но ты говоришь, дело не в этом?

– В том-то и фокус. Перед погибшим в ресторане трубка

лежала, а на ней скромненько так, медью по дереву «Большой Гольдшмидт» или...

– «Золотой Генрих» – кому что нравится – изображён! Что началось! Да, я забыл тебе сказать, в группе захвата один из наших был. Итальянец?

– Да, но наш гражданин, офицер, всё как надо. Он из себя красную девицу строил и никуда не лез. Но тут уж мы все сведения вполне грамотно получили, и я могу тебе внятно сказать, какая теперь у нас фаза. Я собрал всю информацию по делу, и пришло время анализа. Мы подведём итоги в ближайшие дни, и тогда ты отправишься в Россию. А пока все это должно отлежаться, созреть как зреет сыр! Знаешь, мой дед был сыроваром. У нас до сих пор в Альгое есть сыроварня. Там дядька работает с сыновьями. И я тебе так скажу, молодой сыр вкусная штука, но зрелый! Тут и аромат, и ореховый привкус, и цвет, и острота... эй, ты чего хохочешь?

– Я, понимаешь, подумал, надо было группу так назвать – «Зрелый сыр» или «Сыр в мышеловке» – поди плохо? А то – «Наследство». Совершенно банально.

– Хорошая мысль. Надо будет предложить. Кстати, знаешь как в Москве группу называли?

– Только не говори, что именно «Сыр», всё равно не поверю.

– На такую наивность коллеги трудно рассчитывать, дорогой! Группу называли тоже незатейливо, но многозначительно: «Кузнецы». Вот скажи, а ты помнишь, откуда есть пошли

кузнецы вообще и кто был первый кузнец?

– С плохой памятью у нас было бы трудно работать, хотя до тебя мне далеко, ты у нас гибрид компьютера с энциклопедией.

– Гибрид, говоришь? Тогда слушай анекдот:

«Дети двух биологов хвалятся друг перед другом. Один говорит. Мой папа скрестил почтовый ящик с поросёнком, и получилась свинья-копилка! Это что, – отвечает другой, – а мой папа скрестил солитёра с ежом и получилась колючая проволока!»

– Один ноль в твою пользу, Езеф. Теперь моя очередь. Слушай про компьютер.

«Дядя, почему компьютер на любой вопрос отвечает? – спросил ребёнок лет десяти. Потому, что это такой аппарат, который прямо-таки всё знает. Правда, если его правильно кормят. Ой, – опечалился школьник, – значит папа и мама меня ну совсем неправильно кормят!» Смейся давай теперь. Кстати, на чём это мы остановились? Да, на кузнецах.

Курт с видом первого ученика, натянувшего нос самому учителю, прищурился.

– Первым кузнецом был, конечно, Гефест – хромоногий сын Зевса и Геры и супруг богини любви Афродиты. На острове Лемнос долго был действующий вулкан. Греки считали, что в нём-то и находится кузница этого бога огня и кузнечного дела. А он всё умел! Он ковал молнии отцу – громовержцу, чинил колесницу солнцу. И золотые украшения

богиням делал тоже Гефест. Ах вот оно что... вот куда ты клонишь?

– Я тебя немножко дополню. В Афинах в октябре отмечались ХалкЕи -праздник кузнецов. А в честь Гефеста совершались ЛампадофОрии -бег с факелами пеших и конных. Они ещё и жертвы приносили, само собой, но жертвы богу огня сжигались полностью.

– Значит, октябрь, золотых дел мастер, огонь... Не назвать ли нам...

– «Кошку – кошкой?» – очень серьёзно с расстановкой спросил Ёзеф.

Глава 61

Дамы и господа, мы собрались здесь, чтобы поговорить об открывшейся для нашей национальной баварской сокровищницы перспективе пополнить своё собрание коллекцией ювелирных изделий знаменитой аугсбургской династии ювелиров, основатель который был учеником и последователем великого Телотта. Глубокоуважаемым членам художественного совета хранилища, доверенным лицам и члену Городского совета был два дня назад предоставлен текст завещания последнего прямого наследника германской ветви семьи Гольдшмидт. Мы рады приветствовать здесь корреспондентов газет и журналов, проявивших к нам интерес, и готовы ответить на Ваши вопросы.

– Простите, но не могли бы Вы мне эти слова пояснить. Как это – «германской ветви»? Разве есть и какие-то иные? – немедленно раздался первый вопрос. Худой высокий председатель в очках без оправы откашлялся:

– Существовала ещё российская ветвь семьи. Дядя Отто Гольдшмидта, старший брат его отца Вильям был приглашён в Россию в 1839 году ко двору ради бракосочетания принца Максимилиана Лейхтенбергского и великой княжны Марии Николаевны чтобы принять участия в изготовлении украшений с свадьбе. Ему было в это время сорок восемь лет. Он приехал «с чадами и домочадцами» и остался навсегда в Петербурге. Мы мало знаем о том, что случилось с этой семьёй после Октябрьского переворота. Насколько мне известно, они все погибли. Выяснить, так это или не так – одна из наших задач.

С вашего разрешения – несколько слов о завещателе, пока наш глубокоуважаемый господин нотариус Ротенбург не приступит к своим обязанностям. Господин Отто Гольдшмидт дожил до девяноста трёх лет и скончался в Мюнхене. Он прожил всю жизнь один, начинал, как ювелир, но затем счёл себя недостаточно талантливым для поддержания фамильной славы, оставил ремесло и больше никогда к нему не возвращался. Зато Отто начал собирать и приумножать семейную коллекцию работ своих предшественников и преуспел. Судьбе было угодно, чтобы он пережил всех своих родных, за исключением российских. Его старший брат ви-

дел дядю в 1906 году в последний раз, а потом после семнадцатого года потерял с его семьёй связь.

Отто Гольдшмидт был очень состоятельный и предусмотрительный человек. Он составил завещание задолго до кончины и почти не вносил в него изменений последние четверть века. Присутствующие тут юристы знают, насколько редко простые смертные поступают так в обыденной жизни, а уж если речь идёт о нескольких миллионах...

Слушатели, до сих пор сидевшие затаив дыхани, зашевелились, задвигались и по рядам пробежал смешок.

– Я вижу, мы понимаем друг друга, – улыбнулся докладчик. – Не хочу Вас утомлять. Сейчас услышите текст из первоисточника. Я должен только сказать, что Отто поместил свою часть коллекции в банк. Он велел выждать ровно пятьдесят лет и затем открыть завещание. Это замечательное событие как раз сейчас и произошло. И вот что мы узнали. Первое, что следует сделать согласно его воле, это убедиться в существовании или отсутствии законных наследников. Если таковые не обнаружатся, он распорядился передать свою коллекцию в Мюнхенскую национальную сокровищницу «Резиденц» и – внимание! – отыскать и отдать туда же часть фамильной коллекции, находящуюся в России. На это ассигнованы очень большие деньги и предусмотрены специальные премии.

– А известно, что он имел в виду? Фамильная коллекция – очень расплывчатая формулировка.

– Справедливо. Есть перечень и детальное описание работ. Не забудьте, речь идёт о ювелирах, известных всей Европе. Многое тайны не составляет, специалисты хорошо знают где это и у кого. Что делать в таком случае, тоже понятно.

– Интересно! И что же?

– Покупать, если можно. Если надо – доказывать, и судиться. Иногда придётся уговаривать, иногда и бороться.

– А что касается российской части?

– Я могу внести некоторую ясность, – поднялся со своего места солидный господин в строгом синем костюме. – Я навел справки по просьбе комитета по наследству. Это предварительные сведения, требующие, конечно, уточнений. Одним словом, была в Питербурге а потом Петрограде когда-то большая семья, страдавшая от всех исторических катаклизмов. Они гибли на фронтах первой мировой и гражданских войн, в сталинских тюрьмах и лагерях. В конце концов, остался один военврач, по имени Михаэль, переживший последнюю войну, но тоже после неё попавший в лагерь вместе с женой и детьми. Известно, что они там и нашли свой конец. А вот о нём самом пока достоверных сведений нет. Что ж, будем искать!

«Это знаменитый специалист по розыску наследников и наследств господин Кляйст!» – зашептались вокруг.

– Скажите пожалуйста, а экспонаты – это ювелирные изделия? Я хочу сказать, украшения? И еще дилетанский вопрос, если позволите. «Это очень ценные вещи сами по себе или

они скорее интересны с точки зрения истории искусств?» — спросила бойкая молоденькая журналистка из СиНН.

– По-разному. Есть, конечно, такие, что важны больше для знатоков. Видите, само это клеймо знает весь мир узких специалистов, другим не интересно. Есть вещи отличной работы из драгоценных металлов с великолепными камнями, они очень дорогие. Ну и наконец, четыре уникальных предмета – а именно, кольцо «Мария», статуэтка «Римский заказ», «Шифр фрейлины» и «Портрет Императрицы» в довершение. Поясните пожалуйста! Расскажите! Нельзя-ли поподробней? -посыпались вопросы.

Особенно настойчиво тянул руку худой кудрявый француз. Председатель наконец дал ему слово, и он спросил.

– «Великолепные камни», это обычно, бриллианты. Послушайте, а что такое, собственно, бриллиант?

– Бриллиант – результат обработки алмаза, который сначала специалист раскалывает по так называемым «граням спаянности». Бриллиант должен иметь пятьдесят семь граней, его величину измеряют в каратах.

– Все знаменитые драгоценные камни, конечно, очень крупные?

– Безусловно. Начиная с пятидесяти каратов им присваивают собственные имена.

– Наверное в наше время, после создания «циркония» (фианита) появились много подделок. А как отличить от них диаманты?

– Ювелир видит разницу с помощью лупы. И для нас с вами тоже есть способ. С бриллиантовой грани испарина исчезает мгновенно, а с фианитовой нет.

После француза инициатива перешла к мюнхенским корреспондентам.

– Мне хотелось бы узнать, что такое «шифр»? – осведомилась «Ежедневная газета».

– И ожерелье, пожалуйста, опишите, если можно, «Марию»! Известно-ли, где оно может находиться? – волновалась «Вечерняя».

– Ожерелье? Оно было изготовлено по византийским образцам из золота, бериллов, лунных камней и пяти жёлтых бриллиантов, так называемых диамантов «Великий Могол», среди которых один получил имя «Тамерлан». Его величина составляла семьдесят три карата. Золотые соцветия из драгоценных камней венчал центральный цветок, сердцевинной которого и был Тамерлан. Но ожерелье, как раз, никто не ищет. Оно было утрачено во время пожара в Аничковом дворце, то есть перестало существовать, как произведение искусства. Бриллианты, однако, не горят и «Великий Могол» были впоследствии распроданы по одиночке. Все четыре.

– Вы ещё не ответили, что означает слово «шифр», – обиделась «Дневная».

Председатель извинился и пояснил.

– О, это любопытно. В России в девятнадцатом веке мало-помалу стали возникать образовательные учреждения

для девочек. Они патронировались членами царской семьи. Там обучались девочки из привилегированных, но впрочем, не обязательно богатых семейств. Так вот те, кто успешно окончил курс, получали отличие. Можно было окончить его с «золотым шифром», то есть с вензелем царствующей императрицы из золота. Он вручался лучшим институткам. Его носили на левом плече на полосатой ленте, завязанной бантом. Местонахождение «шифра» известно. Его купила княгиня Галицкая, а потом продала в Женевский музей.

Журналисты оживлённо обменивались впечатлениями и продолжали свои расспросы, публика, по большей части состоящая из искусствоведов, юристов и коллекционеров внимательно выслушав текст завещания, тоже начала было дискутировать, но тут с кафедры раздалось:

– Господа, наше время истекло. Мы благодарим всех за внимание. Мы с удовольствием будем информировать Вас о ходе поисков и нашей дальнейшей работе.

– Эх, жалко, я как раз хотел спросить о статуэтке... – посоветовал, поднимаясь, бородатый телевизионщик Марк Кляйн с Баварского канала.

– Да, до статуэтки мы не добрались. А ты заметил Марк, он сказал – все четыре бриллианта «Великий Могол» уцелели после пожара и проданы в частные руки. Но по-моему, их было пять? – отозвался его приятель из «Зеркала».

В восемь часов утра было весьма прохладно. По небу бежали лёгкие облака. Они бежали быстро, гонимые западным ветром, и это могло обещать что угодно – влажное потепление, холод или сухой и ясный полдень.

Сильный ветер нам совсем без надобности. Придут рабочие продолжать разбивать газоны. Другие доставят рассаду из питомника, а потом эту облепиху без шипов! Отличная идея была с облепихой! Такая декоративная – словно капельки солнца, когда спеет, и без жутких, ранящих руки длинных игл. Перед домом стало уже как надо. Всё, как я и задумала, радует глаз. А сегодня возьмёмся всерьёз за правое крыло рядом с летней беседкой и наметим фонтаны.

Серафима завтракала в одиночестве на террасе – Карп простудился и хотел подольше поспать. Сима решила выпить чаю с сотовым мёдом, попросила варенья разных сортов и сейчас с удовольствием пробовала их одно за другим, уплетая золотистые гренки. Со второго этажа было особенно приятно видеть результаты её усилий – мастерски высеянные и подстриженные газоны образовывали пятна мягких, округлых форм, словно шкура гигантского ягуара экзотической «зелёной» породы. Они были строго монохромны внутри. Но – и в этом как раз состоял весь интерес – четыре разных оттенка – от «тёмного малахита» до «молодого салата» – причудливой мозаикой устилали землю перед фасадом. Внутри пятен были разбросаны по одному, по два алые,

синие или жёлтые с лиловым мазки. Куст махровых далий и соцветия септастерна, грозди лилий и звёздочки регий – совершенные интенсивные их цвета создавали звучный, лаконичный контраст со своим бархатистым однородным и ухоженным фоном.

Серафима ещё немного понежилась, полистала глянцевый американский журнал «Регулярный парк и сельский коттедж» и позвонила, что можно всё убирать. Она поспешила вниз и добрых два часа наблюдала за работой приехавших из Москвы и Пушкина садовников и строителей. Давала указания, искала компромиссы, подбирала оттенки керамики, заказывала японские лианы, что цепляются за гладкую плоскость и осенью меняют цвет.

Погода, определённо, портилась и, наконец, Сима продрогла. Она взбежала по лестнице на второй этаж и увидела, что Карп уже встал.

– Карпуша, с добрым утром. Как ты себя чувствуешь? Сказать, чтобы завтрак подали?

– Спасибо, с утра получше. Надо, конечно, поесть, хотя аппетита особого нет. Но если ты со мной посидишь... ты посидишь?

– Конечно, что за вопрос. Я сама подмёрзла, пока за планировкой следила. Хочешь, я нам какао сварю? – ласково предложила Серафима.

– Да брось, давай поболтаем, позвони лучше. Я вообще не хочу, чтобы ты переутомлялась. Я тут сидел и смотрел вниз

на твоё произведение и любовался. Всё-таки я тоже поклонник лаконичных и нетрадиционных форм. Я не хочу «Версаля», что бы там мне не говорили...

– Карпуша, а почему «всё-таки» и кто говорит? – девушка вопросительно поглядел на Карпа и её лицо сразу сделалось грустным. Но собеседник нечего не заметил. Он закутал горло мягким вязанным шарфом и уселся в плетёное кресло напротив.

– Позавчера вечером пока тебя не было, Ирина Тюрина привозила ко мне литейщиков с Уралмаша. У меня температура была, и я не хотел выходить, а надо было поговорить, и кроме того... ну, ты понимаешь – следовало принять! Вот она их и доставила... не всех, ясное дело. Она посмотрела и сказала, мол у Гриневича французский парк у дома. Ты помнишь, это парень, что бензином торгует.

– О, конечно, станет Ирина со всеми якшаться, как же. Она снисходит только к начальству. А уж Её просвещённое мнение об ландшафтной архитектуре!

– Она отличный работник. Немного заносчива, не спорю, не в меру честолюбива, но и технолог, и исполнитель, и организатор прекрасный. Она, кстати в тот же день улетела в Липецк – очень прилежная, эта Ирина. Ты напрасно её не любишь.

– А ты, Карпуша... ты её...? – еле слышно проговорила Серафима.

В этот момент дверь открылась, и жена Палыча внесла

благоухающий, заставленный тарелочками поднос. Сам же Палыч эскортировал даму и доставил какао. Разговор, принявший мало симпатичное направление, тем самым, прервался. Супруги вдвоём захлопотали вокруг больного Карпа, наперебой расспрашивая и советуя разные домашние средства. Карп пригласил их присесть, а Неделько замкнулась и хмуро просидела весь карпов завтрак в углу. В конце-концов решено было выпить по рюмочке вишнёвки и после этого Карпу лечь в постель – почитать, или лучше того, ещё подремать. Они глянули было в этот самый угол, чтобы предложить девушке присоединиться, однако её и след простыл, никто и не заметил, когда.

Ирина Тюрина появилась в конторе Кубанского около года назад и вызвала бурю эмоций. Она выдержал конкурс, прошла собеседование сначала с психологом, а потом и с самим Карпом и приступила к работе как профессиональный военачальник к сражению, после которого упадёт звезда на погоны.

Преуспевающие родители её не торопили. И Ира после института прошла несколько практик, успела даже в хорошем американской колледже английский отшлифовать. Она очень следила за своей внешностью, ходила регулярно в тренажерный зал... Подающая надежды специалист, и ещё без вредных привычек! Но девочки в офисе, нежно относившиеся к индифферентной Неделько, сразу дружно Ирину. Она же в свою очередь отличала одну Евгению Безрук и, каза-

лось, слышала и видела только и единственно шефа.

И тот её оценил. Красивая, толковая, холодная, решительная молодая помощница стала сопровождать Кубанского в командировках, получила право докладывать порой самому и участвовать в ответственных совещаниях. Неделько, Ира почти демонстративно не замечала, хоть была и оскорбительно вежлива при личных встречах.

И Серафима стала страдать. Она вздрагивала от телефонных звонков. Тревожно вглядывалась в лицо друга в поисках изменений, вслушивалась в его голос. А уж проклятые совместные поездки Карпа и Тюриной... По возвращении Кубанского она каждый раз ожидала, что тот однажды скажет ей примерно так.

– Сима, прости! У нас с тобой было замечательно, но жизнь идёт. Понимаешь, я встретил одного человека...

– И мы знаем этого человека! – мрачно шутила сама с собой бедняга Неделько, перефразируя старый, брежневских времён анекдот.

Она выскользнула из комнаты, отметив с горечью, что Карп продолжал как ни в чём не бывало болтать, и, в надежде отвлечься, отправилась в библиотеку поработать с биографией Ольги Николавны Романовой. Сима села за стол, обложила книгами, включила компьютер и углубилась в пожелтевшие фолианты.

Ну что без толку переживать, я ничего не могу изменить. Лучше делом заняться. Итак, у нас сейчас 1842 год. Ну по-

смотрим, сейчас посмотрим... а вот, ага: Олли сопровождала Императрицу повсюду, они вместе инспектировали институты и женские школы. Та, что подчинялась ей лично, была на Литейном. У великой княжны уже было мало уроков, только несколько часов русского и французского чтения, и она много писала маслом. Начались приготовления к серебряной свадьбе её родителей. В июне приехали Вильгельм Прусский, Генрих Нидерландский и герцоги Вюртембергские... оба, как бишь их? Ах да, Адам и Евгений. А вот и подарки: Николай подарил жене нет, это и перечислить невозможно. Туалеты, шляпы, ожерелье из двадцати пяти отборных бриллиантов и т. д. и т. п. О, наконец-то! От папы каждая сестра получила по браслету синей эмали со словом «bonheur» в цветных камнях, отделённых друг от друга жемчужинами. Надо будет сделать адресный запрос, и если нам повезёт, то мы получим браслет! За последнее время коллекция так хорошо пополнялась: и бокал, и черепаховый веер, и кинжал – всё это не вызывает сомнений.

Зазвонил телефон, Серафима досадливо поморщилась и встала. Надо было пересечь просторное помещение. Она уже пошла к ореховой этажерке, где стоял красивый старый аппарат, но телефон ещё раз тренькнул и замолчал. Зато почти сразу откликнулся её мобильный. Делать нечего – Неделько потянулась и нажала на кнопку. Заговорили на английском, но Серафима, узнав собеседника, предложила перейти на родной. И действительно, тот довольно свободно смог про-

должить по-русски, впрочем, с сильным акцентом и ошибками в ударениях. Это был Штефан Кренце, выросший в Германии сын эмигрантов из Казахстана, сосланных когда-то туда в начале войны из родной Украины.

– Здравствуйте, Серафима. Как дела? С утра Вас ищу, и только сейчас дозвонился. У меня для Вас хорошие новости.

– Привет, Штефан, рад Вас слышать. Спасибо, у меня всё в порядке, а у Вас? Я работала в парке и не взяла с собой телефон.

– У меня? Идёт помаленьку. Но не будем терять времени. Скажите, Вы по-прежнему отвечаете за пополнение коллекции господина Кубанского?

– Почему Вы спрашиваете? – Сима вздрогнула, на её лбу появились капельки пота. – Вам кто-то сказал... что?

– Нет, это я так. Я просто... Серафима, у меня для вас пять предметов. Экспертиза уже была, два точно её, а три под вопросом. Датировка тоже сделана.

Сима его слушала в полуха. «Совершенно ясно, слухи уже пошли. Подумать только, даже Кренце знает там в своём Дюссельдорфе! Неужели же... это было только их с Карпушей – его мама и Королева! А теперь эта карьеристка своими лапами... своими холодными загребущими... она ведь только о карьере думает!»

– Серафима, Вы меня слышите? Что делать будем? Послать Вам фотографии и заключение? Я и м-м-м... поставщики, сотрудники, я хотел сказать... в общем, мне надо как

можно скорее знать. Вы понимаете, мы затратили солидные средства. Может, я должен обратиться к Карпу Валериановичу? Если он занят, то я могу...

– Извините, у меня связь барахлит, – отозвалась Неделько. – Посылайте как и раньше на моё имя. Я сразу доложу Карпу Валерьянычу. Вы быстро получите ответ! – она старалась быть полюбозней, но вышло слишком сухо. Следовало по крайней мере проявить вежливый интерес. Неделько спросила:

– А что Вы нашли?

– Назову то, что наверняка принадлежало Ольге. Это зеркало и молитвенник. Остальное...

Но тут неожиданно вынужден был извиниться уже Крещенце, так как стало и вправду плохо слышно. В трубке невыносимо трещало и скрипело. Кое-как распрощавшись, они закончили разговор, и Неделько села прямо на пол.

– Симочка, вот ты где? А я тебя ищу, – раздалось в это время из приоткрытых дверей, и Карп в вязанном синем свитере, с белым тёплым шарфом на шее появился в библиотеке. – Так и знал, что ты работаешь. А здесь прохладно! Надо сказать, чтоб отопление включили. Смотри, что я нам принёс! – Карп нёс в руках небольшой поднос с глиняными кружками, в которых дымился ароматный горячий глинтвейн. Сразу запахло лимоном, корицей и красным вином, и растроганная Серафима подумала, какой всё же он замечательный человек. Совсем не барин, внимательный, сердеч-

ный! Да другой бы на его месте уже в туалет с охраной ходил, а сам разве что только кашлял. Вот сейчас они нормально поговорят, и на душе станет легче. Ведь, наверно, и Карп заметил... Но почти тотчас же раздался ещё один голос.

– Шеф, Вас к телефону Липецк. Тюрина хочет срочно сообщить о легированной стали для труб большого диаметра. Подойдёте? – доложил Палыч. Просветлевшая было Сима, которая начала уже улыбаться в ответ, изменилась в лице, а Карп поставил поднос на стол. – Ах ты, это важно, я сейчас. Сима, прости, дорогая, выпей глинтвейну за моё здоровье», – сказал он, махнул рукой и вышел. А Палыч, напротив, задержался немного и огляделся кругом.

Просторная двусветная зала делилась на две неравные части. Первую – большую в доме окрестили «публичкой», и в ней дозволялось работать членам семейства – сестре, братьям и племянникам. Ее высокие стеллажи передвигались на роликах и были снабжены каждый складными лесенками с сиденьем. Карп не очень жаловал новации, и каталог библиотеки был представлен обычной картотекой, хоть и продублированной на компьютере. Здесь получали литературу на трёх языках, так как хозяин полюбил и свой кабинет, и библиотеку, решительно предпочитая «живые» книги дискам, чипам и интернету. А за высокими, светлого дерева дверями находилась «капитанская рубка», туда вход простым смертным был заказан. Единственным исключением стала Серафима. А Палычу как доктору следовало «показывать всё», хотя об

этом как-то не принято было упоминать.

Отставник поправил шторы, отрегулировал, как было велено, отопление и поискал глазами девушку, которая по-прежнему сидела на полу. А та сцепила руки и опустила на них голову, не обращая больше ни на что внимания.

Палыч поглядел на неё со странным выражением лица. Казалось, он хотел что-то сказать, но, помедлив, передумал. И, повернувшись на каблуках, тихо притворил за собой дверь.

Глава 63

После ухода госпожи Любке Ленц поработал за компьютером минут двадцать, время от времени удовлетворённо цокая языком. Потом, явно довольный собой, отдал несколько распоряжений и коротко поговорил по телефону.

– Десять минут первого, Клаус, – обратился Норберт Ленц к своему заместителю, – я пойду пообедаю. Вернусь через час.

– Погоди, а если Грюнвальд нагрянет? Он всё время грозился, -встревожился Клаус. – Прокурор, вчера позвонил и обещал зайти по срочному делу.

– Да я тут рядом, в «Киото». В крайнем случае позвони.

– Окей, шеф, ничего не попишешь. Попробую первые два раунда сам продержаться, – пожал плечами Клаус Кучера.

За углом сразу направо от полицейского управления на-

ходиллся ресторанчик «Киото». Он был из этих японско-таиландско-вьетнамских, а на деле, китайских заведений, где подают, всюду одно и то же, а в последнее время ещё суши. Или то, что понимает под «суши» наспех выученный нанятый хозяином повар.

Ленц вышел на улицу и через несколько минут уже усаживался за столик рядом с большим аквариумом с бело-розовыми рыбками напротив нечем не примечательного блондина. Блондин – в очках, в костюме с голубой рубашкой без галстука – увидев Ленца захлопнул Notebook и крепко пожал комиссару руку.

Движущаяся лента с тарелочками, пиалами и чашечками медленно плыла мимо. Следовало поднять прозрачную пластмассовую створку и извлечь понравившееся блюдо.

– Правда неплохо, Хельго? За тринадцать евро «All you can eat».²¹ Комиссар начал энергично действовать и скоро столик перед ним заполнился до отказа.

– Проголодался зверски. Ну и нахватал всего сразу, когда можно брать одно за другим. Будешь потом про меня у себя анекдоты рассказывать.

– Норберт, побойся бога. Да кто на такое решится? Самоубийца разве! Они сдержанно посмеялись.

– Так ты считаешь, это наш случай – фрау Любке с её пропажей? – начал очкарик. Его простоватое лицо сделалось озабоченным.

²¹ All you can eat: «ешьте сколько хотите».

– Тебе, конечно, решать, – отозвался комиссар, – Но, мне кажется – да. Да что там, чую, что да!

– Давай тогда обсудим с тобой. Ты изложи, а я «поворчу».

– Идёт! Валяй, ищи, где не так. Итак, ты месяц назад позвонил и попросил кражи в музеях взять на контроль. Я тогда удивился, но вопросов не задавал.

– Он, действительно, смолчал без вопросов. Год с небольшим назад начались эти необъяснимые исчезновения в музеях. Экспонаты пропадали из закрытых помещений и запертых шкафов. Неповреждённые замки и несрабатывающие сигнальные устройства ставили в тупик не только работников, непосредственно отвечающих за сохранность коллекций, но и полицию с мест. Часто трудно было установить, когда произошла та или иная кража. Ведь пропадала вещь из запасников или мало заметная деталь композиции интерьера. Экспонаты были разной ценности, разного назначения, места изготовления. Что же, теперь время и место спросить!

– Ты переслал список предметов, – Норберт Ленц откинулся назад и посмотрел в глаза собеседнику, – и мне сразу очень понравилась полнота информации. В самом деле, что в таком случае сообщают? Где украли, и сколько стоит. Ну ещё одну-две детали. Нет, всё было добросовестно подробно описано. «Мастер, техника, эпоха, история приобретения экспоната музеем, история самого экспоната...»

– Спасибо, дружище, – просветлел Хельго, – это была лично моя идея, всё собрать, что возможно. Его глаза удовле-

творённо блеснули.

– Вот видишь, мы с тобой друг другом довольны! – весело констатировал комиссар. – Хорошо, едем дальше. Все, с кем я по этому делу общался, задавались одним вопро. Как это удаётся так ловко долго безнаказанно лямзить? А я не стал раздумывать – как. Нет, я подумал – кому? Кому понадобилось всё это красть? Что за персонаж такой?

– Стоп, почему ты решил, что это одно и тоже лицо? – остановил Ленца приятель.

– Ну во-первых, почерк один и тот же. Ничего не сломано. Никаких следов. Вовсе не самый заметный или самый дорогой предмет в экспозиции. До инвентаризации вряд ли кто и заметит. Разве очень не повезёт. Ты, кстати, знаешь, как и кто обнаруживал недостачу?

– Да примерно так всё и было. замени только «не повезло» на «внезапно понадобилось», – начал свой рассказ Хельго Вагнер. – Вот смотри. Украли в Магдебурге богемский бокал алебастрового стекла – «Золотая вакханка». Роспись золотом, цветочный орнамент и алмазная гравировка. И однажды в Нюрнберге организовали выставку богемского стекла. Кинули клич по родственным музеям. Запросили стиль и эпоху. А этой «Вакханки» и не нашли! В другом месте, в Дрездене – черепаховый веер с перламутровой инкрустацией и акварель увели. В третьем – лайковые перчатки, вышитые жемчугом, и кинжал. И снова – «понадобилось». Для оперной постановки потребовался реквизит. Художник по-

просил разрешения поработать с оригиналом, чтобы сделать эскизы. Специалист по прикладному искусству хотел статью написать. Ну и инвентаризации, конечно, – ответил Вагнер.

– Так не самый дорогой, говоришь? – помедлив, повторил он. Я так и думал. Для этого Нострадамусом быть не надо. А как у фрау Любке получилось?

– Совсем просто! – махнул рукой Норберт Ленц. – Она человек увлечённый. Собрание знает отлично. У неё, знаешь, есть свои любимые вещи и свой индивидуальный подход. Это ведь музей интерьера. И она для посетителей и для себя лично время от времени меняет экспозицию. На этот раз она решила сделать стенд «Дамское оружие девятнадцатого века». Взяла каталог, заглянула в запасник, все углы обыскала! И – не – нашла! Она, бедная, мне говорит: «Этот кинжал перед моими глазами стоит. Он хранился рядом с моей любимой шкатулкой из янтаря с серебром. Я думаю, может у меня галюцинации начались? Нету! И место пустого совсем не видно». Стала она в списках копаться. Сначала в компьютере искала. Тоже нету, словно и не было никогда! А потом – в старой-то картотеке – нашла!

– Стой-стой! То есть, наш «профи», а я тоже думаю – это «профи», из компьютера информацию стёр?

– Именно. Но самое интересное другое. Шкатулку помнишь?

– Из янтаря с серебром? Конечно, а что?

– Кинжал, который пропал, отличной старой работы

Изящная вещь. Но шкатулка, выточенная из цельного куска кенигсбергского молочно-жёлтого янтаря в серебре, инкрустированная персидской бирюзой с крупным сапфиром на крышке редкого ультрамаринового оттенка... Шкатулка эта раз в десять ценнее! Много «воробельней», чем кинжал!

– Слушай, ты прямо поэт, Норберт! Ультрамариновый оттенок и молочно-жёлтый янтарь! Впрочем, что удивляться. Достаточно твой антикварный письменный стол припомнить. Так значит, шкатулка на месте?

– Точно, господин тайный советник! – взял под козырёк Ленц. Проство твой вор – фетишист.

– Подожди, я тебе ещё расскажу. Испуганная бедняга Любке начала шерстить всё своё хозяйство. И снова недосчиталась кое-чего. Испарилась ещё вещица. Тут уже совсем непонятно. И это оказалось?

– Молитвенник в сафьяновой обложке. Толстенький такой, небольшой, с золотым обрезаем. Может, инкунабула²²?

– Ничего подобного. Самый что ни на есть обычный. Для своего времени, конечно. Дата выпуска – 1802 год. Стоит у букинистов пару сотен, не больше.

– А кто ещё в курсе дела?

– Ты понимаешь, она с неделю искала, не говоря никому. Снова в компьютере и опять в картотеке. Всё повторилось?

– А то! На этот раз наша госпожа Любке побежала к директору. Но не застала. Он уехал в Берлин.

²² Издания типографий Гутенберга, полученные до первого января 1501 года.

Хельго Вагнер вытащил портсигар, зажигалку и поискал глазами пепельницу. Китайские бумажные фонарики под толчком заколебались от движений его руки и задели гроздь стеклянных колокольчиков, подвешенную рядом с аквариумом на позолоченном крючке. Раздался мелодичный звон, и комиссар рассмеялся.

– Видишь, нас приветствуют китайские боги. Я смотрю, ты ещё своё зелье не бросил?

– Нет, и я что-то пепельницы не вижу.

– Теперь надо просить. Это они с курением бороться, но мирно. Спросишь – дадут, а нет – не предлагают. Да ты лучше ешь!

– Значит, директора не оказалось? – вернул Нельго собеседника к теме разговора.

– Отбыл в командировку. Она решила дождаться шефа, чтобы всё без спешки обсудить. И вдруг позавчера – зеркало Фебы.

– Ах, вот оно что! Постой, я попробую восстановить ход событий. Наверно, она опять проверила вещи, просмотрела всю коллекцию и не нашла чего-то ещё.

– Не угадал, – сказал комиссар, – это была свежая кража. Видишь, теперь фрау Любке была всё время начеку. Она заметила исчезновение зеркала сразу, как пришла на работу. Это была деталь интерьера «Будуар Курфюрстины». Тут уж фрау Любке до директора дозвонилась и приход к нам согласовала.

– Что, неужели прямо с самого видного места умыкнули? Редкая наглость. Да и из мозаики выпадает, – удивился Хельго.

– Нет-нет! Всё было, как всегда, очень тонко. На туалетном столике лежали мелкие вещицы. Сам столик такой овальный, и сверху много всего.

– Вор что, всё слегка подвинул, чтоб закрыть пустое пространство?

– И снова нет. Сделано было ещё лучше. Зеркало это ручное. Ценная вещь, поскольку редкость. Любке фотографию принесла. Но не о том сейчас речь. Так вот, вместо, понимаешь, вместо(!) него поставили пудреницу «Роза Ширази».

– Что поставили? Роза – чего? – переспросил Хельго и, наконец, закурил. – А, да не важно. Это не относится к делу. Знаешь, я этого «друга», «профи», про себя назвал – Крыс. Так он что удумал! Из запасников взял замену и поставил просто на столик. По размеру – похожа. Назначение подходит. В глаза не бросается абсолютно.

– А стоимость? Если опять дороже... Правда дороже, что ли? – повысил голос Вагнер. Он потянулся к пепельнице стряхнуть пепел, его локоть стукнулся о стекло аквариума. Рыбы тотчас заволновались. Они задвигались сначала плавно, затем быстрее. Их бело-розовое рыльце то появлялись на поверхности воды, то тыкались в точку удара, явно ожидая кормёшки.

– Смотри, животные хотят есть. Я, верно, подал условный

сигнал.

– Какие же это животные, Хельго? Это рыбы.

– А, настал и на моей улице праздник. Рыбы – тоже животные. Вот мы вас как – знатоков прикладного искусства! В систематике ты не очень! Постой, ты меня сбил. Эта самая «роза» тоже дороже была?

– Не сомневайся! Я тебе уже говорил – зеркало редкое. Металлическое полированное зеркало тех времён, когда ртутной амальгаммы ещё не знали.

– А из чего?

– Оно полированной бронзы, оправленной в слоновую кость. Античный рельеф на обратной стороне. Однако, как я уже сказал, это вещь старинная. Тем и ценна, а скорей – интересна.

Комиссар посмотрел на собеседника, выдержал паузу как заправский рассказчик, и с видимым удовольствием приступил к изюминке повествования.

– Пудреница, как ты правильно догадался, много дороже. Она поступила из коллекции «Turn und Taxis». Была изготовлена лишь в 1915 году. Но из литого червонного золота с дивной камеей на крышке и бриллиантовой монограммой.

– Хорошо, убедил. Действует одно и то же лицо или, вернее, лица. В одиночку такое трудно организовать. Посмотри, какие разные вещи. Назначение, изготовление, ценность, время и место... Два твоих последних примера подтвердили всю эту странность. Понимаешь, и я над этим думал и пытался

выделить общий признак. В самом деле, кто и почему вообще станет воровать в музеях? Если это не «Алмаз Раджи», не Леонардо, не Миро или Сезанн. НЕ так легко реализовать!

– С одной стороны, ты прав. С другой же... Если это не Лувр, Британский музей или наша Пинакотека, то, пожалуй, и банальный ворюга. Почему нет? Скромный музей не осилит дорогую защиту. А располагать может очень многим. Украсть, чтобы просто продать поскорей! А вещи попроще, проще и толкнуть. Банальный ворюга – это во-первых. А во-вторых, коллекционер или – по заказу – для него! И что? Да ни то – ни другое не пляшет!

– Совершенно с тобой согласен, – быстро отозвался Вагнер и продолжил. – Я давно догадывался. Но только теперь... Последние случаи не оставляют сомнений. Наглядней некуда. До сих пор можно было спорить, почему взяли этот предмет? Может удобно лежит? А другой? Да понравился, и всё. Ну по-неопытности. Бывает!

– Или мания у него такая, – добавил комиссар.

– Да. Но теперь очень чисто работающий прохвост вместо шкатулки берёт кинжал, потом зеркало заменяет золотой пудреницей... Значит, будем считать – тезис доказан. Исчезает не самое ценное. Выбирают что-то другое.

Официант, разносивший напитки, давно поглядывал на этих двоих, уплетавших одно блюдо за другим, явно не замечая, что, собственно, едят. Он безмолвно уносил тарелки и тарелочки, маленькие чашечки и розетки для разных де-

сертов. Ананасы и бананы, запечённые в золотистом тесте, апельсиновый мусс с лепестками роз исчезали с такой же пугающей быстротой, как и более солидные явства.

– Норберт, теперь докажи. Можешь или нет? – донеслось до него, – Крыс орудует? Хорошо, согласен. Но системы не вижу.

– Правильно, Хельго. Поймал, не спорю. Есть система! Но не знаю – какая. Я вообще это дело ощущаю как вызов. Я проведу свой анализ. Меня, кстати, обнадёживает как раз то, что иногда... Понимаешь, чем вещь дешевле, тем яснее...

– Как ты сказал? Чем дешевле? Объясни, я не понял! – заинтересовался Вагнер.

– Лучше позже. Я суеверный.

Официант – китаец средних лет Лю, брат хозяина ресторана, неплохо понимал немецкий. Но не вслушивался в диалог заканчивающих обед мужчин. Его сложная и нервная деятельность давала ему достаточно пищи для размышлений. Бухгалтерия и работа с персоналом лежала на нём. Приходилось всё время вертеться как ужу на сковородке, чтобы держать в узде поваров и службу, постоянно думать о ревизорах, о проклятых визах и разрешениях на работу. А ну, как и из гостей кто... этот... из контролёров? Духи очага и драконы!

– Дым хорошей гаванской сигариллы Вагнера стлался под потолком. «Bitte zahlen» – обратился он к официанту. Лю выписал счёт и сделал несколько шагов по направлению к их

столику.

– Всё-таки спрошу тебя, наконец. Думал сам скажешь, а ты молчишь, собака. Так почему? – услышал Лю, подойдя ближе. Говорил стриженный потолще, очкарик, улыбаясь, молчал.

– Ну что, будто не понимаешь? Я начальник, и ты не мальчик. Ты имеешь право сказать.

Лю поставил на поднос две рюмочки сладкого сливового вина. «Выпьют или не выпьют? Это скорее для дам.» Но брат наказывает под занавес обязательно угощать всех клиентов. Простенький знак внимания, и счёт кажется меньше. До столика оставалось не больше двух метров, когда блондин все-таки заговорил.

– Да нет, я понял. Другими словами, ты начальник криминальной полиции хочешь узнать от меня, полковника БНД, зачем госбезопасность взяла это дело к себе?

Лю с ужасом глянул на собеседников. Начальник КРИПО! Он не ослышался? И полковник... батюшки светы! Руки у него задрожали, и сливовое вино густой липкой струйкой потекло на зелёный фартук.

Глава 64

Большая рыба – Карп Валерианыч был человек консервативный, но трезвый. Он не любил челяди, в его доме не мельтешили лишние люди. Квадратные парни с бритыми затыл-

ками тоже не отирались у входа в офис. Но когда Николай Палыч Дедко однажды сказал – нам пора иметь особиста, таковой быстро появился.

Это был серьёзный, деловитый очкарик «из бывших», не бросающий слов на ветер и со связями там, где надо. Феликс Лопатин стал отвечать за безопасность и если считал нужным, приглашал, смотря по обстоятельствам, когда и сколько надо, хорошо обученных молчаливых, незаметных людей, всегда одних и тех же, но умевших, если нужно, изменить свою внешность не хуже актёров. У него появился на фирме маленький кабинет без таблички и постепенно сложился порядок, что и в случаях недоразумений с властями бумаги направляли сперва к нему.

Звонок во флигеле Палыча раздался в восемь ноль-ноль, и хозяин немедленно снял трубку.

– Феликс? Здравствуй, здравствуй. Ты уже на посту? Так контора же начинает только в девять.

– Вот и хорошо, можно спокойно поработать. Мне сегодня надо всё спланировать, впереди совещание в Литве – туда казахи едут и датчане. А потом шеф хочет на неделю в Шотландию в отпуск. Это уж другая задача.

– Постой, Феликс. В Шотландию он один собрался или...?

– Или... Погоди, Коля. Я чего звоню? У меня на столе телега лежит. Я тебе изложу. Я сам с этим сразу не полез – потому, не мой материал, сейчас ты поймёшь. Вот слушай.

Николай Палыч внимательно, не перебивая выслушал со-

общение, а потом спросил.

– Кто этим ведаёт? Так, а кто заказал? Ах тоже он, целый перечень вещей... Тогда послушай Феликс, что я скажу. Не нравится мне это дело. Сам доложи – я мешаться не стану, и ты не тяни. Я считаю – ты напрасно её не любишь. Но если это, правда, «жучок», тогда я на твоей стороне, не сомневайся. Ну до связи. Пока.

– Доложить так доложить. Лопатин – «военная косточка» не хуже Палыча, набрал экстренный Кубанского. А «сам», услышав доклад, от гнева окаменел.

– Так Вы уверены, Феликс Миронович... – Карп понизил голос, но слова его падали как свинцовые гири.

– Коротко говоря, Карп Валерианыч, вещи, объявленные в розыск в Германии, попали к нам в «Коллекцию Королевы». Немецкие детективы вышли на их след, и теперь наши органы прислали запрос.

– Скажите, а почему Вы так уверены, что вещи у нас? Я никогда... скажем так, не обременял лично Вас этой задачей, – ледяным тоном осведомился Кубанский.

– Лично меня нет, а вот все поступления лично для Вас я пропускаю через детектор, который мы, кстати, как раз в Германии купили. Он выявляет взрывчатые вещества, ОВ и прочие приятные неожиданности в этом роде. И оттого я и знаю, что Вы получаете и для чего. Шеф, Вы считаете, что «Коллекция» – не моё дело. И всё-таки поставить Вас в известность о таких вот событиях мой долг, а решать, конечно,

будете Вы.

– Хорошо, Вы поступили правильно. Я обдумаю и сообщу Вам своё решение. Пожалуйста, пока ни слова никому из сотрудников, а ко мне пригласите наших юристов. Спасибо, Феликс Миронович. Не обижайтесь, просто, как Вы понимаете, у меня ощущение не из приятных.

– Нормально, Шеф. Было время, когда вестников вроде меня отправляли на плаху, а Вы просто слегка дали по шапке, – хмыкнул Лопатин и добавил. – Ещё будут распоряжения? Должен ли я проверить... м-м-м... всех причастных к криминальным приобретениям?

– Пока не надо. Я сам сначала займусь. Да, вот ещё что. Не надо пока юристов, а попросите, пожалуйста Евгению Семёновну ко мне, и пусть нас никто не беспокоит до двух часов.

– Минут через пять встревоженная Женька, как всегда прекрасно одетая, в белом льняном костюме, красных туфельках мягкой кожи, к которым имелась точно такая же сумка, распространяя лёгкий запах тонких горьковатых духов, влетела в дверь. Сразу в замке повернулся ключ, а секретарша Карпа вежливо, но решительно объявила посетителям, что приёма сегодня больше не будет.

Карп с Женькой просидели с полчаса в кабинете, вышли через вторую дверь, спустились на лифте напрямиком в гараж и уехали в Загорянку.

Безрук появилась в Загорянке в следующий раз через

несколько дней. Она посигналила перед воротами, пожала руку вышедшему навстречу Дедко и взбежала по ступенькам в дом. Никто не дал бы Жене ее лет, глядя на эту стройную фигуру в чёрных джинсах и маечке, на легкую подростковую поступь. Однокурсник и бывший муж похвастаться ни тем, ни другим не мог, и она привычно забеспокоилась о нём, словно о взрослом сыне.

– Пуша, привет! Устала страшно, – приветствовала его она, целуя в щёку. – Я полностью готова к докладу, но сначала хочу немного передохнуть. И знаешь, чем-нибудь порадовать глаз!

– Здравствуй, мой маленький «АХ»! А порадовать пуз заодно не хочешь? Ты когда последний раз ела?

– Не знаю. Можно в саду пожевать. А почему – АХ?

– Догадайся, ты ж у меня умная. В саду? О, я придумал!

Он позвонил, поговорил о чём-то с Клавой и обернулся к Жене, забравшейся с ногами в кресло.

– Слушай, финдиректор, двинули в сад. Я тебе там и для глаз и для прочих мест устрою положительные эмоции.

Они вышли нуружу, направились вглубь парка и, беседуя, миновали цветники и газоны. Дальше начинались спортивные площадки, многое ещё строилось и было не завершено, но Женя, занятая разговором, не обращала на окрестности никакого внимания. Поэтому Карпу пришлось придержать её за плечи, чтобы она не уткнулась в деревянный резной заборчик. Он огораживал несколько зелёных лужаек с неболь-

шими домиками разной формы, разделённых между собой мелкоячеистой сеткой. Женя остановилась, округлила глаза и потрясла головой.

– Пу-уша, это что же такое? Там, э-э-э, кудахчут? Ох, а это кто? Еще дикие звери?

На одной лужайке паслись ослики вместе с маленьким смешным пони с длинной чёлкой. На другой хлопотали куры с роскошным петухом с алым гребнем и разноцветным хвостом. В небольшом пруду, выложенном зелёной плиткой, плавали утята. А на средней площадке...

Женька испустила нечно среднее между боевым кличем и шипением потревоженной на солнце змеи.

– Пуша! Это просто, скажу я тебе, пушистые слоны. Где ты их раздобыл? Ой, глянь! Пришлый кот! И тоже одурел, не хуже меня!

Большущие, ростом с собаку средней величины, кролики грызли корешки и густую траву. Белые шкурки на их спинах разделяла чёрная полоса, ушки – надо наверно сказать – ушищи, были тоже чёрного цвета, так же как и забавный шевелящийся нос. Особенно выделялся один, самый здоровый. Он забрёл в клетку и трудился над солидной морковкой. А вокруг клетки крался, невесть откуда взявшийся тигровый кот с обрубком хвоста и драным ухом. Настоящий боец, не чета изнеженным кискам, что только и умеют мурлыкать и лакать молочко. Почему он выбрал того, из клетки, а не свободно прыгающих тут же рядом других, останется навсегда

его тайной. Но кот вышел на тропу войны и охотился без дураков, а добыча была отменной! Вот сейчас он прыгнет и...

Зрители, находившиеся достаточно далеко от участников драмы, затаили дыхание, а кроль, казалось, ничего не замечал. Он был занят своей морковкой и медленно перемещался по клетке, но, как назло, по направлению к коту. Вдруг раздалось рассерженное шипение, и крупное животное взлетело вверх. Кот? Ничего подобного, кролик! Обнажив длинные боковые резцы, пушистое травоядное взвилось в воздух и рассерженно зашипело на серого нахального хищника. Кот от неожиданности присел, прижал уши и бросился наутёк.

Это было для Женьки уже слишком. Она схватилась за живот и принялась хохотать. Рядом басом, охая, вторил Карп. Так, хохоча, они ввалились в беседку, где был уже приготовлен стол, и шлепнулись на крашенную скамью.

– Ну вот, ты довольна? Кларина идея была сделать что-нибудь для детей. Рядом будет игровая площадка. А Сима решила завести ещё живность и, уж не знаю, как дети, а взрослые...

– В моём лице, – перебила его Женька, – визжат от восторга. Ну, я не ожидала. Спасибо, Пуша. А теперь слушай, я отдохнула.

Она рассказала, как всегда, лаконично, ясно и кратко, что сведения Лопатина подтвердились. В Германии происходили кражи из музеев. Похищенные вещи перенаправлялись в Россию. Особенность была такая – никто не пытался за-

нижать их стоимость, чтобы, скажем, уменьшить таможенный сбор. Но меняли, по мере возможности, название, происхождение и время изготовления. И акварель называли пастелью, пудреницу – коробочкой для румян, молитвенник – сборником псалмов. Это помогало отвести глаза. Экспонаты не отличались особой ценностью и стариной, поэтому таможня особенно не придиралась. Всё, будто, было куплено на аукционах антиквариата и оформлено, как надлежит. Вещи предназначались Карпу для «Коллекции Королевы» и, самое неприятное, добывались по спискам Серафимы. Она же через некоего Кренце договаривалась о цене и расплачивалась за доставку.

– Да, Лопатин не исключает, что это не случайно, что Сима обо всём знала и имела свой интерес. Да, Николай Палыч Дедко к Неделько относится в целом хорошо, однако... он вообще добра ни от кого не ждёт.

– Слушай, милый, они люди как люди, но со своими устоявшимися взглядами. Предубеждение, конечно, есть! Что делать, у них свои особенности, а у тебя свои! – вздохнула она.

Карп, всегда потенциально готовый получить с этой стороны удар, недолго думая, ответил.

– Жень, не согласен! Ты знаешь, я трезвый человек. Но независимый. Я не хочу, не стану держать людей, которые... Да, думают они, мой шеф дерьмо, но мне нужны деньги, и я терплю! Пусть зарабатывают где-нибудь ещё! Катятся к чер-

тям собачьим, я... – Карп рычал. Голос его сорвался, он сжал зубы и судорожно глотнул. – Ты знаешь, я просто человек. Я понимаю... Ох, я понимаю, конечно, всё бывает. Сима в последнее время какая-то странная. Следует разобраться...

– Пуша, остынь. Мою позицию ты знаешь, а я, как никак, «БЖ».

– ???

– БЖ – это бывшая жена.

– Ты брось, ты не БЖ, а ЛД, или лучше – ДБД.

– Так, это что?

– Лучший Друг и Друг Без Дураков! – расшифровал Карп и взял в свои её загорелую руку.

– Спасибо, Пуша. Но я ещё была – «АХ». Погоди, ты не разгоняйся. Я совершенно уверена в Симе, а ты, если разгонишься, и её разнесёшь вдребезги, и себя. Давай возьмём паузу, и я буду действовать дальше. А её пошлём в командировку в Эстонию, она давно собиралась, и виза готова. Там дело идёт об истории семьи, не о покупках.

– Женьчик, я тебе сразу не сказал... Не успел сказать. Сегодня ещё одна такая же бумага пришла. Всё тоже самое. Краденные экспонаты по её списку, и все у нас.

– Пу-ша! Пошлём её в командировку? Доверься мне, раз я тебе ДБД! И что такое – «АХ», наконец?

– Не догадалась, финдиректор?

– Нет, и теперь чешется узнать – нету сил!

– Тогда слушай внимательно, Женьчик. В командировку –

пошлём. Ты получаешь карт-бланш. Остаётся только «АХ». Так вот, это Ангел-хранитель, теперь поняла? – и он поцеловал её руку около колечка с аметистом, которое сам однажды и подарил.

Глава 65

Изумительный город Таллин, словно в сказке Андерсена вдруг очутилась. Раньше мы хотели вместе с Карпом в Скандинавию съездить, а теперь... Нет, вот об этом я не должна. Хорошо, что я сюда приехала, воздух тут особенный смолистый, красноватые сосны и мох... Серафима шла по дорожке через сосновый бор у самого моря, к белым песчаным косам, уходящим в его светлые холодные воды. Между соснами росла земляника, а рядом с мшистыми камнями кустился густой черничник с кружевными листиками и сизыми, словно голуби, влажными ягодами. Неделько посмотрела на карту, сориентировала её по солнцу и определилась.

«Парк должен бы здесь начаться. Особняка уже нет, столько лет прошло – революция, войны, но я всё равно уверена, что парк найду.» – Она прошла ещё немного вперёд и очутилась на берегу. – «Да вот же!»

Перед ней лежала холмистая местность с каменными лестницами. Потрескавшиеся ступени кое-где поросли травой. А на возвышении невдалеке Сима увидела полуразрушенную розовую беседку и окончательно уверилась, что не

ошиблась.

Это был Фалль. Имение Волконских под Ревелем, он же Таллин, куда «Она» приезжала и где всё началось. Всё, теперь можно было возвращаться и искать дом Артура Сеппа.

В пригород Таллина – Кейла Серафима добралась довольно быстро, а после расспросов нашла и вымощенный серым ракушечником узкий проулок. Аккуратный домик с круглыми окнами, имитирующими иллюминаторы на корабле, и с большим, выкрашенным белой краской штурвалом на фронто-не был окружён стриженной жимолостью. На воротах красовалась табличка, где Неделько с удовлетворением прочла: «Артур Сепп, доктор исторических наук». Она позвонила в электрический звонок. На ступенях появился хозяин, сопровождаемый большим добродушным золотистым ретривером. А уже через полчаса они сидели на веранде перед подносом с красной смородиной и рюмочками хереса. Сепп говорил, Сима слушала, затаив дыхание и по-детски приоткрыв рот.

– Вы были в парке, вернее, руинах прежнего парка. В нём раньше каштаны росли и лиственницы. Знаете, мы с вами ходим обязательно вместе, я вам камень покажу. Там с помощью долота и молотка высечены имена детей Волконских. Огромный такой камень, очищенный от мха. Ещё недавно скамейки можно было найти. Традиция такая была – гости имения дарили хозяевам на память чугунные скамейки со своим гербом и просили поставить на их любимых местах.

– Господин доктор Сепп, – Сима улыбнулась, – вы свободно говорите по-русски! Я голову ломала, как мы будем беседовать. Эстонского я не знаю, а Вы не обязаны со мной на английском...

– У меня хороший английский! – гордо заметил загорелый спортивный маленький историк и погладил седую шкиперскую бородку.

– Вы не обиделись? Простите, пожалуйста! – смутилась Неделько, так как вместо комплимента вышла неловкость. Я вообще-то хотел попросить Вас описать мне дом. Так жаль, что он не сохранился.

– О! Что Вы, какие обиды. Я кончал Тартусский университет, когда там еще преподавали такие люди, как Лоттман. Как я мог себе позволить плохо знать языки? Да, так о чём я? Дом! Дом был нарядный и уютный. Там любили цветы, и потому было много цветов. Из окон открывался прекрасный вид. Представьте себе: сам особняк выстроен в готтичском стиле, мебель тоже готическая – белая с чёрным, картины, книги, из окон слышен шум водопада. Или вот ещё – из спальни был выход в восьмиугольную «башенную» комнату, где стояло бюро с вензелями, висели миниатюры и портрет императрицы Марии Фёдоровны, писанный пастелью в Версале.

– Так там и башня была?

– Ну какой же замок без башни! А я всегда считал замком этот дом. Что основатель Фалля граф Бенкендорф, что брат

его Константин – какие всё имена! На памятнике Константину было высечено – «Он кончил службу, кончив жить». Каково?

Серафима прикрыла глаза. А доктор Сепп рассказывал, как в большой колонной комнате на Эраре играли Шопена, как поднимался из долины туман и окутывал бронзовую статую Аполлона на другой стороне реки, а несравненная Зоннтаг, в замужестве графиня Росси, глядя на него, пела, опершись на рояль.

– Вы подумайте, говорил он, – адъютант Бенкендорфа князь Львов написал в этом доме «Боже царя храни!». И всё августейшее семейство бывало тут. С северной стороны дома на лужайке выросла целая роща, каждое дерево которой было обнесено именованными решётками. Их посадили члены императорской семьи, начиная с самого Государя.

Серафима выпрямилась, стряхнул очарование и посмотрела Артуру прямо в глаза.

– Простите, пожалуйста меня за невежество. Я хотела бы уточнить, чтобы не ошибиться. Для меня это очень важно. Вы имеете в виду Государя Императора...?

– Николая Первого, с него всё и началось! – ответил Артур Сепп, не подозревая, какую бурю он вызвал в груди своего молодого посетителя.

– С него всё и началось, – словно эхо повторила Серафим Неделько слова Артура.

Сима остановилась в небольшой чистенькой гостинице во вполне приличном номере на втором этаже и ходила обедать вниз в ресторан. Еда была, правда, не очень – Артур сказал, что эстонская кухня никогда не блистала особым разнообразием – картофель, свинина, сметанный соус и все. Да бог с ним, зато удобно, до всего близко, и сам Сепп в двух шагах.

– У нас тихое, красивое место, – объяснил историк. – Разве иногда морячки шалят после рейса. Смотрите, не меняйте у них деньги. Чёрт их знает, ещё всучат что-нибудь, да и пьют много. А так – рекомендую от чистого сердца. Хозяин гостиницы наш старый знакомый. Вам будет у него хорошо.

И он был прав, только девушка едва ли что вокруг замечала. Она встречалась с Сеппом, ездила в солидный таллинский архив, сидела в местном, фотографировала, копировала документы. И писала, писала, писала – то в толстой тетради, то на своём ноутбуке, который она с собой таскать не любила. А потому заботливо запирала, если уезжала, в сейфе с номерным замком. Незаметно пролетела неделя, побежала вторая – от Карпа не было ни слуху ни духу. Серафима совсем перестала спать. Она не хотела навязываться – ни боже мой, но... она больше не могла, ну не могла и точка!

– Я позвоню, но не ему, вот и все! Давно надо бы догадаться. Она мне всё объяснит. В конце концов, как раз Евгения Семёновна... Да, именно так! – решила вконец отчаявшаяся девушка.

Следовало только обдумать, когда и как. Чтобы страшно

замотанная Женя могла с ней поговорить, чтобы она сама была в состоянии сказать, что хотела, чтоб связь...

«Это тоже важно – связь! По мобильному часто плохо слышно. Лучше воспользоваться нормальным телефоном. А где? К Сеппу пойти? А вдруг его домашним срочно понадобится позвонить? Я ведь второй раз никогда не решусь. Но не на почту же отправляться... Тут должна быть совсем другая обстановка.»

Она ещё подумала и решила обратиться к хозяину – лысому, как бильярдный шар бывшему помощнику капитана торгового флота, которого все называли просто Петер.

– Не беспокойтесь, идите в мой кабинет, – ответил хозяин, в ответ на нерешительную просьбу своей постоялицы и заверение, что он охотно заплатит за разговор. – Если получу счёт за разговоры с Австралией, то, делать нечего, к Вашему припишу, а если ближе...

На что та совершенно серьёзно запротестовала:

– Ну что Вы, мне в Москву, я просто хочу, чтобы без помех. – Петер засмеялся, подтолкнул Неделько к лакированной чёрной двери и, со словами, вам здесь никто не помешает – вернулся к своим обязанностям.

В кабинете было прохладно. На большом столе стояла красивая модель парусной яхты и современный беспроводной телефон. Сима села в кресло и с замирающим сердцем набрала номер.

Феликс Лопатин сидел у Жени в кабинете. Ему надо было обсудить смету для своих надобностей. Он записался на приём, а Безрук -воплощённая пунктуальность – опоздала. Она распорядилась, и его впустили в святая святых, вот он и ждал.

Это было совсем на неё не похоже. Впрочем, шеф болеет, и от того ежедневно множество неувязок. Секретарша приоткрыла дверь. Евгения Семёновна будет с минуты на минуту, сказала она. Если что не предвиденное опять, она позвонит сама. И верно, минут через пять раздался звонок «по прямой», минуя секретариат.

– Семеновна! Сейчас скажет – мол, в другой раз, и дело – дрянь! Ему надо срочно перевести деньги для оборудования двух спецмашин, но без подписи Безрук об этом нечего и думать, – расстроился Лопатин и снял трубку. Поэтому, услышав чужой голос, он сделал небольшую заминку, чтобы перестроиться и сообразить, что отвечать.

– Евгения Семёновна скоро будет. Она у шефа в больнице с докладом. Ей что-нибудь передать? – вежливо осведомился он, зная, что этим телефоном могут пользоваться только доверенные лица.

– Феликс Миронович, это Неделько. Я в командировке. А что случилось, почему шеф в больнице? – убитым голосом спросила Серафима и получила от совершенно не посвящённого в «тайны мадридского двора» собеседника невозмутимый ответ.

– Как, вы не знаете? Он из-за «Коллекции Королевы» расстроился. Официально нам ничего не сообщили. Болтают разное. Кто -«микроинсульт», говорит, кто – «микроинфаркт», а кто вообще воспаление лёгких.

– Из-за «Коллекции Королевы»? Кто-то перехватил новые экспонаты?

– Слава богу, никаких новых экспонатов. А то шефа ещё Кондратий хватит, уже не «микро».

И на недоуменные распросы ничего не подозревающей девушки изложил всю историю. Серафима слушала, и ей казалось, что у неё постепенно отнимаются ноги, руки, сердце бьётся всё медленнее... «Нет, что за чушь, сердце как раз грохочет, она уже слышит только этот сумасшедший стук, а Феликс всё говорит!»

– Какие, Вы сказали, предметы? Ах, вот оно что. И всё по спискам и через Кренце.

– Я думал, что Вы-то в курсе. Сейчас всё стало на свои места, а одно время...

Но Серафима уже не слушала. Боже, теперь всё ясно. Эти косые взгляды, Карп, отводящий глаза, Николай Палыч...

В трубке рокотал голос Лопатина и Сима механически снова поднесла её к уху, чтобы проститься.

– Серафима, Евгения Семёновна уже в приёмной, я слышу её голос, она говорит, её сменила Тюрина, значит можно уходить и ...

Тюрина? Кто, как не Тюрина! Неделько медленно опусти-

ла трубку на рычаг и вышла из кабинета. Она посидела около пустой в этот час стойки портье, как сомнамбула вытащила мобильный телефон, набрала номер, потом нажала на кнопку отключения и встала. Надо было собраться и действовать. Всё было совершенно ясно.

– Привет, – раздался вдруг мальчишеский голос, – мы тебе принёс камера фото снимать. Вчера договаривались!

Два эстонский матросика лет по двадцать стояли перед ней и улыбались. Неделько с трудом вспомнила, как вчера за ужином в ресторане они подошли к ней и предложили продать цифровую фотокамеру из Гонконга. Они просили не дорого, и сослались на портье, к которому Серафима обратилась с вопросом, где она могла бы вместо своей сломавшейся другую купить. Портье охотно рассказал, что в Таллине это не проблема, и, вероятно, шепнул пару слов корешкам. Что же, ей следует завершить работу, для этого ещё фотографировать, а в Таллин как раз не надо. Так не всё ли равно? Деньги у неё есть...

– Пошли в наша таверна, тут нельзя торговать. Мы не хотим проблема.

Серафима кивнула, они вышли на пустынную улочку, завернули за угол к морю и скрылись в сосновой роще втроём.

– Евгений Семёнович Безрук. Это адресовано ему, а тут внизу телефон, нет, два телефона, один мобильный, другой – обычный. Видите, написано – Евг. Семён.

– Это имя и отчество, а Безрук, я знаю, такая фамилия бывает. Я позвоню и каждый день буду сюда приходить. Как Вы считаете, доктор, она... ?

– Будем надеяться на то, что организм молодой. Крови много потеряла. Знаете что хорошо? Группа самая распространённая, мы сразу лить начали. Артур, а кто нашёл-то?

– Случайно получилось. Она камеру у молодых морячков купила. Вы представляете, как обычно бывает? Что думают в таких случаях? Небось и камера – дрянь и просят втридорога, не иначе как жулики. Оказалось наоборот – приличные ребята, которые ей назавтра ещё аккумулятор запасной принесли и отдали портье. А портье Свен, он видел, как Се-рафима с час назад поднялась к себе – всё как обычно, ключ забрал и пошёл. И Свен решил аккумулятор сам отнести, потому как один из матросов помоложе – его племянник. Он подошёл, постучал -не отвечают. И вдруг заметил – вода! Во-да сочиться.

– Из-под двери?

– Да, розового цвета. Тут он позвал подмогу, и дверь взломали. Очень вовремя взломали, дорогой доктор.

Было только десять минут одиннадцатого, а секретарь Евгении Семёновны Безрук чувствовала себя, словно оттрубила полный рабочий день и дотягивает несколько часов сверхурочно. Телефон раскалился, запас профессиональной любезности был на исходе, и только мысль, что если сорвешься,

заорешь, ляпнешь непротокольное слово, тотчас вылетишь под фанфары с этого отличного места, всё ещё сдерживала её.

Начальница испарилась, без предупреждения отбыла с неизвестной целью, оставив, правда, исчерпывающие распоряжения своему заместителю. А он именно в этот злосчастный понедельник взял да заболел!

«Большая рыба» проводил совещание в Литве, и бесчисленное количество самых разнообразных людей спрашивали, просили, требовали и умоляли Киру Николаевну соединить их немедленно с Первым заместителем по финансам. Накануне в пятницу раздался звонок по прямому в кабинет. Она случайно услышала фрагменты разговора, но мало что поняла. Абонент – человек незнакомый, сообщил нечто, от чего о-о-очень выдержанная Женя изменилась в лице. Она извинилась, подняла требовательно глаза на Киру, и та поспешила выйти вон. Минут через десять Безрук вызвала секретаршу снова и потребовала соединить с «Главным полицейским управлением города Таллина, или как его там». На робкое замечание выпускницы университета Киры, говорящей на трёх языках – английском, испанском и итальянском, что по-эстонски она не может, Женя молча на неё посмотрела, сдвинув брови. А Кира Николаевна в ужасе подумала, что ещё немного, и она заговорит на верхнезулусском. Она выскочила в приёмную и довольно быстро нашла выход, позвонив в эстонское Министерство иностранных дел, где ей по-

могли найти нужный номер. Дальше Безрук действовала сама. Ей снова повезло, потому что в секретариате Комиссара говорили по-английски, а услышав слова Зам. генерального директора корпорации «Моссталь», без промедления передали трубку самому Комиссару. Он тоже мог вполне сносно объясниться на английском, да и по-русски говорил не хуже. И Кира Николавна, получившая тут же команду немедленно заказать билет в Таллин, снова кое-что услышала.

– Очень тревожная информация, – говорила Женя, – прежде чем принять срочные и эффективные меры, мы нуждаемся в подтверждении, что это не розыгрыш, не провокация и не ловушка. Вы понимаете меня, господин Вайно, не правда ли? Несомненно. И немедленно посылаю это на Ваше имя, – продолжала она в ответ на какие-то слова комиссара. – Да, безусловно все необходимые расходы без исключения в любой удобной для Вас форме. Я Вам очень признательна, а шеф... Что? Да-да, он самый. Так вот шеф, как вернётся с совещания, сам позвонит и скажет спасибо за такую, без всякой бюрократии, оперативную помощь».

Через четверть часа, когда курьер уже помчался в аэропорт, раздался звонок из Эстонии. Всё это время Женя сидела, сцепив руки ни говоря не слова, а когда подскочила к телефону, то казалась бледной как призрак.

– «Господин Вайно? Ох, я так и думала. Что? Ну конечно, была слабая надежда... я не знаю даже, не на ошибку, а... по крайней мере, что ничего опасного. Да. Да, понятно.

Немедленно, первым же рейсом. Спасибо. Вам сообщит мой секретарь, вы с ней уже говорили. До свидания и до встречи, господин Вайно.»

Через полтора часа, отменив всё, что было назначено на этот день, Безрук в сопровождении водителя, который нёс всегда готовый для экстренных случаев коричневый кофр, носивший среди ближайших сподвижников исчерпывающее наименование «зубная щётка со смокингом», вылетела из кабинета как смерчь и, без объяснений, скрылась из глаз.

Глава 66

Литовские посиделки на Кюржской косе закончились к обоюдному удовольствию сторон, отгремела и культурная программа. В понедельник поздно вечером Карп Валерианович со свитой высадились из лимузинов и отправились по домам. А во вторник, когда он прибыл ровно в восемь на фирму, Женя уже была на месте, слегка осунувшаяся, с тенями под глазами, но безупречно причёсанная и одетая в серый английский костюм и тёмно-синие лодочки, одного и того же оттенка, что и серьги с оправленным в белое золото кулоном на венецианской цепочке, угнездившейся в вырезе её голубой блузки. Она сидела в своём кабинете, и всё вокруг кипело и бурлило вокруг неё. Молоденькие референты получали указания и испарялись, секретать и заместитель доложили сводку за истекшее время, и когда через четверть

часа поступило распоряжение просить Евгению Семёновну подняться на двенадцатый этаж в директорский кабинет или «океанариум», по словам остряков из «Мосстали», всё следы финдиректорского исчезновения были ликвидированы и присыпаны табачной крошкой пополам с перцем. Она кивнула, поднялась по внутреннему «командирскому» лифту и вошла с тыла к Карпу, символически стукнув два раза по задней двери костяшками пальцев правой руки.

Он позвонил с дороги и предложил ей позавтракать вместе. Она согласилась и попросила заказать сыр, салат и масла.

– Да, Карпуш, я не хочу кофе. Пусть они сделают чай. Может, потом выпью эспрессо, но не сейчас.

– Есть, товарищ генерал! Слушай, Женчик, о другом. Я сделал всё как ты просила и не звонил ни разу. Она тоже, так не можешь ли ты мне?

– Конечно, но я думаю, лучше не по телефону.

– Ты, как всегда, права, мой дорогой ДБД, – вздохнул Карп. Оставалось только ждать. Он попрощался, включил зажигание и через четверть часа вошел к себе в секретариат. Ещё минут через двадцать появилась и Женя. Она чмокнула Карпа в щёку, осмотрела его внимательно и озабоченно и осталась довольна.

– Ты как, готов откусать или мне подождать? – она вопросительно перевела глаза с начальника на помощников, которые профессионально заулыбались, демонстрируя готов-

ность номер один.

– Вне всякого сомнения, если только Тоня и Дима – это были его два секретаря – получили нужный сигнал, – ответил он.

– Карп Валерианович, садитесь, пожалуйста за «гостевой», официант уже всё доставил. Я ему скажу, чтобы подавал, – отозвался Дима, после чего Карп и Женя вошли в кабинет, расположились там и немедленно заговорили о своём, пока безшумный вышколенный молодой человек колдовал с тарелками, тарелочками, судками и салфетками.

– У меня для тебя хорошие новости, – сказала Женя. – Резюме из больницы переслали мне, как ты просил. И вот что я тебе скажу. Ни одно опасение не подтвердилось – сердце в порядке, внутренние органы, давление и прочие...

– Детали механизма? – усмехнулся Кубанский.

– Постой, подробности тебе доложит доктор. Ты сбросил киллограмм пять на почве переживаний, что ещё лучше. Словом, я хочу сказать, ты совершенно здоров, моя рыбка!

– Ты хочешь сказать! Ну например, что я симулянт, и в больнице лежал, чтобы устроить себе выходные?

– Отличная мысль, а кроме того, получить деньги за бюллетень!

Они посмеялись, Женя подняла глаза на официанта, и он послушно исчез. Тогда она подошла поближе и села на ручку кресла Карпа.

– Подожди веселиться. У тебя был менингит – совсем не

смешно. Они сначала не поняли, а потом оказалось – это вирусная форма. Очень неприятно, но не опасно. Действительно опасно подхватить бактериальную.

– Бог ты мой, менингит! Я всегда считал, что здоров, как бык, только толстый стал, к сожалению. Ладно, хватит о хворобах. Как у нас дела?

– Очень прилично. Мы потеряли немного на чугуне, но выиграли на высоколегированных сталях. И вот ещё – предложения по долларовым активам и нашим вкладам в евро ты получишь сегодня после обеда. С капитализацией у нас тоже, я считаю, нет проблем. Но стратегию на ближайшие время надо скорректировать, учитывая валютные тенденции и международные нефтяные игры. Это мы с тобой отдельно на финсовете обговорим. А что в Литве?

– Не считая мелочей, я доволен. Нет ничего такого, что я хотел бы тебе конфиденциально сказать о делах. В одиннадцать соберёмся в узком кругу – я, ты, первые заместители, ответственные по филиалам и отделу продаж, и ты всё услышишь подробно. А сейчас...

– Да, я тебе скажу в двух словах. Сима совершенно не при чём. Лопатин написал подробный и обстоятельный отчёт. Определённые люди почуяли жирный куш и организовали систему «заказ – грабёж». А наша девочка просто изучала мемуары и документы о Королеве и писала, что бы мы хотели иметь, если достанут. Потом она, по согласованию с тобой, за это дело платила, и все. Но видишь ли...

В дверь постучали. Одновременно раздался мелодичный бой часов, что стояли в высоком, армированном бронзой хрустальном футляре в углу апендикса, где сидели Карп с верным «АХ»-ом.

Это был «малый кабинет» шефа, где он любил работать. Внутренние совещания тоже проходили тут, а для торжественных случаев имелся другой. Тот – с представительским дизайном в просторном помещении, увенчанном высоким стеклянным куполом, был отделан мрамором и панелями из карпатского тиса. Для заседаний в нем имелся громоздкий овальный стол. В малом же стол стоял старомодный без фокусов и новаций, удобный и приспособленный для человека, привыкшего не только тяпать по компьютерным клавишам, но и писать.

– Слушай, время летит. Что, уже и контора запыхтела? Я своих сегодня вызвала пораньше, они мне были нужны, и думала, что у нас ещё полно времени. Часы роскошные, я их не видела, и играют, словно колокольчики фей, – подняла брови Женя и повернулась к дверям.

– Нет, Жень, только полдевятого. Эти часы – подарок датчан, а играют они «Гермеса», так они специально настроены. Мне нравится, а тебе?

«Гермесом» в Мосстали называли время, когда шефу доставлялась утренняя корреспонденция, требовавшая его внимания и визы. В комнату вошёл секретарь с папкой, полной разных конвертов.

– Карп Валерианович, начать распечатывать или Вы хотите сначала посмотреть, что к чему и мне прочесть вслух? Я отобрал самое неотложное.

– Спасибо, Дима, нет. Положите пока на стол. Я Вас вызову, когда мы закончим с Евгенией Семёновной

Секретарь сделал несколько шагов вглубь комнаты и пошёл к столу, который с позиции завтракающего начальства виден не был. Дима хотел было опустить свою папку и выйти, как вдруг его лицо приняло изумлённое выражение, и он что-то пробормотал. Карп и Женя занятые разговором не обращали на него внимания, и тогда он повысил голос.

– Шеф, извините пожалуйста, что я Вас прерываю, тут лежит письмо... м-м-м.. это Вы положили? Я просто его тут не видел, стол был совершенно пустой. И я знаю определённо – оно не проходило через детектор Лопатина.

В «Мосстали» было установлено непререкаемое правило после историй с отравлениями и взрывами, заботливо организованными в форме почтовых отправок, что дирекция и в особенности Карп ничего без проверки не открывает. Но удивлённый не меньше Димы начальник, вообще не заходящий в эту часть кабинета, распорядился голосом, не оставляющим места для возражений.

– Что такое? Покажите!

Он увидел конверт из красной бумаги, явно сработанный вручную. На нём чёрным фломастером неуверенной рукой крупными буквами было выведено: «Лично в руки. Карп Ку-

банский – Стальная акула! Ты на крючке».

Карп протянул руку, чтобы его вскрыть, но Дима в ужасе воспротивился.

– Что вы, это же явная угроза! Сейчас вызовем СБ, и пусть они...

Но тут возразила Женя.

– Какой-нибудь розыгрыш, – спокойно сказала она. – И смотри, почерк детский, и стиль дурацкий. Ну кто в самом деле из чужих может сюда войти? Не мы же с тобой, Дим, эту штуку положили на стол?

И не успели мужчины что-либо возразить, как она разре-зала конверт специальным шведским ножом. Ничего не про-изошло – внутри не было коварного ядовитого порошка, не было ни огня – ни дыма, но листок бумаги выплыл на сто-лешницу и лёг между тарелок и чашек.

– Мы взяли твою девчонку. Плати три миллиона зелёных, где и когда мы скажем, или заказывай для неё гроб. Жди звонка! Рыбаки, – с бледным от гнева лицом прочитал Карп.

«Всё происходившее напоминало дурной сон.» – Он спра-шивал себя, – «да полно, с ним ли эти криминальные иг-ры происходят?» Скрипел зубами и отвечал, «а почему нет? С другими-то происходят. Ему, наверно, до сих пор просто везло. Везение же капризная вещь, и длится... длится! Но до поры.»

Они с Женей прошли все обычные круги ада. Установили,

что госпожа Неделько не значится ни в одном из отелей и гостиниц Эстонии. Потом выяснили, что границу она пересекла. Дальше её след потерялся. Мобильный Сими не отвечал, попытки её засечь не дали результата. Всё, дальше домашними средствами, даже лопатинскими, было не пробиться. А мерзавцы уже звонили и грозили, и шипели в трубку, что изрубят жертву на куски, если деньги не будут доставлены быстро. Также непостижимо, как и проклятое послание, появилась фотография Серафимы со вчерашней газетой в руках – подтверждение, что она пока жива. Её подбросили прямо в персональный шефский клозет и приклеили скотчем на дверь. Нечего и говорить, что никаких отпечатков пальцев не обнаружили ни на чём.

Феликс, единственный кроме Безрук полностью посвящённый в дело, ходил мрачнее тучи. От Карпа осталась разве что тень. Глаза его запали и блестели, пиджак висел, голос сел. В то же время он был чисто выбрит, собран и похож на пуму перед прыжком.

– Я поеду один, я не стану рисковать её жизнью ни на иоту. Деньги готовы. Возьму машину, и все дела, – процедил он сквозь зубы.

– Нет и нет. Нельзя везти такие деньги без охраны. Тебя просто ограбят, а то и убьют, у них не задержится, – стукнула Жень ладонью по столу.

– Значит мы умрём вместе!

– Не говори глупостей. Симу ты так не спасёшь! Давай

спланируем и поставим гадам свои условия. Надо обеспечить сопровождение чёртовым миллионам и продумать, как сначала получить обратно нашу Симу, а потом уже отдать гроши. А иначе... ты понимаешь!

Зазвонил телефон, и в унисон зазвенели подвески на богемской хрустальной люстре. Карп с окаменевшим лицом подошёл, поднял трубку и с минуту молча слушал. Когда он заговорил, его голос звучал совершенно бесстрастно.

– Теперь слушайте меня. Хотите деньги, выполните и абсолютно точно, что я скажу. А нет... Что? В таком случае я тоже, и всё. Но денег вам не видать, как своих ушей.

В ответ раздались короткие гудки, и Женя, вонзившая ногти в ладони, увидела, как можно стать белее мела. Вернее, Карп посерел, уже был вечер, его щеки без кровинки стали отливать синевой. Он пересказал ей разговор, и они быстро посовещались.

Голос какой-то лягушачий. Квакает и шипит.

– Я потребую Симу к телефону, и тогда..., – начал Карп, но телефон зазвенел опять, и он в ответ включил громкую связь.

– Приезжайте один. Мы сумели положить Вам письмо прямо на стол. Сумеем и проследить за всеми передвижениями. Одна ошибка и всё, кранты. Это понятно? – заклекотало и отдалось под потолком в кабинете.

– Исключено, – прервал шантажиста Карп. – Меня либо ограбят по дороге случайные люди, или вы и ваши пришьют.

Я привезу вам деньги и останусь, после того как Серафима Неделько на моих глазах будет освобождена. И ещё. В чемодан будет вмонтировано устройство, которое уничтожит доллары, если его откроет чужой. Итак, вы отдаёте Серафиму, я открываю вам чемодан. Предупреждаю, если со мной что случится, вас достанут из-под земли. Любого можно укокошить, даже президента Соединённых Штатов, как известно. Только где теперь эти люди? Вы не представляете моих возможностей.

Как вдруг шипение с клекотанием прекратилось и вполне ординарный баритон бормотнул.

– Нет, отчего же, очень даже представляем, Карп Валерианыч, – услышал владелец и генеральный директор «Мосталь». Карп оторопел. Но прежде, чем он опомнился, в трубке опять заквакало, зашипело, и со словами – Ждите, Вам позвонят. Ни слова милиции! – чертов телефон отключился в этот вечер, наконец, насовсем.

Глава 67

Машина выглядела вполне заурядно. Это была старая армейская газель, выкрашенная в защитные тона. Но изнутри Феликс со товарищи потрудились на славу. Всё, что можно, ради безопасности защитили и укрепили, пуленепробиваемые стёкла и новенький мощный мотор служили тем же целям. Но это было не всё. Машину снабдили радиомаяком,

чтобы самому Лопатину и помощникам, повиснуть у Карпа на хвосте и не упустить.

Когда раздался очередной звонок, он не медля, сел за руль. Голос дал команду – на Таганку «огородами», и Карп послушно двинулся в путь. Он тащился плохо асфальтированными закоулками, едва уворачиваясь от ям, возбуждённых агрессивных подростков и подвыпивших мужичков, то и дело вкривь и вкось пересекающих проезжую часть, чтоб добраться до бессонных магазинов, потому как – душа горит! И добавить. Мгла над городом давно сгустилась, а теперь ещё начало моросить. Снова позвонили и велели повернуть к Крестьянской заставе, а оттуда уже требовали – без названий – только прямо, налево, ещё налево, а теперь триста метров обратно, направо до перехода, под мост, во двор, и наконец, стоп!

Он вышел из машины прямо в грязь. Под ногами чавкало, и он постарался поскорей выбраться на досчатый настил, что вёл к единственной облезлой двери кирпичного трёхэтажного дома. В окнах не было ни одного огонька, но перед дверью болталась грязная лампочка, скудно освещавшая маленький пяточок. Карп толкнул дверь, и она открылась. Сразу с двух сторон ему в спину воткнулись два твёрдых предмета, которые он принял за оружейные дула. Двое в масках молча плотно взяли его в кольцо и ловко завязали глаза.

– Я один, чемодан со мной, но я вас предупредил. Откроете – и деньгам каюк, – ледяным тоном промолвил Карп.

– Вперёд по лестнице вверх! – произнёс тот же голос, но откуда-то сверху. Конвоиры рта не раскрыли. Так же в молчании они поднялись на марш, открыли дверь, за которой был короткий коридор, куда его втокнули внутрь, и он остался один. Тьма египетская царила на лестнице, и в узком помещении, которое он про себя так назвал, хотя... Нет, определённо что-то изменилось. Промозглый смрадный воздух во дворе и подъезде тут потеплел. Сквозь неплотную повязку пробивался свет, и Карп осознал, что его никто не держит, руки свободны, деньги при нём, значит, повязку можно попробовать снять.

Проделав это не без труда, он обнаружил перед собой дверь с металлической ручкой. Нажатие руки, несколько шагов, и он вошёл в комнату, которую после такой прихожей можно было ожидать разве в фантастическом сне. Большая, просторная, с выкрашенными в белое стенами, она была освещена мягким приглушённым голубоватым светом. В дальнем углу стояла высокая больничная кровать с многочисленными приспособлениями и капельницей. На ней полулежал человек, лицо которого скрывала густая тень. Рядом с ним на белом стуле находилась... Судя по белому с голубым халату и такой же шапочке, скорее всего, медсестра. С другой стороны рядом со стеклянным столом Карп увидел кресло с высокой спинкой. Сидел в нем кто-то? Не успел он об этом подумать, как его внимание привлёк большой экран, расположенный непосредственно перед креслом. Никто не

обернулся и не сказал ни слова, но освещение медленно стало ярче и... «о боже, человек на кровати! Да ведь это Серафима!»

– Это ты, ты пришёл, я до последнего момента не верила, – услышал он шелестящий голос, отбросил в сторону чемодан, подбежал к постели и опустился возле неё на колени. С голубоватого лица с бескровными губами на него смотрели запавшие огромные измученные глаза. Серафима протянула Карпу свою прозрачную руку и прошептала.

– Я опять хочу жить. Слышите, Евгения Семёновна, я буду слушаться, я снова...

– Что? – Карп не верил своим ушам. – Какая... кто?

Его собственный голос отдался эхом в его ушах. Будто из пещеры, из раковины, из... «А это что такое?» Он поднял голову, и на экране, словно в зеркале, увидел себя. В это время кресло около стола неспеша повернулось. А в нём... сидела бывшая жена Карпа Женька, Ангел-хранитель. Друг без дураков! И вся в слезах смотрела прямо перед собой.

– Это правда я, а это, знаешь, наша Серафима. Она первый раз хотела покончить с собой – вскрыла себе вены, её случайно спасли, так она и второй раз в больнице сумела. – Она встала, подошла к ним и тоже опустилась на пол. – А это, Сима, наш с тобой Карп. Он прилетел сюда, бросил на пол свои три миллиона и о тут же о них забыл. Пистолетов под рёбра тоже не заметил. Ни минуты ни колебался, не торговался и не трусил. Он просто собирался тут с тобой уми-

рать, если что!

– И знаешь, мой дорогой, «если что», я вас обоих, нет я... о-о-о-ой! – заплакала в голос бедная финдиректор Безрук, и закрыла лицо руками.

Глава 68

Август начался сухой жарой, в саду надо было без конца поливать. Но наконец в пятницу небо затянули облака. Стало полегче, и было решено полдник устроить с саду. Карп Валерианыч сидел в лёгком плетёном кресле. Он съел фруктовый салат, выпил апельсиновый сок и теперь с трепетом смотрел, как ест – всё ещё неохотно, но уже немного лучше – выздоравливающая и слегка порозовевшая Неделько. Рядом с аппетитом уничтожала сырники со сметаной Женя. Прожевав очередной румяный пышный кругляшок, первой заговорила она.

– Сима, не хочешь больше – не ешь. Отвращение к еде нам не к чему, но через часок ещё чуть-чуть, хорошо? И тренер говорит, ты должна сегодня с ним два круга сделать. А потом массаж. Ну, нечего вздыхать, а то из кузнечиков я тебя переведу... Куда бы её перевести, а Пуш?

– Я думаю в кузнецы, мой генерал! – рассеянно ответствовал тот, ласково взглянув на неё.

– Уж это – дудки, если в кузнецы, то это тебя, Сима у нас subtilный. Ладно, я её, так и быть, оставлю в прямокры-

лых. Нет, что из бедного финдиректора сделали эти мальчишки! Меня ни одна коллегия теперь не примет всерьёз. Я от вас к едрене – фене замуж уйду, вы мне надоели. Ни пиетета тебе, ни послушания...

– Вы мне это прекратите, Евгения Семёновна, – возмутился бывший супруг. – Не посоветовавшись с семьёй! Мы тебе благословения не давали, да, Сим? И не дадим! – скорчил он смешную грозную мину, но тут же сменив тон, совсем другим голосом пожаловался. Ты что, правда, хочешь нас бросить?

– Надо бы, но не хватит духу. Да не волнуйся, не хочу я замуж. Пуша... , – она вдруг перешла на шёпот. –Смотри, она задремала, она совсем ещё слабая. Я её укрою, пускай поспит. Пойдём в беседку. Через полчаса соберётся народ – я обещала рассказать свои приключения. Феликс придёт, Палыч с женой, а ты, кстати что хочешь делать?

– Я тоже послушаю, я же не знаю подробностей. Правда, пошли. Я позвоню сиделке, она посторожит, а можно и медсестру...

И они медленно пошли по дорожке, вдоль которой пылали настурции, обогнули большую клумбу с флоксами, распрострагающими сильный аромат, и углубились в парк.

– Я могу рассказать, как всё произошло. Кто хочет, спросит, что не понял. Договорились? – предложила Женя и благодарная аудитория, состоящая из домочадцев, закивала в

ответ. – В общем так, мне однажды позвонили из Эстонии и спросили, знаю ли я госпожу Неделько, если да, кто она мне, и прочее. И после взаимных осторожных расспросов выяснилось вот что. Девушка, приехавшая в командировку из Москвы с документами на имя С. Р. Неделько, сделала попытку покончить с собой, которая чисто случайно не удалась. Она оставила папку с бумагами и письмо, где стояло моё имя и телефон, с просьбой передать это мне и в её смерти никого не винить...

Первая моя мысль была, что тут какой-то подвох. Не забудьте историю с «Коллекцией Королевы», грязные подозрения и т. д. Тут могло быть всё, что угодно – интриги против человека, дорогого для шефа, попытка шантажа, любого рода корысть! Кто-то копает под Симу? Произошло что-нибудь вообще, а если да, что именно?

Мне удалось быстро навести справки в Комиссариате полиции Эстонии, поскольку «Моссталь» – это вам не баран начихал! И к несчастью, всё подтвердилось. Я распорядилась немедленно перевести девочку в Таллин в лучшую из возможных клиник и тут же вылетела туда сама. Приезжаю, а она опять...

– С нами крёстная сила, – охнула Клава. – Евгения Семёновна, я и не знала! А что же она снова натворила?

– Видите ли, первый раз она себе вскрыла вены. Её выходили кое-как. Но это же наша Сима, она не прикидывается, не спекулирует, она чистая как... как..., – голос её задро-

жал, глаза подозрительно заблестели. Спустя мгновение она тряхнула решительно головой и продолжила. Я хочу сказать, она чувствительна, страшно ранима и одинока. Она решила, что жить не будет, и когда поняла, что её спасли, отвлекла медсестру и утащила снотворное в количестве, пригодном, чтобы усыпить индийского слона. Но сестра, к счастью, спохватилась и её снова вытащили с того света. Тут как раз Ваша покорная слуга появилась. Она была в сознании, и врач решил... Он разрешил, даже настоял, чтоб мы поговорили.

– Ну, Сима, конечно, меня увидев, была поражена, и сразу всё рассказала. Не вдаваясь в подробности, скажу только, она не выдержал всего сразу вместе.

– Подозрений? – мрачно спросил Николай Повлович, безжалостно винивший во всем себя.

– Подозрений – да. Позора, и подозрений, но не только. Главное – Ира! Вы все взрослые люди, понимаете... Она ведь думала...

– Подожди, Женчик, – Карп сморщился и потёр виски. – Почему тебе пришло в голову, вместо того, чтобы мне прямо сказать...

– Я решила, что в этой ситуации старшая в семье – я. Она, конечно, жить без тебя не может, но она тебя не знает! А Женька Безрук, с которой ты пять лет проучился в одной группе, на которой ты был женат, твой финдиректор, и, надеюсь, правда – друг без дураков, она – знает! Я решила, я ей докажу, а вернее, покажу, иначе нам придётся девочку хоро-

нить. И кто знает, может вместе с ней тебя, Валерианыч! А я на это не согласна, уж ты как хочешь, только не согласна, и всё!

Усатая «Большая рыба» шумно вздохнул, но ничего не сказал. Женя тоже помолчала немного. На её лице сменялись выражения грусти, неуверенности и смущения. То, что наконец, победило, вызвало молчаливое удивление слушателей, ловивших каждое ее слово. Это было, несомненно, лукавство, озорство, если не нахальство. Финдиректор встала, прошла в зад-вперёд и приступила к рассказу. Начала она так.

Мы все давно знаем друг-друга. Я человек рациональный, трезвый, вовсе не склонный к риску, но тут я пошла ва-банк. Да, это была авантюра. Да, я думала – если что не так, Карп удавит меня шёлковым шнурком и будет прав. Однако я одна придумала «киднеппинг -шантаж», организовала и уговорила всех действующих лиц. Моей целью было доказать, что мой старый друг – человек верный, бескорыстный и готовый для тех, кого он любит на всё. А любит он нас. Нас, а не деньги! Ну вот вам и всё. А дальше просто. Санитарным самолётом Сима была доставлена в Москву. Она была вне опасности, но страшно слаба. Она и сейчас не очень, да не о том разговор.

Это я подбросила письма. Я упростила её обещать мне подождать и сказала – не докажу, не буду больше ей мешать уйти. Даже помогу! Помогу! – звенящим голосом, несмотря на

протестующие возгласы и жесты домашних повторила она.

Сима обещала. А я начала игру и всюду установила камеры. Она видела, как Кубанский волновался и рисковал. Видела его решимость. Карп ничего не знал! Для него не только миллионы были – чихня, но и собственная жизнь. Когда ему сказали, что пристрелят сейчас. Когда грозили взорвать и приставляли пистолеты к спине, как держался! Как без колебаний сказал – тогда мы вместе умрём! Как он сказал – я ни на иоту не стану рисковать жизнью Серафимы! Всё это бедная девочка – прозрачная от потери крови, круглая сирота, у которой кроме нас на свете никого нет, слышала сама и видела тоже сама. Я ей установила экран. И она поверила, боже ты мой, поверила! Никакой Тюриной, а только она. Никаких подозрений, но недоразумение. Её – любят! И не для Тюриной, для неё...

– Как я подумаю, что она уже пережила! Смерть родителей, смерть стариков, что её вырастили... Эту самую свою непохожесть, чувствительность..., – всплеснула руками Тамара.

– Снова сиротство, но тут, наконец судьбина смилостивилась. Карп для неё всем на свете был, я понимаю. Да – всем на свете и ещё «всеми». И потерять его, да ещё так – доказывать, что ты не вор, не подлец! -пробормотал Феликс.

– Ребята, она решительно не хотела назад в эту жизнь. И классной специалистки и ледяной карьеристки Тюриной не могла в качестве соперницы перебороть.

Женя закашлялась и сделала паузу, а Карп Кубанский, давно проявляющий признаки нетерпения и беспокойства, вскочил со своего места. Его сдержанные манеры улетучились, он размахивал руками и совершенно не свойственная ему растерянность отражалась в его расширившихся глазах.

– Стой, Евгения, какого лешего... Тюрина? Я ничего не понимаю. Она тут в отпуск хочет на две недели, – невпопад добавил Кубанский. – Собралась на Гавайи...

– Кто – на Гавайи – Ира? – брови Николай Палыча от удивления взлетели вверх, – она даже в выходные трудится, вечерами, по субботам, по воскресениям...

– А она замуж выходить едет, то есть, не едет, летит. В свадебное путешествие!

– Погодите, тогда о чём же сыр-бор? – брякнул Палыч и тут же стушевался.

– Как – замуж? Значит она... того...смогла влюбиться?

Почти одновременно воскликнули Феликс и Тамара.

– А почему бы и нет? Она, конечно, рациональная в квадрате, за что не возмись. Ира уже заказала роскошный банкет и выбирает кольца. Сомневается, не лучше ли платина...

– Ой, Пуша, да перестань, все это похоже на шутку. Очень с ней не вяжется, – на этот раз заспорила Безрук. – Она не снисходит к подобным мелочам. По сравнению с Большой Карьерой любовь, женитьба – такая чушь!

– Нет, она выходит замуж, я приглашён на свадьбу, про карьеру как раз ни слова. Я с женихом знаком, это сын наше-

го замминистра, и маму знаю по работе, она – генеральный директор «Мосбензоглоб» – ошарашенно возразил Карп.

Первой засмеялась Клава. Она с облегчением робко проговорила:

– Хи-хи, вот и хорошо. Какая карьера?

Палыч вторил:

– Хо-хо-хо, шеф! Знаете что? Вы, министр и «Мосбензоглоб»! Зачем еще жених! Для полного счастья Ире достаточно!

А Женя, заливавшаяся громче всех, радостно повторяла.

– Ох! Вот это подарок! Да теперь нам никаких таблеток не надо! Министра и жениха достаточно!

– Тише Вы, – отбивался Карп Валерианыч, – что я такого сказал? Но понемногу его губы расплзлись в улыбке и он басовито присоединился к общему хору, чертыхаясь, утирая слёзы и хлопая своих друзей по плечам.

– Ну а теперь я вам прочту, то, что получила из Эстонии. Было ещё и письмо, но к нему прилагалась работа – результат её разысканий, для которых Сима и поехала в командировку.

История предков матери Карпа Кубанского.

«Девочка Ольга в семье Калиновских, третий ребёнок в семье после двух старших братьев, родившаяся в 1815 году, была выдана замуж в пятнадцать лет. Её родители – подданные русской короны польского происхождения, знатного ро-

да состоятельные люди, состояли в дальнем родстве с Елизаветой Андреевной Бибиковой, урождённой Захаржевской.

Муж её барон Авенариус фон Бэр был человек неплохой. Он получил хорошее домашнее образование, был неглуп, хлебосолен, жизнерадостен и очень богат. Рано оставшись без родителей под очень мягким, любящим опекунством двух незамужних тётушек, он жил в своё удовольствие, ни в чём себе не отказывал и совершенно не спешил связать себя узами брака, к которому, надо сказать, относился с должным почтением. Когда, однако, пришло время подумать о потомстве и, главным образом, о наследнике имени и имущества, он выбрал «подходящую» невесту серьёзно и без лишних эмоций, как поступал, скажем, при покупке кровной кобылы. Невесте было четырнадцать лет, когда он посватался и получил согласие, и Барон недолго ходил в женихах. Через месяц после пятнадцатилетия Оли на Красную горку сыграли свадьбу. Девушку никто и не подумал спросить о её чувствах, положив выдать за «старого медведя», как называла жениха кормилица Оленьки Инге. Но несмотря на это они прожили вместе несколько лет в мире и согласии. Барон ко всему прочему был человеком добрым и щедрым. Он баловал свою молодую жену, старался развлечь её, как мог, и она отвечала ему ровной привязанностью. Неизвестно, что ожидало в будущем этот брак, но судьбе было угодно вмешаться и нарушить мирное течение событий.

Барон был страстный охотник и имел прекрасные охот-

ничья угодия. Он держал гончих собак, ходил с рогатиной на кабана, осенью травил лис по всем правилам благородного искусства, был отличным наездником и первоклассным стрелком. Как то в ясное холодное осеннее утро, когда всюду ещё лежал иней, его лошадь испугалась и понесла. Вряд ли она сумела бы сбросить такого седока, но огромный сук выбил его из седла. Авенариус упал плашмя, ударился о камень и потерял сознание.

Когда его привезли домой, то убедились, что руки-ноги целы. На ушибы и одно два сломанных ребра настоящий мужчина не обратит внимания. Близкие успокоились, решили – заживёт, не впервой! Но к ночи барона разбил паралич, больше он уже не встал, и самое печальное, рассудок его стал постепенно угасать.

Оленька убивалась ужасно. Она организовала за ним самый внимательный и заботливый уход, выплакала все глаза и совершенно измоталась. Через несколько месяцев молодая цветущая женщина превратилась в собственный призрак. Здоровье её пошатнулось. Друзья и родные не на шутку встревожились. Ей несомненно требовался отдых, и однажды она наконец сдалась на уговоры хозяйки Фалля и приехала туда погостить.

В доме все очень обрадовались госте. Ребёнком она часто и подолгу бывала тут. Все наперебой старались чем-нибудь порадовать её и отвлечь от грустных мыслей. Через две недели краски вернулись на прелестное личико, синие глаза

снова заискрились веселием и голосок зазвенел. Она впервые за долгое время отдыхала тут и душой и телом. Молодая баронесса играла с младшими детьми Волконских в горелки, купалась в море и бурной реке, а по вечерам играла в гостиную в четыре руки с кем-нибудь из взрослых девиц и пела. У Оленьки было недурное меццо-сопрано. Так проходили её дни, пока однажды в шесть часов утра...

Однажды в шесть утра прискакал фельдегерь предупредить о скором прибытии высочайших особ. Ожидался сам Государь, а с ним небольшая свита. На башню поставили эстонца следить за дорогой. Он увидел экипажи, но не догадался спуститься. Когда же его спросили, как могло такое случиться, он сказался не виновным, потому что «махал»!

Шёл 1838 год. Ольге было двадцать три года. Она была очень хороша, любезна и естественна. В честь приезда Государя в два часа был устроен стол, на котором присутствовали только домашние, в пять часов был дан парадный обед, куда уже допустили и некоторых приглашённых. Затем начались танцы, продолжавшиеся до поздней ночи. Танцевали контрданс, вальс, кадрили и, конечно, мазурку, вошедшую в это время в особый фавор. Государь относился к балам как к неприятной необходимости и не любил их. Он танцевал обыкновенно только в одной кадрили, но на этот раз всё было иначе.

Оленька, гибкая и лёгкая как пёрышко, в белом бальном платье с веером из страусовых перьев в руках просто летала.

И Государь, прекращавший в Петербурге балы ровно в двенадцать часов по сигналу трубача даже среди фигуры котильона, не заметил, как пробежало время до двух. Через три дня в домашнем театре Волконских устроили маскарад. Это делалось в подражание парижской «Опера» и очень пришлось по вкусу Императору, который, как Гарун-аль-Рашид, любил появляться в костюме и маске и говорить с гостями о чём угодно без стеснения. Оленька фон Бэр была в костюме испанской дамы. В её каштановые локоны вплели живые цветы, кружевная мантилья необыкновенно шла к ней, а синие глаза сияли в прорезях маски как северные озёра в солнечный день. Они танцевали, беседовали и опять танцевали, на следующий день катались по окрестностям верхом, а вечером, когда стемнело и в люстрах зажгли свечи, она пела и играла, сначала на фортепиано, а потом и на арфе.

Государь Император пробыл в Фалле одиннадцать дней, вместо намеченных заранее восьми и после этого визита нередко бывал у Волконских запросто, как и прежде, в имении в гостях.

Баронесса трогательно и неизменно ухаживала за своим мужем, который прожил ещё девятнадцать лет и скончался в возрасте семидесяти одного года. Были у супругов дети до несчастья с бароном или не было? Может, они умирали сразу после рождения, как это нередко случалось в те времена? Данных об этом не сохранилось. Но в 1839 год Ольга Августовна родила сына, которого крестили в местной право-

славной церкви и нарекли Николаем. Поскольку Ольга Калиновская и барон оба были воспитаны в к римско-католической вере, такой шаг, вызвавший правда, пересуды, рассматривался всё же как выражение особенного русского патриотизма.

У баронессы родилось впоследствии ещё двое детей – Ольга и Александр. Семья через несколько лет переехала в Питербург. Старший сын баронессы Николай фон Бэр сделал военную карьеру, дослужился в гвардии до чина полковника и дожил благополучно до преклонных лет. Традиция называть детей Николаем и Ольгой сохранилась в этой семье на долгие годы. Мы знаем, что старший сын полковника Николай фон Бэр, родившийся в 1872 году, служил по ведомству иностранных дел. В 1904 году у него родилась дочь, в 1906 году – сын Николай Николаевич, окончивший Петроградский университет, ставший впоследствии известным профессором – фтизиатром. Его сын, в свою очередь, также Николай Николаевич Бэр, потерявший по понятным причинам приставку «фон», сделался музыкантом. Год его рождения -1924-ый. Он приходится отцом Ольге Николаевне Бэр-Кубанской и дедом Карпу Валериановичу».

Записано со слов Терезы Вернер, заведующей библиотеки, происходящей по прямой линии от управляющего имением Волконских Иогансона. В её распоряжении находятся дневники его дочери, где изложены на немецком языке вышеописанные события.

– Что делать будем? – после недолгого молчания спросил Феликс. – Музыкант Бэр утратил приставку «по понятным причинам». А мы? Мы по аналогичным причинам восстановим скажем так, справедливость!

– Мне бы теперь на стажировку! Где ещё монархия сохранилась – в Англии, в скандинавских странах? Надо ж узнать, как работает служба безопасности у венценосцев и их родных. Я человек добросовестный, привык относиться к порученному делу серьёзно и...

Карп, ни слова не говоря, схватил ведёрко из-под шампанского и нахлобучил его на голову «добросовестного», так что конца фразы присутствующим к сожалению услышать не довелось.

Глава 69. Заключение.

– Я специально попросил, чтобы нам доставили этот большой круглый стол. Здесь мы можем все вместе сесть и видеть друг друга. Кирилл Игнатьевич предложил начать разговор, а потом, я думаю, Анатолий Александрович Мордвин сделает общий обзор.

– И наложит резолюцию, – засмеялся Мордвин. – Принято, Карп Валерианович. После наших с Киркой официальных докладов, предлагаю решительно и бесповоротно всем участникам заседания перейти на «ты». Нет возражений?

Ох, малолетих я позабыл, – замахал он руками, увидев, что Петя хочет что-то сказать. – С ними придётся индивидуально разбираться. Но шутки в сторону, мы будем говорить о серьёзных и печальных вещах.

– Да, не будем отвлекаться, – подхватил Бисер. Вы все знаете, я получил письмо от Андрея Синицы, с которым мы учились в одном классе. Он распорядился найти для своего сына Пети нечто ценное и... если Пете будет трудно, то помочь. В это время Андрея уже не было в живых. И первое, что я Вам всем хочу сказать – он умер сам! Он был давно очень серьёзно болен. Все расследования, а их было много, как и патанатомическая экспертиза, это неопровержимо доказали. Он умер на итальянском острове Иския и, по его собственной воле, был похоронен там же. Толя Вам расскажет, что у нас есть теперь документы, где эта воля выражена недвусмысленно ясно. Оказалось, незадолго до его смерти его последняя подруга вызвала нотариуса, и они составили несколько бумаг. Адресаты одной из них – сидящие здесь Петя Синица и его мама Екатерина Сарьян. О другой мы Вам скажем позже, когда наш рассказ дойдёт до нужного места.

Кирилл сделал паузу и непроизвольно глянул влево. По диагонали от него находилась примечательная молодая пара. Ослепительно красивая девушка внимательно и сосредоточенно вслушивалась в каждое слово. А вот сидящий по правую руку от неё высокий блондин, казалось, больше был занят своей соседкой, чем всем происходящим.

– Простите, – не удержался Карп, – это как раз касается Стасика и госпожи Фельзер?

– Нет, нет! Просто тоже...

– Карп, я обижусь, – между тем воскликнула весело последняя. – Почему это я госпожа Фельзер? Вы меня не представили, так придётся мне это сделать самой. Я из Мюнхена, меня зовут Анна-Мари!

– И никаких гвоздей, а кому не нравится моя невеста, получит в лоб! – сделал зверскую рожу Стас Небылицын, последние слова которого утонули в общем хохоте. Обстановка несколько разрядилась.

– Ладно, я продолжаю, – отсмеявшись, сказал Кирилл. – Однажды совершенно случайно Андрей попал на Север, встретил там военврача Михаила Гольдшмидта, потомка династии знаменитых ювелиров, и старый одинокий человек подарил ему остаток фамильной коллекции драгоценностей. Андрей, зная, что он тяжело болен, с самого начала не собирался превращать все своё нечаянное богатство в деньги. Он решил его сохранить и завещать сыну Пете, перед которым чувствовал себя в долгу.

Коллекция была спрятана в надёжном месте. Он там побывал, проверил и оставил свои собственные опознавательные знаки. А затем, взяв с собой кое-что на жизнь и захватив две занятных штуки – табакерку и трубку, которыми пользовался сам, вернулся в Москву. И тут оказалось, что он вовсе не единственный претендент на это наследство.

– Кира, тебя сменить? – спросил Толя, и увидав кивок, продолжил. – В деревне, где последние годы жил старый доктор, ходили о нём разные слухи. С одной стороны – старика любили и уважали. Местные не потерпели бы, если бы его обокрали, или хуже того убили. Деревня осталась бы без врача, а ней живут независимые, умеющие за себя постоять люди – охотники и промысловики. Но там не сомневались, что у него есть ценности и, видно, нашлись люди из бывших уголовников, что следили за Михаилом. Хозяйка ли что-то слышала и проболталась? Никто теперь никогда не узнает. Только уголовники разузнали, что «чужой», «москвич» увёл от них дедов клад. Они передали эти сведения московским дружкам. И это первый криминальный «след», лучше сказать, «хвост», который мы в конце концов нашли. В Москве делом занялся вор в законе «Мерин». Для начала он послал своих людей, и они прижали Андрея в переулке, обыскали и выпотрошили карманы. Ничего!

В это время Синица постоянно-то жил на Кипре. Он в Москве бывал наездами и квартиру снимал. Он не обратил особенного внимания на этот эпизод и образ жизни не поменял. Прошло эдак с неделю.

– А об этом я могу поподробней. В дневнике есть длинная запись, – предложил Кирилл и стал рассказывать. – Однажды поздно вечером Андрей с какой-то вечеринки возвращался домой. Было уже за полночь. Он подошёл к дому, пошарил в карманах и обнаружил, что оставил дома ключи. Квартира,

где он жил, находилась на первом этаже, однако там имелся балкон. Ну, Пан пристрастием к порядку не отличался, к тому же он был навеселе и ...

– Кира, – укоризненно сказала Соня и молча указала глазами на Петю. Кирилл осёкся, виновато скосил глаза на Катю, смущённо крякнул, но спустя минуту нашёлся.

– Я говорю, балконная дверь была открыта. Андрей перепрыгнул через ограду, вошёл, и, к счастью, немного замешкался. Надо сказать, по странной причуде строителей, кухня выходила на балкон. В квартире из двух комнат было темно. Он протянул руку к выключателю, и тут вдруг раздались голоса. Говорили двое. Он услышал, что мол, у фраера снова ни хрена нету. Что Мерин его рано или поздно дождёт, а камушки и рыжьи Мишки Золотого вынет хоть из-под земли. А сейчас надо линять, потому – видать мужик опять загулял, и ночует у какой-то...

Кирилл закашлялся, а Толя Мордвин, выручая его, немедленно подхватил нить рассказа.

– Андрей сумел выбраться тем же путём, которым вошёл. Он иногда умел быть очень предусмотрительным. На этот раз, переночевав у знакомых, он утром отправились в банк, забрал из сейфа трубку и табакерку и в тот же день улетел на Кипр. Он думал, что оторвался от преследования, но не тут-то было. Мерин – парень весьма настырный вовсе не собирался отступать. Дальше события развивались так. В один прекрасный день люди Мерина выследили и на Кипре Си-

ницу, схватили и увезли на своей яхте в море. Они собирались добиться от него самого, где наследство. Но по дороге команда перепилась и передралась. Одного застрелили. И когда начался шторм, корабль был уж «без руля и без ветрил». Связанному Андрею, казалось, грозила верная гибель. Однако снова выручил случай, как в его жизни уже бывало не раз.

Очень жаль, что не смог приехать очевидец и участник событий, сыгравший в нашей истории важную роль. Он должен ещё дождаться завершения всех юридических формальностей. Кроме того, он боится, что... словом, не исключено – Пете и его маме встреча с ним удовольствия не доставит.

Катя сделала движение. Мордвин помолчал.

– Двое нормальных ребят – Алекс и его друг Денис почти случайно оказались на яхте. В годы больших перемен они попали в беду, оказались на полной мели и им помог только друг детства Дениса – Мерин. Они взялись ему отработать. Позже, я считаю, мы все обязательно съездим на Искию, познакомимся с Александром Рицоне, и он сам расскажет свою историю. Я только скажу, он бывал мальчишкой в компаниях, где играл джаз Андрей и был его горячим поклонником. Сначала он сомневался – тот или нет? Ему совсем не хотелось ввязываться в дела бандитов. Они с Денисом старались держаться в стороне. Однако он не смог остаться равнодушным. Знакомый, талантливый музыкант у них в руках...

Им удалось поговорить. Алекс убедился, что не ошибся – это правда, Синица, и освободил его. Андрей же обещал ему взамен откупиться от бандитов за всех троих. В это время корабль начал тонуть. Андрей выскочил на палубу, и его смыло волной. Дело осложнилось тем, что один из бандитов понял, что произошло, и Алексу, обвинённому в предательстве и измене, пришлось защищаться. Он страшно разозлился и решил Синицу найти. В конце-концов сложилось так, что он его обнаружил. Но Андрей был к этой встрече готов. Он сумел спрятать драгоценные камни и ещё один предмет, состоящий из трёх частей, назначения которого толком сам не знал.

Почему он избрал такой сложный путь? Его целью было с одной стороны задержать бандитов как можно дольше. Он надеялся, что Кирилл начнёт действовать в Москве и преследователей опередит. А с другой стороны, он хотел отдать Алексу и впрямь, как выкуп, в благодарность изумруды в совершенно законное владение!

Слушатели удивлёно загудели и Мордвин поднял руку.

Всё в своё время! Погодите, я продолжаю. Андрей понимал, что умирает. Понимал и то, что Алекс с другом могут за его освобождение заплатить своей жизнью. И он приказал тогда сделать выстрел, чтобы газеты об этом сообщили, а бандиты поверили, будто Алекс поступил «по понятиям». Следствие показало, что одна пуля по касательной задела верхнюю часть руки, а другая осталась в стене. В это время

Андрей Сеница был уже мёртв.

Сделалось очень тихо. Было только слышно, как тихо всхлипнула Катя.

– Я всё думаю, когда наши судьбы пересеклись... – начал Кубанский и вопросительно посмотрел на Мордвина. – Я стал собирать вещи, принадлежащие Королеве Вюртембергской – дочери Николая Первого, только и всего, а из этого сплелась такая хитрая сеть!

Потому что любимым ювелиром Королевы оказался Гольдшмидт, – подхватил Кирилл. – А сидящий тут Станислав Небылицын получил задание найти для Вас новые экспонаты. Он стал изучать проблему, познакомился с Анной-Мари, которая, в свою очередь...

– Кира, подожди. Так мы совершенно запутаемся, – остановил его Анатолий. – Карп Валерианович, я Вам вот что хочу сказать. Произошла вполне банальная вещь. Появилась возможность отхватить большие деньги, и нашлись жулики, пожелавшие на этом без проблем заработать. Они организовали лихой комплот. Главную роль сыграли два сотрудника ШТАЗИ – это КГБ бывшей ГДР, мощная и высокопрофессиональная организация, люди которой оказались после объединения страны не у дел. У них и с нашими «бывшими» есть теснейшие связи, и информации о всей стране, в особенности о Восточной зоне – вагон. Для таких охрана, даже самая сложная, – не проблема, а уж небольшие музеи... Вот они Вам и поставляли! Я, кстати, Вас и Феликса хочу побла-

годарить. Вы нам очень помогли, когда мы с немецкими коллегами накрыли их наконец.

– Толя, ты мне вот что объясни, – Кате во время этого разговора удалось успокоиться. – Как получилось, что Соня о смерти Андрея узнала? Кто и почему послал Кириллу письмо?

– Отлично, Катюша, это важный момент. Я его чуть не забыл. Ты помнишь, что у Синицы на Кипре эдакая коммуна была? А за ними, надо сказать, местная полиция плотное наблюдение вела – они подозрительными казались, не ясно, как и на что живут. Не иначе мелкой контрабандой пробавляются, а то и чем похуже. Там иногда и беспаспортные обретались, и нелегалы. А Андрей, тот был у них вроде гуру, коммунары его слушались и внимали, а он вещал...

– Да, так вот. С коммунарами у Синицы была договорённость его заготовленные письма отправить, как поступит сигнал. Разговаривала эта интернациональная команда между собой, в основном, на английском. И сигнал им Анджела дала, молодая женщина, у которой Синица на Искии после больницы жил. Позвонила и сказала пару условленных слов плюс «Remember».

– Что означает – «помни», – задумчиво кивнула Катя. – Многие из нас, вероятно, подумали о казни Карла Стюарта у Дюма. Андрей как и мы его любил и знал.

– Тётя Катя, я тоже вспомнила «Двадцать лет спустя», – добавила Лиза.

– Смотрите, что случилось потом. История с яхтой вызвала большой резонанс. Утонуло несколько человек, в том числе, хорошо известные полиции лица. Тут уж были, правда, контрабандисты, воры и тому подобные птицы. Через некоторое время появление Андрея на Искии с его греческими документами удалось с этим событием прочно связать. Он ведь спасся, случайно натолкнувшись на исправный каприйский катер, сорвавшийся с якоря в шторм. Под одной из банок там ещё притаился обезумевший от ужаса кот... Так вот, потом за всеми фигурантами начали наблюдать и корреспонденцию также проверять.

– Но это незаконно! Без санкции суда... – возмущённо начал Петя, но был вежливо и решительно остановлен.

– Петя, ты совершенно прав. Но я не останавливаюсь сейчас на подробностях. Наверняка, они проделали всё чисто, тонкостей я просто не знаю, да и примерно через час хорошо бы закончить. Словом, в это же время БНД – Федеральное агентство новостей Германии – это служба, аналогичная нашей ГБ, – через одного своего сотрудника получило сведения, что выплыли вещи из коллекции Большого Гольдшмидта, для поиска которой уже была организована специальная международная группа. И уж после этого специальные ведомства трёх стран стали заниматься этой историей абсолютно всерьёз. Как следствие – наблюдение и за Кириллом в Москве, за которым ходили также люди Мерина. А позже подключился и ещё один очень серьёзный игрок.

– А бандиты как узнали?

– Они следили, где Андрей бывал, пока жил в Москве. Помните, он у Сони и у Кати появлялся.

– Скажите пожалуйста, а почему вообще такие мощные силы... Ну почему, например, БНД? В конце-концов, государственной безопасности Германии никто не угрожал, – поинтересовался Стас.

– Справедливо. Последний из баварской ветви семьи Гольдшмидт оставил большие деньги на поиски, и комитет по наследству привлёк для этого лучшие силы. Национальный музей столицы самой богатой немецкой земли Баварии проявил к делу горячий интерес. Всё это означает весьма пристальное внимание прессы. А кроме того, стало понятно – в дело замешана ШТАЗИ и её прежние коллеги из России. Спецслужбы, кстати, действовали осторожно и довольно корректно.

– А кто папу пытался отравить и убить? – возмутилась Лиза.

– А потом на Севере нас троих? Вон Тимка после всех наших приключений второй раз в больнице. Прошло уже полгода, он такой здоровый, а больше всех пострадал, – поддержал её Петя.

– Звучит дико, но бандиты наняли детективов. Они у нас пока не слишком опытные и среди них много случайных людей. Вот один из них «поил кофе» Киру, двое юных дегенератов украли Лизу в надежде вытрясти из неё что-нибудь и

т. д. Но самая главная опасность, как это нередко бывает, пришла изнутри. Кстати, нападение на Кирилла по пути из деревни произошло вообще случайно – местный пьяница и воришка польстился на машину. А вот затем... – Анатолий встал и прошёлся. Его лицо потемнело, брови сдвинулись, а руки непроизвольно сжались в кулаки. – Я приступаю теперь к самой тяжёлой части рассказа для себя лично. Видите, у меня был младший друг и соратник. Мы одно время вместе служили, а потом он в другую контору ушёл. Его звали Еремей, он мне говорил: «Вы», я ему – «ты». Я его очень ценил, уважал, любил даже... Но ничего не поделаешь, из песни слова не выкинешь. На службе среди своих этого парня звали – Рэм. Было и ещё одно имя, которого я не знал – «Цокатуха».

– Это слово что-нибудь означает? Я его не знаю, а ведь это наверное важно, – Анна-Мари вопросительно взглянула на Мордвина.

– Цокатуха? Была такая детская сказка в стихах «Муха – цокатуха» Корнея Чуковского. А фамилия моего... бывшего друга была Цуканов. Звуковая ассоциация возникала.

Морвин вздохнул, а потом коротко рассказал, что этот Еремей входил в группу «Кузнецы», что он сам попросил его помочь школьным друзьям и изо всех сил старался снабжать самой полной информацией. Затем последовала история северных приключений, где Еремей – Рэм -охотник сыграл роковую роль.

– Рэм был, к несчастью, первоклассный разведчик, даже на Крайнем Севере не сплеховал и сумел обвести вокруг пальца самих северян. Он надел на ноги медвежьих лапы, и ребята думал, что вокруг лагеря ходит медведь. Он...

– Извините, а почему Вы говорите – был? – прервал Анатолия Небылицын. – Цуканов угодил в собственную ловушку. Он спрятался в тюленью шкуру, и его на наших глазах задрал полярный медведь. Слушатели, что узнали эту историю впервые, ахнули и загомонили взволнованными голосами.

А когда возбуждение немного улеглось, первой голос подала Катя.

– Толя, ты нам рассказал – как, но не сказал – почему? Знаешь, мне вот что странно... Ужасно, конечно, когда в прошлом порядочный человек превращается в корыстное безжалостное чудовище. Но неужели только из-за драгоценных камней? Их и продать нелегко и... разве можно этим разом свою жизнь обеспечить?

– Верно, – поддержала Соня, – такой опытный человек, профессионал! Или он должен был все время грабить и этим жить, или...

– Нет, братцы, этот парень раньше не грабил. Он был... да я уж вам рассказал. Как человек он менялся медленно – незаметно, но радикально. Постепенно главным для Рэма в жизни стали деньги. Он из-за этого расстался с семьёй, жил в последние годы один и мечтал только об одном... Но однако, Вы правы. Рэм стал бы играть только наперняка. И когда ему

представился уникальный шанс...

– Катя права – драгоценные камни нелегко продать незаметно. Я думаю, такой Рэм должен красть не меньше миллиона. Даже многие миллионы, а не один. Это необычная история, я Вам расскажу...

– Подождите, друзья, – вздохнула Катя. – Вы меня извините, у меня больше нет сил. Я займусь обедом. Кто со мной?

– Я тоже, тётя Катя, – поднялась со стула Лиза. – Мне трудно и самой вспоминать, и слушать.

– Тогда я вот что предлагаю, – вмешался Кирилл, – в библиотеку пойдут те, кто хочет услышать историю статуэтки – «Римский заказ», а остальным Толя про Цуканова тут договорит. Но под конец полковник для нас всех приготовил какой-то сюрприз.

Часа через полтора народ потянулся в столовую. Группа вокруг Толи Мордвина продолжала что-то оживлённо обсуждать, и вдруг все засмеялись.

– Вы о чём, я тоже хочу, – занял Петя, оставшийся слушать про статуэтку.

– Да, видишь, Петь, в Ростове тут недавно взяли троих. Слишком активно рыли землю. Ночами подкапывались под фундамент старого дома на площади Ленина между двух дубов. Прорвали канализацию, еще что-то повредили. Двое надыхались какой-то дрянью, так что к концу своих подвигов угодили уже в тюрьме в больницу. И давай бредить! Ну, боль-

ница тюремная. Ушки у санитаров на макушке. Они передали по инстанции, что говорят молодцы. Очень уж было чудно. Что же они такое говорили? «Мишка Золотой, дерево, ещё одно дерево! Бляха-муха, а где же клад?»

– «Росто»? Полустертая надпись на карте! Они подумали про Ростов, российский Ростов? На самом деле это РОсток с ударением на первом слогe! Анна-Мари, помнишь, мы с тобой ещё о его названии говорили? Да, облажалась братва, милое дело! – стукнул по столу кулаком Стас и тоже захохотал.

– Ладно, теперь я хочу сюрприз! – потребовала Анна-Мари, – А он приятный? Анатолий Александрович, признавайтесь. Если снова будет о страшном, я тоже лучше на кухню!

– Девочки, не бойтесь. Не приятный, так интересный. Посмотрите-ка все сюда, я это под росписку на три дня получил. Вот Карп Валерианыч ещё помог – поручился, очень уж стоит много.

С этими словами он вытащил из чемодана деревянный большой футляр.

– Ребята, зажгите свет! Готовы? Я открываю!

Он поднял крышку, все вытянули головы вперёд. Перед ними в мягких бархатных ячейках лежали ювелирные украшения. Эти изделия выглядели старомодно. Они не вызвали бы восхищения современного зрителя – крупноваты, тяжеловесны... Толстые золотые кольца и подвески, браслеты и массивные серьги – собравшиеся, рассматривавшие их с

любопытством, начали обмениваться впечатлениями, когда Мордвин захлопнул футляр.

– Я вижу, Вы слегка разочарованы? Это остаток коллекции. Мы перехватили её на пути в Норвегию в коробке с надписью – «Сельдь». Ну а теперь ещё кое-что. – Он снова открыл портфель и вынул небольшую круглую плоскую шка тулку, выполненную из зеленоватого камня.

– Это яшма, а теперь поглядите, что внутри, – взволнованно начал Анатолий. Он снял крышку. У зрителей на этот раз вырвался вздох. Изумительной красоты ожерелье представало их восхищённым глазам. Оно выглядело как изящный венок золотых цветов, сердцевиной которых были крупные блестящие камни. Прозрачные, желтоватого цвета, они были очень красивы, но особенно выделялся самый большой. Мордвин вытащил карманный фонарик со светодиодом, похожий на карандаш, и направил на него тонкий луч.

Вот, прошу любить да жаловать. Знаменитый бриллиант «Тамерлан» – украшение ожерелья «Мария» – работы российского питербургского ювелира, родственника знаменитого аугсбургского золотых дел мастера, известного нам под именем Большой Гольдшмидт.

– То-ля! Ты такой торжественный, официальный! А я всё равно в потёмках. Слушай, мы только что выслушали всё про «Римский заказ». Нам и про завещание рассказали. Ожерелье «Мария» на пожаре погибло, а бриллианты «Великий Мо-гол» по одиночке распродали в разные места – так или не

так?

– Сонечка, совершенно точно. И те четыре, что ты видишь – это не «Великий Могол», а отличные и очень на них похожие камни. Тоже желтые бриллианты такой же величины. Но вот сам «Тамерлан»! Разве кто-то утверждал, что он погиб или был продан? Нет и нет! И ювелир

сделал повторение своей работы. Он создал снова ожерелье «Мария»

как драгоценную оправу для него одного! А в Италии нашлась

миллиардерша, пожелавшая любой ценой его иметь. Она собирает

редкие драгоценные камни и особенно жёлтые диаманты. Она считает,

что родилась под знаком Луны! Её специалисты узнали про повтор и

сумели собрать материал. Они вычислили нашего Цуканова, а потом

его просто купили Ну, дальнейшее Вы более или менее

знаете.

– Хорошо, итоги мы подвели. Сегодня вступили в законную силу завещательные распоряжения, что оставил Ваш одноклассник Андрей. Петя Сеница наследует часть коллекции при условии соблюдения финансовых обязательств по отношению к Екатерине Александровне Сарьян. Александр Риццоне, в настоящее время проживающий в Неаполе со своей женой Бьянкой – гражданкой Италии, наследует изумруды... Присутствующий здесь Кирилл Игнатьевич Бисер получил обо всём этом официальные уведомления от своих мюнхенских адвокатов.

– Папа передал статуэтку «Гермо» – так теперь назвали «Римский заказ», в мюнхенский музей «Резиденц», – с удовольствием и видимым облегчением дополнила Кубанского Анна-Мари Фельзер.

– Отличная новость, спасибо. Ещё один итог.

– Да послушайте, что же это такое, никакого уважения к моим сединам!

Кубанский постучал вилкой по бокалу требуя внимания. Но народ угомонился не скоро.

– Пуша, ты перепутал, седина – это у Кирилла. У тебя всего лишь лёгкая проседь, не примазывайся. Ребята, посмотрите. Мужики всё равно ничего не понимают, но вот Катя не даст соврать, правда, Катя? – хохотала Женька.

– Вот-вот, Катя! Я как раз о Кате хотел сказать. Никто и

никогда – слышите, люди... Или нет, нигде и никогда не пил я кофе лучше, чем здесь у Кати! А я повидал кое-что...

– Карп Валерианович, можно я тоже попридираюсь? Мне ужасно нравится.

Лиза, сидящая по правую руку от Карпа просительно сложила лапки и скроила умильную рожицу.

– Что с тобой поделаешь, ешьте меня с маслом!

– Повидал – не подходит. Надо – попивал!

– Кирилл Игнатьевич, призовите к порядку детский сад. Сейчас и Петя на меня начнёт нападать.

– А вот и нет! Отличный кофе мама варит. Мы с Вами организуем партию. Вот была же партия любителей пива. А мы... кстати, кто за нас?

Публика загалдела. Нужно был срочно подыскать альтернативу, иначе не интересно, но какую?

– Хорошо, берите к себе ещё папу и у вас получатся капиталисты – кофеманы, а мы – я, тётя Катя – эскулапы и... вот ещё идея! – включилась Лиза. – Берём дядю Толю Мордвина и выносим на наши знамёна «Здоровье» с большой буквы. Никаких алкалоидов, кофеина...

– Нарушителей общественного порядка и уголовщины! А иначе зачем полковника привлекли? И потом, кто кофе варил? Катя... А туда же, мы – эскулапы!

Соня толкнула Мордвина в бок и показала Кате язык.

– Надо ещё Мишку Кима к кровососам отправить, но мне жалко.

– Я думаю, мы с Лидой могли бы как раз выступить на стороне антиалконафтов, я не пью, а Лида не любит кофе, – рассудительно отозвался Миша.

– Да, мы с Мишей...

Лиде не дали закончить. Тихое хихиканье постепенно переросло в сдержанный хохот. Последней прыснула сидевшая рядом с Лидой Катя Сарьян.

– Лидок, – сказала она, поцеловав её в щёку, – придётся сейчас сказать, а то они так вот и будут. А нам надо ещё прочитать искийские письма. Бьянка написала уже целых два предложения по-русски! А Саша говорит, что когда мы все приедем, он...

Но в это время Миша и Лида снова вместе кивнули, Лида при этом медленно порозовела от шеи до самого лба, и даже Миша... Но тут он поднял глаза и смешки немедленно смолкли.

– Вы все знаете, – начал он, что случилось со мной год назад. Моя жена Ира ушла от нас так безвременно и ужасно. Мы никогда её не забудем ни я, ни дети. У нас была семья, а не просто житьё под одной крышей и по-настоящему хорошие отношения – это чистая правда. Он замолчал и никто из слушателей не проронил ни слова.

– Эта правда, – повторил снова Ким, но не вся! – с этими словами он повернулся к Лиде Пироговой и взял её за руку.

За этим столом много моих одноклассников – Катя, Кира, Соня, Толька. Вы все знали в кого я был влюблён с перво-

го класса – безнадежно и безответно. Я думал, что справился. По крайней мере не сломался. Но видно я так устроен – у меня всё навсегда. Ладно! Все всё поняли. Я вам хочу здесь сказать, что моя первая и единственная в жизни любовь – Лидия Александровна Пирогова сделала мне честь, согласившись стать моей женой! Что я счастлив вам об этом сказать и мы приглашаем всех на свадьбу. Это будет на Новый год, мы так решили!

– Ой, – не выдержала Лиза, настоящая свадьба да еще на Новый год? А где?

Все с облегчением засмеялись, заплодировали и принялись целовать, поздравлять и тормошить обоих. Наконец, Миша снова взял слово.

– Ещё минутку. Лиза спросила, где? Я тут посоветовался с ребятами – с Кирой и Карпом. Зачем ханжить? Мы можем вас всех на наши свадьбы преспокойно хоть на Северный полюс, хоть в Буэнос-Айрес, в Париж и Сидней доставить. Только... если никто не против, мы хотим к Катьке на дачу, можно, Кать?

Немая сцена из «Ревизора» последовала в ответ на эту речь, а через несколько секунд раздался взрыв.

– Это какие – такие ещё свадьбы, позвольте вас спросить? – голосила Сонька. – Стас с Анютой – это я понимаю. Что – не только? Ка-а-ать?

– Нет, не только... – на этот раз настал черёд покраснеть Кате Сарьян, а Бисер взял ее за руку.

– Мужики, мужики, доложите обстановку, – требовал Мордвин.

– А мы, между прочим, тоже люди, мы тоже совершеннолетние, почему мы не знаем? У нас даже и право голоса есть, правда Лиз? Это, выражаясь юридическим языком, «недонесение с отягчающими» и потянет... Ну, насколько потянет, я ещё не решил! – возвысил голос Петя.

– Не-е-е-е, – защищался слегка помятый Ким, не с мальчиками, а с девочками посоветоваться надо было. Ну я лопухнулся, а ещё деловой человек!

– А мы оставим их за этим столом. Они вместе! Всё ещё только начинается у этих людей!